Russ. Karamsin
75ⁱ-2

<36621841210013

<36621841210013

Bayer. Staatsbibliothek

# ИСТОРІЯ
# ГОСУДАРСТВА
# РОССІЙСКАГО.

## ТОМЪ II.

BIBLIOTHECA
REGIA

# ИСТОРІЯ

## ГОСУДАРСТВА

# РОССІЙСКАГО.

## ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

*Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1833.

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

# ИСТОРІЯ

# ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

## ТОМЪ II.

## ГЛАВА I.

### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ.

### Г. 1015 – 1019.

Святополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Безразсудная жестокость Ярославова. Великодушіе Новогородцевъ. Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Война съ Болеславомъ Храбрымъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева. Вторичное великодушіе Новогородцевъ. Вѣроломное избіеніе Поляковъ. Болеславъ оставляетъ Россію. Черная рѣка. Битва на Альтѣ. Бѣгство и смерть Святополка.

Владиміръ усыновилъ Святополка, однакожь не любилъ его и, кажется, предвидѣлъ въ немъ будущаго злодѣя[1]. Современный Лѣтописецъ Нѣмецкій, Дитмаръ, говоритъ, что Святополкъ, Правитель Туровской области, женатый на дочери Польскаго Короля Болеслава, хотѣлъ, по наущенію своего тестя, отложиться отъ Россіи, и что Великій Князь, узнавъ о томъ, заключилъ въ темницу сего неблагодарнаго племянника, жену его и Нѣмецкаго Епископа Реинберна, который пріѣхалъ съ дочерью

Г. 1015.

Болеслава [2]. Владиміръ — можетъ быть, при концѣ жизни своей — простилъ Святополка: обрадованный смертію дяди и благодѣтеля, сей недостойный Князь спѣшилъ воспользоваться ею; созвалъ гражданъ, объявилъ себя Государемъ Кіевскимъ, и роздалъ имъ множество сокровищъ изъ казны Владиміровой. Граждане брали дары, но съ печальнымъ сердцемъ: ибо друзья и братья ихъ находились въ походѣ съ Княземъ Борисомъ, любезнымъ отцу и народу. Уже Борисъ, нигдѣ не встрѣтивъ Печенѣговъ, возвращался съ войскомъ и стоялъ на берегу рѣки Альты [3]: тамъ принесли ему вѣсть о кончинѣ родителя, и добродѣтельный сынъ занимался единственно своею искреннею горестію. Товарищи побѣдъ Владиміровыхъ говорили ему: «Князь! съ тобою дружина «и воины отца твоего; поди въ Кіевъ, и «будь Государемъ Россіи!» Борисъ отвѣтствовалъ: «Могу ли поднять руку на брата «старѣйшаго? Онъ долженъ быть мнѣ вто«рымъ отцемъ.» Сія нѣжная чувствительность казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ Князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто властолюбіемъ своимъ заслуживалъ въ ихъ глазахъ право властвовать.

Святополкъ похититель престола.

Добродѣтель Бориса.

Но Святополкъ имѣлъ только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей, обѣщая дать ему новыя владѣнія, и въ то же время пріѣхавъ ночью въ Вышегородъ, собралъ тамошнихъ Бояръ

на совѣтъ [4]. «Хотите ли доказать мнѣ вѣр-«ность свою?» спросилъ новый Государь. Бояре отвѣтствовали, что они рады положить за него свои головы. Святополкъ требовалъ отъ нихъ головы Бориса, и сіи недостойные взялись услужить Князю злодѣяніемъ. Юный Борисъ, окруженный единственно малочисленными слугами, былъ еще въ станѣ на рѣкѣ Альтѣ. Убійцы ночью приближились къ шатру его, и слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борисъ, увѣдомленный о зломъ намѣреніи брата, изливалъ предъ Всевышнимъ сердце свое въ святыхъ пѣсняхъ Давидовыхъ. Онъ уже зналъ, что убійцы стоятъ за шатромъ, и съ новымъ жаромъ молился.... за Святополка [5]; наконецъ, успокоивъ душу Небесною Вѣрою, легъ на одръ, и съ твердостію ожидалъ смерти. Его молчаніе возвратило смѣлость злодѣямъ: они вломились въ шатеръ и копьями пронзили Бориса, также вѣрнаго Отрока его, который хотѣлъ собственнымъ тѣломъ защитить Государя и друга. Сей юный воинъ, именемъ Георгій, родомъ изъ Венгріи, былъ сердечно любимъ Княземъ своимъ, и въ знакъ его милости носилъ на шеѣ золотую гривну: корыстолюбивые убійцы не могли ее снять, и для того отрубили ему голову. Они умертвили и другихъ Княжескихъ Отроковъ, которые не хотѣли спасаться бѣгствомъ, но всѣ легли на мѣстѣ [6]. Тѣло Борисово завернули въ наметъ,

Братоубійства.

и повезли къ Святополку. Узнавъ, что братъ его еще дышитъ, онъ велѣлъ двумъ Варягамъ довершить злодѣяніе: одинъ изъ нихъ вонзилъ мечь въ сердце умирающему... Сей несчастный юноша, стройный, величественный, плѣнялъ всѣхъ красотою и любезностію; имѣлъ взоръ пріятный и веселый; отличался храбростію въ битвахъ и мудростію въ совѣтахъ [7]. — Лѣтописецъ хотѣлъ предать будущимъ вѣкамъ имена главныхъ убійцъ и называетъ ихъ: Путша, Талецъ, Еловичь, Ляшко. Въ Несторово время они были еще въ свѣжей памяти и предметомъ общаго омерзѣнія. Святополкъ безъ сомнѣнія наградилъ сихъ людей, ибо имѣлъ еще нужду въ злодѣяхъ.

Онъ немедленно отправилъ гонца къ Муромскому Князю Глѣбу, сказать ему, что Владиміръ боленъ и желаетъ видѣть его. Глѣбъ, обманутый сею ложною вѣстію, съ малочисленною дружиною спѣшилъ въ Кіевъ. Дорогою онъ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ ногу; однакожь не хотѣлъ остановиться, и продолжалъ свой путь отъ Смоленска водою. Близъ сего города настигъ его посланный отъ Ярослава, Князя Новогородскаго, съ увѣдомленіемъ о смерти Владиміровой и гнусномъ коварствѣ Святополка; но въ то самое время, когда Глѣбъ чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивалъ отца и любимаго брата, въ усердныхъ молитвахъ повѣряя Небу горесть

свою, явились вооруженные убійцы и схватили его ладію. Дружина Муромская оробѣла: Горясѣръ, начальникъ злодѣевъ, велѣлъ умертвить Князя, и собственный поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, желая угодить Святополку, зарѣзалъ своего несчастнаго Государя. Трупъ его лежалъ нѣсколько времени на берегу, между двумя колодами, и былъ наконецъ погребенъ въ Вышегородской церкви Св. Василія, вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса [8].

Еще Святополкъ не насытился кровію братьевъ. Древлянскій Князь Святославъ, предвидя его намѣреніе овладѣть всею Россіею, и будучи не въ силахъ ему сопротивляться, хотѣлъ уйти въ Венгрію; но слуги Святополковы догнали его близъ горъ Карпатскихъ и лишили жизни. — Братоубійца торжествовалъ злодѣянія свои, какъ славныя и счастливыя дѣла: собиралъ гражданъ Кіевскихъ, дарилъ имъ деньги, одежду и надѣялся щедростію пріобрѣсти любовь народную.

Скоро нашелся мститель: Ярославъ, сильнѣйшій изъ Князей Удѣльныхъ, востоалъ на изверга; но собственною безразсудною жестокостію едва не отнялъ у себя возможности наказать его. Варяги, призванные Ярославомъ въ Новгородъ, дерзкіе, неистовые, ежедневно оскорбляли мирныхъ гражданъ и цѣломудріе женъ ихъ. Не видя защиты отъ Князя пристрастнаго къ иноземцамъ, Ново-

Безразсудная жестокость Ярослава.

городцы вышли изъ терпѣнія и побили великое число Варяговъ. Ярославъ утаилъ гнѣвъ свой, выѣхалъ въ загородный дворецъ, на Ракому, и велѣлъ, съ притворною ласкою, звать къ себѣ именитыхъ Новогородцевъ, виновниковъ сего убійства. Они явились безъ оружія, думая оправдаться предъ своимъ Княземъ; но Князь не устыдился быть вѣроломнымъ, и предалъ ихъ смерти. Въ ту же самую ночь получилъ онъ извѣстіе изъ Кіева, отъ сестры своей, Передславы, о кончинѣ отца и злодѣйствѣ брата; ужаснулся, и не зналъ, что дѣлать. Одно усердіе Новогородцевъ могло спасти его отъ участи Борисовой; но кровь ихъ дѣтей и братьевъ еще дымилась на дворѣ Княжескомъ . . . Не видя лучшаго средства, Ярославъ прибѣгнулъ къ великодушію оскорбленнаго имъ народа, собралъ гражданъ на Вѣче, и сказалъ: «вчера умертвилъ я без«разсудный вѣрныхъ слугъ своихъ: теперь «хотѣлъ бы купить ихъ всѣмъ золотомъ «казны моей . . .» Народъ безмолвствовалъ. Ярославъ отеръ слезы и продолжалъ: «Дру«зья! отецъ мой скончался, Святополкъ «овладѣлъ престоломъ его и хочетъ погу«бить братьевъ.» Тогда добрые Новогородцы, забывъ все, единодушно отвѣтствовали ему: — «Государь! ты убилъ собствен«ныхъ нашихъ братьевъ, но мы готовы «итти на враговъ твоихъ.» — Ярославъ еще болѣе воспламенилъ ихъ усердіе извѣстіемъ

Великодушіе Новогородцевъ.

о новыхъ убійствахъ Святополковыхъ; набралъ 40,000 Россіянъ, 1000 Варяговъ, и сказавъ: «*да скончается злоба нечестиваго!*» выступилъ въ поле [9].

Святополкъ, узнавъ о томъ, собралъ также многочисленное войско, призвалъ Печенѣговъ, и на берегахъ Днѣпра, у Любеча, сошелся съ Ярославомъ. Долго стояли они другъ противъ друга безъ всякаго дѣйствія, не смѣя въ виду непріятеля переправляться чрезъ глубокую рѣку, которая была между ими. Уже наступила осень.... Наконецъ Воевода Святополковъ, обидными и грубыми насмѣшками, вывелъ Новогородцевъ изъ терпѣнія. Онъ ѣздилъ берегомъ, и кричалъ имъ: «Зачѣмъ вы пришли сюда съ *хромымъ* Княземъ своимъ?» (ибо Ярославъ имѣлъ отъ природы сей недостатокъ.) «Ваше дѣло «*плотничать*, а не сражаться.» — *Завтра*, сказали воины Новогородскіе, *мы будемъ на другой сторонѣ Днѣпра; а кто не захочетъ итти съ нами, того убьемъ какъ измѣнника.* Одинъ изъ Вельможъ Святополковыхъ былъ въ согласіи съ Ярославомъ, и ручался ему за успѣхъ ночнаго, быстраго нападенія. Между тѣмъ какъ Святополкъ, ни мало не опасаясь враговъ, пилъ съ дружиною, воины Князя Новогородскаго до свѣта переѣхали чрезъ Днѣпръ, оттолкнули лодки отъ берега, желая побѣдить или умереть, и напали на безпечныхъ Кіевлянъ, обвязавъ себѣ головы платками, чтобы различать

Г. 1016.

Битва у Любеча.

своихъ и непріятелей. Святополкъ оборонялся храбро; но Печенѣги, отдѣленные отъ его стана озеромъ, не могли приспѣть къ нему во-время. Дружина Кіевская, чтобы соединиться съ ними, вступила на тонкій ледъ сего озера, и вся обрушилась. Ярославъ побѣдилъ, а Святополкъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Первый вошелъ съ торжествомъ въ Кіевъ; наградилъ щедро своихъ мужественныхъ воиновъ — давъ каждому чиновнику и Новогородцу 10 гривенъ, а другимъ по гривнѣ — и надѣясь княжить мирно, отпустилъ ихъ въ домы[10].

Но Святополкъ еще не думалъ уступить ему престола, окровавленнаго тремя братоубійствами, и прибѣгнулъ къ защитѣ

г. 1017. Болеслава. Сей Король, справедливо названный *Храбрымъ,* былъ готовъ отмстить за своего зятя и желалъ возвратить Польшѣ города Червенскіе, отнятые Владиміромъ у

Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Мечислава: имѣя тогда войну съ Генрикомъ II, Императоромъ Нѣмецкимъ, онъ хотѣлъ кончить оную, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣйствовать противъ Россіи. Епископъ Мерзебургскій, Дитмаръ, лично знакомый съ Генрикомъ II, говоритъ въ своей лѣтописи, что Императоръ вошелъ въ сношеніе съ Ярославомъ, убѣждая его предупредить *общаго* ихъ врага, и что Князь Россійскій,

Война съ Болеславомъ Храбрымъ. давъ ему слово быть союзникомъ, осадилъ Польскій городъ, но болѣе не причинилъ никакого вреда Болеславу[11].

Такимъ образомъ Ярославъ худо воспользовался благопріятными обстоятельствами: началъ сію бѣдственную войну, не собравъ, кажется, достаточныхъ силъ для пораженія столь опаснаго непріятеля, и далъ ему время заключить миръ съ Генрикомъ. Императоръ, тѣснимый съ разныхъ сторонъ, согласился на условія, предложенныя гордымъ побѣдителемъ, и недовольный слабою помощію Россіянъ, старался даже утвердить Короля въ его ненависти къ Великому Князю. Болеславъ, усиливъ свое опытное войско союзниками и наемниками, Нѣмцами, Венграми, Печенѣгами — вѣроятно, Молдавскими — расположился станомъ на берегахъ рѣки Буга. Г. 1018.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того времени страшный пожаръ обратилъ въ пепелъ большую часть Кіева[12]: Ярославъ, озабоченный, можетъ быть, стараніемъ утѣшить жителей и загладить слѣды сего несчастія, едва успѣлъ изготовиться къ оборонѣ. Польскіе Историки пишутъ, что онъ никакъ не ожидалъ Болеславова нападенія, и безпечно удилъ рыбу въ Днѣпрѣ, когда гонецъ привезъ ему вѣсть о сей опасности; что Князь Россійскій въ ту же минуту бросилъ уду на землю, и сказавъ: *Не время думать о забавѣ; время спасать отечество*, вышелъ въ поле, съ Варягами и Россіянами[13]. Король Битва на Бугѣ. стоялъ на одной сторонѣ Буга, Ярославъ на другой; первый велѣлъ наводить мосты,

а вторый ожидалъ битвы съ нетерпѣніемъ — и часъ ея насталъ скорѣе, нежели онъ думалъ. Воевода и пѣстунъ Ярославовъ, *Будьй*, вздумалъ, стоя за рѣкою, шутить надъ тучностію Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острымъ копьемъ своимъ[14]. Король Польскій въ самомъ дѣлѣ едва могъ двигаться отъ необыкновенной толщины, но имѣлъ духъ пылкій и бодрость Героя. Оскорбленный сею дерзостію, онъ сказалъ воинамъ: «Отмстимъ, или я погибну!» сѣлъ на коня и бросился въ рѣку; за нимъ всѣ воины. Изумленные такимъ скорымъ нападеніемъ, Россіяне были приведены въ безпорядокъ. Ярославъ уступилъ побѣду храброму непріятелю, и только съ четырмя воинами ушелъ въ Новгородъ. Южные города Россійскіе, оставленные безъ защиты, не смѣли противиться и высылали дары побѣдителю. Одинъ изъ нихъ не сдавался: Король, взявъ крѣпость приступомъ, осудилъ жителей на рабство или вѣчный плѣнъ[15].

Взятіе Кіева.

Лучше другихъ укрѣпленный, Кіевъ хотѣлъ обороняться: Болеславъ осадилъ его. Наконецъ утѣсненные граждане отворили ворота — и Епископъ Кіевскій, провождаемый Духовенствомъ, въ ризахъ служебныхъ, съ крестами встрѣтилъ Болеслава и Святополка[16], которые 14-го Августа въѣхали торжествуя въ нашу столицу, гдѣ были сестры Ярославовы. Народъ снова призналъ Святополка Государемъ, а Болеславъ удо-

вольствовался именемъ великодушнаго покровителя и славою храбрости. Дитмаръ повѣствуетъ, что Король тогда же отправилъ Кіевскаго Епископа къ Ярославу, съ предложеніемъ возвратить ему сестеръ, ежели онъ пришлетъ къ нему дочь его, жену Святополкову (вѣроятно, заключенную въ Новогородской или другой сѣверной области).

Ярославъ, устрашенный могуществомъ Короля Польскаго и злобою брата, думалъ уже, подобно отцу своему, бѣжать за море къ Варягамъ; но великодушіе Новогородцевъ спасло его отъ сего несчастія и стыда. Посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрыни славнаго, и граждане знаменитые, изрубивъ лодки, приготовленныя для Князя, сказали ему: «Государь! мы хотимъ и можемъ еще «противиться Болеславу. У тебя нѣтъ «казны: возьми все, что имѣемъ.» Они собрали съ каждаго человѣка по четыре куны, съ Бояръ по осьмнадцати гривенъ, съ городскихъ чиновниковъ или Старостъ по десяти; немедленно призвали корыстолюбивыхъ Варяговъ на помощь, и сами вооружились[17]. Впоричное великодушіе Новогородцевъ.

Вѣроломство Святополково не допустило Новогородцевъ отмстить Болеславу. Покоривъ южную Россію зятю своему, Король отправилъ назадъ союзное войско, и развелъ собственное по городамъ Кіевской области, для отдохновенія и продовольствія. Злодѣи Вѣроломное избіеніе Поляковъ.

не знаютъ благодарности: Святополкъ, боясь долговременной опеки тестя, и желая скорѣе воспользоваться независимостію, тайно велѣлъ градоначальникамъ умертвить всѣхъ Поляковъ, которые думали, что они живутъ съ друзьями, и не брали никакихъ предосторожностей[18]. Злая воля его исполнилась, къ безславію имени Русскаго. Вѣроятно, что онъ и самому Болеславу готовилъ такую же участь въ Кіевѣ; но сей Государь свѣдалъ о заговорѣ, и вышелъ изъ столицы, взявъ съ собою многихъ Бояръ Россійскихъ и сестеръ Ярославовыхъ. Дитмаръ говоритъ — и нашъ Лѣтописецъ подтверждаетъ — что Болеславъ принудилъ одну изъ нихъ быть своею наложницею — именно Передславу, за которую онъ нѣкогда сватался, и получивъ отказъ, хотѣлъ насладиться гнусною местію. Хитрый Анастасъ, бывъ прежде любимцемъ Владиміровымъ, умѣлъ снискать и довѣренность Короля Польскаго; сдѣлался хранителемъ его казны, и выѣхалъ съ нею изъ Кіева: измѣнивъ первому отечеству, измѣнилъ и второму для своей личной корысти. — Польскіе Историки увѣряютъ, что многочисленное войско Россіянъ гналось за Болеславомъ; что онъ вторично разбилъ ихъ на Бугѣ, и что сія рѣка, два раза несчастная для нашихъ предковъ, съ того времени названа ими *Черною*[19] . . . Болеславъ оставилъ Россію, но удержалъ за собою города Червенскіе въ Га-

Болеславъ оставляетъ Россію.

Черная рѣка.

лиціи, и великія сокровища, вывезенныя имъ изъ Кіева, отчасти роздалъ войску, отчасти употребилъ на строеніе церквей въ своемъ Королевствѣ.

Святополкъ, злодѣйствомъ избавивъ Россію отъ Поляковъ, услужилъ врагу своему. Уже Ярославъ шелъ къ Кіеву.... Не имѣя сильнаго войска, ни любви подданныхъ, которая спасаетъ Монарха во дни опасностей и бѣдствій, Святополкъ бѣжалъ изъ отечества къ Печенѣгамъ, требовать ихъ помощи. Сіи разбойники, всегда готовые опустошать Россію, вступили въ ея предѣлы, и приближились къ берегамъ Альты. Тамъ Г.
увидѣли они полки Россійскіе. Ярославъ сто- 1019. Битва на Альтѣ.
ялъ на мѣстѣ обагренномъ кровію Святаго Бориса. Умиленный симъ печальнымъ воспоминаніемъ, онъ воздѣлъ руки на Небо, молился, и сказавъ: *кровь невиннаго брата моего вопіетъ ко Всевышнему,* далъ знакъ битвы. Восходящее солнце озарило на поляхъ Альты сраженіе двухъ многочисленныхъ воинствъ, сраженіе упорное и жестокое: никогда, говоритъ Лѣтописецъ, не бывало подобнаго въ нашемъ отечествѣ. Вѣрная дружина Новогородская хотѣла лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; непріятели въ остервененіи своемъ Бѣгство и смерть Святополка.
хватали другъ друга за руки и сѣклись мечами. Къ вечеру Святополкъ обратился въ бѣгство. Терзаемый тоскою, сей извергъ

впалъ въ разслабленіе и не могъ сидѣть на конѣ. Воины *принесли* его къ Бресту, городу Туровскаго Княженія: онъ велѣлъ имъ итти далѣе за границу. Гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, Святополкъ въ помраченіи ума видѣлъ безпрестанно грозныхъ непріятелей за собою, и трепеталъ отъ ужаса; не дерзнулъ вторично прибѣгнуть къ великодушію Болеслава; миновалъ Польшу, и кончилъ гнусную жизнь свою въ пустыняхъ Богемскихъ, заслуживъ проклятіе современниковъ и потомства. Имя *окаяннаго* осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго Князя: ибо злодѣйство есть несчастіе.

# ГЛАВА II.

## Великій Князь Ярославъ или Георгій.

### Г. 1019 – 1054.

Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козарской Державы. Голодъ въ Суздалѣ. Битва у Листвена. Миръ. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Печенѣгами. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строеніе монастырей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямью. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачные союзы. Митрополитъ Россіянинъ. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Князя. Крещеніе костей. Первое народное училище. Кіевъ вторый Царьградъ. Монета Ярославова. Демественное пѣніе. Россія убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, *отеръ потъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ Великаго Князя Россійскаго. Но бѣдствія войны междоусобной еще не прекратились.

В Полоцкѣ княжилъ тогда Брячиславъ, сынъ Изяславовъ и внукъ Владиміра. Сей юноша хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость: взялъ Новгородъ, ограбилъ жителей, и со множествомъ плѣнныхъ возвращался въ свое Удѣльное Княже- Г. 1021. Война съ Полоцкимъ Княземъ.

ніе. Но Ярославъ, выступивъ изъ Кіева, встрѣтилъ и разбилъ его на берегахъ рѣки Судомы, въ нынѣшней Псковской Губерніи[20]. Плѣнники Новогородскіе были освобождены, а Брячиславъ ушелъ въ Полоцкъ, и, какъ вѣроятно, примирился съ Великимъ Княземъ: ибо Ярославъ оставилъ его въ покоѣ. — О сей войнѣ упоминаютъ древнія Исландскія *Саги*. Варяги, или Норманы, служившіе тогда нашимъ Князьямъ, разсказывали, возвратясь въ отечество, слѣдующія обстоятельства, достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, *отчасти* и баснословныя: «Храбрый витязь Эймундъ, сынъ Короля «Гейдмаркскаго, оказалъ великія услуги Ярославу въ продолженіе трехлѣтней войны «съ Кіевскимъ Государемъ (Святополкомъ); «наконецъ, взявъ сторону Брячислава, еще «болѣе удивилъ Россіянъ своимъ мужествомъ «и хитростію. Сей витязь засѣлъ съ то«варищами въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надлежа«ло ѣхать супругѣ Ярославовой: убилъ подъ «нею коня и привезъ ее къ Брячиславу, о«стыдивъ многочисленныхъ воиновъ, окру«жавшихъ Великую Княгиню. Брячиславъ, за«ключивъ миръ съ братомъ, наградилъ Эй«мунда цѣлою областію[21].» Скоро опаснѣйшій непріятель возсталъ на Ярослава.

Мы знаемъ, что Владиміръ отдалъ Воспорскую или Тмутороканскую область въ Удѣлъ сыну своему Мстиславу. Сей Князь, рожденный быть Героемъ, хотѣлъ войны

Побѣды

и побѣды: Императоръ Греческій предложилъ ему уничтожить Державу Каганову въ Тавридѣ. Искавъ дружбы Козаровъ идолопоклонниковъ, но сильныхъ, Греки искали ихъ погибели, когда они приняли Вѣру Христіанскую, но утратили свое могущество. Андроникъ, Вождь Императорскій, въ 1016 году, присталъ къ берегамъ Тавриды, соединился съ войскомъ Мстислава, и въ самомъ первомъ сраженіи плѣнилъ Кагана, именемъ Георгія Цула[22]. Греки овладѣли Тавридою, удовольствовавъ Мстислава одною благодарностію или золотомъ. Такимъ образомъ пала Козарская Держава въ Европѣ; но въ Азіи, на берегахъ Каспійскаго моря, она существовала, кажется, до самаго XII вѣка, и въ 1140 году Левитъ Еврейскій, Равви Іегуда, писалъ еще похвальное слово Монарху ея, своему единовѣрцу[23]. Съ одной стороны Аскольдъ, Диръ, Олегъ, отецъ и сынъ Св. Владиміра; а съ другой Узы, Печенѣги, Команы, Ясы ослабили, сокрушили сіе нѣкогда знаменитое Царство, которое отъ устья Волжскаго простиралось до Чернаго моря, Днѣпра и береговъ Оки. — Чрезъ нѣсколько лѣтъ Мстиславъ объявилъ войну Касогамъ или нынѣшнимъ Черкесамъ, восточнымъ сосѣдамъ его области. Князь ихъ Редедя, сильный великанъ, хотѣлъ, слѣдуя обычаю тогдашнихъ временъ богатырскихъ, рѣшить побѣду единоборствомъ. »Начто губишь дружину?» сказалъ онъ Мстиславу:

Мстиславовы.

Паденіе Козарской Державы.

Г. 1022.

«одолѣй меня, и возьми все, что имѣю: же-«ну, дѣтей и страну мою.» Мстиславъ, бросивъ оружіе на землю, схватился съ великаномъ. Силы Князя Россійскаго начали изнемогать: онъ призвалъ въ помощь Богородицу — низвергнулъ врага, и зарѣзалъ его ножемъ. Война кончилась: Мстиславъ вступилъ въ область Редеди, взялъ семейство Княжеское и наложилъ дань на подданныхъ[24].

Г. 1023. Увѣренный въ своемъ воинскомъ счастіи, сей Князь не захотѣлъ уже довольствоваться областію Тмутороканскою, которая, будучи отдалена отъ Россіи, могла казаться ему печальною ссылкою: онъ собралъ подвластныхъ ему Козаровъ, Черкесовъ или Касоговъ, и пошелъ къ берегамъ Днѣпровскимъ. Ярослава не было въ столицѣ. Кіевскіе граждане затворились въ стѣнахъ и не пустили брата его; но Черниговъ, менѣе укрѣпленный, принялъ Мстислава. — Великій Князь усмирялъ тогда народный мятежъ въ Суздалѣ[25]. Голодъ свирѣпствовалъ въ сей области, и суевѣрные, приписывая оный злому чародѣйству, безжалостно убивали нѣкоторыхъ старыхъ женъ, мнимыхъ волшебницъ. Ярославъ наказалъ виновниковъ мятежа, однихъ смертію, другихъ ссылкою, объявивъ народу, что не волшебники, но Богъ караетъ людей гладомъ и моромъ за грѣхи ихъ, и что смертный въ бѣдствіяхъ своихъ долженъ только умолять благость Всевышняго. Между тѣмъ жители искали

Голодъ въ Суздалѣ.

помощи въ изобильной странѣ Казанскихъ Болгаровъ, и Волгою привезли оттуда множество хлѣба. Голодъ миновался. Возстановивъ порядокъ въ землѣ Суздальской, Великій Князь спѣшилъ въ Новгородъ, чтобы взять мѣры противъ властолюбиваго брата.

Знаменитый Варягъ Якунъ пришелъ на помощь къ Ярославу[26]. Сей витязь Скандинавскій носилъ на больныхъ глазахъ шитую золотомъ *луду* или повязку; едва могъ видѣть, но еще любилъ войну и битвы. Великій Князь вступилъ въ область Черниговскую. Мстиславъ ожидалъ его у Листвена, на берегу Руды; ночью изготовилъ войско къ сраженію; поставилъ Сѣверянъ или Черниговцевъ въ срединѣ, а любимую дружину свою на правомъ и лѣвомъ крылѣ. Небо покрылось густыми тучами — и въ то самое время, когда ударилъ громъ и зашумѣлъ сильный дождь, сей отважный Князь напалъ на Ярослава. Варяги стояли мужественно противъ Сѣверянъ: казалось, что ужасъ ночи, буря, гроза, тѣмъ болѣе остервеняли воиновъ; при свѣтѣ молніи, говоритъ Лѣтописецъ, страшно блистало оружіе. Храбрость, искусство и счастіе Мстислава рѣшили побѣду: Варяги, утомленные битвою съ Черниговцами, смятые пылкимъ нападеніемъ его дружины, отступили. Вождь ихъ, Якунъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ Ярославомъ въ Новгородъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія

Битва у Листвена.

златую *луду* свою. На другой день Мстиславъ, осматривая убитыхъ, сказалъ: «мнѣ «ли не радоваться? Здѣсь лежитъ Сѣверя«нинъ, тамъ Варягъ; а собственная дружи«на моя цѣла.» Слово недостойное добраго Князя: ибо Черниговцы, усердно пожертвовавъ ему жизнію, стоили по крайней мѣрѣ его сожалѣнія.

Миръ.

Но Мстиславъ изъявилъ рѣдкое великодушіе въ разсужденіи брата, давъ ему знать, чтобы онъ безопасно шелъ въ Кіевъ и господствовалъ, какъ старшій сынъ Великаго Владиміра, надъ всею правою стороною Днѣпра. Ярославъ боялся вѣрить ему; правилъ Кіевомъ чрезъ своихъ Намѣстниковъ и собиралъ войско. Наконецъ сіи два брата съѣхались у Городца, подъ Кіевомъ[27]; заключили искренній союзъ, и раздѣлили Государство: Г. 1026. Ярославъ взялъ западную часть его, а Мстиславъ восточную; Днѣпръ служилъ границею между ими, и Россія, десять лѣтъ терзаемая внутренними и внѣшними непріятелями, совершенно успокоилась.

Вся Ливонія платила дань Владиміру: междоусобіе дѣтей его возвратило ей независимость. Ярославъ, въ 1030 году, снова покорилъ Чудь, основалъ городъ Юрьевъ, или нынѣшній Дерптъ, и собирая дань съ жителей, не хотѣлъ насильно обращать ихъ въ Христіанство: благоразуміе достохвальное, служившее примѣромъ для всѣхъ Князей Россійскихъ! Пользуясь свободою Вѣры,

Г. 1030. Основаніе Юрьева или Дерпта.

древняя Ливонія имѣла и собственныхъ гражданскихъ начальниковъ, о коихъ, согласно съ преданіемъ, пишутъ, что они были вмѣстѣ и судіи и палачи, то есть, обвинивъ преступника, сами отсѣкали ему голову[28].—Однакожъ, не смотря на умѣренность Россіянъ и на легкость ига, возлагаемаго ими на данниковъ, Чудь и Латыши, какъ увидимъ, не рѣдко старались свергнуть оное, и не щадили крови своей для пріобрѣтенія вольности совершенной.

Въ Польшѣ царствовалъ тогда Мечиславъ, малодушный сынъ и наслѣдникъ Великаго Болеслава. Пользуясь слабостію сего Короля и внутренними неустройствами земли его, Ярославъ взялъ Бельзъ; въ слѣдующій годъ, соединясь съ мужественнымъ братомъ своимъ, овладѣлъ снова всѣми городами Червенскими; входилъ въ самую Польшу; вывелъ оттуда множество плѣнниковъ, и населивъ ими берега Роси, заложилъ тамъ города или крѣпости[29]. Завоеванія въ Польшѣ. Г. 1031. Г. 1032.

Искреннее согласіе двухъ Государей Россійскихъ продолжалось до смерти одного изъ нихъ[30]. Мстиславъ, выѣхавъ на ловлю, вдругъ занемогъ и скончался. Сей Князь, прозванный *Удалымъ*, не испыталъ превратностей воинскаго счастія: сражаясь, всегда побѣждалъ; ужасный для враговъ, славился милостію къ народу и любовію къ вѣрной дружинѣ: веселился и пировалъ съ нею подобно великому отцу своему, слѣдуя Г. 1036. Смер. Мстислава.

его правилу, что Государь не злапомъ наживаетъ витязей, а съ витязями злато. Онъ поднялъ мечь на брата, но загладилъ сію жестокость, свойственную тогдашнему вѣку, великодушнымъ миромъ съ побѣжденнымъ, и Россія обязана была десятилѣтнею внутреннею тишиною счастливому ихъ союзу, истинно братскому. — Памятникомъ Мстиславовой набожности остался каменный храмъ Богоматери въ Тмутороканѣ, созданный имъ въ знакъ благодарности за одержанную надъ Касожскимъ великаномъ побѣду, и церковь Спаса въ Черниговѣ, заложенная при семъ Князѣ: тамъ хранились и кости его въ Несторово время. Мстиславъ, по словамъ лѣтописи, былъ *черменъ лицемъ и дебелъ тѣломъ;* имѣлъ также необыкновенно большіе глаза. Онъ не оставилъ наслѣдниковъ: единственный его сынъ, Евстафій, умеръ еще за три года до кончины родителя.

Единовластіе. Ярославъ сдѣлался Монархомъ всей Россіи и началъ властвовать отъ береговъ моря Бальтійскаго до Азіи, Венгріи и Даніи. Изъ прежнихъ Удѣльныхъ Князей оставался одинъ Брячиславъ Полоцкій: вѣроятно, что онъ зависѣлъ отъ своего дяди какъ Государя Самодержавнаго. О дѣтяхъ Владиміровыхъ, Всеволодѣ[51], Станиславѣ, Позвиздѣ, Лѣтописецъ не упоминаетъ болѣе, сказывая только, что Великій Князь, обманутый клеветниками, заключилъ во Псковѣ Судислава,

Судиславъ

меньшаго своего брата, который, может быть, княжил в семъ городѣ. заключенъ.

Но Ярославъ ожидалъ только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бѣдствіямъ Удѣльнаго Правленія. Женатый на Ингигердѣ или Аннѣ, дочери Шведскаго Короля Олофа — которая получила отъ него въ вѣно городъ Альдейгабургъ или старую Ладогу[32] — онъ былъ уже отцемъ многочисленнаго семейства. Какъ скоро большому сыну его, Владиміру, исполнилось шестнадцать лѣтъ, Великій Князь отправился съ нимъ въ Новгородъ и далъ ему сію область въ управленіе. Здравая Политика, основанная на опытахъ и знаніи сердца человѣческаго, не могла противиться дѣйствію слѣпой любви родительской, которое обратилось въ несчастное обыкновеніе.

Новые удѣлы.

Узнавъ о набѣгѣ Печенѣговъ, онъ спѣшилъ изъ Новагорода въ южную Россію и сразился съ варварами подъ самыми стѣнами Кіева. Варяги, всегдашніе его помощники, стояли въ срединѣ; на правомъ крылѣ граждане Кіевскіе, на лѣвомъ Новогородцы. Битва продолжалась цѣлый день. Ярославъ одержалъ побѣду, самую счастливѣйшую для отечества, сокрушивъ однимъ ударомъ силу лютѣйшаго изъ враговъ его. Большая часть Печенѣговъ легла на мѣстѣ; другіе, гонимые раздраженнымъ побѣдителемъ, утонули въ рѣкахъ[33], немногіе спаслися бѣг-

Побѣда надъ Печенѣгами.

ствомъ, и Россія навсегда освободилась отъ ихъ жестокихъ нападеній. Въ память сего знаменитаго торжества Великій Князь заложилъ, на мѣстѣ сраженія, великолѣпную церковь, и распространивъ Кіевъ, обвелъ его *каменными* стѣнами; подражая Константинополю, онъ назвалъ ихъ главныя врата *Златыми*, а новую церковь Святою Софіею *Митрополитскою*, украсивъ ее золотомъ, серебромъ, мусіею и драгоцѣнными сосудами. Тогда былъ уже *Митрополитъ* въ нашей древней столицѣ, именемъ Ѳеопемптъ — вѣроятно, Грекъ — который, по извѣстію Нестора, въ 1039 году вновь освятилъ храмъ Богоматери, сооруженный Владиміромъ, но поврежденный, какъ надобно думать, сильнымъ Кіевскимъ пожаромъ 1017 году. Ярославъ началъ также строить монастыри: первыми изъ нихъ были въ Кіевѣ монастырь Св. Георгія и Св. Ирины. Сей Государь, по сказанію Лѣтописца, весьма любилъ *церковные уставы*, духовныхъ Пастырей и въ особенности *Черноризцевъ*; не менѣе любилъ и книги божественныя; велѣлъ переводить ихъ съ Греческаго на Славянскій языкъ, читалъ оныя день и ночь, многія списывалъ и положилъ въ церкви Софійской для народнаго употребленія. Опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе Іереямъ, онъ умножилъ число ихъ во всѣхъ городахъ, и предписалъ имъ учить новыхъ Христіанъ, образовать умъ и нрав-

Г. 1037. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Митрополитъ.

Строеніе монастырей.

Любовь Ярослава къ книгамъ.

ственность людей грубыхъ, видѣлъ успѣхи
Вѣры, и радовался, какъ усердный сынъ
Церкви и добрый отецъ народа.

Ревностное благочестіе и любовь къ уче- Г.
нію книжному не усыпляли его воинской 1038.
дѣятельности. Ятвяги были побѣждены Война
Владиміромъ Великимъ; но сей народъ, оби- съ Ят-
тая въ густыхъ лѣсахъ, питаясь рыбною вяга-
ловлею и пчеловодствомъ, болѣе всего лю- ми,
билъ дикую свободу и не хотѣлъ никому Лит-
платить дани. Ярославъ имѣлъ съ нимъ вою,
войну; также съ Литовцами, сосѣдами По- Мазов-
лоцкаго или Туровскаго Княженія, и съ Ма- шана-
зовшанами, тогда независимыми отъ Госу- ми,
даря Польскаго[34]. Сынъ Великаго Князя, Вла- Ямью.
диміръ, ходилъ съ Новогородцами на Ямь, Г. 1040.
или нынѣшнихъ Финляндцевъ, и побѣдилъ Г. 1041.
ихъ; но въ сей землѣ, безплодной и каме- Г. 1042.
нистой, воины его оставили всѣхъ коней
своихъ, бывшихъ тамъ жертвою мора.

Предпріятіе гораздо важнѣйшее ознамено- Г.
вало для нашей Исторіи 1043 годъ. Дружба 1043.
Великихъ Князей съ Императорами, осно-
ванная на взаимныхъ выгодахъ, утвердилась
единствомъ Вѣры и родственнымъ ихъ со-
юзомъ. Съ помощію Россіянъ шуринъ Вла-
диміровъ завоевалъ не только Тавриду, но
и Болгарію; они сражались подъ знаменами
Имперіи въ самыхъ окрестностяхъ древняго
Вавилона. Лѣтописцы Византійскіе разска-
зываютъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ по
кончинѣ Св. Владиміра прибылъ на судахъ

въ гавань Цареградскую какой-то родственникъ его; объявилъ намѣреніе вступить въ службу Императора, но тайно ушелъ изъ пристани, разбилъ Грековъ на берегахъ Пропонтиды, и вооруженною рукою открылъ себѣ путь къ острову Лимну, гдѣ Самскій Намѣстникъ и Воевода Солунскій злодѣйскимъ образомъ умертвили его и 800 бывшихъ съ нимъ воиновъ. Сіе обстоятельство не имѣло никакихъ слѣдствій: купцы Россійскіе, пользуясь дружественною связію народа своего съ Имперіею, свободно торговали въ Константинополѣ. Но сдѣлалась ссора между ими и Греками, которые, начавъ драку, убили одного знаменитаго Россіянина. Вѣроятно, что Великій Князь напрасно требовалъ удовольствія[35]: оскорбленный несправедливостію, онъ рѣшился наказать Грековъ; поручилъ войско мужественному Полководцу, Вышатѣ, и велѣлъ сыну

Походъ на Грековъ.

своему, Владиміру, итти съ нимъ къ Царюграду. Греція вспомнила бѣдствія, претерпѣнныя нѣкогда ею отъ флотовъ Россійскихъ — и Послы Константина Мономаха встрѣтили Владиміра. Императоръ писалъ къ нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что онъ желаетъ мира и даетъ слово наказать виновниковъ обиды, сдѣланной Россіянамъ. Юный Владиміръ не уважилъ сего письма, отпустилъ Греческихъ Пословъ съ отвѣтомъ высокомѣрнымъ, какъ гово-

рятъ Византійскіе Историки, и шелъ далѣе. Константинъ Мономахъ, приказавъ взять подъ стражу купцевъ и воиновъ Россійскихъ, бывшихъ въ Царѣградѣ, и заключивъ ихъ въ разныхъ областяхъ Имперіи, выѣхалъ самъ на Царской яхтѣ противъ непріятеля; за нимъ слѣдовалъ флотъ и конница берегомъ. Россіяне стояли въ боевомъ порядкѣ близъ Фара. Императоръ вторично предложилъ имъ миръ. «Соглашаюсь» — сказалъ гордый Князь Новогородскій — «естьли вы, богатые «Греки, дадите по три фунта золота на «каждаго человѣка въ моемъ войскѣ[36].» Тогда Мономахъ велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ, и желая заманить непріятеля въ открытое море, послалъ впередъ три галеры, которыя врѣзались въ средину Владимірова флота и зажгли Греческимъ огнемъ нѣсколько судовъ. Россіяне снялись съ якорей, чтобы удалиться отъ пламени. Тутъ сдѣлалась буря, гибельная для малыхъ Россійскихъ лодокъ; однѣ исчезли въ волнахъ, другія стали на мель, или были извержены на берегъ. Корабль Владиміровъ пошелъ на дно; нѣкто Творимиричь, одинъ изъ усердныхъ чиновниковъ, спасъ Князя и Воеводъ Ярославовыхъ, взявъ ихъ къ себѣ въ лодку. Море утихло. На берегу собралось 6000 Россіянъ, которые, не имѣя судовъ, рѣшились возвратиться въ отечество сухимъ путемъ. Главный Воевода Ярославовъ, Вышата, предвидя неминуемую для нихъ опас-

ность, хотѣлъ великодушно раздѣлить оную, и сошелъ на берегъ, сказавъ Князю: «иду съ ними; буду ли живъ, или умру, «но не покину достойныхъ воиновъ[37].» Между тѣмъ Императоръ праздновалъ бурю какъ побѣду и возвратился въ столицу, отправивъ въ слѣдъ за Россіянами флотъ и два Легіона. 24 Галеры Греческія обогнали Владиміра и стали въ заливѣ: Князь пошелъ на нихъ. Греки, будучи со всѣхъ сторонъ окружены непріятельскими лодками, сцѣпились съ ними и вступили въ отчаянный бой. Россіяне побѣдили, взявъ или истребивъ суда Греческія. Адмиралъ Мономаховъ былъ убитъ, и Владиміръ пришелъ въ Кіевъ со множествомъ плѣнныхъ... Великодушный, но несчастный Вышата сразился въ Болгаріи, у города Варны, съ сильнымъ Греческимъ войскомъ: большая часть его дружины легла на мѣстѣ. Въ Константинополь привели 800 окованныхъ Россіянъ и самого Вышату: Императоръ велѣлъ ихъ ослѣпить!

Древнее предсказаніе.

Сія война предковъ нашихъ съ Греціею была послѣднею. Съ того времени Константинополь не видалъ уже ихъ страшныхъ флотовъ въ Воспорѣ: ибо Россія, терзаемая междоусобіемъ, скоро утратила свое величіе и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказаніе, не извѣстно кѣмъ написанное въ X или XI вѣкѣ подъ истуканомъ Беллерофона (который стоялъ на Таврской площади въ Царѣградѣ), что «Россіяне должны

овладѣть столицею Имперіи Восточной[38]:» столь имя ихъ ужасало Грековъ! — Чрезъ три года Великій Князь заключилъ миръ съ Имперіею, и плѣнники Россійскіе, безчеловѣчно лишенные зрѣнія, возвратились въ Кіевъ.

Около сего времени Ярославъ вошелъ въ свойство со многими знаменитыми Государями Европы. Въ Польшѣ царствовалъ тогда Казимиръ, внукъ Болеслава *Храбраго*: изгнанный въ дѣтствѣ изъ отечества вмѣстѣ съ матерію, онъ удалился (какъ разсказываютъ Историки Польскіе) во Францію, и не имѣя надежды быть Королемъ, сдѣлался Монахомъ. Наконецъ Вельможи Польскіе, видя мятежъ въ Государствѣ, прибѣгнули къ его великодушію: освобожденный Папою отъ узъ духовнаго обѣта, Казимиръ возвратился изъ кельи въ чертоги Царскіе[39]. Желая пользоваться дружбою могущественнаго Ярослава, онъ женился на сестрѣ его, дочери Св. Владиміра. Польскіе Историки говорятъ, что брачное торжество совершилось въ Краковѣ; что добродѣтельная и любезная *Марія*, названная *Доброгнѣвою*, приняла Вѣру Латинскую, и что Король ихъ взялъ за супругою великое богатство, множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также драгоцѣнныхъ конскихъ и другихъ украшеній. Собственный Лѣтописецъ нашъ сказываетъ, что Казимиръ далъ Ярославу за *вѣно* — то есть, за невѣсту свою — 800 человѣкъ: вѣроятно Россіянъ, плѣнен-

Брачные союзы.

ныхъ въ 1018 году Болеславомъ. Сей союзъ, одобренный здравою Политикою обоихъ Государствъ, утвердилъ за Россіею города Червенскіе; а Ярославъ, какъ искренній другъ своего зятя, помогъ ему смирить мятежника смѣлаго и хитраго, именемъ Моислава, который овладѣлъ Мазовіею и хотѣлъ быть
г. 1046. Государемъ независимымъ. Великій Князь, разбивъ его многочисленное войско, покорилъ сію область Казимиру[40].

Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о дочеряхъ Ярославовыхъ; но достовѣрные лѣтописцы чужестранные именуютъ трехъ: Елисавету, Анну и Анастасію или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежскаго. Въ юности своей выѣхавъ изъ отечества, онъ служилъ Князю Ярославу; влюбился въ прекрасную дочь его, Елисавету, и желая быть достойнымъ ея руки, искалъ великаго имени въ свѣтѣ. Гаральдъ отправился въ Константинополь; вступилъ въ службу Императора Восточнаго; въ Африкѣ, въ Сициліи побѣждалъ невѣрныхъ; ѣздилъ въ Іерусалимъ для поклоненія Святымъ Мѣстамъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, съ богатствомъ и славою, возвратясь въ Россію, женился на Елисаветѣ, которая одна занимала его сердце и воображеніе среди всѣхъ блестящихъ подвиговъ геройства[41]. Наконецъ онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ.

Вторая Княжна, Анна, сочеталась бра-

комъ съ Генрикомъ I, Королемъ Французскимъ. Папа объявилъ кровосмѣшеніемъ супружество отца его и гналъ Роберта, какъ беззаконника, за то, что онъ женился на родственницѣ въ четвертомъ колѣнѣ. Генрикъ, будучи свойственникомъ Государей сосѣдственныхъ, боялся такой же участи, и въ странѣ отдаленной искалъ себѣ знаменитой невѣсты[42]. Франція, еще бѣдная и слабая, могла гордиться союзомъ съ Россіею, возвеличенною завоеваніями Олега и великихъ его преемниковъ. Въ 1048 году — по извѣстію древней рукописи, найденной въ С. Омерской церкви — Король отправилъ Посломъ къ Ярославу Епископа Шалонскаго, Рогера: Анна пріѣхала съ нимъ въ Парижъ и соединила кровь Рюрикову съ кровію Государей Французскихъ. — По кончинѣ Генрика I, въ 1060 году, Анна, славная благочестіемъ, удалилась въ монастырь Санлизскій: но чрезъ два года, вопреки желанію сына, вступила въ новое супружество съ Графомъ де-Крепи. Одинъ Французскій Лѣтописецъ говоритъ, что она, потерявъ втораго, любезнаго ей супруга, возвратилась въ Россію: но сіе обстоятельство кажется сомнительнымъ. Сынъ ея, Филиппъ, царствовалъ во Франціи, имѣя столь великое уваженіе къ матери, что на всѣхъ бумагахъ государственныхъ Анна вмѣстѣ съ нимъ подписывала имя свое до самаго 1075 года[43]. Честолюбіе, узы семейственныя, привычка и

Вѣра Католическая, ею принятая, удерживали сію Королеву во Франціи.

Третья дочь Ярославова, Анастасія, вышла за Короля Венгерскаго, Андрея I. Вѣроятно, что сей брачный союзъ служилъ поводомъ для нѣкоторыхъ Россіянъ переселиться въ Венгрію, гдѣ, въ разныхъ Графствахъ, на лѣвой сторонѣ Дуная, живетъ донынѣ многочисленное ихъ потомство, утративъ чистую Вѣру отцевъ своихъ[44].

Ссылаясь на Лѣтописцевъ Норвежскихъ, Торфей называетъ Владиміра, старшаго Ярославова сына, супругомъ Гиды, дочери Англійскаго Короля Гаральда, побѣжденнаго Вильгельмомъ *Завоевателемъ*. Саксонъ Грамматикъ, древнѣйшій Историкъ Датскій, также повѣствуетъ, что дѣти несчастнаго Гаральда, убитаго въ Гастингскомъ сраженіи, искали убѣжища при Дворѣ Свенона II, Короля Датскаго, и что Свенонъ выдалъ потомъ дочь Гаральдову за Россійскаго Князя, именемъ Владиміра[45]; но сей Князь не могъ быть *Ярославичь*. Гаральдъ убитъ въ 1066 году, а Владиміръ, сынъ Ярославовъ, скончался въ 1052 (построивъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Софіи, которая еще не разрушена временемъ, и гдѣ погребено его тѣло).

Кромѣ Владиміра, Ярославъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестрѣ Казимира Польскаго, не смотря

на то, что его родная тетка была за симъ Королемъ[46]; а Всеволодъ, по сказанію Нестора, на *Греческой Царевнѣ*. Новѣйшіе Лѣтописцы называютъ Константина Мономаха тестемъ Всеволода; но Константинъ не имѣлъ дѣтей отъ Зои. Мы не знаемъ даже, по Византійскимъ лѣтописямъ, ни одной Греческой Царевны сего времени, кромѣ Евдокіи и Ѳеодоры, умершихъ въ дѣвствѣ[47]. Развѣ положимъ, что Мономахъ, еще не бывъ Императоромъ, прижилъ супругу Всеволодову съ *первою*, неизвѣстною намъ женою? — О супружествѣ другихъ сыновей Ярославовыхъ не можемъ сказать ничего *вѣрнаго*. Историки Нѣмецкіе пишутъ, что дочь Леопольда, Графа Штадскаго, именемъ Ода, и Кунигунда, Орламиндская Графиня, вышли около половины XI вѣка за Князей Россійскихъ, но, скоро овдовѣвъ, возвратились въ Германію и сочетались бракомъ съ Нѣмецкими Принцами[48]. Вѣроятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревою: сіи меньшіе сыновья Ярославовы скончались въ юношествѣ, и первая отъ Россійскаго Князя имѣла одного сына, воспитаннаго ею въ Саксоніи: думаю, Бориса Вячеславича, о коемъ Несторъ говоритъ только съ 1077 года, и который могъ до того времени жить въ Германіи. Лѣтописцы Нѣмецкіе прибавляютъ, что мать его, выѣзжая изъ нашего отечества, зарыла въ землю сокровище, найденное имъ по возвращеніи въ Россію.

Великій Князь провелъ остатокъ жизни своей въ тишинѣ и въ Христіанскомъ благочестіи. Но сія усердная набожность не препятствовала ему думать о пользѣ государственной и въ самыхъ церковныхъ дѣлахъ. Греки, сообщивъ намъ Вѣру и присылая главныхъ духовныхъ Пастырей, надѣялись, можетъ быть, чрезъ нихъ присвоить себѣ и нѣкоторую мірскую власть надъ Россіею: Ярославъ не хотѣлъ того, и еще въ первый годъ своего Единодержавія, будучи въ Новѣгородѣ, *самъ* избралъ въ начальники

Г. 1051. Митрополитъ Россіянинъ.

для сей Епархіи Луку Жидяту; а въ 1051 году, собравъ въ Кіевѣ Епископовъ, велѣлъ имъ поставить Митрополитомъ Иларіона *Россіянина*, безъ всякаго участія со стороны Константинопольскаго Патріарха[49].... Иларіонъ, мужъ ученый и добродѣтельный, былъ Іереемъ въ селѣ Берестовѣ при церкви Святыхъ Апостоловъ: Великій Князь узналъ его достоинства, имѣя тамъ загородный дворецъ и любя, подобно Владиміру, сіе веселое мѣсто.

Г. 1054. Наставленія и кончина Ярослава.

Наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ созвалъ дѣтей своихъ и хотѣлъ благоразумнымъ наставленіемъ предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будетъ меня на свѣтѣ,» говорилъ онъ: «вы, «дѣти одного отца и матери, должны не «только называться братьями, но и сердечно любить другъ друга. Знайте, что «междоусобіе, бѣдственное лично для васъ,

«погубитъ славу и величіе Государства, «основаннаго счастливыми трудами нашихъ «отцевъ и дѣдовъ. Миръ и согласіе ваше «утвердятъ его могущество. Изяславъ, «старшій братъ, заступитъ мое мѣсто и «сядетъ на престолѣ Кіевскомъ: повинуй-«тесь ему, какъ вы отцу повиновались. Свя-«тославу даю Черниговъ, Всеволоду Перея-«славль, Вячеславу Смоленскъ[50]: каждый да «будетъ доволенъ своею частію, или стар-«шій братъ да судитъ васъ какъ Государь! «Онъ защититъ утѣсненнаго и накажетъ «виновнаго.» Слова достопамятныя, мудрыя и безполезныя! Ярославъ думалъ, что дѣти могутъ быть разсудительнѣе отцевъ, и къ несчастію ошибся.

Не взирая на старость и болѣзнь, онъ все еще занимался государственными дѣлами: поѣхалъ въ Вышегородъ, и тамъ скончался, имѣя отъ роду болѣе семидесяти лѣтъ (супруга его умерла еще въ 1050 году). Изъ дѣтей былъ съ нимъ одинъ Всеволодъ, котораго онъ любилъ нѣжнѣе всѣхъ другихъ и никогда не отпускалъ отъ себя. Горестный сынъ, народъ и Священники въ служебныхъ ризахъ шли за тѣломъ изъ Вышегорода до Кіева, гдѣ оно, заключенное въ мраморную раку, было погребено въ Софійской церкви. Сей памятникъ, украшенный рѣзными изображеніями птицъ и деревъ, уцѣлѣлъ до нашихъ временъ[51].

Февраля 19.

Гробъ Ярославовъ.

Свойства сего Князя. Ярославъ заслужилъ въ лѣтописяхъ имя Государя мудраго; не пріобрѣлъ оружіемъ новыхъ земель, но возвратилъ утраченное Россіею въ бѣдствіяхъ междоусобія; не всегда побѣждалъ, но всегда оказывалъ мужество; успокоилъ отечество и любилъ народъ свой. Слѣдуя въ правленіи благодѣтельнымъ намѣреніямъ Владиміра, онъ хотѣлъ загладить вину ослушнаго сына и примириться съ тѣнію огорченнаго имъ отца.

Внѣшняя Политика Ярославова была достойна Монарха сильнаго: онъ привелъ Константинополь въ ужасъ за то, что оскорбленные Россіяне требовали и не нашли тамъ правосудія; но отмстивъ Польшѣ и взявъ свое, великодушною помощію утвердилъ ея цѣлость и благоденствіе.

Ярославъ наказалъ мятежныхъ Новогородцевъ, за убіеніе Варяговъ, такъ, какъ Государи не должны наказывать: вѣроломнымъ обманомъ; но признательный къ ихъ усердію, далъ имъ многія выгоды и права. Князья Новогородскіе слѣдующихъ вѣковъ должны были клясться гражданамъ въ точномъ соблюденіи его *льготныхъ грамотъ*[52], къ сожалѣнію истребленныхъ временемъ. Знаемъ только, что сей народъ, ссылаясь на оныя, почиталъ себя вольнымъ въ избраніи собственныхъ Властителей. Память Ярославова была въ теченіе вѣковъ любезна жителямъ Новагорода, и мѣсто, гдѣ обык-

новенно сходился народъ для совѣта, въ самыя позднѣйшія времена именовалось *Дворомъ Ярослава*[53].

Сей Князь заточилъ брата, обнесеннаго клеветниками; но доказалъ свое добродушіе, простивъ мятежнаго племянника, и забывъ, для счастія Россіи, прежнюю вражду Князя Тмутороканскаго.

Крещеніе костей

Ярославъ былъ набоженъ до суевѣрія: онъ вырылъ кости Владиміровыхъ братьевъ, умершихъ въ язычествѣ — Олеговы и Ярополковы — крестилъ ихъ и положилъ въ Кіевской церкви Св. Богородицы. Ревность его къ Христіанству соединялась, какъ мы видѣли, съ любовію къ просвѣщенію. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ говорятъ, что сей Великій Князь завелъ въ Новѣгородѣ первое народное училище, гдѣ 300 отроковъ, дѣти Пресвитеровъ и Старѣйшинъ, пріобрѣтали свѣдѣнія нужныя для Священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ[54]. Загладивъ слѣды Болеславовыхъ опустошеній въ южной Россіи, населивъ плѣнниками область Кіевскую[55] и будучи, подобно Олегу и Владиміру, основателемъ многихъ городовъ новыхъ, онъ хотѣлъ, чтобы столица его, имъ обновленная, распространенная, могла справедливо называться *вторымъ Царемградомъ*. Ярославъ любилъ Искусства: художники Греческіе, имъ призванные въ Россію, украсили храмы живописью и мусіею, донынѣ видимою въ Кіевской Софійской церкви. Сія

Первое народное училище.

Кіевъ вторый Царьградъ.

мусія, составленная изъ четвероугольныхъ камешковъ, изображаетъ на златомъ полѣ лица и одежду Святыхъ по рисунку весьма несовершенному, но съ удивительною свѣжестію красокъ: работа болѣе трудная, нежели изящная, однакожь любопытная для знатоковъ Искусства. — Благопріятный случай сохранилъ также для насъ серебряную монету княженія Ярославова, на коей представленъ воинъ съ Греческою надписью: ὁ Γεοργιος, и съ Русскою: *Ярославле сребро*[86]: доказательство, что древняя Россія не только пользовалась чужестранными драгоцѣнными монетами, но имѣла и собственныя. — Стараясь о благолѣпіи храмовъ, пріятномъ для глазъ, Великій Князь желалъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ тамъ удовольствіе: пишутъ, что около половины XI столѣтія выѣхали къ намъ пѣвцы Греческіе, научившіе Россійскихъ церковниковъ согласному *Демественному* пѣнію[87].

Монета Ярославова.

Демественное пѣніе.

Дворъ Ярославовъ, окруженный блескомъ величія, служилъ убѣжищемъ для Государей и Князей несчастныхъ. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина, Олофъ *Святый*, Король Норвежскій, лишенный трона, требовалъ защиты Россійскаго Монарха. Ярославъ принялъ его съ особеннымъ дружелюбіемъ и хотѣлъ дать ему въ управленіе знаменитую область въ Государствѣ своемъ; но сей Король, обольщенный сновидѣніемъ и надеждою побѣдить Канута, завоевателя

Россія убѣжище изгнанниковъ.

Норвегіи, выѣхалъ изъ Россіи, оставивъ въ ней юнаго сына своего, Магнуса, который послѣ царствовалъ въ Скандинавіи[58]. Дѣти мужественнаго Короля Англійскаго, Эдмунда, изгнанные Канутомъ, Эдвинъ и Эдвардъ, также Принцъ Венгерскій, Андрей (не бывъ еще зятемъ Ярославовымъ), вмѣстѣ съ братомъ своимъ Левентою, искали безопасности въ нашемъ отечествѣ[59]. — Ярославъ съ такимъ же великодушіемъ принялъ Князя Варяжскаго Симона, который, будучи изгнанъ дядею, *Якуномъ Слѣпымъ*, со многими единоземцами вступилъ въ Россійскую службу и сдѣлался первымъ Вельможею юнаго Всеволода[60].

Сѣверныя владѣнія Россіи.

Мы сказали, что Ярославъ не принадлежитъ къ числу завоевателей; однакожъ вѣроятно, что въ *его* княженіе область Новогородская распространилась на Востокъ и Сѣверъ. Жители Перми, окрестностей Печорскихъ, Югра[61], были уже въ XI вѣкѣ данниками Новогородскими (Несторъ зналъ и дикихъ Самоѣдовъ, которые обитали къ Сѣверу отъ Югры): завоеваніе столь отдаленное не могло вдругъ совершиться, и Россіянамъ надлежало прежде овладѣть всѣми ближайшими мѣстами Архангельской и Вологодской Губерніи, древнимъ отечествомъ народовъ Чудскихъ, славнымъ въ Сѣверныхъ лѣтописяхъ подъ именемъ Біарміи. Тамъ, на берегахъ Двины, въ началѣ XI вѣка, по сказанію Исландцевъ, былъ торговый городъ,

гдѣ съѣзжались лѣтомъ купцы Скандинавскіе, и гдѣ Норвежцы, отправленные въ Біармію Св. Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, ограбили кладбище и похитили украшеніе Финскаго идола Йомалы[62]. Баснословіе ихъ Стихотворцевъ о чудесномъ великолѣпіи сего храма и богатствѣ жителей не входитъ въ Исторію; но жители Біарміи могли нѣкоторыми произведеніями земли своей, солью, желѣзомъ, мѣхами, торговать съ Норвежцами, открывшими въ IX вѣкѣ путь къ устью Двины[63], и даже съ Камскими Болгарами, посредствомъ рѣкъ судоходныхъ. Занимаясь рыбною и звѣриною ловлею, огражденные съ одной стороны морями хладными, а съ другой лѣсами дремучими, они спокойно наслаждались независимостію, до самаго того времени, какъ смѣлые и предпріимчивые Новогородцы сблизились съ ними чрезъ область Бѣлозерскую и покорили ихъ, въ княженіе Владиміра или Ярослава[64]. Сія земля, отъ Бѣлаозера до рѣки Печоры, была названа Заволочьемъ, и мало по малу населена выходцами Новогородскими, которые принесли туда съ собою и Вѣру Христіанскую (по достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ намъ извѣстно, что въ XII вѣкѣ уже существовали монастыри на берегахъ Двины). Скоро отдаленный хребетъ горъ Уральскихъ, идущій отъ Новой Земли къ Югу, и бывшій нѣсколько времени предметомъ баснословія въ нашемъ отечествѣ,

сдѣлался какъ бы границею Россіи, и Новогородцы нашли способъ получать естественныя, драгоцѣнныя произведенія Сибири чрезъ своихъ Югорскихъ данниковъ, которые вымѣнивали оныя у тамошнихъ обитателей на желѣзныя орудія и другія дешевыя вещи.

Наконецъ блестящее и счастливое правленіе Ярослава оставило въ Россіи памятникъ достойный великаго Монарха. Сему Князю приписываютъ древнѣйшее *собраніе* нашихъ гражданскихъ уставовъ, извѣстное подъ именемъ *Русской Правды*[65]. Еще въ Олегово время Россіяне имѣли законы; но Ярославъ, *можетъ быть*, отмѣнилъ нѣкоторые, исправилъ другіе, и первый издалъ законы *писменные* на языкѣ Славянскомъ. Они конечно были государственными или *общими*, хотя древніе списки ихъ сохранились единственно въ Новѣгородѣ и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя *особенныя* или мѣстныя учрежденія[66]. Сей остатокъ древности, подобный *двѣнадцати дскамъ* Рима, есть вѣрное зерцало тогдашняго гражданскаго состоянія Россіи, и драгоцѣненъ для Исторіи: предлагаемъ его здѣсь въ извлеченіи.

Законы.

# ГЛАВА III.

## ПРАВДА РУССКАЯ,

### или

### Законы Ярославовы.

Законы уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира. Гражданскія степени. Дикая Вира. Потокъ. Пеня за удары. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе собственности. Воровство. Оцѣнка вещей. Бортные знаки и межевые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Сводъ. Кража людей. Бѣглые. Кабала. Долги. Торговля рабовъ. Сохраненіе пожитковъ. Росты. Улики, оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право наслѣдственное. Судіи Присяжные. Общій характеръ законовъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ церковный.

Главная цѣль общежитія есть личная безопасность и неотъемлемость собственности: уставъ Ярославовъ утверждаетъ ту и другую слѣдующимъ образомъ:

Законы уголовные. Денежныя пени за убійство.

I. «Кто убьетъ человѣка, тому родственники убитаго мстятъ за смерть смертію; «а когда не будетъ мстителей, то съ «убійцы взыскать деньгами въ Казну: за «голову Боярина Княжескаго, Тіуна *Огнищанъ* или гражданъ именитыхъ, и Тіуна «*Конюшаго*, 80 гривенъ или двойную Виру; «за Княжескаго Отрока или Гридня, *повара*, «*конюха*, купца, Тіуна и Мечника Боярска-«го, за всякаго *Людина*, то есть свободна-

«го человѣка, Русскаго (Варяжскаго племени) «или Славянина, 40 гривенъ или Виру, а за «убіеніе жены полвиры. За раба нѣтъ Ви- «ры; но кто убилъ его безвинно, долженъ «платить господину такъ называемый урокъ, «или цѣну убитаго: за Тіуна *сельскаго* или «старосту Княжескаго и Боярскаго, за ре- «месленника, дядьку или пѣстуна, и за кор- «милицу, 12 гривенъ, за простаго холопа «Боярскаго и Людскаго 5 гривенъ, за рабу «6 гривенъ, и сверхъ того въ Казну 12 «гривенъ *продажи*,» дани или пени[67].

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Россіяне получили свои гражданскіе уставы отъ Скандинавовъ. Желая утвердить семейственныя связи, нужныя для безопасности личной въ новыхъ обществахъ, всѣ народы Германскіе давали родственникамъ убитаго право лишить жизни убійцу или взять съ него деньги, опредѣляя разныя пени или Вира. Виры (Wehrgeld) по гражданскому состоянію убитыхъ, ничтожныя въ сравненіи съ нынѣшнею цѣною вещей, но тягостныя по тогдашней рѣдкости денегъ[68]. Законодатели берегли жизнь людей, нужныхъ для государственнаго могущества, и думали, что денежная пеня можетъ отвращать злодѣянія. Дѣти Ярославовы, какъ увидимъ, отмѣнили даже и законную месть родственниковъ.

Сія уголовная статья весьма ясно представляетъ намъ гражданскія степени древ-

Граж-данскія сте-пени.

вней Россіи. Бояре и Тіуны Княжескіе занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитаго чиновника: второе есть Скандинавское или древнее Нѣмецкое Thaegn, Thiangn, Diakn, *мужъ честный*, vir probus[69]; такъ вообще назывались Дворяне Англо-Саксонскіе, иногда дружина Государей, Графы, и проч. – Люди военные, придворные[70], купцы и земледѣльцы свободные принадлежали ко второй степени; къ третьей, или нижайшей, холопи Княжескіе, Боярскіе и монастырскіе, которые не имѣли никакихъ собственныхъ правъ гражданскихъ. Древнѣйшими рабами въ отечествѣ нашемъ были конечно потомки военноплѣнныхъ; но въ сіе время – то есть въ XI вѣкѣ – уже разныя причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говоритъ[71], что «холопомъ «*обълнымъ*, или полнымъ, бываетъ 1) че«ловѣкъ купленный при свидѣтеляхъ; 2) «кто не можетъ удовольствовать своихъ «заимодавцевъ; 3) кто женится на рабѣ «безъ всякаго условія; 4) кто безъ усло«вія же пойдетъ въ слуги или въ ключ«ники, и 5) *закупъ*, то есть наемникъ «или на время закабаленный человѣкъ, ко«торый, не выслуживъ срока, уйдетъ и не «докажетъ, что онъ ходилъ къ Князю или «судьямъ, искать управы на господина. Но «служба не дѣлаетъ вольнаго рабомъ. Наем«ники могутъ всегда отойти отъ господи«на, возвративъ ему незаработанныя ими

«деньги. Вольный слуга, обманомъ проданный за холопа, совершенно освобождается «отъ кабалы, а продавецъ вноситъ въ Казну 12 гривенъ пени.»

II. «Ежели кто убьетъ человѣка въ ссорѣ «или въ пьянствѣ и скроется, то *Вервь* или «округа, гдѣ совершилось убійство, платитъ за него пеню,» — которая называлась въ такомъ случаѣ *дикою Вирою*— «но въ разные «сроки, и въ нѣсколько лѣтъ, для облегченія жителей. За найденное мертвое тѣло «человѣка неизвѣстнаго Вервь не отвѣтствуетъ. — Когда же убійца не скроется, «то съ округи или съ волости взыскать «половину Виры, а другую съ самого убійцы.» Законъ весьма благоразумный въ тогдашнія времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченнаго виномъ или ссорою, онъ побуждалъ всякаго быть миротворцемъ, чтобы въ случаѣ убійства не платить вмѣстѣ съ виновнымъ. — «Ежели убійство сдѣлается безъ всякой ссоры, то волость не «платитъ за убійцу, но выдаетъ его *на «потокъ*» — или въ руки Государю — «съ женою, съ дѣтьми и съ имѣніемъ»[72]. Уставъ жестокій и несправедливый по нашему образу мыслей; но жена и дѣти отвѣтствовали тогда за вину мужа и родителя, ибо считались его *собственностію*.

Дикая Вира.

Потокъ

III. Какъ древніе Нѣмецкіе, такъ и Ярославовы законы опредѣляли особенную пеню за всякое дѣйствіе насилія: «за ударъ ме-

Пеня за удары.

«чемъ необнаженнымъ, или его рукояткою, «тростію, чашею, стаканомъ[73], пястію, «12 гривенъ; за ударъ палицею и жердію «3 гривны, за всякой толчекъ и за рану легкую 3 гривны, а раненному гривну на лечение.» Слѣдственно гораздо неизвинительнѣе было ударить голою рукою, легкою чашею или стаканомъ, нежели тяжелою палицею или самымъ острымъ мечемъ. Угадаемъ ли мысль Законодателя? Когда человѣкъ въ ссорѣ *обнажалъ* мечь, бралъ палицу или жердь, тогда противникъ его, *видя опасность*, имѣлъ время изготовиться къ оборонѣ или удалиться. Но рукою или домашнимъ сосудомъ можно было ударить *незапно*; также мечемъ необнаженнымъ и тростію: ибо воинъ *обыкновенно* носилъ мечь, и всякой человѣкъ *обыкновенно* ходилъ съ тростію: то и другое не заставляло остерегаться. Далѣе: «За поврежденіе ноги, ру«ки, глаза, носа, виновный платитъ 20 «гривенъ въ Казну, а самому изувѣченному «10 гривенъ[74]; за выдернутый клокъ боро«ды 12 гривенъ въ Казну; за выбитый зубъ «то же, а самому битому гривну; за отру«бленный палецъ 3 гривны въ Казну, а ра«ненному гривну. Кто погрозитъ мечемъ, «съ того взять гривну пени; кто же вы«нулъ его для обороны, тотъ не подвер«гается никакому взысканію, ежели и ра«нитъ своего противника. Кто самовольно, «безъ Княжескаго повелѣнія, накажетъ *Огни*-

«*щанина*» (земледѣльца и простаго человѣка) «платитъ за перваго 12 гривенъ Князю, за «втораго 3 гривны, а битому гривну въ «томъ и въ другомъ случаѣ. Если холопъ «ударитъ свободнаго человѣка и скроется, «а господинъ не выдастъ его, то взыскать «съ господина 12 гривенъ. Истецъ же имѣетъ «право вездѣ умертвить раба, своего обид- «чика.» Дѣти Ярославовы, отмѣнивъ сію казнь, дали истцу одно право бить виновнаго холопа[75], или взять за безчестье гривну. — «Если господинъ въ пьянствѣ и безъ «вины тѣлесно накажетъ *закупа* или слугу «наемнаго, то платитъ ему какъ свободно- «му.» — Большая часть денежной пени, какъ видимъ, шла обыкновенно въ Казну: ибо всякое нарушеніе порядка считалось оскорбленіемъ Государя, блюстителя общей безопасности.

Дворъ Княжескій есть мѣсто суда.

IV. «Когда на Дворъ Княжескій» — гдѣ обыкновенно судились дѣла — «придетъ истецъ окровавленный или въ синихъ пятнахъ, то ему не нужно представлять инаго свидѣтельства; а ежели нѣтъ знаковъ, «то представляетъ очевидцевъ драки, и «виновникъ ея платитъ 60 *кунъ*» (см. ниже). «Ежели истецъ будетъ окровавленъ, а «свидѣтели покажутъ, что онъ самъ на- «чалъ драку, то ему нѣтъ удовлетворенія.»

Оградивъ личную безопасность, Законодатель старался утвердить цѣлость собственности въ гражданской жизни.

Охраненіе собственности. V. «Всякой имѣетъ право убить ночнаго «татя на воровствѣ; а кто продержитъ «его связаннаго *до свѣта*, тотъ обязанъ «итти съ нимъ на Княжескій Дворъ. Убіе«ніе татя взятаго и связаннаго есть пре«ступленіе, и виновный платитъ въ Каз«ну 12 гривенъ. Тать *коневый* выдается го«ловою Князю и теряетъ всѣ права граж«данскія, вольность и собственность.» Воровство. Столь уважаемъ былъ конь, вѣрный слуга человѣку на войнѣ, въ земледѣліи и въ путешествіяхъ! Древніе Саксонскіе законы осуждали на смерть всякаго, кто уведетъ чужую лошадь[76]. — Далѣе: «Съ вора *клѣт*«*наго*» — т. е. домашняго или горничнаго — «взыскивается въ Казну 3 гривны, съ вора «*житнаго*, который унесетъ хлѣбъ изъ «*ямы* или съ гумна, 3 гривны и 30 кунъ; «хозяинъ же беретъ свое жито, и еще пол«гривны съ вора. — Кто украдетъ скотъ въ «хлѣвѣ или въ домѣ, платитъ въ Казну 3 «гривны и 30 кунъ, а кто въ полѣ, тотъ «60 кунъ» (первое считалось важнѣйшимъ преступленіемъ: ибо воръ нарушалъ тогда спокойствіе хозяина): «сверхъ чего за вся«кую скотину, которая не возвращена ли«цемъ, хозяинъ беретъ опредѣленную цѣну: «за коня *Княжаго* 3 гривны, за простаго 2, «за кобылу 60 кунъ, за жеребца неѣзжалаго «гривну, за жеребенка 6 *ногатъ*, за вола «гривну, за корову 40 кунъ, за трехлѣт«няго быка 30 кунъ, за годовика полгривны,

«за шеленка, овцу и свинью 5 кунъ, за ба-«рана и поросенка ногашу[77].»

Сшашья любопышная: ибо она показываешъ шогдашнюю оцѣнку вещей. Въ гривнѣ было 20 *ногатъ* или 50 *рѣзаней*, а 2 рѣзани сосшавляли одну куну. Сими именами означались мелкія кожаныя монешы, ходившія въ Россіи и въ Ливоніи[78]. Оцѣнка вещей.

VI. «За бобра, украденнаго изъ норы, «опредѣляешся 12 гривенъ пени[79].» Здѣсь говоришся о бобрахъ *племянныхъ*, съ коими хозяинъ лишался всего возможнаго приплода. — «Если въ чьемъ владѣніи будешъ «изрыша земля, найдушся сѣши или другіе «признаки воровской ловли, шо Вервь должна «сыскашь виновнаго или заплашишь пеню.»

VII. «Кшо умышленно зарѣжешъ чужаго «коня или другую скошину, плашишъ 12 «гривенъ въ Казну, а хозяину гривну[80].» Злоба безчесшила гражданъ менѣе, нежели воровсшво: шѣмъ болѣе долженсшвовали законы обуздывашь оную.

VIII. «Кшо сшешешъ *бортные* знаки, или «запашешъ межу полевую, или перегоро-«дишъ дворовую, или срубишъ боршную «грань, или *дубъ* гранный или межевый «сшолпъ, съ шого взяшь въ Казну 12 гри-«венъ.» Слѣдсшвенно всякое сельское владѣніе имѣло свои предѣлы, ушвержденные Гражданскимъ Правишельсшвомъ, и знаки ихъ были священны для народа. Боршные знаки и межевые сшолпы.

IX. «За боршь ссѣченную виновный даешъ

«3 гривны пени въ Казну, за дерево пол-«гривны, за выдраніе пчелъ 3 гривны, а «хозяину за медъ нелаженнаго улья 10 кунъ, «за лаженный 5 кунъ.» Читателю извѣстно, что есть *бортное* ухожье: дупла служили тогда ульями, а лѣса единственными пчельниками. — «Ежели тать скроется, должно «искать его по слѣду, но съ чужими людь-«ми и свидѣтелями. Кто не отведетъ слѣ-«да отъ своего жилища, тотъ виноватъ; «но буде слѣдъ кончится у гостинницы, «или на пустомъ, незастроенномъ мѣстѣ, «то взысканія нѣтъ.»

Птицеловство.

X. «Кто срубитъ шестъ подъ сѣтію «птицелова или отрѣжетъ ея веревки, пла-«титъ 3 гривны въ Казну, а птицелову «гривну; за украденнаго сокола или ястреба «3 гривны въ Казну, а птицелову гривну; «за голубя 9 кунъ, за куропатку 9 кунъ, «за утку 30 кунъ, за гуся, журавля и ле-«бедя то же.» Сею чрезмѣрною пенею Законодатель хотѣлъ обезпечить тогдашнихъ многочисленныхъ птицелововъ въ ихъ промыслѣ.

XI. «За покражу сѣна и дровъ 9 кунъ въ «Казну, а хозяину за каждый возъ по двѣ «ногаты.»

XII. «Воръ за ладію платитъ 60 кунъ «въ Казну, а хозяину за морскую 3 гривны, «за *набойную* 2 гривны, за стругъ гривну, «за челнъ 8 кунъ, если не можетъ лицемъ «возвратить украденнаго[81].» Имя *набойная*

происходитъ отъ досокъ *набиваемыхъ* сверхъ краевъ мелкаго судна, для возвышенія боковъ его.

XIII. «Зажигатель гумна и дома выдается голововою Князю со всѣмъ имѣніемъ, изъ «коего надобно прежде вознаградить убытокъ, понесенный хозяиномъ гумна или до«ма.» Зажигательство.

XIV. «Ежели обличатся въ воровствѣ хо«лопи Княжескіе, Бояръ или простыхъ гра«жданъ, то съ нихъ не брать въ Казну пе«ни (взыскиваемой единственно съ людей «свободныхъ); но они должны платить ист«цу вдвое: на примѣръ, взявъ обратно свою «украденную лошадь, истецъ требуетъ еще «за оную 2 гривны — разумѣется съ го«сподина, который обязанъ или выкупить «своего холопа, или головою выдать его, «вмѣстѣ съ другими участниками сего во«ровства, кромѣ ихъ женъ и дѣтей. Ежели «холопъ, обокравъ кого, уйдетъ, то госпо«динъ платитъ за всякую унесенную имъ «вещь по цѣнѣ обыкновенной. — За воров«ство слуги наемнаго господинъ не отвѣт«ствуетъ; но если внесетъ за него пеню, «то беретъ слугу въ рабы или можетъ «продать[82].»

XV. «Утративъ одежду, оружіе, хозяинъ «долженъ заявить на торгу; опознавъ вещь «у *горожанина,* идетъ съ ними *на сводъ,* «то есть, спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ ее? «и переходя такимъ образомъ отъ человѣ- Сводъ.

«ка къ человѣку, отыскиваетъ дѣйстви-
«тельнаго вора, который платитъ за вину
«3 гривны; а вещь остается въ рукахъ хо-
«зяина. Но ежели ссылка пойдетъ на жите-
«лей *уѣздныхъ*, то истцу взять за укра-
«денное деньги съ *третьяго* отвѣтчика,
«который идетъ съ поличнымъ далѣе, и
«наконецъ отысканный воръ платитъ за
«все по закону. — Кто скажетъ, что кра-
«денное куплено имъ у человѣка неизвѣст-
«наго, или жителя иной области, тому на-
«добно представить двухъ свидѣтелей,
«гражданъ свободныхъ, или мытника» (сбор-
щика пошлинъ), «чтобы они клятвою у-
«твердили истину словъ его[83]. Въ такомъ
«случаѣ хозяинъ беретъ свое лицемъ, а ку-
«пецъ лишается вещи, но можетъ отыски-
«вать продавца.»

Кража людей.

XVI. «Ежели будетъ *украденъ холопъ*, то
«господинъ, опознавъ его, также идетъ съ
«нимъ на сводъ отъ человѣка къ человѣку,
«и *третій* отвѣтчикъ даетъ ему *своего* хо-
«лопа, но съ украденнымъ идетъ далѣе[84].
«Отысканный виновникъ платитъ всѣ убыт-
«ки и 12 гривенъ пени Князю; а *третій* от-
«вѣтчикъ беретъ обратно холопа, отдан-
«наго имъ въ залогъ вмѣсто сведеннаго.»

Бѣглые.

XVII. «О *бѣгломъ* холопѣ господинъ объ-
«являетъ на торгу, и ежели чрезъ три
«дни опознаетъ его въ чьемъ домѣ, то хо-
«зяинъ сего дому, возвративъ укрытаго
«бѣглеца, платитъ еще въ Казну 3 грив-

«ны. — Кто бѣглецу дастъ хлѣба или укажетъ путь, тотъ платитъ господину 5 «гривенъ, а за рабу 6, или клянется, что «онъ не слыхалъ объ ихъ бѣгствѣ[85]. Кто «представитъ ушедшаго холопа, тому даетъ «господинъ гривну; а кто упуститъ задержаннаго бѣглеца, платитъ господину 4 «гривны, а за рабу 5 гривенъ: въ первомъ «случаѣ пятая, а во второмъ шестая уступается ему за то, что онъ поймалъ бѣглыхъ. — Кто самъ найдетъ раба своего въ «городѣ, тотъ беретъ Посадникова Отрока, и даетъ ему 10 кунъ за связаніе бѣглеца.»

XVIII. «Кто возметъ чужаго холопа въ «кабалу, тотъ лишается данныхъ холопу «денегъ, или долженъ присягнуть, что онъ «считалъ его свободнымъ: въ такомъ случаѣ «господинъ выкупаетъ раба, и беретъ все «имѣніе, пріобрѣтенное симъ рабомъ[86].» Кабала.

XIX. «Кто, не спросивъ у хозяина, сядетъ «на чужаго коня, тотъ платитъ въ наказаніе 3 гривны» — то есть, всю цѣну лошади. Сей законъ слово въ слово есть повтореніе древняго Ютландскаго, и еще болѣе доказываетъ, что гражданскіе уставы Нормановъ были основаніемъ Россійскихъ[87].

XX. «Ежели наемникъ потеряетъ собственную лошадь, то ему не за что отвѣтствовать; а ежели утратитъ плугъ «и борону господскую, то обязанъ платить «или доказать, что сіи вещи украдены въ

«его отсутствіе, и что онъ былъ посланъ «со двора за господскимъ дѣломъ.» И такъ владѣльцы обработывали свои земли не одними холопями, но и людьми наемными. — «Вольный слуга не отвѣтствуетъ за скотину, уведенную изъ хлѣва; но когда растеряетъ оную въ полѣ, или не загонитъ «на дворъ, то платитъ. — Ежели господинъ обидитъ слугу и не выдастъ ему «полнаго жалованья, то обидчикъ, удовольствовавъ истца, вноситъ 60 кунъ пени; «ежели насильственно отнимет у него «деньги, то, возвративъ ихъ, платитъ «еще въ Казну 3 гривны[88].»

Долги. XXI. «Ежели кто будетъ требовать своихъ денегъ съ должника, а должникъ запрется, то истецъ представляетъ свидѣтелей. Когда они поклянутся въ справедливости его требованія, заимодавецъ беретъ свои деньги и еще 3 гривны въ удовлетвореніе. — Ежели заемъ не свыше трехъ «гривенъ, то заимодавецъ одинъ присягаетъ: «но большій искъ требуетъ свидѣтелей «или безъ нихъ уничтожается[89].»

XXII. «Если купецъ повѣрилъ деньги купцу для торговли, и должникъ начнетъ запираться, то свидѣтелей не спрашивать, «но отвѣтчикъ самъ присягаетъ.» Законодатель хотѣлъ, кажется, изъявить въ семъ случаѣ особенную довѣренность къ людямъ торговымъ, которыхъ дѣла бываютъ основаны на чести и вѣрѣ.

XXIII. «Если кто многимъ долженъ, а «купецъ *иностранный*, не зная ничего, по-«вѣритъ ему товаръ: въ такомъ случаѣ «продать должника со всѣмъ его имѣніемъ, «и *первыми* вырученными деньгами удоволь-«ствовать иностранца или Казну; осталь-«ное же раздѣлить между прочими заимо-«давцами: но кто изъ нихъ взялъ уже много «ростовъ, тотъ лишается своихъ денегъ.»

XXIV. «Ежели чужіе товары или деньги «у купца потонутъ, или сгорятъ, или бу-«дутъ отняты непріятелемъ, то купецъ «не отвѣтствуетъ ни головою, ни воль-«ностію, и можетъ разложить платежъ въ «сроки: ибо власть Божія и несчастіе не «суть вина человѣка. Но если купецъ въ «пьянствѣ утратитъ ввѣренный ему то-«варъ или промотаетъ его, или испортитъ «отъ небреженія: то заимодавцы посту-«пятъ съ нимъ, какъ имъ угодно: отсро-«чатъ ли платежъ, или продадутъ долж-«ника въ неволю.»

XXV. «Если холопъ *обманомъ*, подъ име-«немъ вольнаго человѣка, испроситъ у ко-«го деньги, то господинъ его долженъ или «заплатить, или отказаться отъ раба; но «кто повѣритъ *извѣстному* холопу, ли-«шается денегъ. — Господинъ, позволивъ ра-«бу торговать, обязанъ платить за него «долги[90].» Торговля рабовъ.

XXVI. «Если гражданинъ отдастъ свои «пожитки на сохраненіе другому, то въ

«свидѣтеляхъ нѣтъ нужды. Кто будетъ «запираться въ принятіи вещей, долженъ «утвердить клятвою, что не бралъ ихъ. «Тогда онъ правъ: ибо имѣніе повѣряютъ «единственно такимъ людямъ, коихъ честь «извѣстна; и кто беретъ его на сохране-«ніе, тотъ оказываетъ услугу[91].»

Сохраненіе пожитковъ.

XXVII. «Кто отдаетъ деньги въ ростъ, «или медъ и жито въ займы, тому въ слу-«чаѣ спора представить свидѣтелей, и «взять все по сдѣланному договору. *Мѣсяч-«ные* росты берутся единственно за малое «время; а кто останется должнымъ цѣлый «годъ, платитъ уже *третные*, а не *мѣсяч-«ные*.» Мы не знаемъ, въ чемъ состояли тѣ и другіе, основанные на всеобщемъ обыкновеніи тогдашняго времени; но ясно, что послѣдніе были гораздо тягостнѣе, и что Законодатель хотѣлъ облегчить судьбу должниковъ. — «Законы позволяютъ брать 10 «кунъ съ гривны на годъ» — то есть, сорокъ на сто[92]. — Въ земляхъ, гдѣ торговля, художества и промышленость цвѣтутъ изъ давныхъ временъ, деньги теряютъ цѣну отъ своего множества. Въ Голландіи, въ Англіи заимодавцы довольствуются самымъ малымъ прибыткомъ; но въ странахъ, подобно древней Россіи, богатыхъ только грубыми естественными произведеніями, а не монетою — въ странахъ, гдѣ первобытная дикость нравовъ уже смягчается навыками гражданскими; гдѣ новая внутренняя

Росты.

и внѣшняя торговля знакомитъ людей съ выгодами роскоши — деньги имѣютъ высокую цѣну, и лихоимство пользуется ихъ рѣдкостію.

Слѣдуютъ общія постановленія для улики и оправданія:

XXVIII. «Всякой уголовный доносъ требуетъ свидѣтельства и присяги *семи* человѣкъ[93]; но Варягъ и чужестранецъ обязывается представить только двухъ. Когда дѣло идетъ единственно о побояхъ «легкихъ, то нужны вообще два свидѣтеля; «но чужестранца никогда не льзя обвинить «безъ семи.» И такъ древніе наши законы особенно покровительствовали иноземцевъ. Улики, оправданія.

XXIX. «Свидѣтели должны быть всегда «граждане свободные; только по нуждѣ и «въ маломъ искѣ дозволено сослаться на Тіуна *Боярскаго* или закабаленнаго слугу.» (Слѣдственно Боярскіе Тіуны не были свободные люди, хотя жизнь ихъ, какъ означено въ первой статьѣ, цѣнилась равно съ жизнію вольныхъ гражданъ). — «Но истецъ «можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ «раба, и требовать, чтобы отвѣтчикъ «оправдался *испытаніемъ желѣза.* Если по«слѣдній окажется виновнымъ, то платитъ «искъ; если оправдается, то истецъ даетъ «ему за муку гривну и въ Казну 40 кунъ, «Мечнику 5 кунъ, Княжескому Отроку пол«гривны (что называется *желѣзною пошлиною*). Когда же отвѣтчикъ вызванъ на

«сіе испытаніе по неясному свидѣтельству «людей свободныхъ, то, оправдавъ себя, «не беретъ ничего съ истца, который пла- «титъ единственно пошлину въ Казну. — «Не имѣя никакихъ свидѣтелей, самъ ис- «тецъ доказываетъ правость свою *желѣ- «зомъ:* чѣмъ рѣшить всякія тяжбы въ убій- «ствѣ, воровствѣ и поклепѣ, ежели искъ «стоитъ полугривны золота; а ежели ме- «нѣе, то испытывать *водою;* въ двухъ же «гривнахъ и менѣе достаточна одна истце- «ва присяга[94].»

Испытаніе желѣзомъ и водою.

Законы суть дополненія лѣтописей: безъ Ярославовой *Правды* мы не знали бы, что древніе Россіяне, подобно другимъ народамъ, употребляли желѣзо и воду для изобличенія преступниковъ: обыкновеніе безразсудное и жестокое, славное въ Исторіи среднихъ вѣковъ подъ именемъ *суда Небеснаго*[95]. Обвиняемый бралъ въ голую руку желѣзо раскаленное или вынималъ ею кольцо изъ кипятка: послѣ чего судьямъ надлежало обвязать и запечатать оную. Ежели черезъ три дни не оставалось язвы или знака на ея кожѣ, то невинность была доказана. Умъ здравый и самая Вѣра истинная долго не могли истребить сего устава языческихъ временъ, и Христіанскіе Пастыри торжественно освящали желѣзо и воду для испытанія добродѣтели или злодѣйства, не только простыхъ гражданъ, но и самыхъ Государей въ случаѣ клеветы или важнаго

подозрѣнія. Народъ думалъ, что Богу легко сдѣлать чудо для спасенія невиннаго; но хитрость судей пристрастныхъ могла обманывать зрителей и спасать виновныхъ.

Древнѣйшіе законы всѣхъ народовъ были уголовные[96]; но Ярославовы опредѣляютъ и важныя права наслѣдственности.

XXX. «Когда простолюдинъ умретъ бездѣтенъ, то все его имѣніе взять въ Казну; «буде остались дочери незамужнія, то имъ «дать нѣкоторую часть онаго. Но Князь не «можетъ наслѣдовать послѣ Бояръ и мужей, «составляющихъ воинскую дружину[97]: если «они не имѣютъ сыновей, то наслѣдуютъ «дочери.» Но когда не было и послѣднихъ? родственники ли брали имѣніе или Князь?.... Здѣсь видимъ законное, важное преимущество чиновниковъ воинскихъ. Право наслѣдственное.

XXXI. «Завѣщаніе умершаго исполняет«ся въ точности. Буде онъ не изъявилъ во«ли своей, въ такомъ случаѣ отдать все «дѣтямъ, а часть въ церковь для спасенія «его души. Дворъ отцевскій всегда безъ раз«дѣла принадлежитъ меньшему сыну» — какъ юнѣйшему и менѣе другихъ способному наживать доходъ.

XXXII. «Вдова беретъ, что назначилъ «ей мужъ: впрочемъ она не есть наслѣдни«ца. — Дѣти первой жены наслѣдуютъ ея «достояніе или вѣно, назначенное отцемъ «для ихъ матери. — Сестра ничего не имѣ-

«етъ, кромѣ добровольнаго приданаго отъ «своихъ братьевъ.»

XXXIII. «Если жена, давъ слово остать-«ся вдовою, проживетъ имѣніе и выдетъ «за-мужъ, то обязана возвратить дѣтямъ «все прожитое. Но дѣти не могутъ со-«гнать вдовствующей матери со двора, или «отнять, что отдано ей супругомъ. Она «властна избрать себѣ одного наслѣдника «изъ дѣтей, или дать всѣмъ равную часть. «Ежели мать умретъ *безъ языка,* или безъ «завѣщанія, то сынъ или дочь, у коихъ она «жила, наслѣдуютъ все ея достояніе.»

XXXIV. «Если будутъ дѣти разныхъ от-«цевъ, но одной матери, то каждый сынъ «беретъ отцевское. Если второй мужъ рас-«хитилъ имѣніе перваго, и самъ умеръ, «то дѣти его возвращаютъ оное дѣтямъ «перваго, согласно съ показаніемъ свидѣте-«лей.»

XXXV. «Если братья станутъ тягать-«ся о наслѣдіи предъ Княземъ, то Отрокъ «Княжескій, посланный для ихъ раздѣла, по-«лучаетъ гривну за трудъ.»

XXXVI. «Ежели останутся дѣти мало-«лѣтныя, а мать выдетъ за-мужъ, то от-«дать ихъ при свидѣтеляхъ на руки ближ-«нему родственнику, съ имѣніемъ и съ до-«момъ; а что сей опекунъ присовокупитъ «къ оному, то возметъ себѣ за трудъ и «попеченіе о малолѣтныхъ; но приплодъ отъ «рабовъ и скота остается дѣтямъ. — За все

«утраченное платитъ опекунъ, коимъ можетъ быть и самъ вотчимъ.»

XXXVII. «Дѣти, прижитыя съ рабою, «не участвуютъ въ наслѣдіи, но получаютъ свободу, и съ матерью.»

Главою правосудія вообще былъ Князь, а дворъ Княжескій обыкновеннымъ мѣстомъ суда[98]. Но Государь поручалъ сію власть Тіунамъ и своимъ Отрокамъ. — Чиновники, которымъ надлежало рѣшить уголовныя дѣла, назывались *Вирниками*, и каждый судья имѣлъ помощника или Отрока, *Мѣтельника* или писца. Они брали запасъ отъ гражданъ и пошлину съ каждаго дѣла[99]. — Вирнику и писцу его, для объѣзда волости, давали лошадей. Судіи.

Въ одномъ изъ Новогородскихъ списковъ Ярославовой *Правды* сказано, что истецъ во всякой тяжбѣ долженъ итти съ отвѣтчикомъ *на изводъ передъ 12 гражданъ* — можетъ быть, Присяжныхъ, которые разбирали обстоятельства дѣла по совѣсти, оставляя судьѣ опредѣлить наказаніе и взыскивать пеню. Такъ было и въ Скандинавіи, откуда сей мудрый уставъ перешелъ въ Великобританію[100]. Англичане наблюдаютъ его донынѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Саксонъ Грамматикъ повѣствуетъ, что въ VIII вѣкѣ Рагнаръ Лодброкъ, Король Датскій, первый учредилъ думу двѣнадцати Присяжныхъ. Присяжные.

Такимъ образомъ уставъ Ярославовъ со-

держитъ въ себѣ полную систему нашего древняго законодательства, сообразную съ тогдашними нравами. Въ немъ не упоминается о нѣкоторыхъ возможныхъ злодѣяніяхъ, на примѣръ: о смертной отравѣ (такъ въ XII Дскахъ Рима), о насиліи женщинъ (и проч.): для того ли, что первое было необыкновенно въ Россіи, а второе казалось Законодателю сомнительнымъ и неяснымъ въ доказательствахъ? Не упоминается также о многихъ условіяхъ и сдѣлкахъ, весьма обыкновенныхъ въ самомъ началѣ гражданскихъ обществъ; но взаимная польза быть вѣрнымъ въ словѣ и честь служили вмѣсто законовъ.

Общій характеръ законовъ.

Примѣтимъ, что древніе свободные Россіяне не терпѣли никакихъ *тѣлесныхъ* наказаній: виновный платилъ или жизнію, или вольностію, или деньгами — и скажемъ о сихъ законахъ то же, что Монтескьё говоритъ вообще о Германскихъ: они изъявляютъ какое-то удивительное простосердечіе; кратки, грубы, но достойны людей твердыхъ и великодушныхъ, которые боялись рабства болѣе, нежели смерти[101].

Предложимъ еще одно замѣчаніе: Германцы, овладѣвъ Европою, не давали всѣхъ гражданскихъ правъ своихъ народамъ покореннымъ: такъ, по уставу Салическому, за убіеніе Франка надлежало платить 200 *су*, и вдвое менѣе за убіеніе Римлянина[102]. Но законы Ярославовы не полагаютъ никакого

различія между Россіянами Варяжскаго племени и Славянами: симъ обстоятельствомъ можно утвердить вѣроятность Несторова сказанія, что Князья Варяжскіе *не завоевали* нашего отечества, но были избраны Славянами управлять Государствомъ.

Ярославу же приписываютъ древній Уставъ Новогородскій *о мостовыхъ*, по коему знаемъ, что сей городъ, тогда уже весьма обширный, раздѣлялся на Части или Концы (Словенскій, Неревскій, Горничьскій, Людинъ, Плотинскій), а жители на *Сотни*, означаемыя именами ихъ Старѣйшинъ; что одна улица называлась *Добрынииною* (въ память сего знаменитаго Воеводы и дяди Владиміровa), а главный рядъ *Великимъ* рядомъ; что Нѣмцы или Варяги, Готы или Готландцы, привлеченные въ Новгородъ торговлею, жили въ особенныхъ улицахъ, и проч.— Но такъ называемый Церковный Уставъ Ярославовъ, о коемъ упоминаютъ новѣйшіе Лѣтописцы, и коего имѣемъ разные списки, есть безъ сомнѣнія подложный, сочиненный около XIV столѣтія. Подобно мнимому Владиміpову, онъ даетъ Епископамъ исключительное право судить оскорбленіе женскаго цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемыя слабому полу, разводъ, кровосмѣшеніе, ссоры дѣтей съ родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей Уставъ не согласенъ съ *Русскою Правдою*, и, кромѣ нелѣпостей, содержитъ въ себѣ выраженія и

Уставъ о мостовыхъ.

Уставъ церковный.

слова новѣйшихъ временъ; на примѣръ, опредѣляетъ пени *рублями*, еще неупотребительными въ денежномъ счетѣ временъ Ярославовыхъ[103].

## ГЛАВА IV.

### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ДИМИТРІЕМЪ.

### Г. 1054 — 1077.

Удѣлы. Побѣды надъ Голядами и Торками. Половцы. Ужасныя чудеса. Освобожденіе Судислава. Междоусобія. Пораженіе Россіянъ на берегахъ Альты. Мятежъ въ Кіевѣ. Бѣгство Великаго Князя. Разбитіе Половцевъ. Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію. Изяславъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новая Капуя. Война съ Полоцкимъ Княземъ. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба. Новое бѣгство Великаго Князя. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора. Посольство Генрика IV въ Кіевъ. Письмо Папы къ Изяславу. Россіяне въ Силезіи. Возвращеніе Изяслава. Междоусобіе. Смерть Великаго Князя. Свойства его. Уничтоженіе смертной казни. Монастырь Кіевопечерскій. Россіяне служатъ въ Греціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. Переписка съ Патріархами. Пророки и волшебники

Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возвеличенная Единовластіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастіе,

будучи снова раздробленною на малыя области. Владимiръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ Владимiрову: наслѣдники ихъ не могли воспользоваться симъ примѣромъ, не умѣли соединить частей въ цѣлое, и Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величiя, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствiемъ писать о сихъ временахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными распрями многочисленныхъ Властителей, коихъ тѣни, обагренныя кровiю бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ предъ его глазами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. Но Россiя намъ отечество: ея судьба и въ славѣ и въ уничиженiи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь Государства Россiйскаго отъ начала до нынѣшней степени онаго. Увидимъ толпу Князей недостойныхъ и слабыхъ; но среди ихъ увидимъ и Героевъ добродѣтели, сильныхъ мышцею и душею. Въ темной картинѣ междоусобiя, неустройствъ, бѣдствiй являются также яркiя черты ума народнаго, свойства, нравовъ, драгоцѣнныя своею древностiю. Однимъ словомъ, Исторiя предковъ всегда любопытна для того, кто достоинъ имѣть отечество.

Дѣти Ярославовы, исполняя его завѣща- Г.
нiе, раздѣлили по себѣ Государство. Об- 1054. — 60.
ласть Изяславова, сверхъ Новагорода, прости-

Удѣлы. ралась отъ Кіева на Югъ и Западъ до горъ Карпатскихъ, Польши и Литвы. Князь Черниговскій взялъ еще отдаленный Тмутороканъ, Рязань, Муромъ и страну Вятичей; Всеволодъ, кромѣ Переяславля, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и *Поволожье*, или берега Волги. Смоленская область заключала въ себѣ нынѣшнюю Губернію сего имени съ нѣкоторою частію Витебской, Псковской, Калужской и Московской[104]. Пятый сынъ Ярославовъ, Игорь, получилъ отъ старшаго брата, въ *частный* Удѣлъ, городъ Владиміръ. Князь Полоцкій, внукъ славной Рогнѣды, Брячиславъ, умеръ еще въ 1044 году: сынъ его, Всеславъ, наслѣдовалъ Удѣлъ отца — и Россія имѣла тогда шесть юныхъ Государей.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лѣтъ: Россіяне вооружались только противъ внѣшнихъ непріятелей. Побѣда надъ Голядами и Торками. Изяславъ побѣдилъ Голядовъ, жителей, какъ вѣроятно, Прусской *Галиндіи*, народъ Латышскій[105]; а Всеволодъ Торковъ, восточныхъ сосѣдовъ Переяславской области, которые, услышавъ, что и Великій Князь, вмѣстѣ съ Черниговскимъ и Полоцкимъ, идетъ на нихъ сухимъ путемъ и водою, удалились отъ предѣловъ Россіи: жестокая зима, голодъ и моръ истребили большую часть сего народа. — Но отечество наше, избавленное отъ Торковъ, съ ужасомъ видѣло прибли-

женіе иныхъ варваровъ, доколѣ неизвѣстныхъ въ Исторіи міра.

Еще въ 1055 году Половцы, или Команы, входили въ область Переяславскую: тогда Князь ихъ, Болушъ, заключилъ миръ со Всеволодомъ. Сей народъ кочующій, единоплеменный съ Печенѣгами и, вѣроятно, съ нынѣшними Киргизами, обиталъ въ степяхъ Азіатскихъ, близъ моря Каспійскаго; вытѣснилъ Узовъ (именуемыхъ, какъ вѣроятно, Торками въ нашей лѣтописи); принудилъ многихъ изъ нихъ бѣжать къ Дунаю (гдѣ они частію погибли отъ язвы, частію поддалися Грекамъ); изгналъ, кажется, Печенѣговъ изъ нынѣшней юго-восточной Россіи, и занялъ берега Чернаго моря до Молдавіи, ужасая всѣ Государства сосѣдственныя: Греческую Имперію, Венгрію и другія. — О нравахъ его говорятъ Лѣтописцы съ омерзѣніемъ: грабежъ и кровопролитіе служили ему забавою, шатры всегдашнимъ жилищемъ, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животныхъ и стерво обыкновенною пищею. Миръ съ такими варварами могъ быть только опаснымъ перемиріемъ, и въ 1061 году Половцы, не имѣя терпѣнія дождаться лѣта, съ Княземъ своимъ Сѣкаломъ зимою ворвались въ области Россійскія, побѣдили Всеволода и съ добычею возвратились къ Дону[106].

Половцы.

г. 1061.

Съ сего времени начинаются бѣдствія Россіи, и Лѣтописецъ сказываетъ, что

г. 1061 —64. Ужасныя чудеса. Небо предвѣстило ихъ многими ужасными чудесами; что рѣка Волховъ шла вверхъ пять дней; что кровавая звѣзда цѣлую недѣлю являлась на Западѣ, солнце утратило свое обыкновенное сіяніе и восходило безъ лучей, подобно мѣсяцу; что рыболовы Кіевскіе извлекли въ неводѣ какого-то удивительнаго мертваго урода, брошеннаго въ Днѣпръ. Сіи сказки достойны нѣкотораго замѣчанія, изъявляя страшное впечатлѣніе, оставленное въ умѣ современниковъ тогдашними несчастіями Государства. «Небо пра-«восудно!» говоритъ Несторъ: «оно наказы-«ваетъ Россіянъ за ихъ беззаконія. Мы име-«нуемся Христіанами, а живемъ какъ языч-«ники; храмы пусты, а на игрищахъ тол-«пятся люди; въ храмахъ безмолвіе, а въ «домахъ трубы, гусли и скоморохи.» — Сія укоризна безъ сомнѣнія не исправила современниковъ, но осталась для потомства любопытнымъ извѣстіемъ о тогдашнихъ нравахъ.

Дѣти Ярославовы еще не нарушали завѣщанія родительскаго и жили дружно. Изяславъ считалъ себя болѣе равнымъ, нежели Государемъ братьевъ своихъ: такъ они, по смерти Вячеслава въ 1057 году, съ *общаго согласія* отдали Смоленскъ Игорю (чрезъ два года потомъ умершему), и вспомнивъ о

Освобожденіе Судислава. заточенномъ дядѣ, Судиславѣ, возвратили ему свободу. Сей несчастный сынъ Великаго Владиміра, двадцать четыре года си-

дѣвъ въ темницѣ, клятвенно отказался отъ всякихъ требованій властолюбія, даже отъ самаго свѣта, постригся и кончилъ жизнь въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Георгія[107].

Первымъ поводомъ къ междоусобію было отдаленное Княжество Тмутороканское. Владиміръ Ярославичь оставилъ сына, Ростислава, который, не имѣя никакого Удѣла, жилъ праздно въ Новѣгородѣ. Будучи отваженъ и славолюбивъ, онъ подговорилъ съ собою нѣкоторыхъ молодыхъ людей, вмѣстѣ съ Вышатою, сыномъ Новогородскаго Изяславова Посадника, Остромира, ушелъ въ Тмуторокань и выгналъ юнаго Князя, Глѣба Святославича, который управлялъ сею Азовскою областію. Святославъ спѣшилъ туда съ войскомъ: племянникъ его, уважая дядю, отдалъ ему городъ безъ сопротивленія; но когда Черниговскій Князь удалился, Ростиславъ снова овладѣлъ Тмутороканемъ. Скоро народы горскіе, Касоги и другіе, должны были признать себя данниками юнаго Героя, такъ, что его славолюбіе и счастіе устрашили Грековъ, которые господствовали въ Тавридѣ: они подослали къ сему Князю знатнаго чиновника, Катапана или Префекта, умѣвшаго вкрасться къ нему въ довѣренность; и въ то время, какъ Ростиславъ, угощая мнимаго друга, пилъ съ нимъ вино, Катапанъ, имѣя подъ ногтемъ скрытый ядъ, впустилъ его въ чашу, отравилъ Князя, уѣхалъ въ Херсонъ, и торжественно

Междоусобія.

Г. 1064.

объявилъ жителямъ, что завоеватель Тмутороканскій умретъ въ седьмый день. Пред-
Г. 1066, Фев. 3. сказаніе исполнилось; но Херсонцы, гнушаясь такимъ коварствомъ, убили сего злодѣя камнями [108]. — Безвременная кончина мужественнаго Ростислава, отца трехъ сыновей, была въ тогдашнихъ обстоятельствахъ несчастіемъ для Россіи: онъ могъ бы лучше другихъ защитить отечество, сохранить по крайней мѣрѣ воинскую его славу. Несторъ описываетъ сего юношу, прекраснаго и благовиднаго, не только храбрымъ въ битвахъ, но и добрымъ, чувствительнымъ, великодушнымъ.

Святославъ не могъ вторично смирить племянника своего, Ростислава, для того, что въ Государствѣ явился новый непріятель: Князь Полоцкій [109]. Сей правнукъ Рогнѣдинъ ненавидѣлъ дѣтей Ярославовыхъ, и считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола Великокняжескаго: ибо дѣдъ его, Изяславъ, былъ старшимъ сыномъ Св. Владиміра. Современный Лѣтописецъ называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ, суевѣрно приписывая сію жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой симъ Княземъ для закрытія природной на головѣ язвины. Всеславъ, безъ успѣха осаждавъ Псковъ, неожидаемо завоевалъ Новгородъ; плѣнилъ многихъ жителей; не пощадилъ и святыни церквей, ограбивъ Софійскую. Оскорбленные такою наглостію, Ярославичи соединили си-

лы свои, и не смотря на жестокую зиму, осадили Минскъ въ Княжествѣ Полоцкомъ; Г. 1067.
взяли его, умертвили гражданъ, а женъ и дѣтей отдали въ плѣнъ воинамъ. Всеславъ сошелся съ непріятелями на берегахъ Нѣмена, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Множество Россіянъ съ обѣихъ сторонъ легло на мѣстѣ. Великій Князь побѣдилъ; но еще 3 Мар.
страшась племянника, вступилъ съ нимъ въ мирные переговоры, и звалъ къ себѣ. Всеславъ, повѣривъ клятвѣ Ярославичей, что они не сдѣлаютъ ему никакого зла, пере- 10 Іюня.
ѣхалъ Днѣпръ на лодкѣ, близъ Смоленска. Великій Князь встрѣтилъ его, ввелъ въ шатеръ свой и отдалъ въ руки воинамъ: несчастнаго взяли вмѣстѣ съ двумя сыновьями, отвезли въ Кіевъ и заключили въ темницу.

Провидѣніе наказало вѣроломныхъ: тамъ, гдѣ отецъ ихъ одержалъ славную побѣду надъ Святополкомъ и Печенѣгами, на берегахъ Альты, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Изя- Г. 1068. Пораженіе Россіянъ.
славъ и братья его въ ночномъ сраженіи были на голову разбиты свирѣпыми Половцами [110]. Великій Князь и Всеволодъ ушли въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Воины перваго, стыдясь своего бѣгства, требовали Вѣча; собрались на торговой площади, въ Кіевскомъ Подолѣ, и прислали сказать Изяславу, чтобы онъ далъ имъ оружіе и коней для вторичной битвы съ Половцами. Великій Князь, оскорбленный симъ своеволь-

*Мятежъ въ Кіевѣ.* ствомъ, не хотѣлъ исполнить ихъ желанія. Сдѣлался мятежъ, и недовольные, обвиняя во всемъ главнаго Воеводу Изяславова, именемъ Коснячка, окружили домъ его. Воевода скрылся. Мятежники раздѣлились на двѣ толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другіе на дворъ Княжескій. Изяславъ, сидя съ дружиною въ сѣняхъ, смотрѣлъ въ окно, слушалъ укоризны народа, и думалъ усмирить бунтъ словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу къ заточенному Всеславу; наконецъ, видя остервененіе черни, совѣтовали Великому Князю тайно умертвить его. Но Изяславъ не могъ ни на что рѣшиться, и бунтовщики дѣйствительно освободили Полоцкаго Князя: тогда оба Ярославича въ ужасѣ бѣжали изъ столицы, а народъ объявилъ Всеслава Государемъ своимъ и разграбилъ домъ Княжескій, похитивъ великое множество золота, серебра, куницъ и бѣлокъ.

*Бѣгство Великаго Князя.*

Изяславъ удалился въ Польшу; но его братья спокойно княжили въ своихъ Удѣлахъ, а племянникъ Глѣбъ въ области Воспорской, будучи снова призванъ ея жителями[111]. Князь Черниговскій имѣлъ случай отмстить Половцамъ, которые жгли и грабили въ его области. Предводительствуя малочисленною конною дружиною, онъ вступилъ съ ними въ битву: 3000 Россіянъ, ободренныхъ примѣромъ и словами Князя, стремительно ударили на 12,000 Половцевъ, смяли ихъ и

*Разбитіе Половцевъ.*

плѣнили Вождя непріятельскаго; множество варваровъ утонуло въ рѣкѣ Сновѣ. Черниговцы вспомнили великодушную храбрость отцевъ своихъ, пріученныхъ къ побѣдѣ Мстиславомъ, знаменитымъ сыномъ Владиміра Великаго.

Король Польскій, Болеславъ II, сынъ Маріи, Владиміровой дочери, и супругъ неизвѣстной намъ Княжны Россійской[112], принявъ Изяслава со всѣми знаками искренняго дружелюбія, какъ Государя несчастнаго и ближняго родственника, охотно согласился быть ему помощникомъ. Всеславъ допустилъ его до самаго Бѣлагорода; наконецъ выступилъ съ войскомъ изъ Кіева: но устрашенный силою Поляковъ, и, можетъ быть, не вѣря усердію своихъ новыхъ подданныхъ, ночью ушелъ изъ стана въ Полоцкъ. Россіяне, свѣдавъ о бѣгствѣ его, съ ужасомъ возвратились въ Кіевъ. Всѣ граждане собрались на Вѣче, и немедленно отправили Пословъ къ Святославу и Всеволоду, объявить имъ, что Кіевляне, изгнавъ Государя законнаго, признаютъ вину свою; но какъ Изяславъ ведетъ съ собою враговъ иноплеменныхъ, коихъ жестокость еще памятна Россіянамъ, то граждане не могутъ впустить его въ столицу, и прибѣгаютъ въ сей крайности къ великодушію достойныхъ сыновъ Ярослава и отечества. «Врата Кіе-«ва для васъ отверсты,» говорили Послы: «идите спасти градъ великаго отца своего;

Г. 1069.

Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію.

«а ежели не исполните нашего моленія, то «мы, обративъ въ пепелъ столицу Россіи, «съ женами и дѣтьми уйдемъ въ землю Греческую.» Святославъ обѣщалъ за нихъ вступиться, но требовалъ, чтобы они изъявили покорность Изяславу. «Когда братъ мой» — сказалъ Черниговскій Князь — «войдетъ въ «городъ мирно, и съ малочисленною дружи«ною, то вамъ нечего страшиться. Когда «же онъ захочетъ предать Кіевъ въ жертву «Ляхамъ, то мы готовы мечемъ отразить «Изяслава, какъ непріятеля.» Въ то же самое время Святославъ и Всеволодъ извѣстили брата о раскаяніи Кіевлянъ, совѣтуя, чтобы онъ удалилъ Поляковъ, шелъ въ столицу и забылъ мщеніе, если не хочетъ быть врагомъ Россіи и братьевъ. Великій Князь, давъ слово быть милосердымъ, послалъ въ Кіевъ сына своего, Мстислава, который, въ противность торжественному договору, началъ какъ звѣрь свирѣпствовать въ столицѣ: умертвилъ 70 человѣкъ, освободившихъ Всеслава; другихъ ослѣпилъ, и жестоко наказалъ множество невинныхъ, безъ суда, безъ всякаго изслѣдованія. Граждане не смѣли жаловаться, и съ покорностію встрѣтили Изяслава, въѣхавшаго въ столицу съ Болеславомъ и съ малымъ числомъ Поляковъ.

Изяславъ возвращается съ Поляками.

2-го Маія.

Историки Польскіе говорятъ, что Великій Князь, обязанный Королю счастливою перемѣною судьбы своей, взялся содержать

его войско, давалъ ему съѣстные припасы, одежду и жалованье; что Болеславъ, плѣненный красотою мѣста, роскошными пріятностями Кіева и любезностію Россіянокъ, едва могъ выйти изъ сей новой Капуи; что онъ, на возвратномъ пути, въ Червенской области или Галиціи, осаждалъ Перемышль, который, будучи весьма укрѣпленъ искусствомъ, каменными стѣнами и башнями, долгое время оборонялся[113]. Ежели сіе обстоятельство справедливо, то Болеславъ вышелъ изъ Россіи непріятелемъ: что же могло вооружить его противъ Великаго Князя? Сказаніе Нестора служитъ объясненіемъ: Россіяне, ненавидя Поляковъ, тайно убивали ихъ, и Король, устрашенный сею народною местію, подобно его знаменитому прадѣду, Болеславу I, спѣшилъ оставить наше отечество. Кіевъ новая Капуя.

Изяславъ, черезъ семь мѣсяцевъ снова Государь Кіевскій, не забылъ, что бѣдственный для него мятежъ сдѣлался на торговой площади: сіе мѣсто, отдаленное отъ дворца, казалось ему опаснымъ, и для того онъ перевелъ торгъ изъ Подола въ верхнюю часть города: осторожность малодушная и безполезная! Едва учредивъ порядокъ въ столицѣ, Великій Князь спѣшилъ отмстить Всеславу, и жаркимъ приступомъ взявъ Полоцкъ, отдалъ сей важный городъ въ удѣлъ Мстиславу: по внезапной же его кончинѣ Святополку, другому своему сыну. Но въ то самое время бодрый Всеславъ съ сильнымъ Война съ Полоцкимъ Княземъ

войскомъ явился подъ стѣнами Новагорода, гдѣ начальствовалъ юный Глѣбъ Святославичь, переведенный туда отцемъ изъ Тмутороканя. Ненавидя Полоцкаго Князя, Новогородцы сразились отчаянно, разбили его, и могли бы взять въ плѣнъ, но великодушно дали ему спастися бѣгствомъ[114]. — Сія
Окт. 23. война кончилась ничѣмъ: ибо дѣятельный Всеславъ умѣлъ снова овладѣть своею наслѣдственною областію, и хотя былъ еще
Г. 1071. побѣжденъ Ярополкомъ, третьимъ сыномъ Великаго Князя, однакожь удержалъ за собою Полоцкъ. — Между тѣмъ бѣдное отечество стенало отъ внѣшнихъ непріятелей; требовало защитниковъ, и не находило ихъ: Половцы свободно грабили на берегахъ Десны.

Пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Союзъ Ярославичей казался неразрывнымъ. Изяславъ, соорудивъ новую церковь въ Вышегородѣ, управляемомъ тогда Вельможею Чудинымъ, вздумалъ поставить въ ней гробы Бориса и Глѣба, и призвалъ своихъ братьевъ на сіе торжество[115]. Оно совершилось въ присутствіи знаменитѣйшаго Духовенства, Бояръ и народа, 2 Маія, день, въ который Великій Князь, за три года предъ тѣмъ, вступилъ съ Болеславомъ въ Кіевъ. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и Митрополитъ Георгій призналъ святость Россійскихъ Мучениковъ, къ удовольствію Государя и народа. Духовное празднество заключилось веселымъ пиромъ: три Князя

обѣдали за однимъ столомъ, вмѣстѣ съ своими Боярами, и разъѣхались друзьями.

Сія дружба скоро обратилась въ злобу. Святославъ, желая большей власти, увѣрилъ Всеволода, что старшій братъ тайно сговаривается противъ нихъ съ Княземъ Полоцкимъ. Они вооружились, и несчастный Изяславъ вторично бѣжалъ въ Польшу, надѣясь, что великія сокровища, увезенныя имъ изъ Кіева, доставятъ ему сильныхъ помощниковъ внѣ Государства. Но Болеславъ уже не хотѣлъ искать новыхъ опасностей въ Россіи: взялъ его сокровища, и (по словамъ Лѣтописца) *указалъ ему путь отъ себя*. Горестный изгнанникъ отправился къ Нѣмецкому Императору, Генрику IV; былъ ему представленъ въ Маинцѣ Саксонскимъ Маркграфомъ Деди; поднесъ въ даръ множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также мѣховъ драгоцѣнныхъ, и требовалъ его заступленія, обѣщая, какъ говорятъ Нѣмецкіе Лѣтописцы, признать себя данникомъ Имперіи. Юный и храбрый Генрикъ, готовимый судьбою къ бѣдствіямъ гораздо ужаснѣйшимъ Изяславовыхъ, не отказался быть защитникомъ угнетеннаго. Окруженный въ собственномъ Государствѣ измѣнниками и непріятелями, онъ послалъ въ Кіевъ Бурхарда, Трирскаго духовнаго Чиновника, брата Оды, шурина Вячеславова, какъ вѣроятно, и велѣлъ объявить Князьямъ Россійскимъ, чтобы они возвратили Изяславу за-

Г. 1073. Новое бѣгство Вел. Князя

Г. 1075. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора.

Посольство Генрика IV въ Кіевъ.

конную власть, или, не смотря на отдаленность, мужественное войско Нѣмецкое смиритъ хищниковъ[116]. Въ Кіевѣ господствовалъ тогда Святославъ, придавъ, можетъ быть, Всеволоду нѣкоторые изъ южныхъ городовъ: онъ дружелюбно угостилъ Пословъ Императорскихъ, и старался увѣрить ихъ въ своей справедливости. Несторъ пишетъ, что сей Князь, подобно Іудейскому Царю Езекіи, величался предъ Нѣмцами богатствомъ казны своей, и что они, видя множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ паволокъ, благоразумно сказали: *Государь! мертвое богатство есть ничто въ сравненіи съ мужествомъ и великодушіемъ.* «Слѣд-«ствіе доказало истину ихъ словъ,» прибавляетъ Несторъ: «по смерти Святослава «исчезли *какъ прахъ* всѣ его сокровища.» — Бурхардъ возвратился къ Императору съ дарами, которые удивили Германію. «Никогда» — говоритъ современный Нѣмецкій Лѣтописецъ[117] — «не видали мы столько золота, серебра и богатыхъ тканей.» Генрикъ, обезоруженный щедростію Святослава, и не имѣя впрочемъ никакого способа воевать съ Россіянами, утѣшилъ изгнанника однимъ безполезнымъ сожалѣніемъ.

Письмо Папы къ Изяславу.

Изяславъ обратился къ Папѣ, славному въ Исторіи Григорію VII, хотѣвшему быть Главою всеобщей Монархіи или Царемъ Царей, и послалъ въ Римъ сына своего. Жертвуя властолюбію и православіемъ Восточ-

ной Церкви и достоинствомъ Государя независимаго, онъ признавалъ не только духовную, но и мірскую власть Папы надъ Россіею; требовалъ его защиты и жаловался ему на Короля Польскаго. Григорій отправилъ Пословъ къ Великому Князю и къ Болеславу, написавъ къ первому слѣдующее:

«Григорій Епископъ, слуга слугъ Божіихъ, «Димитрію, Князю Россіянъ (Regi Russorum), «и Княгинѣ, супругѣ его, желаетъ здравія «и посылаетъ Апостольское благословеніе.

«Сынъ вашъ, посѣтивъ святыя мѣста «Рима, смиренно молилъ насъ, чтобы мы «властію Св. Петра утвердили его на Княженіи, и далъ присягу быть вѣрнымъ Главѣ Апостоловъ. Мы исполнили сію благую «волю — согласную съ вашею, какъ онъ свидѣтельствуетъ — поручили ему кормило «Государства Россійскаго именемъ Верховнаго «Апостола, съ тѣмъ намѣреніемъ и желаніемъ, чтобы Св. Петръ сохранилъ ваше «здравіе, княженіе и благое достояніе до «кончины живота, и сдѣлалъ васъ нѣкогда «сопричастниками славы вѣчныя. Желая также изъявить готовность къ дальнѣйшимъ «услугамъ, довѣряемъ симъ Посламъ — изъ «коихъ *одинъ вамъ* извѣстенъ *и другъ вѣрный*[118] — изустно переговорить съ вами о «всемъ, что есть и чего нѣтъ въ письмѣ. «Пріимите ихъ съ любовію, какъ Пословъ «Св. Петра; благосклонно выслушайте и «несомнѣнно вѣрьте тому, что они предло-

«жатъ вамъ отъ имени нашего — и проч. «Всемогущій Богъ да озаритъ сердца ваши «и да преведетъ васъ отъ благъ времен-«ныхъ ко славѣ вѣчной. Писано въ Римѣ, «15 Маія, Индикта XIII,» (то есть, 1075 года).

Такимъ образомъ Изяславъ, самъ не имѣя тогда власти надъ Россіею, далъ поводъ надменному Григорію причислить сію Державу ко мнимымъ владѣніямъ Св. Петра, зависящимъ отъ мнимаго Апостольскаго Намѣстника! . . . Въ письмѣ къ Болеславу говоритъ Папа: «Беззаконно присвоивъ себѣ «казну Государя Россійскаго, ты нарушилъ «добродѣтель Христіанскую. Молю и за-«клинаю тебя именемъ Божіимъ отдать «ему все взятое тобою или твоими людь-«ми: ибо хищники не внидутъ въ Царствіе «Небесное, ежели не возвратятъ похищен-«наго.»

Заступленіе гордаго Папы едва ли имѣло какое нибудь дѣйствіе, и въ слѣдующемъ году юные Князья Россійскіе, Владиміръ Мономахъ и Олегъ — первый Всеволодовъ, а второй Святославовъ сынъ — заключивъ союзъ съ Поляками, ходили съ войскомъ въ Силезію, помогать Болеславу противъ Герцога Богемскаго. Но скоро обстоятельства, къ счастію Изяславову, перемѣнились. Главный врагъ его, Святославъ, умеръ, отъ разрѣзанія какой-то затвердѣлости или опухоли. Тогда изгнанникъ ободрился: собралъ нѣ-

Г. 1076. Россіяне въ Силезіи.

Дек. 27.

сколько тысячь Поляковъ и вступилъ въ Россію. Добродушный Всеволодъ встрѣтилъ его въ Волыніи и, вмѣсто битвы, предложилъ ему миръ. Братья клялися, забывъ прошедшее, умереть друзьями, и старшій въѣхалъ въ Кіевъ Государемъ, уступивъ меньшему Княженіе Черниговское, а сыну его, Владиміру, Смоленскъ[119]. Г. 1077, Іюля 5. Возвращеніе Изяслава.

Опасаясь честолюбія безпокойныхъ племянниковъ и замысловъ давнишняго врага своего, Всеслава, они хотѣли удалить первыхъ отъ всякаго участія въ правленіи и вторично изгнать послѣдняго. Романъ *Святославичь* княжилъ въ Воспорской области: сынъ *Вячеславовъ*, Борисъ, въ самое то время, когда Изяславъ и Всеволодъ заключали миръ на границѣ, овладѣлъ Черниговымъ; но предвидя, что дяди не оставятъ его въ покоѣ и накажутъ какъ хищника, чрезъ нѣсколько дней ушелъ въ Тмутороканъ къ Роману. Князь Новогородскій, Глѣбъ, юноша прекрасный и добродушный, къ общему сожалѣнію погибъ тогда въ отдаленномъ Заволочьѣ: Изяславъ отдалъ его Княженіе Святополку, а другому сыну своему, Ярополку, Вышегородъ. Олегъ Святославичь господствовалъ въ области Владимірской: онъ долженъ былъ, по волѣ дядей своихъ, выѣхать оттуда и жить праздно въ Черниговѣ. Князь Полоцкій довольствовался независимостію и наслѣдственнымъ Удѣломъ: Ярославичи объявили ему войну. Всеволодъ ходилъ къ его Междоусобія. Г. 1078.

столицѣ, и ничего болѣе не сдѣлалъ. Въ слѣдующій годъ Владиміръ Мономахъ и Святополкъ выжгли только ея предмѣстіе; но Мономахъ возвратился къ отцу съ богатою добычею, далъ ему и печальному Олегу роскошный обѣдъ на *красномъ дворѣ* въ Черниговѣ, и поднесъ Всеволоду въ даръ нѣсколько фунтовъ золота[120].

Сей Олегъ, рожденный властолюбивымъ, не могъ быть обольщенъ ласками дяди и брата; считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ; хотѣлъ свободы, господства; бѣжалъ въ Тмутороканъ и рѣшился, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, искать счастія оружіемъ. Нанявъ Половцевъ, они вошли въ предѣлы Черниговскаго Княженія, и разбили Всеволода. Многіе знаменитые Бояре лишились тутъ жизни. Побѣдители взяли Черниговъ, и думали, что все Государство должно признать власть ихъ; а несчастный Всеволодъ ушелъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ обнялъ его съ нѣжностію и сказалъ ему сіи достопамятныя слова: «Утѣшься, горестный «братъ, и вспомни, что было со мною въ «жизни! Отверженный народомъ, всегда мнѣ «любезнымъ; лишенный престола и всего «законнаго достоянія, могъ ли я чѣмъ ни-«будь укорять себя? Вторично изгнанный «братьями единокровными — и за что? сви-«дѣтельствуюсь Богомъ въ моей невинно-«сти — я скитался въ земляхъ чуждыхъ; ис-«калъ сожалѣнія иноплеменниковъ! По край-

«ней мѣрѣ ты имѣешь друга. Если намъ «княжить въ землѣ Русской, то обоимъ; «если быть изгнаннымъ, то вмѣстѣ. Я по-«ложу за тебя свою голову . . .» Онъ немедленно собралъ войско. Мужественный Владимiръ спѣшилъ также изъ Смоленска къ отцу своему, и едва могъ пробиться сквозь многочисленныя толпы Половцевъ[121]. Великiй Князь, Всеволодъ, Ярополкъ и Мономахъ соединенными силами обступили Черниговъ. Олегъ и Борисъ находились въ отсутствiи; но граждане хотѣли обороняться. Владимiръ взялъ приступомъ внѣшнiя укрѣпленiя и стѣснилъ осажденныхъ внутри города. Узнавъ, что племянники идутъ съ войскомъ къ Чернигову, Изяславъ встрѣтилъ ихъ. Олегъ не надѣялся побѣдить четырехъ соединенныхъ Князей, и совѣтовалъ брату вступить въ мирные переговоры; но гордый Борисъ отвѣтствовалъ ему: «останься спокойнымъ зрителемъ моей битвы съ ними» — сразился близъ Чернигова, и заплатилъ жизнiю за свое властолюбiе. Еще кровь лилась рѣкою. Изяславъ стоялъ среди пѣхоты: непрiятельскiй всадникъ ударилъ его копьемъ въ плечо: Великiй Князь палъ мертвый на землю. Наконецъ Олегъ обратился въ бѣгство, и съ малымъ числомъ воиновъ ушелъ въ Тмутороканъ. — Бояре привезли тѣло Изяслава въ ладiи: на берегу жители Кiевскiе, знатные и бѣдные, свѣтскiе и духовные, ожидали его со слезами; вопль народный (какъ говоритъ Лѣ-

Смер. Великаго Князя.

тописецъ) заглушалъ священное пѣніе. Ярополкъ съ Княжескою дружиною шелъ за трупомъ, оплакивая несчастную судьбу и добродѣтели отца своего. — Положенное въ мраморную раку, тѣло Великаго Князя было предано землѣ въ храмѣ Богоматери, гдѣ стоялъ памятникъ Св. Владиміра.

Свойства Изяслава. Несторъ пишетъ, что Изяславъ, пріятный лицемъ и величественный станомъ, не менѣе украшался и тихимъ нравомъ, любилъ правду, ненавидѣлъ криводушіе; что онъ истинно простилъ мятежныхъ Кіевлянъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ жестокостяхъ Мстиславовыхъ; помнилъ только любовь Всеволода, добровольно уступившаго ему Великое Княженіе, и забылъ вражду его; сказалъ, что охотно умретъ за брата, и, къ несчастію, сдержалъ слово . . . Вѣримъ похвалѣ современника благоразумнаго, любившаго отечество и добродѣтель; но Изяславъ былъ столь же малодушенъ, сколь мягкосердеченъ: хотѣлъ престола, и не умѣлъ твердо сидѣть наономъ. Своевольныя злодѣянія сына въ Кіевѣ — ибо казнь безъ суда и нарушеніе слова есть всегда злодѣяніе — изъявляютъ, по крайней мѣрѣ, слабость отца, который въ то же самое время сдѣлалъ его Княземъ Владѣтельнымъ. Наконецъ бѣдствіе Минска и вѣроломное заточеніе Всеслава согласны ли съ похвалами Лѣтописца?

Изяславъ оставилъ свое имя въ нашихъ древнихъ законахъ. По кончинѣ родителя онъ призвалъ на совѣтъ братьевъ своихъ, Святослава и Всеволода, также умнѣйшихъ Вельможъ того времени: Коснячка, Воеводу ненавистнаго Кіевлянамъ[122], Перенита, Никифора, Чудина, и совершенно уничтожилъ смертную казнь, уставивъ денежную пеню за всякія убійства: по излишнему ли человѣколюбію, какъ Владиміръ? или для сохраненія людей, которые могли еще служить отечеству? или для обогащенія *Вирами* казны Государей?

Уничтоженіе смертной казни.

При Изяславѣ былъ основанъ славный монастырь Кіевопечерскій, и самъ Несторъ разсказываетъ достопамятныя обстоятельства сего учрежденія. Нѣкто, житель города Любеча, одушевленный Христіанскимъ усердіемъ, захотѣлъ видѣть Святую гору, возлюбилъ житіе Монаховъ Аѳонскихъ, и постриженный въ ихъ Обители, былъ названъ Антоніемъ. Игуменъ, наставивъ его въ правилахъ монастырскихъ, далъ ему благословеніе и велѣлъ итти въ Россію, предвидя, что онъ будетъ въ нашемъ отечествѣ свѣтиломъ Черноризцевъ. Антоній возвратился еще при Князѣ Ярославѣ[123], обходилъ тогдашніе монастыри Россійскіе, и близъ Кіева, на высокомъ берегу Днѣпровскомъ, увидѣлъ пещеру: Иларіонъ, будучи еще простымъ Іереемъ Берестовскимъ, ископалъ оную собственными руками, и часто, окру-

Монастырь Кіевопечерскій.

женный безмолвіемъ дремучаго лѣса, молился въ ней Богу. Она стояла уже пустая: Иларіонъ, въ санѣ Митрополита, пасъ Церковь и жилъ въ столицѣ. Антоній плѣнился красотою сего дикаго уединенія, остался въ пещерѣ Иларіоновой и посвятилъ дни свои молитвѣ. Слухъ о пустынникѣ разнесся въ окрестностяхъ: многіе люди желали видѣть святаго мужа; самъ Великій Князь Изяславъ приходилъ къ нему съ своею дружиною требовать благословенія. Двѣнадцать Монаховъ, отчасти Антоніемъ постриженныхъ, выкопали тамъ подземную церковь съ кельями. Число ихъ безпрестанно умножалось: Великій Князь отдалъ имъ всю гору надъ пещерами, гдѣ они заложили большую церковь съ оградою. Смиренный Антоній не хотѣлъ начальства: поручивъ новую Обитель Игумену Варлааму, уединился въ пещеру, однакожъ не избавился отъ гоненія. Считая Антонія другомъ Всеславовымъ, Великій Князь приказалъ воинамъ ночью схватить его и вывезти изъ области Кіевской. Но добродѣтельный мужъ скоро возвратился съ честію въ любимую свою пещеру, и жилъ въ ней до самой кончины, имѣвъ удовольствіе видѣть Лавру Кіевскую въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Щедрость и набожность Ярославичей обогатили сей монастырь доходами и помѣстьями. Святославъ далъ 100 гривенъ, или 50 фунтовъ золота, на строеніе каменнаго великолѣпнаго храма Печерскаго, при-

звалъ художниковъ изъ Константинополя, и своими руками началъ копать ровъ для основанія церкви. Знаменитый Варягъ Симонъ, Вельможа Всеволодовъ, подарилъ Антонію на украшеніе олтаря златую цѣпь въ 50 гривенъ и вѣнецъ драгоцѣнный, наслѣдіе отца его, Князя Варяжскаго. Св. Ѳеодосій, преемникъ Варлаамовъ, заимствовалъ отъ Цареградскаго Студійскаго монастыря уставъ Черноризцевъ, который сдѣлался общимъ для всѣхъ монастырей Россійскихъ. Сей благочестивый Игуменъ завелъ въ Кіевѣ первый домъ странноприимства, и питалъ несчастныхъ въ темницахъ. Добродѣтель Ѳеодосіева была столь уважаема, что Великій Князь не рѣдко приходилъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ, оставался у него обѣдать, ѣлъ хлѣбъ, сочиво, и съ улыбкою говаривалъ, что роскошная трапеза Княжеская ему не такъ пріятна, какъ монастырская. Любя Изяслава, Ѳеодосій великодушно обличалъ виновнаго брата, гонителя его, въ беззаконіи. Святославъ терпѣлъ сіи укоризны, оправдывался, и когда святый мужъ входилъ въ шумный дворецъ его, гдѣ часто гремѣла музыка, органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертномъ одрѣ, Ѳеодосій благословилъ Святослава и сына его, Глѣба.— Монахи Печерскіе, возбуждаемые наставленіемъ и примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ, служили ревностно Богу и человѣчеству; нѣкоторые изъ нихъ пріяли

вѣнцы Мучениковъ, обращая идолопоклонниковъ: Леонтій въ Ростовѣ, Св. Кукша въ землѣ Вятичей (въ Орловской или Калужской Губерніи). Самые Вельможи, отказываясь отъ свѣта, искали душевнаго мира въ Печерской Обители. Такъ Варлаамъ, первый Игуменъ, сынъ знаменитѣйшаго Боярина Іоанна и внукъ славнаго Вышаты, ослѣпленнаго Константиномъ Мономахомъ, былъ постриженъ Антоніемъ. Сей юноша, плѣненный ученіемъ святаго мужа, пріѣхалъ къ нему со многими Отроками, которые вели навьюченныхъ лошадей; сошелъ съ коня, бросилъ къ ногамъ Антонія свою одежду Боярскую и сказалъ: «вотъ прелесть «міра! употреби, какъ тебѣ угодно, мое «бывшее имѣніе; хочу жить въ уединеніи «и бѣдности.»

Россіяне служатъ въ Греціи.

Изяславъ и его братья соблюдали неразрывную дружбу съ Греками, и давали имъ войско, которое въ частыхъ внутреннихъ неустройствахъ поддерживало слабыхъ Императоровъ на тронѣ. Знаменитый Алексій Комнинъ, еще не Государь, но только Полководецъ Имперіи, въ 1077 году смиряя мятежника Никифора Вріенія, имѣлъ съ собою множество судовъ Россійскихъ[124]. — Ярославичи возвратили Константинопольскому Патріарху важное право ставить Кіевскихъ Митрополитовъ: Георгій, преемникъ Иларіоновъ, родомъ Грекъ, былъ присланъ изъ Царяграда; устрашенный, можетъ быть,

Зависимость нашей Церкви отъ Греческой.

раздоромъ Князей, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ выѣхалъ изъ нашего отечества. Съ того времени Церковь Россiйская, до самаго паденiя Восточной Имперiи, зависѣла отъ Патрiарха Константинопольскаго, и въ росписи Епископствъ, находившихся подъ его вѣдѣнiемъ, считалась *семидесятымъ*. Въ знакъ уваженiя къ достоинству нашихъ Митрополитовъ, Патрiархи обыкновенно писали къ нимъ грамоты за *свинцовою*, а не восковою *печатью*: честь, которую они дѣлали только Императорамъ, Королямъ и знаменитѣйшимъ сановникамъ[125]. Переписка съ Патрiархами.

Успѣхи Христiанскаго благочестiя въ Россiи не могли искоренить языческихъ суевѣрiй и мнимаго чародѣйства. Къ Исторiи тогдашнихъ временъ относятся слѣдующiя извѣстiя Несторовы:

Въ 1071 году явился въ Кiевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Днѣпръ скоро потечетъ вверхъ и всѣ земли перемѣстятся; что Грецiя будетъ тамъ, гдѣ Россiя, а Россiя тамъ, гдѣ Грецiя. Невѣжды вѣрили, а благоразумные надъ нимъ смѣялись, говоря ему, чтобы онъ самъ берегся. Сей человѣкъ (пишетъ Несторъ) дѣйствительно пропалъ въ одну ночь безъ вѣсти. Пророки и волшебники.

Около того же времени сдѣлался въ Ростовской области голодъ. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля — основаннаго, думаю, Великимъ Княземъ Ярославомъ — ходили по Волгѣ и въ каждомъ селенiи

4**

объявляли, что бабы причиною всего зла, и скрываютъ въ *самихъ себѣ* хлѣбъ, медъ и рыбу[126]. Люди приводили къ нимъ матерей, сестеръ, женъ; а мнимые волхвы, будто бы надрѣзывая имъ плеча, и высыпая изъ своего рукава жито, кричали: «видите, «что лежало у нихъ за кожею!» Сіи злодѣи съ шайкою помощниковъ убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ, и дошли наконецъ до Бѣлаозера, гдѣ Вельможа Янь, сынъ Вышатинъ, собиралъ дань для Князя Святослава: онъ велѣлъ ловить ихъ, и чрезъ нѣсколько дней Бѣлозерцы привели къ нему двухъ главныхъ обманщиковъ, которые не хотѣли виниться, и доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что Діаволъ сотворилъ тѣло человѣка, гніющее въ могилѣ, а Богъ душу, парящую на небеса; что Антихристъ сидитъ въ безднѣ; что они вѣруютъ въ его могущество и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. «Но знаете ли собственную вашу участь?» сказалъ Янь. «Ты представишь насъ Свя-«тославу,» говорили кудесники: «а если «умертвишь, то будешь несчастливъ.» Смѣясь надъ сею угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу, какъ государственныхъ преступниковъ.

Не только въ Скандинавіи, но и въ Россіи Финны и Чудь славились волшебствомъ, подобно какъ въ древней Италіи Тосканцы[127]. Несторъ разсказываетъ, что Новогородцы

ходили въ Эстонію узнавать будущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые водились съ *черными крылатыми духами*. Одинъ изъ такихъ кудесниковъ торжественно осуждалъ въ Новѣгородѣ Вѣру Христіанскую, бранилъ Епископа и хотѣлъ итти пѣшкомъ черезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ человѣка божественнаго. Ревностный Епископъ облачился въ Святительскія ризы, сталъ на площади, и держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ Христіанъ. Но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика: одинъ Князь Глѣбъ и дружина его приложились къ святому кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ ко мнимому чародѣю и спросилъ: предвидитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день? — Волшебникъ отвѣтствовалъ: «я сдѣлаю великія чудеса.» «Нѣтъ!» сказалъ смѣлый Князь — и топоромъ разсѣкъ ему голову[128]. Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

## ГЛАВА V.

### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ.

### Г. 1078 – 1093.

Междоусобія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономаха. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засуха и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость Великаго Князя. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннъ. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ.

Г. 1078—84. Не сынъ Изяславовъ, но Всеволодъ наслѣдовалъ престолъ Великокняжескій. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уваженію къ семейственнымъ связямъ, имѣлъ во всякомъ случаѣ право старѣйшинства и заступалъ мѣсто отца для племянниковъ. — Сей Государь утвердилъ Святополка на Княженіи Новогородскомъ: другому сыну Изяславову, Ярополку, отдалъ Владиміръ и Туровъ[129], а Мономаху Черниговъ.

Романъ Святославичь, Князь Тмутороканскій, желая отмстить за Олега и Бориса, немедленно началъ войну междоусобную, которая стоила ему жизни. Междоусобія. Половцы, его наемники, заключили миръ со Всеволодомъ у Переяславля, и на возвратномъ пути умертвили Романа; а брата его, Олега, неволею отправили въ Константинополь. Пользуясь несчастіемъ Святославичей, Великій

Князь прислалъ въ Тмуторокань Намѣстника своего, Ратибора. Но сія область Воспорская, убѣжище Князей обдѣленныхъ, скоро была завоевана Давидомъ *Игоревичемъ* и Володаремъ *Ростиславичемъ*, внукомъ и правнукомъ Великаго Ярослава, которые также не долго въ ней господствовали. Изгнанникъ Олегъ, живъ два года на островѣ Родосѣ [130], славномъ въ Исторіи своими древними мудрыми законами, Науками, великолѣпіемъ зданій и Колоссомъ огромнымъ, возвратился въ Тмуторокань и, вѣроятно, съ помощію Грековъ овладѣлъ имъ; казнилъ многихъ виновныхъ Козаровъ, его личныхъ непріятелей, давшихъ совѣтъ Половцамъ умертвить Романа; а Володаря и Давида отпустилъ въ Россію [131]. Олегъ въ Родосѣ.

Всеволодъ любилъ миръ, и видѣлъ безпрестанное кровопролитіе. Полоцкій Князь осадилъ Смоленскъ: Владиміръ спѣшилъ туда съ Черниговскою конницею; не засталъ Всеслава, но Смоленскъ, зажженный непріятелемъ, еще дымился въ пеплѣ. Мономахъ, въ наказаніе врагу своему, огнемъ и мечемъ опустошилъ его землю, и чрезъ нѣсколько времени взявъ Минскъ, отнялъ всѣхъ рабовъ и скотъ у жителей. Такимъ образомъ сей несчастный городъ вторично пострадалъ за своего Князя. — Мужественный сынъ Всеволодовъ не выпускалъ меча изъ рукъ: побѣдилъ Торковъ, обитавшихъ близъ Переяславля; два раза ходилъ усмирять безпо- Подвиги Мономаха.

койныхъ Вятичей, и вездѣ гналъ неутомимыхъ злодѣевъ Россіи, Половцевъ, на берегахъ Десны, Хороля; плѣнялъ ихъ Вождей, отбивалъ добычу [132]. Но сіи успѣхи не могли утвердить государственной безопасности, и Князья Россійскіе междоусобіемъ своимъ усиливали внѣшнихъ непріятелей.

Ростиславичи, воспитанные, кажется, въ домѣ у Ярополка, бѣжали отъ него, и въ отсутствіе дяди, который гостилъ у Всеволода въ недѣлю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владиміръ. Всякой знаменитый мятежникъ, обѣщая грабежъ и добычу, могъ
г. 1084. собирать тогда шайки усердныхъ помощниковъ: доказательство, сколь правленіе было слабо и своевольство народа необузданно! Всеволодъ, оскорбленный несчастіемъ племянника, велѣлъ Мономаху итти на Ростиславичей: ихъ выгнали, и Ярополкъ возвратился въ свой Удѣлъ съ честію. — Въ то же время Давидъ Игоревичь, скитаясь въ южной Россіи и внѣ предѣловъ ея, завладѣлъ Олешьемъ, Греческимъ городомъ близъ устья Днѣпровскаго, и нагло ограбилъ тамъ многихъ купцевъ: Всеволодъ, призвавъ его къ себѣ, далъ ему Доротобужъ въ Волыніи [133].

Самъ Ярополкъ, облагодѣтельствованный Всеволодомъ, не устыдился быть врагомъ
г. 1085. его: Князь слабый, послушный коварнымъ совѣтникамъ, и скоро наказанный за свою безразсудность. Дядя, свѣдавъ о злыхъ намѣреніяхъ сего неблагодарнаго, предупредилъ

ихъ опасное исполненіе; и слухъ, что Мономахъ идетъ съ войскомъ, заставилъ Ярополка бѣжать въ Польшу. Владиміръ нашелъ въ Луцкѣ мать его, супругу, дружину, казну; возвратился съ ними въ Кіевъ, а владѣніе Ярополково отдалъ Давиду Игоревичу. — Но Ярополкъ, не сыскавъ заступниковъ внѣ Россіи, скоро умилостивилъ Всеволода искреннимъ раскаяніемъ, и заключивъ миръ съ его сыномъ, Мономахомъ, въ Волыніи, получилъ обратно свое Княженіе. Судьба не дала ему времени заслужить великодушіе дяди или снова быть неблагодарнымъ. Онъ чрезъ нѣсколько дней погибъ отъ руки злодѣя, на пути въ *Червенскій* Звенигородъ [134]: сей преступникъ, именемъ Нерядецъ, ѣхалъ за нимъ верхомъ вмѣстѣ съ другими Княжескими Отроками и вонзилъ саблю въ бокъ своему Государю, покойно лежавшему на колесницѣ. Ярополкъ всталъ, извлекъ изъ себя окровавленное желѣзо, громко сказалъ: «умираю «отъ коварнаго врага,» и скончался. Лѣтописецъ не объясняетъ тайной причины злодѣйства, сказывая только, что убійца бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику, старшему изъ Ростиславичей, которымъ Всеволодъ уступилъ сей городъ въ Удѣлъ [135], и которые, принявъ измѣнника, навлекли на себя гнусное подозрѣніе, болѣе несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тѣло убіеннаго въ Кіевъ, чтобы воздать ему честь погребенія тамъ, гдѣ ле-

Г. 1086.

Убіеніе Ярополка. Ноября 22.

жали гроб его родителя: Всеволодъ, Мономахъ, Ростиславъ (меньшій сынъ Великаго Князя), Духовенство и народъ встрѣтили оное съ искреннимъ изъявленіемъ горести. — Лѣтописецъ говоритъ, что Ярополкъ, добродушный подобно отцу своему, давалъ всегда церковную *десятину* въ храмъ Богоматери, исполняя завѣщаніе Владиміра Великаго; завидовалъ святости Бориса и Глѣба, и желалъ также умереть мученикомъ. Давидъ Игоревичь наслѣдовалъ область Владимірскую.

Г. 1088. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ.

Между тѣмъ, какъ Всеволодъ занимался возстановленіемъ порядка и тишины въ ближнихъ областяхъ, Камскіе Болгары взяли Муромъ. Не имѣя духа воинскаго, любя торговлю, земледѣліе, и въ случаѣ неурожая питая восточный край Россіи, они хотѣли, вѣроятно, отмстить жителямъ Муромской области за какую нибудь обиду или несправедливость: по крайней мѣрѣ сія война не имѣла дальнѣйшаго слѣдствія, и взятый ими городъ не долго былъ въ ихъ власти[136].

Г. 1092. Засуха и моръ.

Великій Князь не могъ утѣшиться всеобщимъ спокойствіемъ. Междоусобіе прекратилось; но бѣдствія инаго рода посѣтили Россію. Отъ безпрестанныхъ, неслыханныхъ жаровъ вездѣ изсохли поля, и лѣса въ болотныхъ мѣстахъ сами собою воспламенялись, къ ужасу сельскихъ жителей; голодъ, болѣзни, моръ свирѣпствовали во многихъ областяхъ, и въ одномъ Кіевѣ умерло отъ

14 Ноября до 1 Февраля 7000 человѣкъ. Воображеніе несчастныхъ видѣло во всемъ страшныя знаменія гнѣва Божескаго: въ самыхъ обыкновенныхъ метеорахъ, въ затмѣніи солнца, въ легкомъ бывшемъ тогда землетрясеніи. Къ симъ случаямъ естественнымъ суевѣріе прибавило нелѣпыя чудеса; разсказывали, что огромный змѣй упалъ съ неба въ то время, какъ Великій Князь забавлялся ловлею звѣрей; что злые духи въ Полоцкѣ ночью и днемъ скакали на коняхъ, невидимо уязвляя гражданъ, и что множество людей отъ того умерло[137]. Народъ стеналъ, Государь былъ въ уныніи, Половцы грабили; на обѣихъ сторонахъ Днѣпра дымились села, обращенныя въ пепелъ сими жестокими варварами, которые взяли даже нѣсколько городовъ: Песоченъ на рѣкѣ Супоѣ, Переволоку близъ устья Ворсклы, и нигдѣ, кажется, не находили сопротивленія. Наконецъ Василько Ростиславичь, правнукъ Ярославовъ, уговорилъ ихъ оставить Россію, и вмѣстѣ съ нимъ воевать Польшу, ослабленную внутренними раздорами[138]. Сей Князь, по смерти брата своего, Рюрика, наслѣдовалъ часть Перемышльской области: скоро увидимъ его великодушіе и злосчастіе.

Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ.

Всеволодъ, огорчаемый бѣдствіями народными и властолюбіемъ своихъ племянниковъ — которые, желая господствовать, не давали ему покоя и безпрестанно требовали Удѣловъ — съ завистію воспоминалъ то сча-

стливое время, когда онъ жилъ въ Переяславлѣ, довольный жребіемъ Удѣльнаго Князя и спокойный сердцемъ[139]. Не имѣвъ никогда великодушной твердости, сей Князь, обремененный лѣтами и недугами, впалъ въ совершенное разслабленіе духа; удалилъ отъ себя Бояръ опытныхъ, слушалъ только юныхъ любимцевъ, и не хотѣлъ уже слѣдовать древнему обычаю Государей Россійскихъ, которые сами, въ присутствіи Вельможъ, судили народъ свой на дворѣ Княжескомъ. Сильные утѣсняли слабыхъ; Намѣстники и Тіуны грабили Россію какъ Половцы: Всеволодъ не внималъ жалобамъ. — Чувствуя приближеніе конца, онъ послалъ за большимъ сыномъ въ Черниговъ, и скончался въ объятіяхъ Владиміра и Ростислава, орошенный ихъ искренними слезами: Христіанинъ набожный, человѣколюбивый, *трезвый* и цѣломудренный отъ самой юности; однимъ словомъ, достохвальный между частными людьми, но слабый и слѣдственно порочный на степени Государей.

Слабость Великаго Князя.

Г. 1093. Кончина его.

Великій Ярославъ желалъ, чтобы любимый сынъ его, со временемъ наслѣдовавъ законнымъ образомъ Кіевскую область, былъ и во гробѣ съ нимъ неразлученъ: воля нѣжнаго отца исполнилась, и Всеволода погребли, на другой день кончины его, тамъ же, гдѣ лежали Ярославовы кости — въ Софійскомъ храмѣ — съ обыкновенными торжественными обрядами, и въ присутствіи на-

рода, который погребалъ тогда Государей какъ истинныхъ отцевъ своихъ, съ чувствительностію и слезами, забывая ихъ слабости и помня одни благодѣянія.

Всеволодъ оставилъ супругу втораго брака, мачиху Владиміра, и трехъ дочерей, Янку или Анну, Евпраксію и Екатерину; первыя двѣ отказались отъ свѣта и заключились въ монастырѣ[140]. Мы знаемъ, что Императоръ Генрикъ IV въ 1089 году женился на Россійской Княжнѣ, Агнесѣ или Адельгейдѣ, вдовѣ Маркграфа Штаденскаго, которая послѣ умерла Игуменьею: она могла быть дочерью Всеволода[141]. Въ то же время другая Россіянка, именемъ *Евпраксія*, была за сыномъ Болеслава, отравленнымъ въ цвѣтущей юности; но Историки Польскіе называютъ сію Княжну родною сестрою Святополка Изяславича.

Дочь Всеволода за Генрикомъ IV.

При Всеволодѣ былъ Митрополитомъ Грекъ Іоаннъ, мужъ знаменитый ученостію и Христіанскими добродѣтелями, ревностный наставникъ Духовенства и другъ несчастныхъ. «Никогда» (сказано въ лѣтописи) «не «бывало у насъ такого и не будетъ!» Мы имѣемъ его сочиненіе, названное *Церковнымъ правиломъ*, въ коемъ онъ съ великою ревностію осуждаетъ тогдашнее обыкновеніе Князей Россійскихъ выдавать дочерей за Государей Латинской Вѣры; доказываетъ всякому гостю или купцу, сколь грѣшно торговать крещеными рабами въ землѣ языч-

Митрополитъ Іоаннъ.

Его сочиненіе.

никовъ (Половцевъ), даже ѣздить туда, и для выгодъ сребролюбія оскверняться ихъ нечистыми яствами; налагаетъ епитимью на тѣхъ, которые совокупляются съ правнучатными или женятся безъ вѣнчанія, думая, что сей обрядъ изобрѣтенъ единственно для Князей и Бояръ; отлучаетъ отъ церкви Іереевъ, благословляющихъ союзъ мужа съ третьею женою; велитъ имъ и Монахамъ служить для всѣхъ людей примѣромъ трезвости; наконецъ, въ дополненіе къ гражданскимъ законамъ, уставляетъ *духовное покаяніе* для преступниковъ благонравія и цѣломудрія. Сей Митрополитъ, наименованный отъ современниковъ *Пророкомъ Христа*[142], святилъ церковь Ѳеодосіева монастыря Печерскаго, о коей написано столь много чудеснаго въ Патерикѣ Кіевскомъ. Византійскіе художники, украсивъ оную, не захотѣли уже возвратиться въ отечество и кончили жизнь свою въ Печерской Обители: донынѣ показываютъ тамъ гробы ихъ. — Въ 1089 году, когда преставился Митрополитъ Іоаннъ, дочь Всеволодова, Янка, ѣздила въ Константинополь и привезла съ собою новаго Митрополита, скопца, именемъ также Іоанна, но человѣка весьма обыкновеннаго, слабаго здоровьемъ, и столь блѣднаго, что народъ прозвалъ его *мертвецомъ*[143]: онъ черезъ годъ умеръ. Третій Митрополитъ Всеволодова княженія былъ Ефремъ, Грекъ, по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ; дру-

гіе же называютъ его Монахомъ Печерскимъ. Несторъ сказываетъ только, что Ефремъ, скопецъ подобно Іоанну, жилъ въ *Переяславлѣ, гдѣ находилась тогда Митрополія*, и что онъ, создавъ многіе храмы каменные, первый началъ въ Россіи строить при церквахъ крестильницы[144]. Сей Митрополитъ, какъ пишутъ, уставилъ торжествовать 9 Маія пренесеніе мощей Св. Николая изъ Ликіи въ Италіянскій городъ Баръ[145]: праздникъ Западной Церкви, отвергаемый Греками, и доказательство, что мы имѣли тогда дружелюбное сношеніе съ Римомъ. Несторъ молчитъ, но Лѣтописецъ среднихъ временъ говоритъ о какомъ-то Святителѣ Ѳеодорѣ, пріѣзжавшемъ къ Великому Князю отъ Папы (Урбана II) въ 1091 году[146]. Властолюбивые Намѣстники Св. Петра безъ сомнѣнія всячески старались подчинить себѣ Церковь Россійскую.

Крестильницы.

Праздникъ 9 Маія.

Сношенія съ Римомъ.

# ГЛАВА VI.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ-МИХАИЛЪ.

### Г. 1093 – 1112.

Великодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіянъ. Междоусобія. Гордость Олегова. Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Краснорѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Олегово. Великодушіе Мстислава. Съѣздъ Князей. Злодѣйство Давида и Святополка. Ослѣпленіе Василька. Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Месть Ростиславичей. Корыстолюбіе Поляковъ. Новое коварство Святополка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе Венгровъ. Междоусобія. Новый съѣздъ Князей. Усмиреніе Давида. Строптивость Новогородцевъ. Совѣтъ Князей. Счастливая война съ Половцами. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими. Бѣдствіе Россіянъ въ Семигаліи. Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитый. Имя Тмутороканя исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кончина Святополкова. Евреи въ Кіевѣ. Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ. Путешествіе Даніила. Россіяне въ Іерусалимѣ. Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янь.

Г. 1093. Владиміръ могъ бы сѣсть на престолѣ родителя своего; но сей чувствительный, миролюбивый Князь уступилъ оный Изяславову сыну, и сказавъ: «отецъ его былъ старѣе и княжилъ въ столицѣ прежде моего «отца; не хочу кровопролитія и войны междоусобной,» объявилъ Святополка Госуда-

Великодушіе Мономаха.

ремъ Россійскимъ; самъ отправился въ Черниговъ, а братъ его, Ростиславъ, въ Переяславль.

Святополкъ, княживъ нѣсколько лѣтъ въ Новѣгородѣ, еще въ 1088 году выѣхалъ оттуда, будучи, какъ вѣроятно, недоволенъ его безпокойными гражданами (которые тогда же призвали къ себѣ юнаго Князя, Мстислава, сына Владимірова) и жилъ въ Туровѣ[147]: онъ съ радостію прибылъ въ Кіевъ, и народъ также съ радостію встрѣтилъ новаго Государя, обѣщая себѣ миръ и тишину подъ его властію. Сія надежда не исполнилась, и начало Святополкова княженія ознаменовалось великими несчастіями. Апрѣля 24.

Половцы, узнавъ о кончинѣ Всеволода, изъявили желаніе остаться друзьями Россіи. Легкомысленный Святополкъ не посовѣтовался съ Боярами отца своего и дяди: велѣлъ заключить Пословъ въ темницу; но свѣдавъ, что мстительные варвары вездѣ жгутъ и грабятъ въ его области, вздумалъ самъ просить ихъ о мирѣ. Половцы уже не хотѣли слушать сихъ предложеній, и Великій Князь, собравъ только 800 воиновъ, спѣшилъ выступить въ поле. Едва благоразумные Бояре могли удержать его, представляя ему, что, вопреки надменному самохвальству молодыхъ людей, нужны не *сотни*, а *тысячи* для отраженія враговъ; что область Кіевская, изнуренная войнами, истощенная данями, опустѣла, и что надобно требовать помощи Война съ Половцами.

отъ мужественнаго Владиміра. Князь Черниговскій немедленно вооружился, и призвалъ брата своего, Ростислава. Но Князья, соединивъ дружины, не могли согласиться въ мысляхъ; стояли подъ Кіевомъ и ссорились между собою. Наконецъ Бояре сказали имъ: «ваша распря губитъ народъ; смирите вра«говъ, и тогда уже думайте о своихъ не«согласіяхъ[148].» Святополкъ и Владиміръ, принявъ благій совѣтъ, обнялися братски, и въ знакъ искренней взаимной любви цѣловали святый крестъ, по тогдашнему обыкновенію.

Непріятели осаждали Торческъ, городъ населенный Торками, которые, оставивъ жизнь кочевую, поддалися Россіянамъ[149]: Князья хотѣли освободить его, Святополкъ битвою, Мономахъ миромъ. Остановясь близъ Триполя, они призвали Бояръ на совѣтъ. Янь, Воевода Кіевскій, другъ блаженнаго Θеодосія, и многіе другіе были одного мнѣнія съ Княземъ Черниговскимъ. «Половцы (гово«рили они) видятъ блескъ мечей нашихъ, и «не отвергнутъ мира.« Но Кіевляне, желая побѣды, склонили большинство голосовъ на свою сторону, и войско Россійское перешло за Стугну. Святополкъ велъ правое крыло, Владиміръ лѣвое: Ростиславъ находился въ срединѣ. Они поставили знамена между земляными укрѣпленіями Трипольскими, и ждали непріятеля, который, выславъ напередъ стрѣлковъ, вдругъ устремил-

ся всѣми силами на Святополка. Кіевляне не могли выдержать сего удара, и замѣшались. Великій Князь оказалъ примѣрную неустрашимость; бился долго, упорно, и послѣдній оставилъ мѣсто сраженія. Средина и лѣвое крыло, не умѣвъ искуснымъ, быстрымъ движеніемъ спасти праваго, еще нѣсколько времени стояли, но также уступили превосходству непріятеля. Земля дымилась кровію. Россіяне, спасаясь отъ меча побѣдителей, толпами гибли въ рѣкѣ Стугнѣ, которая отъ дождей наполнилась водою. Мономахъ, видя утопающаго брата, забылъ собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его изъ волнъ — и сей Князь, оплакивая Ростислава, многихъ Бояръ своихъ, отечество, съ горестію возвратился въ Черниговъ, а Святополкъ въ Кіевъ. Несчастная мать Ростиславова ожидала сына: ей принесли тѣло сего юноши, коего безвременная смерть была предметомъ всеобщаго сожалѣнія[130].

26 Маія.

Половцы снова осадили Торческъ. Граждане оборонялись мужественно; но изнуренные голодомъ и жаждою, напрасно требовали съѣстныхъ припасовъ отъ Святополка: бдительный непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ, который держался болѣе двухъ мѣсяцевъ. Половцы, оставивъ часть войска для осады, приблизились къ столицѣ. Святополкъ хотѣлъ еще сразиться, и вторично разбитый подъ Кіе-

вомъ, ушелъ только съ двумя воинами. Торческъ сдался: стѣны и зданія его обратились въ пепелъ, а граждане были отведены въ неволю.

23 Іюля.

Не имѣвъ счастія воинскаго, Святополкъ надѣялся инымъ способомъ обезоружить Половцевъ, и женился на дочери ихъ Князя, Тугоркана[151]. Но сей родственный союзъ который могъ быть оправданъ одною государственною пользою, не защитилъ Россіи отъ варваровъ: Князь Тмутороканскій, Олегъ Святославичь[152], въ *третій разъ* пришелъ съ ними разорять отечество, осадилъ Мономаха въ Черниговѣ, и требовалъ сей области какъ законнаго наслѣдія: ибо она принадлежала нѣкогда его родителю. Владиміръ, любимый своею дружиною и народомъ, нѣсколько дней оборонялся; но жалѣя крови, великодушно сказалъ: *да не радуются враги отечества!* и добровольно уступилъ Княженіе Олегу: вторая жертва, принесенная имъ общей пользѣ[153]! Онъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Переяславль съ женою и дѣтьми, подъ щитами малочисленной, вѣрной дружины, готовой отражать толпы хищныхъ Половцевъ, которые, не смотря на миръ, еще долгое время свирѣпствовали въ Черниговской области: жестокій Олегъ, довольный ихъ помощію, равнодушно смотрѣлъ на сіи злодѣйства. — Вся южная Россія представляла тогда картину самыхъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. «Города опу-

Г. 1094. Бракъ Святополковъ.

Безпокойный Олегъ.

Жалкое состояніе юж-

«стѣли,» пишетъ Несторъ: «въ селахъ пы- ной Рос- сіи.
«лаютъ церкви, домы, житницы и гумны.
«Жители издыхаютъ подъ остріемъ меча,
«или трепещутъ, ожидая смерти. Плѣн-
«ники, заключенные въ узы, идутъ на-
«ги и босы въ отдаленную страну вар-
«варовъ, сказывая другъ другу со слезами:
«*я изъ такого-то города Русскаго, я изъ*
«*такой-то веси!* Не видимъ на лугахъ сво-
«ихъ ни стадъ, ни коней; нивы заросли
«травою, и дикіе звѣри обитаютъ тамъ,
«гдѣ прежде жили Христіане[154]!« Къ умно-
женію несчастій, Россія узнала въ сіе вре-
мя новый бичь естественный: саранча, до-
толѣ неизвѣстная нашимъ предкамъ, по- Авгу- ста 26. Са- ранча.
крывъ землю, совершенно истребила жат-
ву; тучи сихъ пагубныхъ насѣкомыхъ ле-
тѣли отъ Юга къ Сѣверу, оставляя за со-
бою отчаяніе и голодъ для бѣдныхъ посе-
лянъ.

Наконецъ Великій Князь и Владиміръ обо-
дрили побѣдами унылый духъ своего народа.
Онѣ, къ сожалѣнію, начались вѣроломствомъ. Г. 1095. Побѣ- ды.
Долговременныя несчастія государственныя
остервеняютъ сердца и вредятъ самой нрав-
ственности людей. Вожди Половецкіе, Ит-
ларь и Китанъ, заключивъ миръ съ Мономахомъ,
взяли въ *тали*, или въ аманаты, сына его,
Святослава. Китанъ безопасно жилъ въ ста-
нѣ близъ городскаго вала; Итларь гостилъ
въ Переяславлѣ у Вельможи Ратибора. То-
гда недостойные совѣтники предложили Кня-

зю воспользоваться оплошностію ненавистныхъ враговъ, нарушить священный миръ и не менѣе священные законы гостепріимства – однимъ словомъ, злодѣйски умертвить всѣхъ Половцевъ. Владиміръ колебался; но дружина успокоила его робкую совѣсть, доказывая, что сіи варвары тысячу разъ сами преступали клятву... Въ глубокую ночь Россіяне, вмѣстѣ съ Торками, имъ подвластными, вышли изъ города, зарѣзали соннаго Катана, его воиновъ, и съ торжествомъ привели ко Владиміру освобожденнаго Святослава. Итларь, не зная ничего, спокойно готовился по утру завтракать у своихъ ласковыхъ хозяевъ, когда сынъ Ратиборовъ, Олбегъ, пустилъ ему въ грудь стрѣлу, сквозь отверстіе, нарочно для того сдѣланное вверху горницы; и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, былъ жертвою гнуснаго заговора, который лучшему изъ тогдашнихъ Князей Россійскихъ казался дозволенною хитростію!

Вѣроломство Россіянъ.

24 Февраля.

Ожидая справедливой мести за такое злодѣяніе, Владиміръ и Святополкъ хотѣли предупредить оную. *Въ первый разъ* дерзнули Россіяне искать Половцевъ въ ихъ собственной землѣ; взяли множество скота, вельблюдовъ, коней, плѣнниковъ, и возвратились благополучно. – Но въ то же самое лѣто Юрьевъ, городъ на берегу Роси, былъ сожженъ Половцами[155]: жители его ушли съ

Епископомъ въ столицу, и Великій Князь населилъ ими, близъ Кіева, особенный новый городокъ, давъ ему имя *Святополча.*

Олегъ Черниговскій, вопреки данному слову, не ходилъ съ Великимъ Княземъ на Половцевъ. Святополкъ и Владиміръ требовали отъ него, чтобы онъ хотя выдалъ имъ или самъ велѣлъ умертвить знатнаго Половецкаго юношу, сына Итларева, бывшаго у него въ рукахъ; но Князь Черниговскій отвергнулъ и сіе предложеніе, какъ злодѣйство безполезное. Съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе возрастало. Святополкъ и Владиміръ, дѣйствуя во всемъ согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленскъ, отданный ему, какъ вѣроятно, еще Всеволодомъ, и послали его княжить въ Новгородъ, откуда Мономахъ перевелъ сына своего, Мстислава, въ Ростовъ[156]; но своевольные Новогородцы чрезъ два года объявили Давиду, что онъ имъ ненадобенъ, и вторично призвали къ себѣ, на его мѣсто, Мстислава. Лишенный Удѣла, Давидъ прибѣгнулъ, можетъ быть, къ Олеговой защитѣ: по крайней мѣрѣ ему возвратили область Смоленскую. Юный сынъ Мономаховъ, Изяславъ, Правитель Курска, подалъ новый ко враждѣ случай, нечаянно завладѣвъ Муромомъ, городомъ Черниговскаго Князя, и взявъ въ плѣнъ Олегова Намѣстника.

Междоусобія.

Въ сихъ обстоятельствахъ Святополкъ

и Владиміръ прислали звать Олега въ Кіевъ, на *съѣздъ Княжескій.* «Тамъ, въ старѣй-«шемъ градѣ Русскомъ» — говорили они — «утвердимъ безопасность Государства въ «общемъ совѣтѣ съ знаменитѣйшимъ Духо-«венствомъ, съ Боярами отцевъ нашихъ и «гражданами.» Олегъ, не вѣря ихъ доброму намѣренію, съ гордостію имъ отвѣтство-

Гордость Олегова.

валъ: «я Князь и не хочу совѣтоваться ни съ «Монахами, ни съ чернію.» *Когда такъ,* сказали Святополкъ и Владиміръ: *когда не хочешь воевать съ непріятелями земли Русской, ни совѣтоваться съ братьями, то признаемъ тебя самого врагомъ отечества, и Богъ да судитъ между нами!* Взявъ Черниговъ, они приступили къ Стародубу, гдѣ находился Олегъ, и болѣе мѣсяца проливали невинную кровь въ жестокихъ битвахъ[157]. Наконецъ Черниговскій Князь, смиренный голодомъ, долженъ былъ покориться, и клятвенно обѣщалъ пріѣхать на совѣтъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Давидомъ.

Святополкъ нетерпѣливо хотѣлъ прекра-

Маія 24.

тить сію междоусобную войну, ибо Половцы тогда опустошали Россію; одна толпа ихъ сожгла въ Берестовѣ домъ Княжескій, другая мѣстечко Устье, близъ Переяславля, и тесть Святополковъ, Тугорканъ, осадилъ сію Мономахову столицу. Великій Князь и

30 Маія.

Владиміръ умѣли скрыть свои движенія отъ непріятеля, перешли Днѣпръ, явились внезапно подъ стѣнами осажденнаго города.

Обрадованные жители встрѣтили ихъ, и Россіяне бросились въ Трубежъ, ревностно желая битвы съ Половцами, которые стояли на другой сторонѣ сей рѣки. Напрасно осторожный Владиміръ хотѣлъ построить воиновъ: не внимая начальникамъ, они устремились на варваровъ, и своимъ мужествомъ рѣшили побѣду. Самъ Тугорканъ, сынъ его, знаменитѣйшіе Половцы легли на мѣстѣ. Святополкъ взялъ тѣло перваго и съ честію предалъ оное землѣ недалеко отъ своего Берестовскаго дворца. — Въ то самое время, когда Россіяне торжествовали свою побѣду, другой Князь Половецкій, Бонякъ, едва не овладѣлъ Кіевомъ; выжегъ предмѣстіе, *красный дворъ* Всеволодовъ на Выдобичахъ, монастыри; ворвался ночью въ Обитель Печерскую, умертвилъ нѣсколько безоружныхъ Монаховъ, пробужденныхъ шумомъ и воплемъ свирѣпаго непріятеля: ограбилъ церковь, кельи, и съ добычею удалился, оставивъ деревянныя зданія въ пламени[158].

Іюня 19

Іюня 20.

Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго.

Святополкъ, возвратясь въ Кіевъ, напрасно ждалъ Олега, который, не бывъ принятъ Смоленскими жителями, пошелъ къ Мурому[159]. Изяславъ, сынъ Мономаховъ, призвалъ къ себѣ войско изъ Ростова, Суздаля, Бѣлаозера, и готовился отразить сего непріятеля. «Иди княжить въ свою Ростов«скую область,» велѣлъ сказать ему Олегъ: «отецъ твой отнялъ у меня Черниговъ: не «ужели и въ Муромѣ, наслѣдственномъ мо-

«емъ достояніи, вы лишите меня хлѣба? «Я не хочу войны, и желаю примириться «съ Владиміромъ.» Олегъ имѣлъ съ собою малочисленную дружину, набранную имъ въ Рязани, которая зависѣла тогда отъ Черниговскихъ Князей; но получивъ гордый отказъ, смѣло обнажилъ мечь. Юный Изяславъ палъ въ сраженіи, и войско его разсѣялось.
6. Сентября. Побѣдитель взялъ Муромъ (гдѣ была супруга Изяславова), Суздаль, Ростовъ, и слѣдуя тогдашнему варварскому обыкновенію, плѣнилъ множество безоружныхъ гражданъ.

Мстиславъ Владиміровичь, Князь Новогородскій, крестникъ Олеговъ, свѣдавъ о несчастной судьбѣ Изяславовой, велѣлъ привезти къ себѣ тѣло его, и съ горестію погребъ оное въ Софійской церкви. Сей великодушный Князь, любя справедливость, не винилъ Олега въ завоеваніи Мурома, но требовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ Ростова и Суздаля; не упрекалъ его даже и смертію Изяслава, говоря ему чрезъ Пословъ: «ты убилъ моего брата; но въ ратяхъ гибнутъ Цари и Герои. Будь доволенъ своимъ наслѣдственнымъ городомъ: въ такомъ случаѣ умолю отца моего примириться съ тобою.» Олегъ не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній, думая скоро взять самый Новгородъ. Тогда Мстиславъ, любимый народомъ, вооружился. Начальникъ отряда Новогородскаго, Добрыня Рагуйловичь, захватилъ людей Олеговыхъ, посланныхъ для

собранія дани, и сбилъ его передовое войско на рѣкѣ Медвѣдицѣ (въ Тверской Губерніи). Олегъ не могъ удержать ни Ростова, ни Суздаля; выжегъ сей послѣдній городъ, оставивъ въ немъ только одинъ монастырь съ церквами, и засѣлъ въ Муромѣ. Добродушный Мстиславъ, уважая крестнаго отца, снова предложилъ ему миръ, желая только, чтобы онъ возвратилъ плѣнныхъ, и въ то же время убѣдительно просилъ родителя своего забыть вражду Олегову. Мономахъ отправилъ въ Суздаль меньшаго сына, Вячеслава, съ коннымъ отрядомъ союзныхъ Половцевъ, написавъ къ Олегу краснорѣчивое письмо такого содержанія[160]: «Долго печальное сердце мое боро-«лось съ закономъ Христіанина, обязаннаго «прощать и миловать: Богъ велитъ брать-«ямъ любить другъ друга; но самые умные «дѣды, самые добрые и блаженные отцы на-«ши, обольщаемые врагомъ Христовымъ, «возставали на кровныхъ..... Пишу къ те-«бѣ, убѣжденный твоимъ крестнымъ сыномъ, «который молитъ меня оставить злобу для «блага земли Русской, и предать смерть его «брата на судъ Божій. Сей юноша усты-«дилъ отца своимъ великодушіемъ! Дер-«знемъ ли, въ самомъ дѣлѣ, отвергнуть «примѣръ Божественной кротости, данный «намъ Спасителемъ, мы тлѣнныя созданія? «нынѣ въ чести и славѣ, завтра въ моги-«лѣ, и другіе раздѣлятъ наше богатство! «Вспомнимъ, братъ мой, отцевъ своихъ:

Храбрость и добродушіе Мстислава.

Письмо Мономахово.

«что они взяли съ собою, кромѣ добродѣ-«тели? Убивъ моего сына и твоего собствен-«наго крестника, видя кровь сего агнца, ви-«дя сей юный увядшій цвѣтъ, ты не по-«жалѣлъ объ немъ; не пожалѣлъ о слезахъ «отца и матери; не хотѣлъ написать ко «мнѣ письма утѣшительнаго; не хотѣлъ «прислать бѣдной, невинной снохи, чтобы «я вмѣстѣ съ нею оплакалъ ея мужа, не ви-«давъ ихъ радостнаго брака, не слыхавъ ихъ «веселыхъ свадебныхъ пѣсней.... Ради Бога «отпусти несчастную, да сѣтуетъ какъ «горлица въ домѣ моемъ; а меня утѣшитъ «отецъ Небесный. — Не укоряю тебя без-«временною кончиною любезнаго мнѣ сына: «и знаменитѣйшіе люди находятъ смерть «въ битвахъ; онъ искалъ чужаго и ввелъ «меня въ стыдъ и въ печаль, обманутый «слугами корыстолюбивыми. Но лучше, если «бы ты, взявъ Муромъ, не бралъ Ростова, «и тогда же примирился со мною. Разсуди «самъ, мнѣ ли надлежало говорить первому, «или тебѣ? Если имѣешь совѣсть; если за-«хочешь успокоить мое сердце, и съ Посломъ «или Священникомъ напишешь ко мнѣ гра-«моту безъ всякаго лукавства: то возмешь «добрымъ порядкомъ область свою, обра-«тишь къ себѣ наше сердце, и будемъ «жить еще дружелюбнѣе прежняго. Я не «врагъ тебѣ, и не хотѣлъ крови твоей у «Стародуба» (гдѣ Святополкъ и Мономахъ осаждали сего Князя): «но дай Богъ, чтобы

«и братья не желали пролитія моей. Мы «выгнали тебя изъ Чернигова единственно «за дружбу твою съ невѣрными; и въ томъ «каюсь, послушавъ брата (Святополка). Ты «господствуешь теперь въ Муромѣ, а сы-«новья мои въ области своего дѣда. Захо-«чешь ли умертвить ихъ? твоя воля. Бо-«гу извѣстно, что я желаю добра отече-«ству и братьямъ. Да лишится навѣки ми-«ра душевнаго, кто не желаетъ изъ васъ «мира Христіанамъ! — Не боязнь и не край-«ность заставляютъ меня говорить такимъ «образомъ, но совѣсть и душа, которая «мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе.»

Вѣроломство Олегово.

Г. 1097, Марта 1.

Олегъ согласился заключить миръ, чтобы обмануть племянника; и когда Мстиславъ, распустивъ воиновъ по селамъ, безпечно сидѣлъ за обѣдомъ съ Боярами своими, гонцы принесли ему вѣсть, что коварный его дядя стоитъ уже на Клязмѣ съ войскомъ. Олегъ думалъ, что Мстиславъ, изумленный его внезапнымъ нападеніемъ, уйдетъ изъ Суздаля; но сей юный Князь, въ одни сутки собравъ дружину Новогородскую, Ростовскую, Бѣлозерскую, приготовился къ битвѣ за городскимъ валомъ. Олегъ четыре дни стоялъ неподвижно, и Вячеславъ, другой сынъ Мономаховъ, успѣлъ соединиться съ братомъ. Тогда началось сраженіе. Олегъ ужаснулся, видя славное знамя Владимірово въ рукахъ вождя Половецкаго, заходившаго къ нему въ тылъ съ отрядомъ

Мстиславовой пѣхоты, и скоро обратился въ бѣгство; поручилъ меньшему своему брату, Ярославу, Муромъ, а самъ удалился въ Рязань. Мстиславъ, умѣренный въ счастіи, не хотѣлъ завладѣть ни тѣмъ, ни другимъ городомъ, освободивъ единственно Ростовскихъ и Суздальскихъ плѣнниковъ, тамъ заключенныхъ. Бѣгая отъ него, Олегъ скитался въ отчаяніи, и не зналъ, гдѣ преклонить голову; но племянникъ велѣлъ ему сказать, чтобы онъ былъ спокоенъ. «Святополкъ и Владиміръ не лишатъ тебя земли Русской,» говорилъ сей чувствительный юноша: «я буду твоимъ вѣрнымъ ходатаемъ. Останься и властвуй въ своемъ Княженіи: только смирися.» Мстиславъ сдержалъ слово: вышелъ изъ Муромской области, возвратился въ Новгородъ и примирилъ Олега съ Великимъ Княземъ и своимъ отцемъ.

Великодушіе Мстислава.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россія въ первый разъ увидѣла торжественное собраніе Князей своихъ, на берегу Днѣпра, въ городѣ Любечѣ. Сидя на одномъ коврѣ[161], они благоразумно разсуждали, что отечество гибнетъ отъ ихъ несогласія; что имъ должно наконецъ прекратить междоусобіе, вспомнить древнюю славу предковъ, соединиться душею и сердцемъ, унять внѣшнихъ разбойниковъ, Половцевъ, — успокоить Государство, заслужить любовь народную. Нѣтъ сомнѣнія, что Мономахъ, другъ отечества и благоразумнѣйшій изъ Князей Россійскихъ,

Съѣздъ Князей.

былъ виновникомъ и душею сего достопамятнаго собранія. Въ примѣръ умѣренности и безкорыстія онъ уступилъ Святославичамъ все, что принадлежало нѣкогда ихъ родителю, и Князья съ общаго согласія утвердили за Святополкомъ область Кіевскую, за Мономахомъ частный Удѣлъ отца его: Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро; за Олегомъ, Давидомъ и Ярославомъ Святославичами Черниговъ, Рязань, Муромъ; за Давидомъ Игоревичемъ Владиміръ Волынскій; за Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами Перемышль и Теребовль, отданные имъ еще Всеволодомъ. Каждый былъ доволенъ; каждый цѣловалъ святый крестъ, говоря: *да будетъ земля Русская общимъ для насъ отечествомъ; а кто возстанетъ на брата, на того мы вси возстанемъ*. Добрый народъ благословлялъ согласіе своихъ Князей: Князья обнимали другъ друга какъ истинные братья.

Сей торжественный союзъ былъ въ одно время заключенъ и нарушенъ самымъ гнуснѣйшимъ злодѣйствомъ, коего воспоминаніе должно быть оскорбительно для самаго отдаленнѣйшаго потомства. Лѣтописецъ извиняетъ главнаго злодѣя, сказывая, что клеветники обманули его; но такъ обманываются одни изверги. Сей недостойный внукъ Ярославовъ, Давидъ Игоревичь, пріѣхавъ изъ Любеча въ Кіевъ, объявилъ Святополку, что Мономахъ и Василько Рости-

Злодѣйство Давида и Святополка. славичь суть ихъ тайные враги; что первый думаетъ завладѣть престоломъ Великокняжескимъ, а вторый городомъ Владиміромъ; что убіенный братъ ихъ, Ярополкъ Изяславичь, погибъ отъ руки Василькова наемника, который ушелъ къ Ростиславичамъ[162]; что благоразуміе требуетъ осторожности, а месть жертвы. Великій Князь содрогнулся и заплакалъ, вспомнивъ несчастную судьбу любимаго брата. «Но справед-«ливо ли сіе ужасное обвиненіе?» сказалъ онъ: «да накажетъ тебя Богъ, если обма-«нываешь меня отъ зависти и злобы.» Давидъ клялся, что ни ему въ Владимірѣ, ни Святополку въ Кіевѣ не господствовать мирно, пока живъ Василько; и сынъ Изяславовъ согласился быть вѣроломнымъ подобно отцу своему. Нояб. 4. Не зная ничего, спокойный въ совѣсти, Василько ѣхалъ тогда мимо Кіева, зашелъ помолиться въ монастырь Св. Михаила, ужиналъ въ сей Обители и ночевалъ въ станѣ за городомъ. Святополкъ и Давидъ прислали звать его, убѣждали остаться въ Кіевѣ до имянинъ Великаго Князя, то есть, до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать съ Поляками, спѣшилъ домой и не хотѣлъ исполнить Святополкова желанія. «Видишь ли?» сказалъ Давидъ Великому Князю: «онъ презираетъ тебя въ са-«мой области твоей: чтожь будетъ, когда «пріѣдетъ въ свою? займетъ безъ сомнѣнія «Туровъ, Пинскъ и другія мѣста, тебѣ

«принадлежащія[163]. Вели схватить его и «отдать мнѣ, или ты вспомнишь совѣтъ «мой, но поздно.» Святополкъ вторично послалъ сказать Васильку, чтобы онъ заѣхалъ къ нему хотя на минуту, обнять своихъ дядей и побесѣдовать съ ними. Несчастный Князь далъ слово; сѣлъ на коня, и въѣзжалъ уже въ городъ: тутъ встрѣтился ему одинъ изъ его усердныхъ Отроковъ, и съ ужасомъ объявилъ о гнусномъ заговорѣ. Василько не вѣрилъ. «Мы цѣловали крестъ»— сказалъ онъ — «и клялися умереть друзьями; «не хочу подозрѣніемъ оскорбить моихъ род«ственниковъ» — перекрестился, и съ малочисленною дружиною въѣхалъ въ Кіевъ. Ласковый Святополкъ принялъ гостя на дворѣ Княжескомъ, ввелъ въ горницу, и самъ вышелъ, сказывая, что велитъ готовить завтракъ для любезнаго племянника. Василько остался съ Давидомъ: началъ говорить съ нимъ; но сей злодѣй, еще новый въ ремеслѣ своемъ, блѣднѣлъ, не могъ отвѣчать ни слова и спѣшилъ удалиться. По данному знаку входятъ воины, заключаютъ Василька въ тяжкіе оковы. Мѣра злодѣйства еще не совершилась, и Святополкъ боялся народнаго негодованія: въ слѣдующій день созвавъ Бояръ и гражданъ Кіевскихъ, онъ торжественно объявилъ имъ слышанное отъ Давида. Народъ отвѣтствовалъ: «Государь! «безопасность твоя для насъ священна: ка«зни Василька, если онъ дѣйствительно

«врагъ твой; когда же Давидъ оклеветалъ «его, то Богъ отмститъ ему за кровь не«виннаго.» Знаменитыя духовныя особы смѣло говорили Великому Князю о человѣколюбіи и гнусности вѣроломства. Онъ колебался; но снова устрашенный коварными словами Давида, отдалъ ему жертву въ руки. Василька ночью привезли въ Бѣлгородъ и заперли въ тѣсной горницѣ; въ глазахъ его острили ножъ, разстилали коверъ; взяли несчастнаго и хотѣли положить на землю. Угадавъ намѣреніе сихъ достойныхъ слугъ Давида и Святополка, онъ затрепеталъ, и хотя былъ окованъ, но долгое время оборонялся съ такимъ усиліемъ, что имъ надлежало кликнуть помощниковъ. Его связали; раздавили ему грудь доскою, и вырѣзали обѣ зѣницы... Василько лежалъ на коврѣ безъ чувства. Злодѣи отправились съ нимъ въ Владиміръ, пріѣхали въ городъ Здвиженскъ обѣдать и велѣли хозяйкѣ вымыть окровавленную рубашку Князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привелъ его въ память. Онъ спросилъ: «гдѣ я?» выпилъ свѣжей воды; ощупалъ свою рубашку, и сказалъ: «начто вы сняли съ «меня окровавленную? я хотѣлъ стать въ «ней предъ Судіею Всевышнимъ[164]».... Давидъ ожидалъ Василька въ столицѣ своей, Владимірѣ, и заключилъ въ темницу, приставивъ къ нему двухъ Отроковъ и 30 воиновъ для стражи.

Ослѣпленіе Василька.

Мономахъ, узнавъ о семъ злодѣйствѣ, пришелъ въ ужасъ и залился слезами. «Никогда «еще — сказалъ онъ — не бывало подобнаго «въ землѣ Русской!» и немедленно увѣдомилъ о томъ Святославичей, Олега и Давида. «Прекратимъ зло въ началѣ,» писалъ къ нимъ сей добрый Князь: «накажемъ из«верга, который посрамилъ отечество и «далъ ножъ брату на брата; или кровь «еще болѣе польется, и мы всѣ обратимся «въ убійцъ; земля Русская погибнетъ: вар«вары овладѣютъ ею.» Олегъ и Давидъ, подвигнутые такимъ же великодушнымъ негодованіемъ, соединились съ Мономахомъ, приближились къ Кіеву и грозно требовали отвѣта отъ Святополка. Послы ихъ говорили именемъ Князей: «Ежели Василько пре«ступникъ, то для чего же не хотѣлъ ты «судиться съ нимъ предъ нами? и въ чемъ «состоитъ вина его?» Великій Князь оправдывался своимъ легковѣріемъ, и тѣмъ, что не онъ, а Давидъ ослѣпилъ ихъ племянника. «Но въ твоемъ городѣ,» сказали Послы, и вышли изъ дворца. На другой день Владиміръ и Святославичи уже готовились итти за Днѣпръ[165], чтобы осадить Кіевъ. Малодушный Святополкъ думалъ бѣжать; но граждане не пустили его, и зная доброе сердце Мономаха, отправили къ нему Посольство. Митрополитъ и вдовствующая супруга Всеволодова явились въ станѣ соединенныхъ Князей: первый говорилъ име-

Слезы Мономаховы.

Г. 1098.

немъ народа, вторая плакала и молила. «Князья «великодушные!» сказалъ Митрополитъ Владиміру и Святославичамъ: «не терзайте «отечества междоусобіемъ, не веселите вра«говъ его. Съ какимъ трудомъ отцы и дѣ«ды ваши утверждали величіе и безопас«ность Государства! Они пріобрѣтали «чуждыя земли; а вы что дѣлаете? губите «собственную.» Владиміръ пролилъ слезы: онъ уважалъ память своего родителя, вдовствующую Княгиню его и Пастыря Церкви; а всего болѣе любилъ Россію. «Такъ!» отвѣтствовалъ Мономахъ съ горестію: «мы «недостойны своихъ великихъ предковъ и «заслуживаемъ сію укоризну.» Князья согласились на миръ, и Владиміръ простилъ Святополку собственную обиду: ибо сей неблагодарный, обязанный ему престоломъ, не устыдился повѣрить клеветѣ и считать его своимъ тайнымъ злодѣемъ. Великій Князь, сложивъ всю вину на Давида, далъ слово наказать его какъ общаго недруга.

Рѣчь Митрополита.

Давидъ свѣдалъ о томъ и хотѣлъ отвратить бурю. Здѣсь одинъ изъ дополнителей Несторовой лѣтописи, именемъ Василій — вѣроятно, Инокъ или Священникъ — представляетъ самъ важное дѣйствующее лице, и разсказываетъ слѣдующія обстоятельства: «Я былъ тогда въ Владимірѣ. Князь Давидъ «ночью прислалъ за мною. Окруженный сво«ими Боярами, онъ велѣлъ мнѣ сѣсть и ска«залъ: *Василько говоритъ, что я могу при-*

«*мириться съ Владиміромъ. Иди къ заклю-*
«*ченному*[166]*; совѣтуй ему, чтобы онъ от-*
«*правилъ Посла къ Мономаху и склонилъ*
«*сего Князя оставить меня въ покоѣ. Въ*
«*знакъ благодарности дамъ Васильку любой*
«*изъ городовъ Червенскихъ: Всеволожь, Ше-*
«*поль или Перемиль.* Я исполнилъ Давидову
«волю. Несчастный Василько слушалъ меня
«со вниманіемъ, и съ кротостію отвѣт-
«ствовалъ: *Я не говорилъ ни слова; но сдѣ-* Пре-
«*лаю угодное Давиду, и не хочу, чтобы* красная
«*для меня проливали кровь Россіянъ. Только* душа
«*удивляюсь, что Давидъ въ знакъ милости* Ва-
«*даетъ мнѣ собственный мой городъ Ше-* силь-
«*поль: я и въ темницѣ Князь Теребовля.* кова.
«*Скажи, что желаю видѣть и послать ко*
«*Владиміру Боярина моего, Кулмея.* Давидъ
«не хотѣлъ того, отвѣтствуя, что сего
«человѣка нѣтъ въ Владимірѣ. Я вторично
«пришелъ къ Васильку, который выслалъ
«слугу, сѣлъ со мною и говорилъ такъ:
«*Слышу, что Давидъ мыслитъ отдать ме-*
«*ня въ руки Ляхамъ; онъ еще не сытъ мо-*
«*ею кровію: ему надобна остальная. Я*
«*мстилъ Ляхамъ за отечество и сдѣлалъ*
«*имъ много зла*[167]*: пусть воля Давидова со-*
«*вершится! Не боюсь смерти. Но любя ис-*
«*тину, открою тебѣ всю мою душу. Богъ*
«*наказалъ меня за гордость. Зная, что*
«*идутъ ко мнѣ союзные Торки, Берендеи,*
«*Половцы и Печенѣги, я думалъ въ своей*
«*надменности:* Теперь скажу брату Воло-

«дарю и Давиду: дайте мнѣ только свою «младшую дружину; а сами пейте и ве«селитесь. Зимою выступлю, лѣтомъ за«воюю Польшу. Земля у насъ не богата жи«телями: пойду на Дунайскихъ Болгаровъ, «и плѣнниками населю ея пустыни. А тамъ «буду проситься у Святополка и Владиміра «на общихъ враговъ отечества, на злодѣ«евъ Половцевъ; достигну славы или поло«жу голову за Русскую землю. *Въ душѣ мо«ей не было иной мысли. Клянуся Богомъ, «что я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго «зла ни Святополку, ни Давиду, ни дру«гимъ братьямъ любезнымъ.*» Сей несчастный Князь, въ стѣнахъ темницы открывая душу свою какому нибудь смиренному Иноку, не думалъ, что самое отдаленное потомство услышитъ его слова, достойныя Героя!

Еще болѣе мѣсяца Василько томился въ заключеніи: Владиміръ — озабоченный, какъ вѣроятно, набѣгами Половцевъ — не могъ освободить его[168]. Давидъ ободрился и хотѣлъ увеличить область свою завоеваніемъ Теребовля; но устрашенный мужествомъ Володаря Ростиславича, не дерзнулъ обнажить меча въ полѣ и бѣжалъ въ городъ Бужскъ. Володарь, осадивъ его, требовалъ единственно брата, и гнусный Давидъ, принужденный отпустить Василька, увѣрялъ, что одинъ Святополкъ былъ виною злодѣянія. «Не въ моей области» — говорилъ онъ —

«пострадалъ братъ твой; я долженъ былъ «на все согласиться, чтобы не имѣть такой же участи.« Володарь заключилъ миръ; но какъ скоро освободилъ Василька, то снова объявилъ войну Давиду. Ослѣпленные злобою мести, Ростиславичи обратили въ пепелъ городъ Всеволожь, безчеловѣчно умертвили жителей, и приступивъ ко Владиміру, велѣли сказать гражданамъ, чтобы они выдали имъ трехъ совѣтниковъ Давидовыхъ, научившихъ его погубить Василька. Граждане созвали Вѣче и разсуждали, что имъ дѣлать. «Мы рады умереть за самого «Князя,» говорилъ народъ: «а слуги его не «стоятъ кровопролитія. Онъ долженъ ис«полнить нашу волю, или отворить го«родскія ворота, и скажемъ ему: *промышляй* «*о себѣ!*» Давидъ хотѣлъ спасти наперсниковъ; но боясь возмущенія, предалъ двухъ изъ нихъ въ жертву (третій ушелъ въ Кіевъ). Злодѣевъ повѣсили и разстрѣляли: Васильковы Отроки совершили сію месть въ знакъ любви къ своему Князю.

Месть Ростиславичей.

Ростиславичи удалились; но Давидъ не избавился отъ бѣдствія. Святополкъ, обязанный торжественною клятвою, шелъ наказать его и стоялъ уже въ Брестѣ. Давидъ искалъ защиты у Короля Польскаго, Владислава: сей Государь, взявъ отъ него 50 гривенъ золота, велѣлъ ему ѣхать съ собою, расположился станомъ на Бугѣ, и вступилъ въ переговоры съ Великимъ Кня-

Г. 1099.

земъ. Королю хотѣлось новыхъ даровъ: получивъ ихъ отъ Святополка, онъ совѣтовалъ Давиду возвратиться въ свою область, ручаясь за его безопасность. Но Великій Князь, съ согласія Поляковъ, немедленно осадилъ Владиміръ. Обманутый Королемъ Давидъ чрезъ семь недѣль примирился съ Святополкомъ, уступилъ ему Владимірскую область и выѣхалъ въ Польшу.

Корыстолюбіе Поляковъ.

Апрѣля 9.

Святополкъ не замедлилъ остыдить себя новымъ вѣроломствомъ. Вступая въ предѣлы Волыніи, онъ торжественно клялся Ростиславичамъ, что будетъ имъ другомъ и желаетъ единственно смирить ихъ общаго непріятеля, Давида; но побѣдивъ его, Великій Князь захотѣлъ овладѣть Перемышлемъ и Теребовлемъ, объявляя, что сіи города принадлежали нѣкогда отцу его и брату. Святополкъ надѣялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи на свою правду. Слѣпый Василько явился на мѣстѣ битвы, и показывая въ рукахъ крестъ, громко кричалъ Святополку: «Видишь ли мстителя, клятвопреступникъ? «Лишивъ меня зрѣнія, хочешь отнять и «жизнь мою. Крестъ святый да будетъ «намъ судіею.» Сраженіе было кровопролитное. Святополкъ не могъ устоять и бѣжалъ въ Владиміръ: поручилъ сей городъ сыну Мстиславу, прижитому съ наложницею; другаго сына, Ярослава, отправилъ въ Венгрію за наемнымъ войскомъ; племян-

Новое вѣроломство Святополка.

ника, Святошу Давидовича, оставилъ въ Луцкѣ, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ. Ростиславичи гнались за побѣжденнымъ только до границъ своей области и возвратились, не желая никакихъ пріобрѣтеній: умѣренность великодушная! Они помнили клятву, данную имъ въ Любечѣ, и гнушались примѣрами вѣроломства. Умѣренность Ростиславичей.

Сынъ Великаго Князя, Ярославъ, склонилъ Государя Венгерскаго объявить войну Ростиславичамъ, и Коломанъ, собравъ великія силы, вступилъ въ Червенскую область. Володарь затворился въ Перемышлѣ. Давидъ Игоревичь[169], напрасно искавъ друзей и союзниковъ внѣ Государства, возвратился тогда изъ Польши: видя общую опасность, прибѣгнулъ къ Ростиславичамъ, и въ знакъ довѣренности оставивъ жену свою у Володаря, отправился къ Половцамъ. Ханъ Бонякъ, встрѣтивъ его на границѣ, взялся дѣйствовать противъ врага Россіи. Лѣтописецъ говоритъ, что Половцевъ было 390 человѣкъ, а Давидовыхъ воиновъ 100; что Бонякъ, искусный гадатель будущаго, въ темную глубокую ночь отъѣхалъ отъ стана и началъ *выть;* что звѣри степные отвѣтствовали ему такимъ же воемъ, и что обрадованный Ханъ предсказалъ Давиду несомнительную побѣду. Суевѣріе бываетъ иногда счастливо: ободривъ воиновъ, мужественный Бонякъ раздѣлилъ ихъ на три части; велѣлъ товарищу своему, Алтунопѣ, итти

прямо на Венгровъ съ 50 стрѣлками; поручилъ Давиду главный отрядъ, а самъ засѣлъ впереди, по обѣимъ сторонамъ дороги, имѣя не болѣе ста человѣкъ. Алтунопа увидѣлъ вдали множество Венгровъ, коихъ оружіе и латы блистали отъ первыхъ лучей восходящаго солнца, и которые стояли рядами на великомъ пространствѣ. Онъ шелъ смѣло, и пустивъ нѣсколько стрѣлъ, обратился въ бѣгство. Когда же Венгры устремились въ слѣдъ за нимъ безъ всякаго порядка, Бонякъ ударилъ на нихъ въ тылъ, Алтунопа спереди, Давидъ также[170]. Володарь, осажденный въ Перемышлѣ, могъ воспользоваться симъ случаемъ для удачной вылазки. Изумленные Венгры въ ужасѣ, въ смятеніи, давили другъ друга; бросались въ рѣку Санъ, и тонули. Побѣдители гнали ихъ два дни. Самъ Коломанъ едва спасъ жизнь свою, потерявъ около 40,000 воиновъ, многихъ Бароновъ и тѣлохранителей; а сынъ Святополковъ ушелъ въ Брестъ. Венгерскіе Лѣтописцы разсказываютъ, что виною сего *безпримѣрнаго* несчастія была неосторожность ихъ Государя, обманутаго притворными слезами вдовствующей Россійской Княгини *Ланки*, которая, стоя на колѣнахъ, умоляла его быть милосердымъ къ ея народу; что Венгры, не ожидая сопротивленія и битвы, спали крѣпкимъ сномъ, когда Ханъ Половецкій напалъ въ глубокую ночь на ихъ станъ, и не давъ имъ опомнить-

Пораженіе Венгровъ.

ся, умертвилъ множество людей. Коломанъ безъ сомнѣнія думалъ тогда завладѣть Червенскою областію: съ нимъ были не только знаменитѣйшіе свѣтскіе чиновники, но и Епископы, готовые обращать Россіянъ въ свою Вѣру. Одинъ изъ сихъ Епископовъ, именемъ Купанъ, погибъ въ сраженіи.

Давидъ Игоревичь, желая употребить въ свою пользу несчастіе Святополка и союзниковъ его, взялъ Червенъ, и внезапно осадилъ Владиміръ, гдѣ сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, собственною неустрашимостію ободрялъ воиновъ; но пораженный стрѣлою — въ самое то мгновеніе, какъ онъ натягивалъ лукъ — сей юноша палъ на стѣнѣ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ[171]. Три дни кончина его была тайною для народа: узнавъ онуую, граждане въ общемъ совѣтѣ положили увѣдомить Святополка о своей крайности. Съ одной стороны они боялись гнѣва его, съ другой неминуемаго голода. Святополкъ отправилъ къ нимъ Воеводу Путяту, и велѣлъ ему соединиться въ Луцкѣ съ дружиною Святоши. Сей юный племянникъ Великаго Князя взялъ подъ стражу Давидовыхъ Пословъ, которыхъ онъ до того времени клятвенно увѣрялъ въ дружбѣ, обѣщаясь извѣстить ихъ Государя о первомъ движеніи Святополкова войска. Обманутый Давидъ безпечно отдыхалъ въ полдень, когда Путята и Святоша напали на его станъ; въ то же время осажденные сдѣлали вылаз-

Междоусобія.

Авг. 5.

ку. Пробужденный шумомъ и крикомъ битвы, Давидъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и Владимірцы съ радостію приняли въ городъ свой Посадника Святополкова[172]; но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро Путята вывелъ оттуда войско. Бонякъ, славный побѣдитель Венгровъ, вступился за Давида и возвратилъ ему область его, изгнавъ Святошу изъ Луцка и Посадника Кіевскаго изъ Владиміра.

Г. 1100. Тогда Князья Россійскіе, взаимно огорчаемые своимъ несогласіемъ, вѣроломствомъ, Іюня 30. малодушнымъ властолюбіемъ, вторично собралися близъ Кіева: Святополкъ, Мономахъ и Святославичи; заключили новый союзъ между собою и звали Давида. Сей Князь Владимірскій не дерзнулъ ихъ ослушаться; но пріѣхавъ, гордо сказалъ: «Я здѣсь: чего «отъ меня хотите? кто недоволенъ мною?»... *Не ты ли самъ* — отвѣтствовалъ ему Владиміръ — *желалъ общаго Княжескаго собранія, чтобы представить намъ свои неудовольствія? Теперь сидишь на одномъ коврѣ съ братьями: говори, кто и чѣмъ оскорбилъ тебя?* Давидъ молчалъ. Князья встали и сѣли на коней. Отъѣхавъ въ сторону, каждый совѣтовался съ своею дружиною. Давидъ сидѣлъ одинъ. Наконецъ они снеслися между собою, и Послы ихъ торжественно сказали ему: «Князь Давидъ! объявляемъ «волю нашихъ Государей. Область Владимір-

Новый съѣздъ Князей.

«ская уже не твоя отнынѣ: ибо ты былъ «причиною вражды и злодѣйства, неслы«ханнаго въ Россіи. Но живи спокойно; не «бойся мести. Бужскъ остается твоимъ «городомъ: Святополкъ даетъ тебѣ еще «Дубно и Черторижскъ, Мономахъ 200 гри«венъ, Олегъ и братъ его тоже.» Давидъ смирился, и Святополкъ чрезъ нѣкоторое время уступилъ ему Дорогобужъ Волынскій, отдавъ Владиміръ сыну своему, Ярославу. Соединенные Князья отправили также Пословъ къ Ростиславичамъ, требуя, чтобы они выдали плѣнниковъ, взятыхъ ими въ битвѣ съ коварнымъ Святополкомъ, и господствовали въ одномъ Перемышлѣ; чтобы Володарь взялъ къ себѣ несчастнаго Василька или прислалъ къ дядямъ, которые обязываются *кормить* его. Но Ростиславичи съ гордостію отвергнули сіе предложеніе, и великодушный слѣпецъ хотѣлъ умереть Теребовльскимъ Княземъ. Святополкъ, испытавъ храбрость ихъ, не смѣлъ уже воевать съ ними; но строго наказалъ своего роднаго племянника, Ярослава, сына Ярополкова, который, господствуя въ Брестѣ, вооружался и хотѣлъ завладѣть другими городами. Его привезли въ Кіевъ окованнаго цѣпями. Митрополитъ и духовенство испросили ему свободу; но сей несчастный, бѣжавъ изъ Кіева, попался въ руки Владимірскому Князю, сыну Святополкову:

Усмиреніе Давида.

Г. 1101.

снова былъ заключенъ, и чрезъ десять мѣсяцевъ умеръ въ темницѣ.

Раздѣленіе Государства, вообще ослабивъ его могущество, уменьшило и власть Князей. Народъ, видя ихъ междоусобіе и частое изгнаніе, не могъ имѣть къ нимъ того священнаго уваженія, которое необходимо для государственнаго блага. Читатель замѣтилъ уже многіе примѣры тогдашняго своевольства гражданъ: слѣдующее происшествіе еще яснѣе доказываетъ оное. Великій Князь и Мономахъ согласились отдать Новгородъ сыну перваго, а Мстиславу, въ замѣну сей области, Владиміръ. Исполняя волю отца, Мстиславъ явился во дворцѣ Кіевскомъ, сопровождаемый знатными Новогородцами и
Декаб. 2. Строптивость Новогородцевъ. Боярами Мономаха. Когда Святополкъ посадилъ ихъ, Бояре говорили ему: «Мономахъ «прислалъ къ тебѣ Мстислава, чтобы ты «отправилъ его княжить въ Владиміръ, а «сына своего въ Новгородъ.» *Нѣтъ!* сказали Послы Новогородскіе: *объявляемъ торжественно, что сего не будетъ. Святополкъ! ты самъ добровольно оставилъ насъ: теперь уже не хотимъ ни тебя, ни сына твоего. Пусть ѣдетъ въ Новгородъ, ежели у него двѣ головы! Мы сами воспитали Мстислава, даннаго намъ еще Всеволодомъ*[173]. Великій Князь долго спорилъ съ ними; но, поставивъ на своемъ, они возвратились въ Новгородъ со Мстиславомъ.

Между тѣмъ вторый Княжескій съѣздъ былъ счастливѣе перваго, утвердивъ союзъ Святославичей съ Великимъ Княземъ и Мономахомъ. Половцы, опасаясь слѣдствій онаго, именемъ всѣхъ Хановъ своихъ требовали мира, и заключивъ его въ городѣ Саковѣ, взяли и дали аманатовъ. Сей миръ, какъ и прежніе, только отсрочилъ войну, необходимую по мнѣнію благоразумнаго Князя Владиміра. Въ слѣдующій годъ, весною, онъ и Святополкъ имѣли свиданіе близъ Кіева, на лугу, и сидя въ одномъ шатрѣ, совѣтовались съ Боярами[174]. Дружина Великаго Князя говорила, что весна не благопріятна для военныхъ дѣйствій; что если они для конницы возьмутъ лошадей у земледѣльцевъ, то поля останутся не вспаханы, и въ селахъ не будетъ хлѣба. «Удивляюсь (отвѣт-«ствовалъ Мономахъ), что вы жалѣете ко-«ней болѣе отечества. Мы дадимъ время «пахать земледѣльцу; а Половчинъ застрѣ-«литъ его на самой нивѣ, въѣдетъ въ село, «плѣнитъ жену, дѣтей, и возьметъ все «имѣніе оратая.» Бояре не могли оспоривать сего убѣдительнаго возраженія, и Великій Князь, вставъ съ мѣста, сказалъ: *я готовъ!* Владиміръ съ нѣжностію обнялъ брата, говоря ему, что земля Русская назоветъ его своимъ благодѣтелемъ. Они старались возбудить такую же ревность и въ другихъ Князьяхъ, призывая ихъ смирить варваровъ или умереть Героями. Олегъ Свя-

Совѣтъ Князей.

тославичь отговорился болѣзнію, но два брата его охотно вооружились. Князь Полоцкій, Всеславъ, знаменитый врагъ племени Ярославова, скончался въ 1101 году[175]: меньшій сынъ его, Давидъ, жертвуя наслѣдственною злобою общему благу, прибылъ въ станъ соединенныхъ войскъ: также Игоревъ внукъ, Мстиславъ, коего отецъ неизвѣстенъ, и который, вмѣстѣ съ дядею своимъ, Давидомъ Игоревичемъ, въ 1099 году осаждавъ Владиміръ, искалъ потомъ добычи или славы на морѣ[176]. Великій Князь взялъ съ собою роднаго племянника, Вячеслава, а Мономахъ сына своего, Ярополка. Грозное ополченіе сухимъ путемъ и водою двинулось къ Югу. Флотъ остановился за Днѣпровскими порогами, у Хортицкаго острова: тамъ построилось войско, и четыре дни шло степями къ Востоку до мѣста называемаго *Сутень*. Встревоженные непріятели собирались многочисленными толпами къ вежамъ своихъ Хановъ, которые, видя опасность, совѣтовались между собою, что имъ дѣлать. Старшій изъ нихъ, именемъ Урособа, говорилъ товарищамъ, что надобно просить мира, и что Россіяне, долгое время терпѣвъ отъ Половцевъ, будутъ сражаться отчаянно. Ко славѣ соединенныхъ Князей, младшіе Ханы отвергнули сей благоразумный совѣтъ, съ гордостію отвѣтствуя: «Старецъ! ты боишься Россіянъ! «но мы положимъ дерзкихъ враговъ на мѣ-

Счастливая война съ Половцами.

« стѣ, и возьмемъ всѣ беззащитные города ихъ. »

Въ то время, когда Половцы уже дѣлили въ мысляхъ своихъ добычу нашего стана, Россіяне готовились къ битвѣ молитвою и благочестивыми обѣтами; одни давали клятву, въ случаѣ побѣды, наградить убогихъ; другіе украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою вѣрою, они шли съ бодростію и веселіемъ. Алтунопа, славнѣйшій изъ храбрецовъ Половецкихъ, былъ впереди на стражѣ: Россіяне, окруживъ его, совершенно истребили сей отрядъ непріятельскій. Началося главное сраженіе. Лѣтописецъ говоритъ, что многочисленные полки варваровъ казались на обширной степи дремучимъ, необозримымъ боромъ; но что Половцы, объятые тайнымъ ужасомъ, были какъ сонные, едва могли править своими конями, и смятые первымъ ударомъ нашихъ, бѣжали во всѣ стороны. Никогда еще Россійскіе Князья не одерживали такой знаменитой побѣды надъ варварами. Урособа и 19 другихъ Хановъ пали въ сраженіи. Одного изъ нихъ, именемъ Бельдюза, привели къ Святополку: сей плѣнникъ хотѣлъ откупиться серебромъ, золотомъ и конями. Святополкъ велѣлъ отвести его къ Владиміру, который сказалъ ему: « Ты не училъ дѣтей своихъ и товарищей бояться клятвопреступленія. Сколько разъ вы обѣщали миръ и губили Христіанъ? *Да будетъ же кровь твоя на гла-*

«*въ твоей!*» Бельдюза разсѣкли на части. Побѣдители взяли въ добычу множество скота, вельблюдовъ, коней; освободили невольниковъ, и въ числѣ плѣнныхъ захватили Торковъ и Печенѣговъ, которые служили Половцамъ. Увѣнчанный славою Мономахъ, призывая Россіянъ къ торжеству и веселію, хвалилъ ихъ мужество, но всего болѣе славилъ Небо. «Сей день (говорилъ «онъ) есть праздникъ для отечества. Все«вышній избавилъ отъ враговъ землю Рус«скую: они лежатъ у ногъ нашихъ! Сокру«шены главы змія, и мы обогатилися до«стояніемъ невѣрныхъ.» Въ надеждѣ, что Половцы не дерзнутъ уже безпокоить Россію, Святополкъ старался загладить слѣды ихъ прежнихъ опустошеній, и возобновилъ городъ Юрьевъ, ими сожженный, на берегу Роси.

Къ несчастію, сіи мирныя попеченія о гражданскомъ благосостояніи Государства не могли тогда имѣть успѣха: княженіе Святополка, отъ начала до конца, представляетъ цѣпь ратныхъ дѣйствій. Россія была станомъ воинскимъ, и звукъ оружія не давалъ успокоиться ея жителямъ.

г. 1104. Мартъ. 24. Война съ Мордвою и съ

Ярославъ Святославичь, братъ Олеговъ и Давидовъ, былъ побѣжденъ Мордвою, въ Губерніи Тамбовской или Нижегородской, гдѣ сей народъ обиталъ издревле, въ сосѣдствѣ съ Казанскими Болгарами. — Слѣдуя примѣру отцевъ своихъ, Великій Князь и

Мономахъ вооружились противъ наслѣдниковъ Всеславовыхъ, которые независимо господствовали въ Полоцкой области. Путята, Воевода Святополковъ, Олегъ и Ярополкъ, сынъ Владиміровъ, ходили осаждать Глѣба Всеславича въ Минскѣ. Родный братъ Глѣбовъ, Давидъ, находился съ ними: вѣроятно, что онъ держалъ ихъ сторону. Но войско соединенное возвратилось безъ успѣха. — Всеславичи, избавленные отъ сей опасности, хотѣли покорить Семигалію. Несторъ называетъ ея жителей данниками Россіи[177]: быть можетъ, что они прежде зависѣли отъ Князей Полоцкихъ и вздумали тогда отложиться. Кровопролитная битва утвердила ихъ свободу: Всеславичи, потерявъ 9000 воиновъ, едва могли спасти остатокъ своей рати.

Князьями Полоцкими.

Г. 1106. Пораженіе Россіянъ въ Семигаліи.

Съ другой стороны Половцы новымъ грабительствомъ доказали Мономаху, что онъ еще не *сокрушилъ гидры*, и что не всѣ *главы* ея пали отъ меча Россійскаго. Уже варвары съ добычею и съ невольниками возвращались въ свою землю, когда Воеводы Святополковы настигли ихъ за Сулою и выручили плѣнныхъ. Въ слѣдующій годъ отважный Бо́някъ, захвативъ табуны Переяславскіе, приступилъ къ Лубнамъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Вождемъ Половецкимъ, старымъ Шаруканомъ. Великій Князь, Олегъ, Мстиславъ, Игоревъ внукъ, Мономахъ съ двумя сынами, перешли за Су-

Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами.

Г. 1107, 7 Маія.

лу и съ грознымъ воплемъ устремились на варваровъ, которые не имѣли времени построиться, ни сѣсть на коней, и спасаясь бѣгствомъ, оставили весь обозъ свой въ добычу побѣдителю. Россіяне, гнавъ ихъ до
12 Авг. самаго Хороля, многихъ убили и взяли въ плѣнъ. — Сіи успѣхи не возгордили Олега и
12 Генв. 108. Мономаха, которые въ томъ же году женили сыновей своихъ на дочеряхъ Ханскихъ[178]. Омерзѣніе къ злобнымъ язычникамъ уступало Политикѣ и надеждѣ успокоить Государство хотя на малое время. — Миръ не продолжался ни двухъ лѣтъ: Россіяне уже въ 1109 и въ слѣдующемъ году воевали близъ Дона и брали вежи Половецкія. На-
Г. 1111. конецъ Мономахъ снова убѣдилъ Князей дѣйствовать соединенными силами, и въ то время, когда народъ говѣлъ, слушая въ храмахъ молитвы Великопостныя, воины собирались подъ знаменами. Достойно замѣчанія, что около сего времени были многія воздушныя явленія въ Россіи, и самое землетрясеніе; но благоразумные люди старались ободрять суевѣрныхъ, толкуя имъ, что необыкновенныя знаменія предвѣщаютъ иногда необыкновенное *счастіе* для Государства, или побѣду: ибо Россіяне не знали тогда инаго счастія. Самые мирные Иноки возбуждали Князей разить злобныхъ супостатовъ, вѣдая, что Богъ мира есть также и Богъ воинствъ, подвигнутыхъ любовію къ благу отечества[179]. Россіяне вы-

ступили 26 Февраля, и въ осьмый день стояли уже на Гольтвѣ, ожидая заднихъ отрядовъ. На берегахъ Ворсклы они торжественно цѣловали крестъ, готовясь умереть великодушно; оставили многія рѣки за собою, и 19 Марта увидѣли Донъ. Тамъ воины облеклися въ брони, и стройными рядами двинулись къ Югу. Сей знаменитый походъ напоминаетъ Святославовъ, когда отважный внукъ Рюриковъ шелъ отъ береговъ Днѣпра сокрушить величіе Козарской Имперіи. Его смѣлые витязи ободряли, можетъ быть, другъ друга пѣснями войны и кровопролитія: Владиміровы и Святополковы съ благоговѣніемъ внимали церковному пѣнію Іереевъ, коимъ Мономахъ велѣлъ итти предъ воинствомъ со крестами. Россіяне пощадили непріятельскій городъ Осеневъ (ибо жители встрѣтили ихъ съ дарами: съ виномъ, медомъ и рыбою); другой, именемъ Сугровъ, былъ обращенъ въ пепелъ. Сіи города на берегу Дона существовали до самаго нашествія Татаръ и были, какъ вѣроятно, основаны Козарами: Половцы, завладѣвъ ихъ страною, и сами уже обитали въ домахъ. 24 Марта Князья разбили варваровъ, и праздновали Благовѣщеніе вмѣстѣ съ побѣдою; но чрезъ два дни свирѣпые враги окружили ихъ со всѣхъ сторонъ на берегахъ Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство Россіянъ въ искусствѣ воинскомъ. Мономахъ сра-

Походъ знаменитый.

жался какъ истинный Герой, и быстрымъ движеніемъ своихъ полковъ сломилъ непріятеля. Лѣтописецъ говоритъ, что Ангелъ свыше каралъ Половцевъ, и что головы ихъ, *невидимою* рукою ссѣкаемыя, летѣли на землю: Богъ всегда *невидимо* помогаетъ храбрымъ. — Россіяне, довольные множествомъ плѣнныхъ, добычею, славою (которая, по увѣренію современниковъ, разнеслася отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи до самаго Рима), возвратились въ отечество, уже не думая о своихъ древнихъ завоеваніяхъ на берегахъ Азовскаго моря, гдѣ Половцы безъ сомнѣнія тогда господствовали, овладѣвъ Воспорскимъ Царствомъ или Тмутороканскимъ Княженіемъ, коего имя съ сего времени исчезло въ нашихъ лѣтописяхъ[180].

Имя Тмуторокання исчезаетъ въ лѣтописяхъ.

Г. 1112.

Въ числѣ многихъ Князей, ходившихъ на Донъ съ Владиміромъ и Святополкомъ, былъ и Давидъ Игоревичь Дорогобужскій, памятный злодѣйствомъ: онъ скоро умеръ; область его наслѣдовалъ зять Мстислава Новогородскаго, Ярославъ Святополковичь, который ознаменовалъ свое мужество двукратною побѣдою надъ Ятвягами, строптивыми данниками нашего отечества[181]. Сею войною заключились подвиги Россіянъ въ бурное княженіе Святополка, умершаго въ 1113 году. Онъ имѣлъ всѣ пороки малодушныхъ: вѣроломство, неблагодарность, подозрительность, надменность въ счастіи и робость въ бѣдствіяхъ. При немъ уни-

Апрѣля 16. Кончина Святополкова.

зилось достоинство Великаго Князя, и только сильная рука Мономахова держала его 20 лѣтъ на престолѣ, даруя побѣды отечеству.

Святополкъ былъ набоженъ: готовясь къ войнѣ, къ путешествію, онъ всегда бралъ молитву у Печерскаго Игумена, надъ гробомъ Ѳеодосія, и тамъ же благодарилъ Всевышняго за всякую побѣду; украшалъ, строилъ церкви, — какъ то Михаила Златоверхаго въ Кіевѣ, гдѣ погребено тѣло сего Князя — и въ 1108 году велѣлъ Митрополиту вписать Ѳеодосіево имя въ Синодикъ, для поминовенія во всѣхъ Россійскихъ Епископіяхъ. Довольный наружностію благочестія, онъ явно преступалъ святые уставы нравственности, имѣя наложницъ и равняя побочныхъ дѣтей съ законными[182].

Святополкъ оставилъ супругу, которая, по его смерти, раздала великое богатство монастырямъ, Священникамъ и бѣднымъ (ибо онъ собралъ множество золота, и притомъ всякими средствами: терпѣлъ Евреевъ въ Кіевѣ — вѣроятно, переѣхавшихъ къ намъ изъ Тавриды — и самъ не стыдился, къ утѣсненію народа, торговать солью, которую привозили купцы изъ Галича и Перемышля). — Сбыслава, дочь Великаго Князя, въ 1102 году сочеталась бракомъ съ Королемъ Польскимъ, Болеславомъ Кривоустымъ. Взаимная государственная польза требовала сего союза, и Балдвинъ, Епископъ

Евреи въ Кіевѣ.

Продажа соли.

Брачные союзы. Краковскій, исходатайствовалъ разрѣшеніе отъ Папы: ибо Княжна Россійская была въ свойствѣ съ Королемъ. Брачное торжество совершилось въ Краковѣ: Болеславъ, въ изъявленіе своего удовольствія, щедро одарилъ Вельможъ Польскихъ. Онъ уважалъ тестя, и простилъ своего брата, мятежнаго Избыгнѣва, который, въ 1106 году пріѣхавъ въ Кіевъ, молилъ Великаго Князя быть посредникомъ между ими. Вторая дочь Святополкова, именемъ Передслава, въ 1104 вышла за Королевича Венгерскаго, сына Коломанова, Ладислава или Николая. Въ то же самое время — въ 1104 году — третья Княжна Россійская, дочь знаменитаго Володаря и племянница Василькова, была выдана за Царевича Греческаго, сына Алексіева, Андроника или Исаакія: первый убитъ на войнѣ въ цвѣтущей юности; второй былъ родоначальникомъ Императоровъ Трапезунтскихъ. — Коломанъ, Государь Венгерскій, уже престарѣлый, женился въ 1112 году на дочери Мономаховой, Евфиміи; но сей бракъ имѣлъ несчастныя слѣдствія. Подозрѣвая супругу въ невѣрности, Коломанъ развелся съ нею, и Евфимія беременная возвратилась въ отечество, гдѣ родила сына, Бориса[183].

Въ Княженіе Святополково Митрополитами были Греки Николай и Никифоръ: Митрополиты. первый ѣздилъ Посломъ къ Мономаху отъ Кіевскихъ гражданъ въ 1098 году, и хода-

ствовалъ за несчастнаго племянника Святополкова, Ярослава; при второмъ сынѣ Давида Черниговскаго, Святославъ, названный за его благочестіе *Святошею*, отказался отъ міра, и заключился въ Обители Печерской, уважая монашескія добродѣтели болѣе гражданскихъ. Сей Князь, бывъ сперва слугою иноковъ и вратаремъ, долгое время смирялъ плоть свою трудами и воздержаніемъ, безпрестанно работая въ кельѣ или въ саду, имъ разведенномъ; отдавалъ бѣднымъ все, что имѣлъ, и способствовалъ въ монастырѣ своемъ заведенію библіотеки. — Время Никифоровой паствы ознаменовалось еще въ церковныхъ лѣтописяхъ прибытіемъ въ Новгородъ Св. Антонія Римскаго, ученаго мужа, которому тамошніе чиновники и Епископъ Никита дали, на берегу Волхова, мѣсто и село для основанія монастыря, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи[184].

Князь Святоша.

Св. Антоній Римлянинъ.

Къ достопамятностямъ вѣка Святополкова принадлежитъ любопытное путешествіе Россійскаго Игумена Даніила къ Святымъ Мѣстамъ, уже завоеваннымъ тогда Крестоносцами. Славный Бальдвинъ царствовалъ въ Іерусалимѣ: Даніилъ въ своихъ запискахъ хвалитъ его добродѣтели, привѣтливость, смиреніе. Подъ защитою Королевской дружины сей Игуменъ ходилъ къ Дамаску, въ Акру, и могъ безопасно осмотрѣть всю Палестину, гдѣ еще скитались

Путешествіе Даніила.

толпы невѣрныхъ и грабили Христіанъ. Онъ выпросилъ дозволеніе у Бальдвина поставить лампаду надъ гробомъ Спасителя и записалъ въ Обители Св. Саввы, для поминанія на ектеніяхъ, имена Князей Россійскихъ: Святополка-Михаила, Владиміра-Василія, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратія и Глѣба Минскаго.

Россіяне въ Іерусалимѣ. Достойно замѣчанія, что многіе знатные Кіевляне и Новогородцы находились тогда въ Іерусалимѣ[185]. Алексій Комнинъ безъ сомнѣнія приглашалъ и Россіянъ дѣйствовать противъ общихъ враговъ Христіанства; отечество наше имѣло собственныхъ: но вѣроятно, что сіе обстоятельство не мѣшало нѣкоторымъ витязямъ Россійскимъ искать опасностей и славы подъ знаменами Крестоваго воинства. Впрочемъ, быть можетъ, что одно Христіанское усердіе и желаніе поклониться гробу Іисусову приводило ихъ въ Палестину: ибо мы знаемъ по инымъ современнымъ и не менѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, что Россіяне въ XI вѣкѣ часто давали Небу обѣтъ видѣть ея мѣста святыя[186].

Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янь. Описаніе временъ Святополковыхъ заключимъ извѣстіемъ, что Несторъ при семъ Князѣ кончилъ свою лѣтопись, сказавъ намъ въ 1106 году о смерти *добраго*, девяностолѣтняго *старца* Яня, славнаго Воеводы, жизнію подобнаго древнимъ Христіанскимъ праведникамъ, и сообщившаго ему многія

свѣдѣнія для его историческаго творенія[187]. Отселѣ путеводителями нашими будутъ другіе, также современные Лѣтописцы.

## ГЛАВА VII.

### ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ВАСИЛІЕМЪ.

### Г. 1113 — 1125.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ усмиряетъ мятежъ. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Законъ о ростахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону. Черные Клобуки. Бѣловежцы. Дѣла съ Греками. Мономахова шапка. Царевичь Леонъ. Усмиреніе Минскаго Князя и Новогородцевъ. Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. Плѣнъ Володаря. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кончина Мономахова. Свойства его. Поученіе. Основаніе Владиміра Залѣсскаго. Гида, супруга Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митрополита Никифора.

По смерти Святополка-Михаила граждане Кіевскіе, опредѣливъ въ торжественномъ совѣтѣ, что достойнѣйшій изъ Князей Россійскихъ долженъ быть Великимъ Княземъ, отправили Пословъ къ Мономаху и звали его властвовать въ столицѣ. Добродушный Владиміръ давно уже забылъ не- Г. 1113.

справедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивалъ его кончину, и въ сердечной горести отказался отъ предложенной ему чести. Вѣроятно, что онъ боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи дѣтьми старшаго Ярославова сына, по тогдашнему обыкновенію долженствовали наслѣдовать престолъ Великокняжескій. Сей отказъ имѣлъ несчастныя слѣдствія: Кіевляне не хотѣли слышать о другомъ Государѣ; а мятежники, пользуясь безначаліемъ, ограбили домъ Тысячскаго, именемъ Путяты, и всѣхъ Жидовъ, бывшихъ въ столицѣ подъ особеннымъ покровительствомъ корыстолюбиваго Святополка[188]. Спокойные граждане, приведенные въ ужасъ такимъ безпорядкомъ, вторично звали Мономаха. «Спаси насъ» — говорили ихъ Послы — «отъ «неистовства черни; спаси отъ грабите-«лей домъ печальной супруги Святополко-«вой, собственные наши домы и святыню «монастырей.» Владиміръ пріѣхалъ въ столицу: народъ изъявилъ необычайную радость, и мятежники усмирились, видя Князя великодушнаго на главномъ престолѣ Россійскомъ.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ.

Апр. 20.

Мономахъ усмиряетъ мятежъ.

Даже и Святославичи не противились общему желанію; уступили Мономаху права свои, остались Князьями Удѣльными и жили съ нимъ въ согласіи до самой ихъ кончины. Они счастливѣе отцевъ своихъ торжествовали вмѣстѣ пренесеніе мощей Св. Бо-

Г. 1115. Маія 2.

риса и Глѣба изъ ветхой церкви въ новый каменный храмъ Вышегородскій: симъ дѣйствіемъ Владиміръ изъявилъ, въ началѣ своего правленія, не только набожность, но и любовь къ отечеству: ибо древняя Россія признавала оныхъ Мучениковъ главными ея небесными заступниками, ужасомъ враговъ и подпорою нашихъ воинствъ. Еще будучи Княземъ Переяславскимъ, онъ украсилъ серебряную раку Святыхъ золотомъ, хрусталемъ и рѣзьбою столь хитрою, какъ говоритъ Лѣтописецъ, что Греки дивились ея богатству и художеству. Изъ отдаленнѣйшихъ странъ Россіи собрались тогда въ Вышегородѣ Князья, Духовенство, Воеводы, Бояре; безчисленное множество людей тѣснилось на улицахъ и стѣнахъ городскихъ; всякой хотѣлъ прикоснуться къ святому праху, и Владиміръ, чтобы очистить дорогу для Клироса, велѣлъ бросать народу ткани, одежды, драгоцѣнныя шкуры звѣрей, сребреники[189]. Олегъ далъ роскошный пиръ Князьямъ; три дни угощали бѣдныхъ и странниковъ. — Сіе торжество, и церковное и государственное, изображая духъ времени, достойно замѣчанія въ Исторіи.

Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба.

Мономахъ спѣшилъ также благодѣяніями человѣколюбиваго законодательства утвердить свое право на имя отца народнаго. Причиною Кіевскаго мятежа было, кажется, лихоимство Евреевъ: вѣроятно, что они,

пользуясь тогдашнею рѣдкостію денегъ, угнетали должниковъ неумѣренными ростами. Мономахъ, желая облегчить судьбу недостаточныхъ людей, собралъ въ Берестовскомъ дворцѣ своемъ знатнѣйшихъ Бояръ и Тысячскихъ: Ратибора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогородскаго, Станислава Переяславскаго, Нажира Мирослава и Боярина Олегова, Іоанна Чудиновича; разсуждалъ, совѣтовался съ ними, и наконецъ опредѣлилъ, что заимодавецъ, взявъ три раза съ одного должника такъ называемые *третные росты*, лишается уже истинныхъ своихъ денегъ или капитала: ибо какъ ни велики были тогдашніе годовые росты, но мѣсячные и третные еще превышали ихъ[190]. Мономахъ включилъ сей законъ въ Уставъ Ярославовъ.

Законъ о ростахъ.

Сей Государь щадилъ кровь людей; но зналъ, что вѣрнѣйшее средство утвердить тишину есть быть грознымъ для внѣшнихъ и внутренныхъ непріятелей. Сынъ его, Мстиславъ, два раза побѣдивъ Чудь, завладѣлъ городомъ Оденпе, или *Медвѣжьею Головою* въ Ливоніи[191]. Призванный отцемъ княжить въ Бѣлѣгородѣ, онъ поручилъ Новогородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовалъ воинскій духъ свой счастливымъ, но многотруднымъ походомъ въ Финляндію. Худый зимній путь (ибо весна уже наступала) и бѣдность земли угрожали Россіянамъ голодною смертію; недостатокъ былъ такъ великъ, что они

Г. 1116.—23 Побѣда въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону.

за каждый хлѣбъ платили ногату. — Меньшій братъ Мстиславовъ, Георгій, княжившій въ Суздалѣ, ходилъ Волгою на судахъ въ землю Казанскихъ Болгаровъ, побѣдилъ ихъ и возвратился съ добычею. Третій сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, воевалъ въ окрестностяхъ Дона; взялъ три города въ области Половецкой: Балинъ, Чешлюевъ, Сугровъ; плѣнилъ множество Ясовъ, тамъ обитавшихъ, и въ числѣ ихъ прекрасную дѣвицу, на коей онъ женился. Около сего же времени Владиміръ выгналъ изъ Россіи Берендѣевъ, Печенѣговъ и Торковъ, новыхъ пришельцевъ: утѣсняемые Половцами и разбитые ими близъ Дона, они искали убѣжища въ окрестностяхъ Переяславля, но, любя грабежъ, не могли кочевать тамъ спокойно. Однакожь многіе изъ нихъ остались на Днѣпрѣ, были извѣстны подъ общимъ именемъ *Черныхъ клобуковъ* или *Черкасовъ*, и служили Россіянамъ[192]. — Лѣтопись Владимірова времени упоминаетъ еще о Бѣловежцахъ, охотно принятыхъ Великимъ Княземъ. Сіи обитатели нѣкогда знаменитой крѣпости Козарской на берегахъ Дона, взятой мужественнымъ Святославомъ I, спасаясь отъ свирѣпости Половцевъ, основали новый городъ въ верховьѣ рѣки Остера и назвали его именемъ древняго, или Бѣлою Вежею, коей извѣстныя развалины (во 120 верстахъ отъ Чернигова) свидѣтельствуютъ, что въ ней находились *каменныя* стѣны, башни,

Черные клобуки.

Бѣловежцы.

ворота и другія зданія. Козары, наученные Греками, строили лучше нашихъ предковъ[193].

Успѣхи Мономахова оружія такъ прославили сего Великаго Князя на Востокѣ и Западѣ, что имя его, по выраженію Лѣтописцевъ, гремѣло въ мірѣ, и страны сосѣдственныя трепетали онаго. Если вѣрить

Дѣла съ Греками.

новѣйшимъ повѣствователямъ, то Владиміръ ужасалъ и Греческую Имперію. Они разсказываютъ, что Великій Князь, вспомнивъ знаменитыя побѣды, одержанныя его предками надъ Греками, со многочисленнымъ войскомъ отправилъ Мстислава къ Адріанополю и завоевалъ Ѳракію; что устрашенный Алексій Комнинъ прислалъ въ Кіевъ дары: крестъ животворящаго древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда Владимірова; что Неофитъ, Митрополитъ Ефесскій, вручилъ сіи дары Великому Князю, склонилъ его къ миру, вѣнчалъ въ Кіевскомъ Соборномъ храмѣ Императорскимъ вѣнцемъ и возгласилъ *Царемъ* Россійскимъ[194]. Въ Оружейной Московской Палатѣ

Мономахова шапка.

хранятся такъ называемая *Мономахова златая шапка* или корона, цѣпь, держава, скипетръ и древніе бармы, коими украшаются Самодержцы наши въ день своего торжественнаго вѣнчанія, и которыя дѣйствительно могли быть даромъ Императора Алексія. Мы знаемъ, что и въ X вѣкѣ Государи Россійскіе часто требовали Царской

утвари отъ Византiйскихъ Императоровъ[195]; знаемъ также, что Великiе Князья Московскiе XIV столѣтiя отказывали въ завѣщанiяхъ наслѣднику трона нѣкоторыя изъ сихъ вещей, сдѣланныхъ въ Грецiи (какъ то свидѣтельствуютъ надписи оныхъ и самая работа). Но завоеванiе Ѳракiи кажется сомнительнымъ, и въ *древнихъ* лѣтописяхъ находятся только слѣдующiя извѣстiя о дѣлахъ Владимiра въ отношенiи къ Грекамъ:

Царевичь Леонъ

«Въ 1116 году *супругъ Мономаховой дочери Марiи*, *Царевичь Леонъ*, сынъ бывшаго Императора Дiогена, собравъ войско на берегахъ Чернаго моря, вступилъ въ сѣверныя области Имперiи и завладѣлъ городами Дунайскими; но Царь Алексiй подослалъ къ нему въ Доростолъ двухъ Аравитянъ, которые злодѣйски умертвили его (Августа 15). Тогда Владимiръ, желая или отмстить за убiйство зятя, или сохранить для юнаго сына Марiи, именемъ Василiя, взятые Леономъ города, велѣлъ итти на Дунай Воеводѣ, Iоанну Войтишичу, и сыну своему, Вячеславу, съ другимъ Бояриномъ, Ѳомою Ратиборовичемъ; первый дѣйствительно занялъ нѣкоторые изъ оныхъ, а Вячеславъ безъ успѣха отступилъ отъ Доростола»[196]. Вопреки сему сказанiю, Анна Комнина въ Исторiи отца ея, славнаго Императора Алексiя, увѣряетъ, что Леонъ, сынъ Дiогеновъ, погибъ въ сраженiи съ Турками близъ Антiохiи. «Чрезъ нѣкоторое вре-

мя, пишетъ Анна, явился въ Имперіи обманщикъ, принявшій на себя его имя. Сосланный за то въ Херсонъ, онъ былъ освобожденъ Половцами, и предводительствуя ихъ толпами, шелъ во Ѳракію; но взятый въ плѣнъ Греками, испыталъ, что дерзость не остается безъ наказанія: ему выкололи глаза« (въ 1096 году). Сего несчастнаго и другіе Византійскіе Лѣтописцы именуютъ самозванцемъ; но зять Мономаховъ, убитый въ Дороcтолѣ, былъ конечно истиннымъ Діогеновымъ сыномъ: ибо Владиміръ, находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Дворомъ Константинопольскимъ, не могъ, кажется, дать себя въ обманъ лжецу-бродягѣ. — Вдовствующая супруга Леонова, Марія, скончалась Монахинею въ Россіи, гдѣ сынъ ея, Василій, усердно служилъ Великимъ Князьямъ; а города Дунайскіе были скоро возвращены Имперіи, или силою оружія, или въ слѣдствіе мирныхъ договоровъ[97].

Г. 1116. —23. Владиміръ, одолѣвая внѣшнихъ непріятелей, смирялъ и внутреннихъ. Князь Минскій, Глѣбъ, не хотѣлъ ему повиноваться, сжегъ городъ Слуцкъ, захватывалъ людей между Припетью и Двиною: за то сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, опустошилъ Друцкъ и вывелъ жителей въ новый городокъ, для нихъ основанный. Самъ Великій Князь, соединясь съ Давидомъ Черниговскимъ и съ Ольговичами, взялъ городъ Вячеславъ, Оршу, Копысъ; осаждалъ Минскъ, смирилъ Глѣба,

Усмиреніе Минскаго Князя и Но-

и вновь имъ оскорбленный, привелъ его какъ плѣнника въ Кіевъ, гдѣ онъ и скончался[198]. — Безпокойные Новогородцы, употребляя во зло юность своего Князя Всеволода, мятежными поступками заслужили гнѣвъ Мономаха, который, призвавъ всѣхъ тамошнихъ Бояръ въ Кіевъ, велѣлъ имъ торжественно присягнуть въ вѣрности, удержалъ нѣкоторыхъ у себя, а другихъ заточилъ. Правые, или не столь виновные, возвратились домой, узнавъ опытомъ, что самый человѣколюбивый, но мудрый Государь не оставляетъ дерзкихъ ослушниковъ безъ наказанія[199]. Уже нѣсколько времени Посадники Новогородскіе были, кажется, избираемы изъ тамошнихъ гражданъ: Владиміръ, опасаясь ихъ мятежнаго духа, далъ сей санъ Кіевскому Вельможѣ Борису.

Вогородцевъ.

Сынъ Святополковъ, Ярославъ или Ярославецъ, Князь Владимірскій, ненавидѣлъ жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ея дѣда: Мономахъ выступилъ съ войскомъ, соединился съ Ростиславичами, Князьями югозападной Россіи, около двухъ мѣсяцевъ держалъ городъ Владиміръ въ осадѣ, и принудилъ Ярослава покориться; но сей легкомысленный племянникъ снова оскорбилъ дядю, съ презрѣніемъ удаливъ отъ себя нелюбимую супругу: онъ бѣжалъ въ Польшу. Никто изъ Бояръ не хотѣлъ за нимъ слѣдовать, и Великій Князь отдалъ Владимірскій Удѣлъ сыну своему, Роману,

Изгнаніе и бѣдствіе

Князя Владимірскаго.

Володареву зятю, который въ томъ же году умеръ. Мономахъ послалъ на его мѣсто другаго сына, Андрея (женатаго на внукѣ Половецкаго Князя, Тугоркана) и велѣлъ ему предупредить замыслы Болеслава Кривоустаго, зная, что сей Король, свойственникъ изгнаннаго Князя Владимірскаго, ожидаетъ только удобнаго случая для объявленія войны Россіянамъ. Андрей опустошилъ сосѣдственныя владѣнія Королевскія и возвратился съ добычею. Ляхи, приведенные Ярославомъ, хотѣли взять Червенъ; но съ великимъ урономъ были отражены тамошнимъ Намѣстникомъ, Ѳомою Ратиборовичемъ. Тогда Ярославъ прибѣгнулъ къ Государю

Г. 1123. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи.

Венгерскому, Стефану, который, желая отмстить Россіянамъ за отца своего, побѣжденнаго ими на берегахъ Сана, вступилъ въ область Владимірскую, вмѣстѣ съ Богемцами и Поляками. Великій Князь, не имѣвъ времени собрать войско, съ малою дружиною отправилъ Мстислава къ городу Владиміру, гдѣ юный Андрей, осажденный многочисленными непріятелями, не терялъ бодрости. Уже надменный Ярославъ, подъѣхавъ къ стѣнамъ, грозилъ сыну Мономахову и народу страшною местію въ случаѣ сопротивленія; осматривалъ крѣпость и въ умѣ своемъ назначалъ мѣста для приступа, отложеннаго только до слѣдующаго дня. Въ одну минуту все перемѣнилось. Два человѣка вышли тайно изъ крѣпости, засѣли на

пути, между неприятельскимъ станомъ и городомъ, и копьями пронзили неосторожнаго Ярослава, когда онъ сам-третей возвращался къ союзному войску[200]. Несчастный умеръ въ ту же ночь; а союзники, изумленные его бѣдствіемъ, спѣшили заключить миръ съ Великимъ Княземъ. Лѣтописецъ Венгерскій повѣствуетъ, что Стефанъ, огорченный смертію Ярослава, клялся взять крѣпость или умереть; но что Воеводы его не хотѣли ему повиноваться, сняли шатры свои и принудили Короля возвратиться въ Венгрію[201]. Ихъ неудача.

Въ станѣ Владиміровыхъ непріятелей были и Ростиславичи, до того времени усердные защитники отечества: какимъ образомъ сіи два брата, славные благородствомъ и великодушіемъ, могли присоединиться ко врагамъ Россіи? Въ древнѣйшихъ Лѣтописцахъ Польскихъ находимъ объясненіе. Мужественный Володарь, ужасъ и бичь сосѣдственныхъ Ляховъ, не умѣлъ защитить себя отъ ихъ коварства. Они подослали къ нему одного хитраго Вельможу, именемъ Петра, который вступилъ въ его службу, притворно изъявлялъ ненависть къ Болеславу, вкрался въ довѣренность къ добродушному Князю Перемышльскому, ѣздилъ съ нимъ на охоту, и въ лѣсу съ помощію своихъ людей, внезапно схвативъ безоружнаго Володаря, увезъ его связаннаго къ себѣ въ замокъ[202]: что случилось не за-долго до осады Владиміра. Братъ и сынъ выкупили зна- Плѣнъ Володаря.

менитаго плѣнника изъ неволи, отправивъ въ Польшу, на возахъ и вельблюдахъ, множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ одеждъ, сосудовъ. Сверхъ того Ростиславичи обязались жить въ союзѣ съ Болеславомъ, и находились, кажется, въ его станѣ, подъ Владиміромъ, единственно для заключенія сего договора, или желая быть посредниками между изгнанникомъ Ярославомъ и Великимъ Княземъ.

Завоеваніемъ Минска и пріобрѣтеніемъ Владиміра Мономахъ утвердилъ свое могущество внутри Государства, но не думалъ перемѣнить системы наслѣдственныхъ Удѣловъ, столь противной благу и спокойствію отечества. Долговременное обыкновеніе казалось тогда уже закономъ; или Владиміръ боялся отчаяннаго сопротивленія Князей Черниговскихъ, Полоцкихъ и Ростиславичей, которые не уступили бы ему правъ своихъ безъ страшнаго кровопролитія. Онъ не имѣлъ дерзкой рѣшительности тѣхъ людей, кои жертвуютъ благомъ современниковъ невѣрному счастію потомства; хотѣлъ *быть первымъ*, а не *единственнымъ* Княземъ Россійскимъ: покровителемъ Россіи и Главою частныхъ Владѣтелей, а не Государемъ Самодержавнымъ. Справедливость вооружила его противъ хищника Глѣба и Князя Владимірскаго (ибо сей послѣдній хотѣлъ обезчестить семейство Мономахово разводомъ съ дочерью Мстислава и звалъ иноплемен-

никовъ грабить отечество): та же справедливость не позволяла ему отнять законнаго достоянія у Князей спокойныхъ. — По кончинѣ гордаго Олега и кроткаго Давида, вообще уважаемаго за его правдивость, меньшій ихъ братъ, Ярославъ, мирно княжилъ въ области Черниговской, а сыновья Володаревы, Владимірко, Ростиславъ, и Васильковичи, Григорій съ Іоанномъ, наслѣдовали Перемышль, Звенигородъ, Теребовль и другія мѣста въ юго-западной Россіи, когда въ 1124 году умерли отцы ихъ, оставивъ навсегда въ Россіи память своихъ счастливыхъ дѣлъ воинскихъ, вѣрности въ обѣтахъ и любви къ отечественной славѣ[203]. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ.

Княживъ въ столицѣ 13 лѣтъ, Владиміръ Мономахъ скончался на 73 году отъ рожденія, *славный побѣдами за Русскую землю и благими нравами,* какъ говорятъ древніе Лѣтописцы. Уже въ слабости и недугѣ онъ поѣхалъ на мѣсто, орошенное святою кровію Бориса, и тамъ, у церкви имъ созданной, на берегу Альты, предалъ духъ свой Богу въ живѣйшихъ чувствованіяхъ утѣшительной Вѣры. Горестныя дѣти и Вельможи привезли его тѣло въ Кіевъ, и совершили обрядъ погребенія въ Софійскомъ храмѣ. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродѣтелію; но Владиміръ отличался Христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ: слезы обыкновенно текли изъ глазъ

Г. 1125, Маія 19. Кончина Мономахова.

Свойства его.

его, когда онъ въ храмахъ молился Вседержителю, за отечество и народъ, ему любезный[204]. Не менѣе хвалятъ Лѣтописцы нѣжную его привязанность къ отцу (котораго сей рѣдкій сынъ *никогда и ни въ чемъ не ослушался*), снисхожденіе къ слабому человѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе: ибо онъ, по ихъ словамъ, *творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами*. Но всего яснѣе и лучше изображаетъ его душу *поученіе*, имъ самимъ написанное для сыновей. Къ счастію, сей остатокъ древности сохранился въ одной харатейной лѣтописи, и достоинъ занять мѣсто въ Исторіи[205].

Поученіе.

Великій Князь говоритъ въ началѣ, что дѣдъ его, Ярославъ, далъ ему Русское имя Владиміра и Христіанское Василія, а отецъ и мать прозваніе *Мономаха* или *Единоборца*: для того ли, что Владиміръ дѣйствительно былъ по матери внукъ Греческаго Царя Константина Мономаха, или въ самой первой юности изъявлялъ особенную доблесть воинскую? — «Приближаясь ко гро-«бу» — пишетъ онъ — «благодарю Всевыш-«няго за умноженіе дней моихъ: Рука Его «довела меня до старости маститой. А вы, «дѣти любезныя, и всякой, кто будетъ «читать сіе писаніе, наблюдайте правила, «въ ономъ изображенныя. Когда же сердце «ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте мо-

«его намѣренія; но скажите только: *онъ го-*
«*воритъ несправедливо!*

«Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству есть основаніе добродѣтели. Великъ «Господь: чудесны дѣла Его!» Описавъ въ главныхъ чертахъ, и по большей части словами Давида, красоту творенія и благость Творца, Владиміръ продолжаетъ:

«О дѣти мои! хвалите Бога! Любите «также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ васъ, но «благодѣянія. Не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ, и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богатства въ «нѣдрахъ земли: сіе противно Христіанству. Будьте отцами сиротъ: судите «вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, «ни виновнаго: жизнь и душа Христіанина «священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ «крестнымъ, не преступайте оныя. Братья «сказали мнѣ: *изгонимъ Ростиславичей и* «*возьмемъ ихъ область, или ты намъ не* «*союзникъ!* Но я отвѣтствовалъ: *не могу* «*забыть крестнаго цѣлованія;* развернулъ «Псалтирь и читалъ съ умиленіемъ: *вскую* «*печальна еси, душе моя? Уповай на Бога,* «*яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе.* — «Не оставляйте больныхъ; не страшитесь

«видѣть мертвыхъ: ибо всѣ умремъ. При-«нимайте съ любовію благословеніе Духов-«ныхъ; не удаляйтесь отъ нихъ; творите «имъ добро, да молятся за васъ Всевышне-«му. — Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни «въ сердцѣ, и думайте: *мы тлѣнны; нынѣ «живы, а завтра во гробѣ.* — Бойтесь вся-«кой лжи, піянства и любострастія, равно «гибельнаго для тѣла и души. — Чтите ста-«рыхъ людей какъ отцевъ, любите юныхъ «какъ братьевъ. — Въ хозяйствѣ сами при-«лѣжно за всѣмъ смотрите, не полагаясь «на Отроковъ и Тіуновъ, да гости не осу-«дятъ ни дому, ни обѣда вашего. — На вой-«нѣ будьте дѣятельны; служите примѣ-«ромъ для Воеводъ. Не время тогда думать «о пиршествахъ и нѣгѣ. Разставивъ ночную «стражу, отдохните. Человѣкъ погибаетъ «внезапу: для того не слагайте съ себя «оружія, гдѣ можетъ встрѣтиться опас-«ность, и рано садитесь на коней. — Путе-«шествуя въ своихъ областяхъ, не давай-«те жителей въ обиду Княжескимъ Отро-«камъ; а гдѣ остановитесь, напойте, на-«кормите хозяина. Всего же болѣе чтите «гостя, и знаменитаго и простаго, и купца «и Посла; если не можете одарить его, «то хотя брашкомъ и питіемъ удоволь-«ствуйте: ибо гости распускаютъ въ чу-«жихъ земляхъ и добрую и худую объ насъ «славу. — Привѣтствуйте всякаго человѣка, «когда идете мимо. — Любите женъ своихъ,

«но не давайте имъ власти надъ собою. —
«Все хорошее, узнавъ, вы должны помнить:
«чего не знаете, тому учитесь. Отецъ мой,
«сидя дома, говорилъ *пятью языками*[206]:
«за что хвалятъ насъ чужестранцы. Лѣ-
«ность мать пороковъ: берегитесь ее. Че-
«ловѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пу-
«ти, на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто сует-
«ныхъ мыслей читайте наизусть молитвы,
«или повторяйте хотя самую краткую,
«но лучшую: *Господи помилуй!* Не засы-
«пайте никогда безъ земнаго поклона; а
«когда чувствуете себя нездоровыми, то
«поклонитесь въ землю три раза. Да не
«застанетъ васъ солнце на ложѣ! Идите
«рано въ церковь воздать Богу хвалу утрен-
«нюю: такъ дѣлалъ отецъ мой; такъ дѣ-
«лали всѣ добрые мужи. Когда озаряло ихъ
«солнце, они славили Господа съ радостію и
«говорили: *просвѣти очи мои, Христе Боже,*
«*и далъ ми еси свѣтъ твой красный.* Потомъ
«садились думать съ дружиною, или судить
«народъ, или ѣздили на охоту; а въ полдень
«спали: ибо не только человѣку, но и звѣрямъ
«и птицамъ Богъ присудилъ отдыхать въ
«часъ полуденный.—Такъ жилъ и вашъ отецъ.
«Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть
«Отроку: на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью,
«въ зной лѣтній и холодъ зимній не зналъ
«покоя; не надѣялся на Посадниковъ и Би-
«ричей; не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ
«обиду сильнымъ; самъ назиралъ церковь и

«Божественное служеніе, домашній распо-«рядокъ, конюшню, охоту, ястребовъ и «соколовъ.» — Исчисливъ свои дѣла воинскія, уже извѣстныя Читателю, Владиміръ пишетъ далѣе: «Всѣхъ походовъ моихъ было «83; а другихъ маловажныхъ не упомню. Я «заключилъ съ Половцами 19 мирныхъ до-«говоровъ, взялъ въ плѣнъ болѣе ста луч-«шихъ ихъ Князей и выпустилъ изъ неволи, «а болѣе двухъ сотъ казнилъ и потопилъ «въ рѣкахъ. — Кто путешествовалъ скорѣе «меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я бы-«валъ въ Кіевѣ у родителя прежде вече-«ренъ. — Любя охоту, мы часто ловили «звѣрей съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками «въ густыхъ лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней «вдругъ по нѣскольку. Два раза буйволъ «металъ меня на рогахъ, олень бодалъ, лось «топтала ногами; вепрь сорвалъ мечь съ «бедры моей, медвѣдь прокусилъ сѣдло, лю-«тый звѣрь однажды бросился и низвер-«гнулъ коня подо мною. Сколько разъ я па-«далъ съ лошади! Дважды разбилъ себѣ «голову, повреждалъ руки и ноги, не блю-«дя жизни въ юности, и не щадя головы «своей. Но Господь хранилъ меня. И вы, «дѣти мои, не бойтесь смерти, ни бит-«вы, ни звѣрей свирѣпыхъ; но являйтесь «мужами во всякомъ случаѣ, посланномъ «отъ Бога. Если Провидѣніе опредѣлитъ «кому умереть, то не спасутъ его ни

«отецъ, ни мать, ни братья. Храненіе «Божіе надежнѣе человѣческаго.»

Безъ сего завѣщанія, столь умно писаннаго, мы не знали бы всей прекрасной души Владиміра, который не сокрушилъ чуждыхъ Государствъ, но былъ защитою, славою, утѣшеніемъ собственнаго; и никто изъ древнихъ Князей Россійскихъ не имѣетъ болѣе права на любовь потомства: ибо онъ съ живѣйшимъ усердіемъ служилъ отечеству и добродѣтели. Если Мономахъ одинъ разъ въ жизни не усомнился нарушить Права Народнаго и вѣроломнымъ образомъ умертвить Князей Половецкихъ, то можемъ отнести къ нему слова Цицероновы: *вѣкъ извиняетъ человѣка*[207]. Считая Половцевъ врагами Христіанства и Неба (ибо они жгли церкви), Россіяне думали, что истреблять ихъ, какимъ бы то образомъ ни было, есть богоугодное дѣло.

Къ сожалѣнію, древніе Лѣтописцы наши, разсказывая подробно воинскія и церковныя дѣла, едва упоминаютъ о государственныхъ или гражданскихъ, коими Владиміръ украсилъ свое правленіе. Знаемъ только, что онъ, желая доставить народу всѣ возможныя удобности, сдѣлалъ на Днѣпрѣ мостъ; часто ѣздилъ въ Ростовскую и Суздальскую землю, наслѣдственную область Всеволодова Дому, для хозяйственныхъ распоряженій; выбралъ прекрасное мѣсто на берегу Клязмы, основалъ городъ, назвалъ его

Основание Владиміра Залѣсскаго. *Владиміромъ Залѣсскимъ,* окружилъ валомъ и построилъ тамъ церковь Св. Спаса. Сынъ его, Мстиславъ, распространилъ въ 1114 году укрѣпленія Новогородскія, а Посадникъ, именемъ Павелъ, заложилъ каменную стѣну въ Ладогѣ[208].

Бѣдствія. Во время Мономахова княженія, довольно спокойное и мирное въ сравненіи съ другими, были нѣкоторыя бѣдствія: рѣдкая засуха въ 1124 году и сильный въ Кіевѣ пожаръ, который продолжался два дни, обративъ въ пепелъ большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую улицу.* Народъ съ ужасомъ видѣлъ еще одно совершенное затмѣніе солнца и звѣзды на небѣ въ самый полдень. Въ южной Россіи случились два землетрясенія, а въ сѣверной страшная буря, которая срывала домы и потопила множество скота въ Волховѣ[209].

Гида, супруга Мономахова: ея дѣти. Мономахъ оставилъ пять сыновей и супругу третьяго брака. Нѣтъ сомнѣнія, что *первою* была Гида, дочь Англійскаго Короля Гаральда, о коей мы упоминали[210], и которая, по извѣстію древняго Историка Датскаго, около 1070 году вышла за нашего Князя, именемъ Владиміра. Норвежскіе Лѣтописцы сказываютъ, что сынъ Гиды и сего Князя женился на Христинѣ, дочери Шведскаго Короля, Инга Стенкильсона: супруга Мстислава Владиміровича дѣйствительно называлась Христиною[211]. Ея доче-

ри, внуки Мономаховы, вступили въ знаменитые брачные союзы: *одна* съ Норвежскимъ Королемъ, Сигурдомъ, а послѣ съ Датскимъ Эрикомъ Эдмундомъ; *вторая* съ Канутомъ Святымъ, Королемъ Оботритскимъ, отцемъ *Вальдемара*, славнаго Государя Датскаго, названнаго симъ именемъ, можетъ быть, въ честь его великаго прадѣда, *Владиміра* Мономаха; *третія* съ Греческимъ Царевичемъ: думаю, сыномъ Императора Іоанна, Алексіемъ, коего супруга именемъ и родомъ неизвѣстна по Византійскимъ лѣтописямъ[212].

Въ годъ сего бракосочетанія (1120) пріѣхалъ изъ Константинополя въ Россію Митрополитъ Никита и заступилъ мѣсто умершаго Никифора, мужа знаменитаго свѣдѣніями и краснорѣчіемъ: чего памятникомъ остались два письма его къ Мономаху: первое *о раздѣленіи Церквей*, Восточной и Западной; второе о *постѣ*, особенно любопытное, ибо оно содержитъ въ себѣ не только богословскія, но и философическія умствованія, заключаемыя хвалою добродѣтелей Мономаховыхъ[213]. «*Разумъ*» — пишетъ Никифоръ — «*разумъ есть свѣтлое око ду*«*ши, обитающей во главѣ*. Какъ ты, Го«сударь мудрый, сидя на престолѣ, чрезъ «Воеводъ своихъ управляешь народомъ, такъ «душа посредствомъ пяти чувствъ пра«витъ тѣломъ. Не имѣю нужды во много«рѣчіи: ибо умъ твой летаетъ быстро,

Сочиненіе Митрополита Никифора.

«постигая смыслъ каждаго слова. Могу ли «предписывать тебѣ законы для умѣренно«сти въ чувственныхъ наслажденіяхъ, ко«гда ты, сынъ Княжеской и Царской (Гре«ческой) крови, Властитель земли сильныя, «не знаешь дому, всегда въ трудахъ и «путешествіяхъ, спишь на голой землѣ, «единственно для важныхъ дѣлъ государ«ственныхъ вступаешь во дворецъ свѣт«лый, и снимая съ себя любимую одежду «простую, надѣваешь Властительскую; ко«гда, угощая другихъ обѣдами Княжескими, «самъ только смотришь на яства роскош«ныя?..... Восхвалю ли тебѣ и другія до«бродѣтели? Восхвалю ли щедрость, когда «десница твоя ко всѣмъ простерта; когда «ты ни сребра, ни злата не таишь, не «считаешь въ казнѣ своей, но обѣими ру«ками раздаешь ихъ, хотя оскудѣть не мо«жешь, ибо благодать Божія съ тобою?..... «Скажу единое: какъ душа обязана испы«тывать или повѣрять дѣйствія чувствъ, «зрѣнія, слуха, ея всегдашнихъ орудій, да«бы не обмануться въ своихъ заключеніяхъ: «такъ и Государь долженъ повѣрять доне«сенія Вельможъ. Вспомни, кто изгнанъ, «кто наказанъ тобою: не клевета ли погу«била сихъ несчастныхъ?..... Князь любез«ный! да не оскорбитъ тебя искренняя «рѣчь моя! Не думай, чтобы я слышалъ «жалобу осужденныхъ и за нихъ вступался; «нѣтъ, пишу единственно на воспоминаніе

«тебѣ: ибо власть великая требуетъ и «великаго отчета; а мы начинаемъ теперь «постъ, время душеспасительныхъ размы-«шленій, когда Пастыри церковные долж-«ны и Князьямъ смѣло говорить истину. «Вѣдаю, что мы сами, можетъ быть, въ «зломъ недугѣ; но Слово Божіе въ насъ здра-«во и цѣло: ежели оно полезно, то надобно «ли входить въ дальнѣйшее изслѣдованіе? «Человѣкъ въ лицѣ, Богъ въ сердцѣ, и проч.» — Такимъ образомъ древніе учители нашей Церкви бесѣдовали съ Государями, соединяя усердную хвалу съ наставленіемъ Христіанскимъ. Слогъ сихъ писемъ ознаменованъ печатію вѣка: грубъ, однакожъ довольно ясенъ, и многія выраженія сильны.

# ГЛАВА VIII.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ.

## Г. 1125 — 1132.

Набѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за Волгу. Междоусобіе въ юго-западной Россіи. Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война съ Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голодъ. Древнѣйшая грамота.

Г. 1125. Мстиславъ Владиміровичь наслѣдовалъ достоинство Великаго Князя. Братья его господствовали въ Удѣлахъ: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей въ Владимірѣ, Георгій въ Суздалѣ; а сыновья, Изяславъ и Ростиславъ, въ Курскѣ и Смоленскѣ. — Новый Государь, уже давно извѣстный мужествомъ и великодушіемъ, явилъ добродѣтели отца своего на престолѣ Россіи: имѣлъ ту же ревностную любовь къ общему благу, ту же твердость, соединенную въ немъ, подобно какъ и въ Мономахѣ, съ нѣжною чувствительностію души.

Княженіе его, къ несчастію кратковременное, прославилось разными успѣхами воинскими, которыми онъ желалъ единственно успокоить Государство и возстановить древнее величіе онаго.

Половцы, свѣдавъ о кончинѣ Мономаха, надумали, что Россія осиротѣла и будетъ снова жертвою ихъ грабительства. Они хотѣли соединиться съ Торками, кочевавшими безъ Переяславля; но Ярополкъ Владиміровичь, тамошній Князь, узналъ о семъ намѣреніи: велѣлъ Торкамъ въѣхать въ городъ, и самъ, не имѣвъ терпѣнія дождаться помощи отъ своихъ братьевъ, съ одною Переяславскою дружиною ударилъ на варваровъ, разбилъ ихъ и множество потопилъ въ рѣкахъ. Набѣгъ Половцевъ.

Мстиславъ, объявивъ себя покровителемъ утѣсненныхъ Князей, долженъ былъ обнажить мечь на Всеволода Ольговича, который выгналъ изъ Чернигова дядю своего, Ярослава, умертвилъ его Бояръ вѣрныхъ и разграбилъ ихъ домы. Мстиславъ клялся изгнанному Князю наказать сего мятежнаго сына Олегова. Слѣдуя несчастному примѣру отца, Всеволодъ заключилъ союзъ съ Половцами: варвары, въ числѣ семи тысячь, спѣшили къ границамъ Россіи, давъ вѣсть о томъ Черниговскому хищнику; но Послы ихъ не могли уже возвратиться и были схвачены, въ окрестностяхъ рѣки Сейма, Посадниками Ярополка[214]. Ожидавъ долгое время отвѣта и боясь измѣны, Половцы ушли наконецъ во-свояси. Тогда Всеволодъ прибѣгнулъ къ смиренію; молилъ Великаго Князя забыть вину его, и между тѣмъ осыпалъ дарами Вельможъ Кіевскихъ. Мстиславъ Г. 1127. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго.

еще не колебался, однакожь медлилъ, и несчастный дядя самъ пріѣхалъ изъ Мурома, чтобы напомнить ему священный обѣтъ мести. Бояре, не ослѣпленные дарами Всеволода, были за Ярослава; но какой-то Григорій, Игуменъ Андреевской Обители, любимецъ покойнаго Мономаха, весьма уважаемый Великимъ Княземъ, говорилъ, что миролюбіе есть должность Христіанина. Митрополитъ Никита уже скончался[215], и Церковь Россійская не имѣла Главы: сей Игуменъ склонилъ на свою сторону всѣхъ духовныхъ сановниковъ, которые торжественно сказали Мстиславу: «Государь! лучше преступить клятву, нежели убивать «Христіанъ. Не бойся грѣха: мы беремъ его «на свою душу.» Убѣжденный ими, Великій Князь примирился со Всеволодомъ, и бѣдный Ярославъ съ горестію возвратился въ Муромъ (гдѣ и скончался черезъ два года, оставивъ сію область и Рязанскую въ наслѣдіе сыновьямъ). Мстиславъ забылъ наставленіе отца: «давъ клятву, исполняйте оную!» Щадить кровь людей есть безъ сомнѣнія добродѣтель; но Монархъ, преступая обѣтъ, нарушаетъ законъ Естественный и Народный; а миролюбіе, которое спасаетъ виновнаго отъ казни, бываетъ вреднѣе самой жестокости. Къ чести Мстислава скажемъ, что онъ во всю жизнь свою оплакивалъ сей проступокъ[216].

Начало особенныхъ Княженій Муромскаго и Рязанскаго.

Великій Князь, излишно снисходительный въ отношеніи ко Всеволоду, отмстилъ по крайней мѣрѣ варварамъ, его союзникамъ. Лѣтописцы говорятъ, что войско Мстислава «загнало Половцевъ не только за Донъ, «но и за Волгу,» и что они уже не смѣли безпокоить нашихъ предѣловъ[217].

Удаленіе Половцевъ за Волгу.

Еще при жизни Мономаха сыновья Володаревы, Владимірко и Ростиславъ, начали ссориться между собою; однакожь, боясь его, не смѣли воевать другъ съ другомъ. Исполняя завѣщаніе отца, первый господствовалъ въ Звенигородѣ, а второй въ Перемышлѣ. Когда же Мономахъ скончался, Владимірко хотѣлъ изгнать брата. За Ростислава стояли Васильковичи, Іоаннъ и Григорій; также и Великій Князь Мстиславъ, желая единственно отвратить зло насилія. Мирныя убѣжденія, съѣзды и переговоры въ Серетѣ остались безполезными: Владимірко уѣхалъ въ Венгрію, чтобы просить войска у Короля Стефана. Тогда Ростиславъ осадилъ Звенигородъ, гдѣ 3000 Венгровъ и Россіянъ оборонялись столь мужественно, что онъ долженъ былъ отступить. Но сія война не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій. Владимірко, возвратясь въ отчизну, смирился: ибо Великій Князь рѣшительно требовалъ, чтобы каждый изъ братьевъ довольствовался своимъ Удѣломъ[218].

Междоусобіе въ югозападной Россіи.

Важнѣйшее происшествіе сего времени есть паденіе знаменитаго Дому Князей По-

Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію.

лоцкихъ, которые издавна отдѣлились, такъ сказать, отъ Россіи, желая быть Владѣтелями независимыми. Мстиславъ рѣшился покорить сію древнюю область Кривичей, и сдѣлалъ то, чего напрасно хотѣли его дѣды[219]. Онъ привелъ въ движеніе силы многихъ Князей; велѣлъ итти братьямъ своимъ, Вячеславу изъ Турова, Андрею изъ Владиміра, сыну Изяславу изъ Курска, давъ ему собственный полкъ Княжескій; Ростиславу, другому сыну, изъ Смоленска; Всеволодку Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, изъ Городна; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, изъ Клецка. Всѣ они долженствовали начать военныя дѣйствія въ одинъ день. Всеволодъ Ольго-
4 Авг. вичь, послушный Великому Князю, и братья его вмѣстѣ съ отрядомъ вѣрныхъ Торковъ, отданныхъ въ начальство Боярину Ивану Войтешичу, въ то же время шли къ Минскому городу Борисову. Изяславъ взялъ Логожскъ еще ранѣе назначеннаго Мстиславомъ дня, и спѣшилъ соединиться съ дядями; обступившими городъ Изяславль, Удѣлъ знаменитой Рогнѣды, первой супруги Св. Владиміра. Тамъ находился Брячиславъ, сынъ Бориса Всеславича, зять Мстиславовъ: хотѣлъ бѣжать къ отцу, онъ попался въ руки къ своему шурину, который велъ съ собою многихъ плѣнныхъ Логожанъ. Узнавъ, что сіи плѣнники и Брячиславъ довольны умѣренностію побѣдителя, осажденные гражда-

не рѣшились сдаться, но требовали клятвы отъ Вячеслава, сына Мономахова, что онъ защититъ ихъ отъ всякаго насилія. Клятва была дана и нарушена. Ночью, въ слѣдъ за дружиною Тысячскихъ, посланною въ городъ, бросились всѣ воины Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотѣли остановить ихъ; едва спасли имѣніе дочери Мстиславовой, мечемъ удержавъ неистовыхъ грабителей, а бѣдныхъ гражданъ отдали имъ въ жертву. Скоро и Всеволодъ, старшій сынъ Великаго Князя, вступилъ съ Новогородцами въ область Полоцкую: устрашенные жители не оборонялись, и выгнали своего Князя, Давида, на мѣсто коего, согласно съ ихъ желаніемъ, Мстиславъ далъ имъ Рогволода, брата Давидова[220]; а чрезъ два года отправилъ всѣхъ Князей Полоцкихъ въ ссылку, за то, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что они не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ враговъ нашего отечества, Половцевъ[221]. Всеславичи Давидъ, Ростиславъ, Святославъ, и племянники ихъ, Василько и Іоаннъ, сыновья Рогволодовы, съ женами и дѣтьми были на трехъ ладіяхъ отвезены въ Константинополь. Мстиславъ отдалъ Княженіе Полоцкое и Минское сыну своему Изяславу. Г. 1129.

Князь Новогородскій Всеволодъ, соединясь съ братьями, два раза ходилъ на Чудь, или Эстонцевъ, зимою: обратилъ въ пепелъ селенія, умертвилъ жителей, взялъ въ плѣнъ Г. 1130 — 31. Война

съ Чудью и Литвою. ихъ женъ и дѣтей; но въ другомъ походѣ самъ лишился многихъ воиновъ. Сей народъ ненавидѣлъ Россіянъ какъ утѣснителей, отрекался платить дань, и сопротивленіемъ отягчалъ свою долю. — Самъ Великій Князь

Г. 1131. воевалъ Литву и привелъ въ Кіевъ великое число плѣнниковъ[222]. Тогдашнія безпрестанныя войны доставляли нашимъ Князьямъ и Боярамъ множество невольниковъ, которые отчасти шли въ продажу, отчасти (какъ надобно думать) были разселяемы по деревнямъ.

Кончина Мстислава. Г. 1132, Апр. 15. Мстиславъ, по возвращеніи изъ Литвы, скончался на 56 году отъ рожденія, заслуживъ имя Великаго. Онъ умѣлъ властвовать, хранилъ порядокъ внутри Государства, и если бы дожилъ до лѣтъ отца своего, то могъ бы утвердить спокойствіе Россіи на долгое время. — Сей Великій Князь, вторично женатый на дочери знатнаго Новогородца, Димитрія Завидича, имѣлъ отъ нее двухъ сыновей: Святополка и Владиміра (кромѣ дочерей, изъ коихъ одна была за Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ). Старшіе ихъ братья родились отъ Христины, первой супруги[223].

Сверхъ тогдашнихъ мнимыхъ ужасовъ, солнечныхъ затмѣній и легкаго землятрясенія въ южной Россіи (Августа 1, 1126 года) дѣйствительнымъ несчастіемъ княженія

Голодъ. Мстиславова былъ страшный голодъ въ сѣверныхъ областяхъ, особенно же въ Ново-

городской. Отъ жестокаго, совсѣмъ необыкновеннаго холода вымерзли озими, глубокій снѣгъ лежалъ до 30 Апрѣля, вода затопила нивы, селенія, и земледѣльцы весною увидѣли на поляхъ, вмѣсто зелени, одну грязь. Правительство не имѣло запасовъ, и цѣна хлѣба такъ возвысилась, что осмина ржи въ 1128 году стоила нынѣшними серебряными деньгами около рубля сорока копѣекъ[224]. Народъ питался мякиною, лошадинымъ мясомъ, липовымъ листомъ, березовою корою, мхомъ, древесною гнилью. Изнуренные голодомъ люди скитались какъ привидѣнія: падали мертвые на дорогахъ, улицахъ и площадяхъ. Новгородъ казался обширнымъ кладбищемъ; трупы заражали воздухъ смрадомъ тлѣнія, и наемники не успѣвали вывозить ихъ. Отцы и матери отдавали дѣтей купцамъ иноземнымъ въ рабство, и многіе граждане искали пропитанія въ странахъ отдаленныхъ. «Новгородъ опустѣлъ,» говорятъ Лѣтописцы: однакожъ войско его чрезъ годъ уже разило непріятелей, торговля цвѣла по прежнему, купеческія суда ходили въ Готландію и Данію[225].

Замѣтимъ, что самая древнѣйшая изъ подлинныхъ Княжескихъ грамотъ Русскихъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, есть Мстиславова, данная имъ Новогородскому Юрьевскому монастырю, вмѣсто крѣпости, на земли и судныя пошлины, съ приписью сына его, Всеволода, что онъ даритъ тому же мона- Древнѣйшая грамота.

стырю серебряное блюдо для употребленія за братскою трапезою.

## ГЛАВА IX.

### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

### Г. 1132 — 1139.

Неустройства. Дань Печорская. Завоеваніе Дерпта. Битва на Ждановой горѣ. Кровопролитіе въ южной Россіи. Изгнаніе Князя изъ Новагорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Псковъ отдѣлился отъ Новагорода. Уставъ о церковной дани. Новогородцы опять изгоняютъ Князя. Междоусобіе въ южной Россіи. Миръ и кончина Великаго Князя. Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станѣ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ.

Г. 1132. Превосходныя достоинства Мстислава удерживали частныхъ Князей въ границахъ благоразумной умѣренности: кончина его разрушила порядокъ.

Граждане Кіевскіе объявили Ярополка Владиміровича Государемъ своимъ и призвали его въ столицу. Согласно съ торжественнымъ договоромъ, заключеннымъ между имъ и старшимъ братомъ, въ исполненіе Мономахова завѣщанія, онъ уступилъ Переяславль

Неустройства.

Всеволоду, сыну Мстислава. Сей Князь Новогородскій, пріѣхавъ туда, чрезъ нѣсколько часовъ былъ изгнанъ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, Княземъ Суздальскимъ и Ростовскимъ, который заключилъ союзъ съ меньшимъ братомъ, Андреемъ, и боялся, чтобы Ярополкъ не сдѣлалъ Всеволода наслѣдникомъ Кіевскаго престола. Великій Князь убѣдилъ Георгія выѣхать изъ Переяславля[226]; но, чтобы успокоить братьевъ, отдалъ сію область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, Князю Полоцкому. Такимъ образомъ слабость новаго Государя обнаружилась въ излишней снисходительности, и несчастныя слѣдствія доказали, сколь малодушіе его было вредно для Государства. Новогородцы, Ладожане и Псковитяне (которые составляли одну область), уже не хотѣли принять Всеволода. «Забывъ клятву «умереть съ нами (говорили они), ты ис-«калъ другаго Княженія: иди же, куда тебѣ «угодно!» Несчастный Князь долженъ былъ удалиться. Граждане скоро одумались и возвратили изгнанника; но власть его ограничилась, и Посадники, издревле знаменитые слуги Князей, сдѣлались ихъ совмѣстниками въ могуществѣ, будучи съ того времени избираемы народомъ[227]. — Полочане также воспользовались отсутствіемъ Изяслава: выгнали брата его, Святополка, и признали Княземъ своимъ Василька Рогволодовича, который возвратился тогда изъ Царяграда[228].

Новыя перемѣны служили только поводомъ къ новымъ безпорядкамъ и неудовольствіямъ. Желая совершенно угодить братьямъ, Ярополкъ склонилъ Изяслава уступить Переяславль дядѣ своему, Вячеславу. Племянникъ въ замѣну получилъ Туровъ и Пинскъ, сверхъ его прежней Минской области; былъ доволенъ и ѣздилъ въ Удѣлы Мстиславичей, Г. 1133. въ Смоленскъ, въ Новгородъ, собирать дары и налоги для Ярополка. Достойно примѣчанія, что Новгородъ, владѣя отдаленными странами нынѣшней Архангельской Губерніи, платилъ за нихъ Великимъ Князьямъ особенную дань, которая называлась *Печорскою*. Дань Печорская. Но скоро вѣрность Изяслава и братьевъ его поколебалась: легкомысленный Вячеславъ, жалѣя о своемъ бывшемъ Удѣлѣ, Г. 1134 — 35. отнялъ у племянника Туровъ, а Георгій Владиміровичь взялъ Переяславль, отдавъ за то Ярополку часть своей Ростовской и Суздальской области[229]. Огорченный Изяславъ прибѣгнулъ ко Всеволоду: сей Новогородскій Князь не задолго до того времени Завоеваніе Дерпта. побѣдилъ мятежную Чудь, взялъ Юрьевъ или Дерптъ, основанный Великимъ Ярославомъ, и въ надеждѣ на свою храбрость обѣщалъ брату завоевать для него область Суздальскую. Онъ не сдержалъ слова: дошелъ только до рѣки Дубны и возвратился. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ господствовало неустройство: народъ волновался, избиралъ, смѣнялъ Посадниковъ, и даже утопилъ одно-

го изъ главныхъ чиновниковъ своихъ, бросивъ его съ мосту, который служилъ Новогородцамъ вмѣсто скалы Тарпейской. Недовольные худымъ успѣхомъ Всеволодова похода, они требовали войны и хотѣли снова итти къ Суздалю. Напрасно Михаилъ, тогдашній Митрополитъ Кіевскій, пріѣхавъ къ нимъ, старался отвратить ихъ отъ сего междоусобія: Новогородцы считали оное нужнымъ для своей чести; не пустили отъ себя Митрополита, и не смотря на жестокость зимы, выступили въ поле 31 Декабря; съ удивительнымъ терпѣніемъ сносили холодъ, вьюги, мятели, и кровопролитною битвою, 26 Генваря, на долгое время прославили Жданову гору (въ нынѣшней Владимірской Губерніи); потеряли множество людей, убили еще болѣе Суздальцевъ, но не могли одержать побѣды; возвратились съ миромъ и немедленно освободили Митрополита, который предсказалъ имъ несчастныя слѣдствія ихъ похода[230].

Битва на Ждановой горѣ.

И южная Россія была въ сіе время ѳеатромъ раздора. Ольговичи, Князья Черниговскіе, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьямъ его; призвали Половцевъ; жгли города, села; грабили, плѣняли Россіянъ, и заключили миръ подъ Кіевомъ. Изяславъ былъ тутъ же. Онъ не ходилъ вторично съ Новогородцами въ область Суздальскую: Великій Князь уступилъ ему Владиміръ, Андрею, брату своему,

Кровопролитіе въ южной Россіи.

Переяславль, а Ростовъ и Суздаль возвратилъ Георгію, который сверхъ того удержалъ за собою Остеръ въ южной Россіи. Въ семъ случаѣ Новогородцы поступили какъ истинные, добрые сыны отечества: не хотѣвъ взять участія въ междоусобіи, они прислали своего Посадника Мирослава, и наконецъ Епископа Нифонта, обезоружить Князей словами благоразумія. Нифонтъ, мужъ строгой добродѣтели, сильными убѣжденіями тронулъ ихъ сердца и болѣе всѣхъ способствовалъ заключенію мира[231].

г. 1136, 8 Авг. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять возгорѣлась война, и Князья Черниговскіе новыми злодѣйствами устрашили бѣдныхъ жителей Переяславской области. Въ жестокой битвѣ, на берегахъ Супоя, Великій Князь лишился всей дружины своей; она гналась за Половцами и была отрѣзана непріятелями: ибо Ярополкъ съ большею частію войска малодушно оставилъ мѣсто сраженія. Плѣнивъ знатнѣйшихъ Бояръ, Ольговичи взяли и знамя Великаго Князя. Василько, сынъ Мономаховой дочери, Маріи, и Греческаго Царевича Леона, находился въ числѣ убитыхъ. — Завоевавъ Триполь, Халепъ, окрестности Бѣлагорода, Васильева, побѣдители уже стояли на берегахъ Лыбеди, когда Ярополкъ, готовый ко вторичной битвѣ, но ужасаясь кровопролитія, вопреки мнѣнію братьевъ предложилъ миръ, и согласился уступить Ольговичамъ Курскъ съ частію

Переяславской области[232]. Митрополитъ ходилъ къ нимъ въ станъ, и приводилъ ихъ къ цѣлованію Креста, по тогдашнему обычаю.

Между тѣмъ Новогородцы, миря другихъ, сами не умѣли наслаждаться внутреннею тишиною. Князь былъ жертвою ихъ безпокойнаго духа. Собравъ гражданъ Ладожскихъ, Псковскихъ, они торжественно осудили Всеволода на изгнаніе, ставя ему въ вину, 1) «что онъ не *блюдетъ* простаго «народа и любитъ только забавы, ястре«бовъ и собакъ; 2) хотѣлъ княжить въ Пе«реяславлѣ; 3) ушелъ съ мѣста битвы на «Ждановой горѣ прежде всѣхъ, и 4) непо«стояненъ въ мысляхъ: то держитъ сто«рону Князя Черниговскаго, то пристаетъ «ко врагамъ его.» Всеволодъ былъ заключенъ въ Епископскомъ домѣ съ женою, дѣтьми и тещею, супругою Князя Святоши; сидѣлъ какъ преступникъ 7 недѣль за всегдашнею стражею тридцати воиновъ, и получилъ свободу, когда Святославъ Ольговичь, братъ Князя Черниговскаго, избранный народомъ, пріѣхалъ княжить въ Новгородъ. Оставивъ тамъ аманатомъ юнаго сына своего, Владиміра, Всеволодъ искалъ защиты Ярополковой, и добросердечный Великій Князь, забывъ вину сего племянника (хотѣвшаго прежде, въ досаду ему, овладѣть Суздальскою землею), далъ изгнаннику Вышегородъ[233]; но равнодушно смотрѣлъ на то,

Изгнаніе Князя изъ Новагорода.

что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояніе Государей Кіевскихъ, уже не признавала надъ собою ихъ власти.

Мятежъ продолжался въ Новѣгородѣ. Всеволодъ имѣлъ тамъ многихъ ревностныхъ друзей, ненавистныхъ народу, который одного изъ нихъ, именемъ Георгія Жирославича, бросилъ въ Волховъ. Сіи люди, не теряя надежды успѣть въ своемъ намѣреніи, хотѣли даже застрѣлить Князя Святослава[234]. Самъ Посадникъ держалъ ихъ сторону, и наконецъ съ нѣкоторыми знатными Новогородцами и Псковитянами ушелъ ко Всеволоду, сказывая ему, что всѣ добрые сограждане желаютъ его возвращенія. Рожденный, воспитанный съ ними, сей Князь любилъ Новгородъ какъ отчизну и неблагодарныхъ его жителей какъ братьевъ; тосковалъ въ изгнаніи, и съ сердечною радостію спѣшилъ приблизиться къ своей наслѣдственной столицѣ. На пути встрѣтилъ его съ дружиною Василько Рогволодовичь, Князь Полоцкій, въ 1129 году сосланный Мстиславомъ въ Константинополь: онъ имѣлъ случай отмстить сыну за жестокость отца; но Василько былъ великодушенъ: видѣлъ Всеволода въ несчастіи и клялся забыть древнюю вражду; желалъ ему добра, и самъ съ честію проводилъ его чрезъ свои области.

г. 1137.

Великодушіе Василька Полоцкаго.

Псковитяне съ искреннимъ усердіемъ приняли Всеволода: Новогородцы же не хо-

шѣли объ немъ слышать, и свѣдавъ, что онъ уже во Псковѣ, разграбили домы его доброжелателей, а другихъ обложили пенями, и собранныя 1500 гривенъ отдали купцамъ на заготовленіе нужныхъ вещей для войны. Святославъ призвалъ брата своего, Глѣба, изъ Курска; призвалъ самыхъ Половцевъ. Уже варвары надѣялись опустошить сѣверную Россію, какъ они съ жестокимъ отцемъ сего Князя грабили южную; но Псковитяне рѣшились быть друзьями Всеволода: заваливъ всѣ дороги въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, они взяли такія мѣры для обороны, что устрашенный Святославъ не хотѣлъ итти далѣе Дубровны, и возвратился[235]. Такимъ образомъ городъ Псковъ сдѣлался на время особеннымъ Княженіемъ: Святополкъ Мстиславичь наслѣдовалъ сію область по кончинѣ брата своего, набожнаго, благодѣтельнаго Всеволода-Гавріила, коего гробницу и древнее оружіе донынѣ показываютъ въ тамошней Соборной церкви.

Псков. отдѣлился отъ Новагорода.

Новогородцы, избравъ Святослава, объявили себя непріятелями Великаго Князя, также Суздальскаго и Смоленскаго. Псковитяне не хотѣли имѣть съ ними сношенія; ни Василько, Князь Полоцкій, вѣрный союзникъ Всеволодовъ. Лишенные подвозовъ, они терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ (котораго осмина стоила тогда въ Новѣгородѣ 7 рѣзаней), и неудовольствіе народное обратилось на Князя невиннаго. Одно Духовен-

ство имѣло нѣкоторую причину жаловаться на Святослава: ибо онъ сочетался какимъ-то незаконнымъ бракомъ въ Новѣгородѣ, не уваживъ запрещенія Епископскаго, и велѣвъ обвѣнчать себя собственному или придворному Іерею. За то сей Князь старался обезоружить Нифонта своею щедростію, возобновивъ древній уставъ Владиміровъ о церковной дани, опредѣливъ Епископу брать, вмѣсто *десятины* отъ *Виръ* и *продажъ*, 100 гривенъ изъ казны Княжеской, кромѣ уѣздныхъ оброковъ и пошлинъ[236]. Но Святославъ не могъ успокоить народа, и былъ изгнанъ съ безчестіемъ. Желая защитить себя отъ мести Ольговичей, граждане оставили въ залогъ у себя его Бояръ и Княгиню; сослали ее въ монастырь Св. Варвары и призвали въ Новгородъ Ростислава, внука Мономахова, сына Георгіева; заключили миръ съ Великимъ Княземъ, Псковитянами, и хвалились своею мудрою Политикою. — Горестный Святославъ, разлученный съ женою, на пути своемъ въ Черниговъ былъ остановленъ Смоленскими жителями и запертъ въ монастырѣ Смядынскомъ: ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Мономахову.

Уставъ о церковной дани. Г. 1138. Апрѣля 17.

Новогородцы опять изгоняютъ Князя. Маія 10.

Сіи безпокойные Князья вмѣстѣ съ Половцами ограбили селенія и города на берегахъ Сулы. Андрей Владиміровичь не могъ отразить ихъ, ни имѣть скорой помощи отъ братьевъ, которые, въ надеждѣ на

Междоусобіе въ южной Россіи.

миръ, распустили войско. Онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ бѣдствія своихъ подданныхъ и спѣшилъ уѣхать изъ Переяславля, оставивъ ихъ въ добычу врагамъ и не менѣе хищнымъ Намѣстникамъ[237]. Заключеніе Святослава еще болѣе остервенило жестокихъ Ольговичей: пылая гнѣвомъ, они какъ тигры свирѣпствовали въ южной Россіи, взяли Прилукъ, думали осадить Кіевъ. Но Ярополкъ собралъ уже сильную рать, заставилъ ихъ удалиться и скоро приступилъ къ Чернигову. Не только всѣ Россійскіе Князья соединились съ нимъ, но и Венгры дали ему войско; въ станѣ его находилось еще около 1000 конныхъ Берендѣевъ или Торковъ. Жители Черниговскіе ужаснулись и требовали отъ своего Князя, Всеволода, чтобы онъ старался умилостивить Ярополка. «Ты «хочешь бѣжать къ Половцамъ,» говорили они: «но варвары не спасутъ твоей «области: мы будемъ жертвою враговъ. «Пожалѣй о народѣ и смирися. Знаемъ чело-«вѣколюбіе Ярополково: онъ не радуется «кровопролитію и гибели Россіянъ.» Черниговцы не обманулись: Великій Князь, тронутый моленіемъ Всеволода, явилъ рѣдкій примѣръ великодушія или слабости: заключивъ миръ, утвержденный съ обѣихъ сторонъ клятвою и дарами, возвратился въ Кіевъ и скончался[238]. Сей Князь, подобно Мономаху, любилъ добродѣтель, какъ увѣряютъ Лѣтописцы; но онъ не зналъ, въ

Миръ и кончина Великаго Князя. Г. 1139, Февр. 18

Сполѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха.

чемъ состоитъ добродѣтель Государя. Съ его времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая въ теченіе цѣлаго вѣка была главнымъ несчастіемъ Россіи: ибо первые не хотѣли довольствоваться своею наслѣдственною областію и не могли, завидуя вторымъ, спокойно видѣть ихъ на престолѣ Великокняжескомъ.

Галицкое Княженіе.

Вмѣстѣ съ другими Россіянами находилась подъ Черниговымъ, въ Ярополковомъ станѣ, и вспомогательная дружина *Галицкая*: такъ съ сего времени называется въ лѣтописяхъ юго-западная область Россіи, гдѣ сынъ Володаревъ, честолюбивый Владимірко, господствуя вмѣстѣ съ братьями, перенесъ свою особенную столицу на берегъ Днѣстра, въ Галичъ, и прославился мужествомъ. Онъ не могъ забыть коварнаго злодѣянія Ляховъ, столь безчестно плѣнившихъ Володаря, и мстилъ имъ при всякомъ случаѣ[259]. Какой-то знатный Венгерецъ, Болеславовъ Вельможа, начальникъ города Вислицы, измѣнивъ Государю, тайно звалъ Галицкаго Князя въ ея богатую область. Владимірко безъ сопротивленія завладѣлъ оною и сдержалъ данное Венгерцу слово: осыпалъ его золотомъ, ласкою, почестями; но гнушаясь злодѣяніемъ, велѣлъ тогда же ослѣпить сего измѣнника

Характеръ Владимірка.

и сдѣлать евнухомъ. «Изверги не должны имѣть дѣтей, имъ подобныхъ,» сказалъ Владимірко, хотѣвъ такимъ образомъ согласить

природную ненависть къ Полякамъ съ любовію къ добродѣтели. Онъ удовольствовался взятою добычею, и не могъ удержать за собою Вислицы. Польскіе Лѣтописцы говорятъ, что Болеславъ старался отмстить ему такимъ же грабежемъ въ Галицкой области: свирѣпствовалъ огнемъ и мечемъ, плавалъ въ крови невинныхъ земледѣльцевъ, пастырей, женъ, и возвратился съ *честію!* Тогдашніе ужасы войны безъ сомнѣнія превосходили нынѣшніе, и казались не злодѣйствомъ, но ея принадлежностію, обыкновенною и необходимою.

Борисъ воюетъ съ Корол. Венгерскимъ.

Владимірко — то врагъ, то союзникъ Венгровъ — участвовалъ также въ войнѣ Бориса, сына Евфиміи, Мономаховой дочери, съ Королемъ Белою *Слѣпымъ*[240]. Еще въ утробѣ матери осужденный на изгнаніе и воспитанный въ нашемъ отечествѣ, Борисъ, возмужавъ, хотѣлъ мечемъ доказать силу наслѣдственныхъ правъ своихъ, и вступилъ въ Венгрію съ *Россіянами*, его союзниками, и съ Болеславомъ Польскимъ; но въ рѣшительной битвѣ не выдержалъ перваго удара Нѣмцевъ, и бѣжалъ какъ малодушный, не умѣвъ воспользоваться благорасположеніемъ многихъ Венгерскихъ Бояръ, которые думали, что онъ былъ законный сынъ ихъ Государя, и что Коломанъ единственно по ненависти своей къ Россійской крови изгналъ супругу, вѣрную и невинную. Напрасно искавъ защиты Нѣмецкаго Императора, Бо-

рисъ чрезъ нѣсколько лѣтъ явился въ станѣ Людовика VII, когда сей Французскій Монархъ шелъ чрезъ Паннонію въ Обѣтованную землю. Узнавъ о томъ, Гейза, Король Венгерскій, требовалъ головы своего опаснаго непріятеля; но Людовикъ сжалился надъ несчастнымъ, и призвавъ на совѣтъ Епископовъ, объявилъ Посламъ Гейзы, что требованіе ихъ Короля не согласно ни съ честію, ни съ Вѣрою Христіанскою. Борисъ, женатый на родственницѣ Мануила, Греческаго Императора, удалился въ Царьградъ, выѣхавъ тайно изъ Французскаго стана на конѣ Людовиковомъ; воевалъ еще съ Гейзою подъ знаменами Мануила и былъ застрѣленъ измѣнникомъ, Половецкимъ воиномъ, въ 1156 году[241]. Сынъ его, *младшій* Коломанъ, извѣстный храбростію, служилъ послѣ Грекамъ и правительствовалъ въ Киликіи.

Борисъ въ станѣ Короля Французскаго.

Убитъ измѣнникомъ.

# ГЛАВА X.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ ОЛЬГОВИЧЬ.

## Г. 1139 — 1146.

Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава. Междоусобія. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразуміе. Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести. Безпокойства въ Новѣгородѣ. Смерть Андрея Добраго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россіяне въ Польшѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новогородцевъ. Браки. Походъ на Галичь. Іоаннъ Берладникъ. Всеволодъ избираетъ наслѣдника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Воеводы Звенигородскаго. Кончина Всеволода.

Вячеславъ, Князь Переяславскій, спѣшилъ Г.
въ Кіевъ, быть наслѣдникомъ Ярополко- 1139,
вымъ, и Митрополитъ, провождаемый на- Февр.
родомъ, встрѣтилъ его какъ Государя. Но 22.
Всеволодъ Ольговичь не далъ ему времени утвердить власть свою: узнавъ въ Вышегородѣ о кончинѣ Ярополковой, немедленно собралъ войско; обступилъ Кіевъ и зажегъ предмѣстіе Копыревское [212]. Устрашенный Вячеславъ послалъ Митрополита сказать Всеволоду: «я не хищникъ; но ежели усло- Марта 5.
«вія нашихъ отцевъ не кажутся тебѣ за- Всеволодъ
«кономъ священнымъ, то будь Государемъ изгоняетъ
«Кіевскимъ: иду въ Туровъ.» Онъ дѣйстви- Вячеслава.
тельно уѣхалъ изъ столицы, а Всеволодъ съ торжествомъ сѣлъ на престолѣ Велико-

княжескомъ, давъ *свѣтлый* пиръ Митрополиту и Боярамъ; вино, медъ, яства, овощи были развозимы для народа: церкви и монастыри получили богатую милостыню. — Къ неудовольствію брата своего, Игоря, Всеволодъ отдалъ Черниговъ сыну Давидову, Владиміру.

Меж-доусобія. Новый Великій Князь изъявилъ желаніе остаться въ мирѣ съ сыновьями и внуками Мономаха; но они не хотѣли ѣхать къ нему, замышляя свергнуть его съ престола. Тогда Всеволодъ рѣшился отнять у нихъ владѣнія и послалъ Воеводъ на Изяслава Мстиславича. Сія рать, объятая ужасомъ прежде битвы, возвратилась съ уничиженіемъ и стыдомъ[245]. Въ намѣреніи загладить первую неудачу, Всеволодъ приказалъ брату Князя Черниговскаго, Изяславу Давидовичу, вмѣстѣ съ Галицкими Князьями воевать область Туровскую и Владимірскую; а самъ выступилъ противъ Андрея, гордо объявивъ ему, чтобы онъ ѣхалъ въ Курскъ, и что Переяславль долженъ быть Удѣломъ Святослава Ольговича. Великодушный Андрей издавна

Мужество Андрея. не боялся враговъ многочисленныхъ. «Нѣтъ!» отвѣтствовалъ сей Князь: «дѣдъ, отецъ «мой княжили въ Переяславлѣ, а не въ Кур-«скѣ; здѣсь моя отчина и дружина вѣрная: «живой не выду отсюда. Пусть Всеволодъ «обагритъ свои руки моею кровію! Не онъ «будетъ первый: Святополкъ, подобно ему «властолюбивый, умертвилъ также Бориса

«и Глѣба; но долго ли пользовался властію?» Великій Князь стоялъ на берегахъ Днѣпра и велѣлъ Святославу изгнать Андрея: но мужественный сынъ Мономаховъ, обративъ его въ бѣгство, купилъ побѣдою миръ. Къ чести Всеволода сказано въ лѣтописи, что онъ во время договоровъ, видя ночью сильный пожаръ въ Переяславлѣ, не хотѣлъ воспользоваться онымъ. Сіи два Князя, обѣщавъ забыть вражду, чрезъ нѣсколько дней съѣхались въ Малотинѣ для заключенія союза съ Ханами Половецкими.

Честность Всеволода.

Между тѣмъ Владимірко Галицкій съ Іоанномъ Васильковичемъ, братъ Черниговскаго Князя съ Половцами, и Ляхи, союзники Всеволодовы, вошли въ область Изяславову и Туровскую. Но гордый Владимірко, стыдясь быть слугою или орудіемъ Государя Кіевскаго, искалъ въ юномъ, мужественномъ Изяславѣ Мстиславичѣ не врага, а достойнаго сподвижника въ опасностяхъ славы: они встрѣтились въ полѣ для того, чтобы разстаться друзьями. Ляхи же и Половцы удовольствовались однимъ грабежемъ. Симъ война кончилась. Благоразумный Всеволодъ не отвергнулъ мирныхъ предложеній Изяслава и дяди его, Вячеслава Туровскаго; далъ слово не тревожить ихъ въ наслѣдственныхъ Удѣлахъ, и желалъ согласить свое честолюбіе съ государственною тишиною.

Его благоразуміе.

Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести.

Еще Георгій Владиміровичь, Князь Суздальскій, оставался его врагомъ, прибылъ въ Смоленскъ, и требовалъ войска отъ Новогородцевъ, чтобы отмстить Всеволоду. Юный Князь ихъ, Ростиславъ, представлялъ имъ обязанность вступиться за честь Мономахова Дому; но думая о выгодахъ мирной торговли болѣе, нежели о чести Княжеской, они не хотѣли вооружиться. Ростиславъ ушелъ къ отцу: Георгій въ наказаніе отнялъ у Новогородцевъ Торжекъ. Сіи люди выгоняли Князей, но не могли жить безъ нихъ: звали къ себѣ вторично Святослава, и въ залогъ вѣрности дали аманатовъ Всеволоду. Святославъ пріѣхалъ; однакожъ спокойствія и тишины не было. Распри господствовали въ сей области. Князь и любимцы его также питали духъ несогласія и мстили личнымъ врагамъ: нѣкоторыхъ знатныхъ Бояръ сослали въ Кіевъ или заключили въ оковы; другіе бѣжали въ Суздаль. Всеволодъ хотѣлъ послать сына своего на мѣсто брата, и граждане, въ надеждѣ имѣть лучшаго Князя, отправили за нимъ Епископа Нифонта въ Кіевъ. Тогда, не увѣренный въ своей безопасности, Святославъ уѣхалъ тайно изъ Новагорода вмѣстѣ съ Посадникомъ Якуномъ. Народъ озлобился; догналъ несчастнаго любимца Княжескаго, оковалъ цѣпями и заточилъ въ область Чудскую, равно какъ и брата Якунова, взявъ съ нихъ 1100 гривенъ пени. Сіи

Безпокойства въ Новѣгородѣ. Г. 1140.

Г. 1141.

изгнанники скоро нашли вѣрное убѣжище тамъ же, гдѣ и враги ихъ[244]: при Дворѣ Георгія Владиміровича, и благословляя милостиваго Князя, навсегда отказались отъ своего мятежнаго отечества.

Уже сынъ Всеволодовъ былъ на пути съ Нифонтомъ и доѣхалъ до Чернигова, когда вѣтреные Новогородцы, перемѣнивъ мысли, дали знать Великому Князю, что не хотятъ ни сына, ни ближнихъ его, и что одинъ родъ Мономаховъ достоинъ управлять ими. Оскорбленный Всеволодъ задержалъ ихъ Пословъ и самого Нифонта. Узнавъ о томъ, Новогородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему какъ общему Государю Россіи, желая *отъ его руки* имѣть властителемъ своимъ брата Великой Княгини, Святополка или Владиміра Мстиславичей. Однакожь сія уклонность не смягчила Всеволода, который призвалъ къ себѣ обоихъ меньшихъ шурьевъ и далъ имъ Брестовскую область, для того, чтобы они не соглашались княжить въ Новѣгородѣ, и чтобы его безпокойные жители испытали всѣ бѣдствія безначалія.

Въ самомъ дѣлѣ Новогородцы, лишенные защиты Государя, были всячески притѣсняемы: никто не хотѣлъ везти къ нимъ хлѣба, и купцы ихъ, остановленные въ другихъ городахъ Россійскихъ, сидѣли по темницамъ. Они терпѣли девять мѣсяцевъ, избравъ въ Посадники врага Святославова, именемъ Судилу, который вмѣстѣ съ другими едино-

мышленниками возврашился изъ Суздаля: наконецъ прибѣгнули къ Георгію Владиміровичу и звали его къ себѣ правительствовать. Онъ не хотѣлъ выѣхать изъ своей вѣрной области, но вторично далъ имъ сына, и скоро имѣлъ причину раскаяться: ибо Всеволодъ, въ досаду ему, занялъ Остеръ (городокъ Георгіевъ), а Новогородцы — свѣдавъ, что Великій Князь, въ удовольствіе супругѣ или брату ея, Изяславу Мстиславичу, согласился наконецъ исполнить ихъ желаніе, и что шуринъ его, Святополкъ, уже къ нимъ ѣдетъ — заключили, по обыкновенію, Георгіева сына въ Епископскомъ домѣ[245]. Капитолій граничилъ въ Римѣ съ Тарпейскою скалою: Въ Новѣгородѣ престолъ съ темницею! Боялся ли народъ остаться безъ Властителя и на всякой случай берегъ смѣненнаго? или, упоенный дерзостію, хотѣлъ явить его преемнику разительный примѣръ своего могущества, поручая ему вывести бывшаго Князя изъ темницы? Какъ скоро Святополкъ пріѣхалъ, граждане отпустили Ростислава къ отцу.

Г. 1142, Апрѣля 19.

Въ сіе время, къ общей горести, преставился Андрей Владиміровичь, въ лѣтахъ мужества, заслуживъ имя *Добраго*, и не уронивъ чести Мономахова Дому[246]. Вячеславъ былъ его наслѣдникомъ, но медлилъ выѣхать изъ Турова. «Иди въ свою отчину, Переяславль,» говорили ему Послы Всеволодовы: «Туровъ есть древній городъ

Смерт. Андрея Добраго.

«*Кіевскій;* отдаю его моему сыну.» Тихій Вячеславъ жилъ спокойнѣе и безопаснѣе въ западной Россіи: сосѣдство съ Половцами требовало дѣятельной осторожности, несогласной съ его миролюбіемъ. Принужденный исполнить требованіе Всеволодово, онъ увидѣлъ, что Россія имѣла *своихъ* Половцевъ: Игорь и Святославъ Ольговичи объявили ему войну. Недовольные тѣмъ, что Великій Князь наградилъ сына Удѣломъ и не хотѣлъ отдать имъ ни Сѣверскаго Новагорода, ни земли Вятичей, они вступили въ тѣсный союзъ съ Князьями Черниговскими, сыновьями Давида, и надѣялись оружіемъ пріобрѣсти себѣ выгодные Удѣлы; опустошили нѣсколько городовъ Георгія Владиміровича Суздальскаго, захвативъ вездѣ скотъ и товары; напали на область Переяславскую, и два мѣсяца жгли села, травили хлѣбъ, разоряли бѣдныхъ земледѣльцевъ. Вячеславъ слышалъ стонъ людей, смотрѣлъ на дымъ пылающихъ весей, и сидѣлъ праздно въ городѣ, ожидая защиты отъ Всеволода и своихъ храбрыхъ племянниковъ, Мстиславичей. Великій Князь дѣйствительно отрядилъ къ нему Воеводу съ конницею Печенѣжскою; съ другой стороны пришелъ Изяславъ Владимірскій; а братъ его, Князь Смоленскій, завладѣлъ городами Черниговскими на берегахъ Сожа. Инокъ Святоша былъ еще живъ: Всеволодъ послалъ его усовѣстить хищниковъ. Наконецъ они сми-

Грабежи.

рились. Великій Князь отдалъ Игорю Юрьевъ и Рогачевъ, Святославу Черторискъ и Клецкъ, а Давидовичамъ Брестъ и Дрогичинъ, хитрымъ образомъ уничтоживъ опасный союзъ сихъ Князей съ его братьями. Но послѣдніе вторично изъявили досаду, когда Вячеславъ, съ согласія Всеволодова, уступилъ Переяславль Изяславу Мстиславичу, снова взявъ себѣ Туровъ, и когда сынъ Великаго Князя, юный Святославъ, на обмѣнъ получилъ Владимірскую область. «Братъ нашъ — говорили Ольговичи — ду«маетъ только о сынѣ, дружится съ сво«ими ненавистными шурьями, окружилъ се«бя ими, и не даетъ намъ ни одного бо«гатаго города» Тщетно желали они поссорить его съ добрыми Мстиславичами: Великій Князь не внималъ злословію и хотѣлъ внутренняго спокойствія[247].

Хитрость Всеволода.

Утвердивъ себя на престолѣ Кіевскомъ, онъ велѣлъ сыну Святославу, вмѣстѣ съ Изяславомъ Давидовичемъ и Владимірკомъ Галицкимъ итти въ Польшу, гдѣ Герцогъ Владиславъ, зять Великаго Князя, ссорился съ меньшими братьями: съ Болеславомъ (также зятемъ Всеволодовымъ) и съ другими. Къ несчастію, Россіяне, призванные возстановить тишину Государства, дѣйствовали какъ враги онаго, и вывели множество плѣнныхъ Ляховъ, болѣе мирныхъ, нежели ратныхъ[248].

Г. 1143, Генваря 1. Россіяне въ Польшѣ.

Увѣренный въ искреннемъ дружелюбіи

Всеволода, Изяславъ Мстиславичь хотѣлъ, кажется, примирить его и съ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, и для того ѣздилъ къ нему въ Суздаль; но сіи два Князя не согласились въ мысляхъ, и разстались врагами: что, ко вреду Государства, имѣло послѣ столь кровопролитныя слѣдствія. Въ семъ путешествіи Изяславъ видѣлся съ вѣрнымъ братомъ своимъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, и пировалъ на свадьбѣ Князя Новогородскаго, Святополка, котораго невѣста была привезена изъ Моравіи: вѣроятно, родственница Богемскаго Короля Владислава[249]. Новгородъ успокоился: купеческія суда его ходили за море, привозили иноземные товары въ Россію, и въ 1142 году мужественно отразили флотъ Шведскаго Короля, выѣхавшаго на разбой съ шестидесятью ладіями и съ *Епископомъ*. Финляндцы, дерзнувъ грабить Ладожскую область, были побиты ея жителями и Корелами, Новогородскими данниками.

Первая вражда Георгія съ Изяславомъ.

Г. 1144.

Мореходство Новогородцевъ.

Желая прекратить наслѣдственную вражду потомствомъ Рогнѣдинымъ и Ярослава Великаго, благоразумный Всеволодъ женилъ сына своего, юнаго Святослава, на дочери Василька Полоцкаго; а Изяславъ Мстиславичь выдалъ свою за Рогволода Борисовича, позвавъ къ себѣ, на свадебный пиръ, Всеволода, супругу его и Бояръ Кіевскихъ[250]. Но веселясь и пируя, Князья разсуждали о дѣлахъ государственныхъ: Всеволодъ убѣдилъ ихъ воз-

Браки.

стать общими силами на гордаго Владимірка, который, по смерти братьевъ, Ростислава и Васильковичей, сдѣлался единовластителемъ въ Галичѣ, хотѣлъ даже изгнать Всеволодова сына изъ Владимірской области, и возвратилъ Великому Князю такъ называемую крестную или присяжную грамоту въ знакъ объявленія войны. Ольговичи, Князь Черниговскій съ братомъ, Вячеславъ Туровскій съ племянниками Изяславомъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, Борисомъ и Глѣбомъ, сыновьями умершаго Всеволодка Городненскаго, сѣли на коней и пошли къ Теребовлю, соединясь съ Новогородскимъ Воеводою Неревинымъ и Герцогомъ Польскимъ, Владиславомъ.

Походъ на Галичь.

Владимірко услышалъ грозную вѣсть: призвалъ въ союзъ Венгровъ и выступилъ въ поле съ Баномъ, дядею Короля Гейзы[281]. Рѣка Серетъ раздѣляла войска, готовыя къ битвѣ. Всеволодъ искалъ переправы: Князь Галицкій, не выпуская его изъ вида, шелъ другимъ берегомъ, и въ седьмый день сталъ на горахъ, ожидая нападенія; но Всеволодъ не хотѣлъ сразиться: ибо мѣсто благопріятствовало его противнику. Когда же Изяславъ Давидовичь, братъ Черниговскаго Князя, съ отрядомъ наемныхъ Половцевъ взялъ Ушицу и Микулинъ въ землѣ Галицкой: тогда Великій Князь приступилъ къ Звенигороду. Въ слѣдъ за непріятелемъ Владимірко сошелъ въ долины. Видя станъ

его на другой споронѣ города, за мелкою рѣкою, Всеволодъ тронулся съ мѣспа въ боевомъ порядкѣ, и хипро обманулъ непріяшеля: вмѣспо шого, чпобы вступипь съ нимъ въ бипву, зашелъ ему въ пылъ, расположился на высопахъ, опрѣзалъ его опъ Перемышля и Галича, оспавивъ между собою и городомъ вязкія болоша. Дружина Владиміркова оробѣла. «Мы споимъ здѣсь» — говорили его Бояре и воины — «а враги могупъ иппи къ сполицѣ, плѣнипь наши «семейспва.» Князь Галицкій, не имѣя надежды сбипь многочисленное войско съ неприступнаго мѣспа, началъ переговоры съ брапомъ Всеволодовымъ; склонилъ его на свою спорону; пребовалъ мира и далъ слово Игорю способспвовапь ему, по смерпи Всеволода, въ восшеспвіи на преспюлъ Кіевскій. Великій Князь не соглашался. «Но «шы хочешь сдѣлапь меня своимъ наслѣд-«никомъ,» сказалъ Игорь брапу: «оспавь же «мнѣ благодарнаго и могущественнаго союз-«ника, споль нужнаго въ нынѣшнихъ об-«споятельспвахъ Россіи!» Всеволодъ исполнилъ наконецъ его волю, и въ попъ же день обнялъ Князя Галицкаго какъ друга; взялъ съ него за прудъ 1200 гривенъ *серебра*, роздалъ оныя союзнымъ Князьямъ и возврапился въ сполицу, доказавъ, чпо умѣепъ счаспливо воевапь, а не умѣепъ пользовапься воинскимъ счаспіемъ.

Миръ не продолжился. Брапъ Владимір-

ковъ, Ростиславъ, оставилъ сына, именемъ Іоанна, прозваннаго *Берладникомъ*[252], у коего дядя отнялъ законное наслѣдство: сей юноша жилъ въ Звенигородѣ и снискалъ любовь народа. Пользуясь отсутствіемъ Владимірка, уѣхавшаго въ Тисменицу для звѣриной ловли, Галичане призвали къ себѣ Іоанна и единодушно объявили своимъ Княземъ. Гнѣвный Владимірко приступилъ къ городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Іоаннъ въ ночной вылазкѣ былъ отрѣзанъ отъ городскихъ воротъ: пробился сквозь непріятелей, ушелъ къ Дунаю, и наконецъ въ Кіевъ. Галичане сдалися. Склонный болѣе къ строгости, нежели къ милосердію, Владимірко плавалъ въ ихъ крови, и съ досадою слышалъ, что Великій Князь взялъ его племянника подъ защиту, какъ невинно гонимаго.

Іоаннъ Берладникъ.

г. 1145.

Однакожь Всеволодъ еще не думалъ нарушить мира, слабый здоровьемъ и сверхъ того озабоченный неустройствами Польши, гдѣ любезный ему зять, Герцогъ Владиславъ, не могъ ужиться въ согласіи съ братьями. Созвавъ Князей во дворцѣ Кіевскомъ, Всеволодъ сказалъ имъ, что онъ, предвидя свою кончину, подобно Мономаху и Мстиславу избираетъ наслѣдника, и что Игорь будетъ Государемъ Россіи. Князья долженствовали присягнуть ему: Черниговскіе и Святославъ Ольговичь исполнили его волю. Изяславъ Мстиславичь долго колебал-

Всеволодъ избираетъ наслѣдника.

ся; однакожь не дерзнулъ быть ослушникомъ. Успокоенный симъ торжественнымъ обрядомъ, Всеволодъ началъ говорить о дѣлахъ Польскихъ. «Пекись единственно о своемъ здравіи,» отвѣтствовалъ Игорь: «мы, «вѣрные твои братья, утвердимъ Владислава на тронѣ.» Игорь, предводительствуя войскомъ, вступилъ въ Польшу. Кровопролитія не было: меньшіе братья Владисла- вовы, стоявшіе въ укрѣпленномъ станѣ за болотомъ, не хотѣли обороняться, и прибѣгнувъ къ суду нашихъ Князей, уступили Владиславу четыре города, а Россіи Визну. Не смотря на то, Игорь возвратился съ добычею и съ плѣнниками. Владиславъ же скоро утратилъ престолъ, заслужилъ ненависть народную гоненіемъ единокровныхъ и несправедливою казнію знаменитаго Вельможи Петра, коему онъ отрѣзалъ языкъ, выкололъ глаза, и такимъ образомъ, по словамъ нашего Лѣтописца, отмстилъ за Россійскаго Князя Володаря, въ 1122 году коварно плѣненнаго симъ Вельможею[253].

Дѣла Польскія.

Владиславъ бѣжалъ къ тестю, въ надеждѣ на его помощь; но Всеволодъ, удостовѣренный тогда въ непріятельскихъ замыслахъ Галицкаго Князя, выступалъ въ походъ съ дружинами Кіевскою, Черниговскою, Переяславскою, Смоленскою, Туровскою, Владимірскою, и съ союзными *дикими* Половцами, оставивъ Святослава Ольговича въ столицѣ[254]. Успѣхъ не отвѣтствовалъ ни силѣ

Г. 1146.

Война съ Галицкимъ Княземъ.

войска, ни славѣ предводителя. Оно шло съ трудомъ неописаннымъ: ибо дожди согнали снѣгъ прежде времени; конница потонула въ грязи. Всеволодъ осадилъ наконецъ Звенигородъ и сжегъ внѣшнія укрѣпленія, однакожь не могъ овладѣть крѣпостію: ибо тамъ начальствовалъ мужественный Воевода, Иванъ Халдѣевичь, который, узнавъ, что жители въ общемъ совѣтѣ положили сдаться, умертвилъ трехъ главныхъ виновниковъ сего Вѣча, и сбросилъ искаженные трупы ихъ съ городской стѣны. Народъ ужаснулся, и страхъ имѣлъ дѣйствіе храбрости: Звенигородцы съ утра до вечера бились какъ отчаянные. Всеволодъ отступилъ и возвратился въ Кіевъ, гдѣ скоро началъ готовиться къ новой войнѣ, свѣдавъ, что Владимірко взялъ Прилуку. Но жестокая болѣзнь исхитила обнаженный мечь изъ руки его. Отвезенный въ Вышегородъ — мѣсто славное тогда чудесами Святыхъ мучениковъ, Бориса и Глѣба — Великій Князь напрасно ждалъ облегченія; объявилъ Игоря своимъ преемникомъ, велѣлъ народу присягнуть ему въ вѣрности, и послалъ зятя своего, Владислава Польскаго, напомнить Изяславу Мстиславичу данную имъ клятву. Съ такимъ же увѣщаніемъ ѣздилъ Бояринъ, Мирославъ Андреевичь, къ Князьямъ Черниговскимъ, которые, согласно съ Изяславомъ, отвѣтствовали, что они, уступивъ старѣйшинство Игорю, не измѣнятъ

Мужество Воеводы Звенигородскаго.

Августа 1. Кончина Всеволода.

совѣсти. Тогда Всеволодъ спокойно закрылъ глаза навѣки[255]: Князь умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобія, отчасти государственными благодѣяніями! Достигнувъ престола Кіевскаго, онъ хотѣлъ устройства и тишины; исполнялъ данное слово, любилъ справедливость и повелѣвалъ съ твердостію; однимъ словомъ, былъ лучшимъ изъ Князей Олегова мятежнаго рода.

## ГЛАВА XI.

### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЪ.

Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. Предательство. Игорь взятъ въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ.

Игорь, предавъ землѣ тѣло Всеволода, собралъ Кіевлянъ среди Двора Ярославова, требовалъ вторичнаго обѣта вѣрности, и распустилъ ихъ. Но граждане еще не были довольны, открыли Вѣче и звали Князя[256]. Пріѣхалъ одинъ братъ его, Святославъ, и спрашивалъ, чего они желаютъ? «Право-«судія,» отвѣтствовалъ народъ: «Тіуны «Всеволодовы угнетали слабыхъ: Ратша «*опустошилъ* Кіевъ, Тудоръ Вышегородъ. «Святославъ! дай клятву за себя и за бра-

Г. 1146.

Вѣче въ Кіевѣ.

«та, что вы сами будете намъ судіями, «или вмѣсто себя изберете Вельможъ до«стойнѣйшихъ.» Онъ сошелъ съ коня и цѣлованіемъ креста увѣрилъ гражданъ, что новый Князь исполнитъ всѣ обязанности отца Россіянъ; что хищники не останутся Тіунами; что лучшіе Вельможи заступятъ ихъ мѣсто, и будутъ довольствоваться одною уставленною пошлиною, не обременяя судимыхъ никакими иными налогами. «Мы «благодарны,» сказали граждане: «теперь «не сомнѣвайтесь въ нашей вѣрности.» То же обѣщалъ ихъ Посламъ самъ Великій Князь Игорь, и думая, что дѣло кончилось, сѣлъ покойно за обѣдъ; но мятежная чернь устремилась грабить домъ ненавистнаго, богатаго Ратши. Святославъ съ дружиною едва могъ возстановить порядокъ[257].

Такое начало не обѣщало хорошихъ слѣдствій. Игорь же, слушая злыхъ Вельможъ, которые въ народномъ угнетеніи видѣли собственную пользу, не исполнилъ даннаго гражданамъ слова, и хищники остались Тіунами. Тогда Кіевляне, думая, что Государь клятвопреступникъ уже не есть Государь законный, тайно предложили Изяславу Мстиславичу быть Великимъ Княземъ. Любовь къ Мономахову роду не угасла въ ихъ сердцѣ, и сей внукъ его отличался доблестію воинскою. Взявъ въ церкви Св. Михаила благословеніе у Епископа Евфимія, онъ съ вѣрною дружиною выступилъ изъ Переяславля.

Измѣна Кіевлянъ.

На пути встрѣтились ему Послы Черныхъ Клобуковъ и городовъ Кіевской области. «Иди, Князь добрый!» говорили они: «мы «всѣ за тебя; не хотимъ Ольговичей. Гдѣ «увидимъ твои знамена, тамъ и будемъ.» Собравъ на берегахъ Днѣпра войско многочисленное, бодрый Изяславъ сталъ посреди онаго и сказалъ: «Друзья и братья! я не «спорилъ о старѣйшинствѣ съ достойнымъ «Всеволодомъ, моимъ зятемъ, чтивъ его «какъ втораго отца. Но Игорь и Свято«славъ должны ли повелѣвать нами? Богъ «разсудитъ меня съ ними. Или паду славно «предъ вашими глазами, или сяду на пре«столѣ моего дѣда и родителя!» Онъ повелъ войско къ Кіеву.

Рѣчь Изяслава.

Уже новый Великій Князь зналъ опасность: ибо Изяславъ, увѣдомленный имъ о восшествіи его на престолъ, не только не отвѣтствовалъ ему ни слова, но удержалъ и Посла неволею въ Переяславлѣ. Игорь требовалъ вспоможенія отъ Князей Черниговскихъ: они торговались; хотѣли многихъ городовъ; наконецъ, удовлетворенные во всемъ, готовились итти къ брату. Ихъ медленность и коварная измѣна знаменитѣйшихъ чиновниковъ погубили его.

Корыстолюбіе Черниг. Князей.

Тысячскій Улѣбъ пользовался довѣренностію Всеволода и былъ утвержденъ Игоремъ въ своемъ важномъ санѣ: также и первый Бояринъ, Іоаннъ Войтишичь, вѣрный слуга Мономаховъ, завоеватель горо-

довъ Дунайскихъ[258]. Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявляли усердіе Игорю, и въ то же время тайно ссылались съ его врагомъ, совѣтуя ему спѣшить къ Кіеву. Изяславъ приблизился. Ольговичи, готовые къ битвѣ, и сынъ Всеволодовъ, Святославъ, стояли внѣ города съ своими дружинами; а Кіевляне особенно, на *могилѣ Олеговой*. Вдругъ открылась измѣна: Игорь увидѣлъ, что хоругвь Изяслава развѣвается въ полкахъ Кіевскихъ; что Тысячскій сего Князя предводительствуетъ ими; что Улѣбъ, Іоаннъ Войтишичь и многіе единомышленники ихъ, повергнувъ свои знамена, бѣгутъ подъ Изяславовы; что Берендѣи предъ самыми Златыми вратами грабятъ обозъ Великокняжескій[259]. Еще Игорь не терялъ бодрости. «Врагъ нашъ есть клятвопреступникъ: Богъ «намъ поможетъ,» говорилъ онъ, и хотѣлъ ударить на Изяслава, стоявшаго за озеромъ. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорева стѣснилась между глубокими дебрями, Черные Клобуки заѣхали ей въ тылъ. Изяславъ напалъ спереди, смялъ непріятеля, разилъ бѣгущихъ—и торжествуя вошелъ въ Кіевъ, гдѣ народъ вмѣстѣ съ Іереями, облаченными въ ризы, проводилъ его въ храмъ Софійскій благодарить Небо за побѣду и престолъ Великокняжескій. — Несчастнаго Игоря, слабаго ногами, схватили въ болотѣ, гдѣ увязъ его конь; дер-

Предательство.

Августа 13.

жали нѣсколько дней въ монастырѣ на Выдобичахъ и заключили въ темницѣ Іоанновской Обители, въ Переяславлѣ. Сей Князь, за кратковременное удовольствіе честолюбія наказанный неволею и стыдомъ, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія злосчастныхъ: никто не жалѣлъ объ немъ – кромѣ вѣрнаго брата, Святослава, который съ малою дружиною ушелъ въ Новгородъ Сѣверскій. Племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичь, хотѣлъ скрыться въ Кіевской Обители Св. Ирины: представленный Изяславу, онъ былъ имъ обласканъ какъ любимый сынъ; но вѣрные слуги отца его, въ особенности же Игоревы, не имѣли причины хвалиться великодушіемъ побѣдителя, дозволившаго народу грабить ихъ домы и села. Съ плѣнныхъ Бояръ взяли окупъ.

Августа 17. Игорь взятъ

## ГЛАВА XII.

### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

### Г. 1146 — 1154.

Строгость Великаго Князя. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгій возстаетъ на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схимникъ. Нѣжность Святославова въ дружбѣ. Начало Москвы. Бродники. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междоусобная. Медленность Георгія. Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ. Рѣчь Изяслава. Опустошеніе земли Суздальской. Несправедливость Великаго Князя. Битва у Переяславля. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятникъ коню. Миръ. Коварство Георгія. Новая вражда. Добросердечіе Изяслава и Вячеслава. Побѣда Владиміркова. Бодрость Андрея. Хитрость Владимірка. Твердость Изяславова. Воинская хитрость. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Ристаніе въ Кіевѣ. Справедливость Великаго Князя. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Кіева. Миролюбіе Вячеслава. Пылкость Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Кіевлянъ. Битва. Изяславъ раненъ. Бѣгство и вѣроломство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Изяславова и побѣда. Притворство Владимірка. Простодушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Россіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Андрея. Насмѣшка Владиміркова. Печальная одежда. Смерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительная побѣда. Бракъ Изяславовъ. Дѣла Новогородскія. Кончина Изяслава. Характеръ его. Своевольство Полочанъ.

Изяславъ — по словамъ Лѣтописцевъ, *благословенная отрасль добраго корня* — могъ
Г. 1146. бы обѣщать себѣ и подданнымъ дни счаст-

ливые, ибо народъ любилъ его; но Испорія сего времени не представляетъ намъ ничего, кромѣ злодѣйствъ междоусобія. Храбрые умирали за Князей, а не за отечество, которое оплакивало ихъ побѣды, вредныя для его могущества и гражданскаго образованія.

Утвердивъ миръ съ Половцами — которые всякому новому Государю предлагали тогда союзъ, ибо хотѣли даровъ — Великій Князь оказалъ, можетъ быть, излишнюю строгость въ разсужденіи своего дяди. Обманутый совѣтами Бояръ, и въ надеждѣ на прежнія ласки Изяславовы, на самыя его обѣщанія, миролюбивый Князь Туровскій, Вячеславъ, узнавъ о торжествѣ племянника, вообразилъ себя по старшинству Государемъ Россіи: занялъ города Кіевскіе, и своевольно отдалъ Владиміръ сыну Андрееву, Мономахову внуку[260]. Посланный братомъ, Смоленскій Князь изгналъ Вячеслава; велѣлъ ему княжить только въ Пересопницѣ или Дорогобужѣ Волынскомъ; а Намѣстниковъ его, окованныхъ цѣпями, вмѣстѣ съ Туровскимъ Епископомъ, Іоакимомъ, привелъ въ Кіевъ. Строгость Велик. Князя.

Назначивъ Туровъ въ Удѣлъ меньшему сыну, именемъ Ярославу, Великій Князь обратилъ вниманіе на Игорева брата. Спасаясь бѣгствомъ отъ побѣдителя, Святославъ хотѣлъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Князей Черниговскихъ, чтобы

единодушно дѣйствовать съ ними для осво-
божденія Игорева. Они дали ему въ томъ
клятву; но Святославъ, оставивъ у нихъ
своего Боярина и поѣхавъ готовиться къ
войнѣ, свѣдалъ отъ него, что сіи ковар-
*Коварство Черниг. Князей.*
ные братья тайно дружатся съ Великимъ
Княземъ, и наконецъ заключили съ нимъ со-
юзъ, предавъ Игоря въ его волю, какъ не-
достойнаго ни власти, ни свободы. Скоро
общіе Послы Изяславовы и Давидовичей тор-
жественно объявили Святославу, что онъ
можетъ спокойно княжить въ своей обла-
сти, если уступитъ имъ Новгородъ Сѣвер-
скій и клятвенно откажется отъ брата.
*Добродушіе Святослава.*
Сей добрый, нѣжный родственникъ залился
слезами, и сказавъ въ отвѣтъ: «возьмите
все, что имѣю; освободите только Иго-
ря,» рѣшился искать покровителя въ сы-
нѣ Мономаховомъ[261].

Георгій Владиміровичь Суздальскій видѣлъ
съ досадою, что гордый Изяславъ, вопреки
древнему уставу, отнявъ старѣйшинство
у дядей, сѣлъ на тронѣ Кіевскомъ. Пользу-
*Георгій возстаетъ на Изяслава.*
ясь симъ расположеніемъ, Святославъ обра-
тился къ Георгію и молилъ его освободить
Игоря. «Иди въ Кіевъ,» говорилъ онъ: «спа-
«си несчастнаго, и властвуй въ землѣ Рус-
«ской. Богъ помогаетъ тому, кто всту-
«пается за утѣсненныхъ.» Георгій далъ ему
слово, и началъ готовить войско. – Свя-
тославъ нашелъ и другихъ защитниковъ въ
Ханахъ Половецкихъ, братьяхъ его матери:

они съ тремя тами всадниковъ немедленно явились въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, куда прибыли также юный Князь Рязанскій, Владиміръ, внукъ Ярославовъ, и Галицкій изгнанникъ, Іоаннъ Ростиславичь *Берладникъ*[262].

Уже Давидовичи, соединясь съ сыномъ Великаго Князя, Мстиславомъ, Вождемъ Переяславской дружины и Берендѣевъ, вступили въ область Сѣверскую и грабили оную, тщетно хотѣвъ взять Новгородъ. Въ надеждѣ усовѣстить ихъ, Духовникъ Святославовъ пріѣхалъ къ нимъ въ станъ и сказалъ именемъ Князя: «Родственники жестокіе! довольны ли вы злодѣйствами, разоривъ мою область, взявъ имѣніе, стада; «истребивъ огнемъ хлѣбъ и запасы? желаете ли еще умертвить меня?» Союзники вторично требовали, чтобы онъ навсегда отступился отъ несчастнаго Игоря. «Нѣтъ!» отвѣтствовалъ Святославъ: «пока душа «моя въ тѣлѣ, не измѣню единокровному!» Давидовичи заняли село Игорево, гдѣ сей Князь имѣлъ дворецъ и хранилъ свое богатство; нашли вино и медъ въ погребахъ, желѣзо и мѣдь въ кладовыхъ; отправили множество возовъ съ добычею, и веселясь разрушеніемъ, сожгли дворецъ, церковь, гумно Княжеское, гдѣ было *девять сотъ* скирдовъ хлѣба. Богатство Княжеское.

Великій Князь, свѣдавъ о воинскихъ приготовленіяхъ Георгія Владиміровича, велѣлъ другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязан-

скому, набѣгами тревожить Суздальскую область; самъ же выступилъ изъ Кіева и
Дека-бря 25. соединился съ Князьями Черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная ихъ вѣроломство, жители не хотѣли договариваться съ ними, но охотно сдались Великому Князю[263]. Тамъ находился собственный домъ Святослава: Князья раздѣлили его имѣніе. Лѣтописецъ сказываетъ, что они нашли въ выходахъ 500 *берковцевъ* меду и 80 *корчагъ* вина; ограбили славную церковь Вознесенія, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварію шитою золотомъ, коваными Евангеліями и книгами. Семь сотъ рабовъ Княжескихъ были также ихъ добычею.

Святославъ ожидалъ Георгія: онъ дѣйствительно шелъ къ нему въ помощь; свѣдавъ же о нападеніи Князя Рязанскаго на Суздальскую область, возвратился изъ Козельска. Одинъ сынъ его, Іоаннъ Георгіевичь, пріѣхалъ съ дружескими увѣреніями къ Святославу, который, въ знакъ благодарности, отдалъ ему Курскъ и Посемье, но принужденъ былъ искать убѣжища въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ. Многочисленная рать Великокняжеская шла къ Новугороду. Старый Вельможа Черниговскаго Князя, бывшій нѣкогда вѣрнымъ слугою Олеговымъ, изъ сожалѣнія тайно увѣдомилъ Святослава о предстоящей ему опасности. «Спасай жену, дѣтей своихъ и супругу Игореву!» говорили его друзья и Бояре[264]: «всѣ запасы

«твои уже въ рукахъ непріятельскихъ. Уда-«лимся въ *лѣсную* землю Карачевскую: ея «дремучіе боры и помощь Георгіева будутъ «твоею защитою.» Нѣкоторые Вельможи говорили искренно; другіе хотѣли только избавиться отъ кровопролитія, и сами остались въ Новѣгородѣ, когда Святославъ уѣхалъ въ Карачевъ. За нимъ гнался Изяславъ Давидовичь съ 3000 всадниковъ и Воеводою Кіевскимъ, Шварномъ. Уже бѣгство не могло спасти несчастнаго: надлежало отдаться въ плѣнъ или сразиться. Отчаянный Святославъ съ вѣрною дружиною и *дикими* Половцами ударилъ на врага; разбилъ его, опустошилъ Карачевъ и немедленно удалился въ сопредѣльную землю Вятичей, которая зависѣла отъ Черниговскихъ Владѣтелей. Великій Князь — напрасно желавъ побѣдою загладить неудачу Изяслава — отдалъ Давидовичамъ всю завоеванную область, кромѣ Курска; исключительно присвоилъ себѣ одно Игорево достояніе и возвратился въ Кіевъ.

Г. 1147, Генваря 16.

Въ сіе время Игорь былъ уже Монахомъ. Изнуренный печалію и болѣзнію, онъ изъявилъ желаніе отказаться отъ свѣта, когда Великій Князь готовился итти на его брата[265]. «Давно, и въ самомъ счастіи, я хо-«тѣлъ посвятить Богу душу мою,» говорилъ Игорь: «нынѣ, въ темницѣ и при «дверяхъ гроба, могу ли желать инаго?» Изяславъ отвѣтствовалъ ему: «ты свобо-

«денъ; но выпускаю тебя единственно ради болѣзни твоей.» Его отнесли въ келью; онъ 8 дней лежалъ какъ мертвый; но постриженный Святителемъ Евфиміемъ, совершенно выздоровѣлъ, и въ Кіевской Обители Св. Ѳеодора принялъ Схиму, которая не спасла его отъ гнѣва Судьбы: скоро увидимъ жалкій конецъ сего несчастнаго Олегова сына.

Игорь Схимникъ.

Князья Черниговскіе выгнали Святослава изъ Брянска, Козельска, Дѣдославля; но слыша, что Георгій прислалъ къ нему 1000 Бѣлозерскихъ латниковъ, отступили къ Чернигову. Они не устыдились всенародно объявить въ странѣ Вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава, и что убійцы будутъ награждены его имѣніемъ! Родственники гнали сего Князя, друзья оставляли. Въ числѣ ихъ находился Воевода, Князь Іоаннъ *Берладникъ:* онъ не захотѣлъ болѣе съ нимъ скитаться, взялъ у него за службу 200 гривенъ серебра, 6 фунтовъ золота, и перешелъ къ Смоленскому Князю. Только Владиміръ Рязанскій, и сынъ Георгіевъ, Іоаннъ, усердно дѣлили труды и безпокойства съ Святославомъ, который, имѣвъ несчастіе лишиться послѣдняго, изъявилъ достохвальную чувствительность: видя Іоанна больнаго, забылъ войну и непріятелей; молился, думалъ единственно объ немъ; столь горестно оплакивалъ кончину сего юноши, что самъ Георгій старался его

Февраля 24. Чувствительность

упѣшить, и приславъ богатые дары, обѣщалъ другимъ сыномъ замѣнить ему умершаго вѣрнаго сподвижника. Общая ненависть къ Великому Князю утвердила союзъ между ими: Князь Суздальскій изгналъ Рязанскаго, союзника Изяславова, заставилъ его бѣжать къ Половцамъ, взялъ Торжекъ и плѣнилъ жителей; а Святославъ разорилъ часть Смоленской области, вокругъ Протвы, или землю Голядскую[266]. Святослава.

Довольный зломъ, причиненнымъ Удѣлу Изяславовыхъ братьевъ, Георгій желалъ лично угостить Святослава, коего сынъ, Олегъ, подарилъ ему тогда рѣдкаго красотою парда. Лѣтописецъ хвалитъ искреннее дружество, веселую бесѣду Князей, великолѣпіе обѣденнаго пиршества и щедрость Георгія въ награжденіи Бояръ Святославовыхъ. Между сими Вельможами отличался девяностолѣтній старецъ, именемъ Петръ; онъ служилъ дѣду, отцу Государя своего; уже не могъ сѣсть на коня, но слѣдовалъ за Княземъ, ибо сей Князь былъ несчастливъ. Георгій, непріятель Ростислава Рязанскаго, осыпалъ ласками и дарами его племянника, Владиміра, какъ друга и товарища Святославова[267].

Сіе угощеніе достопамятно: оно происходило въ *Москвѣ*. Къ сожалѣнію, Лѣтописцы современные не упоминаютъ о любопытномъ для насъ ея началѣ, ибо не могли предвидѣть, что городокъ бѣдный и едва из- Начало Москвы.

вѣстный въ отдаленной землѣ Суздальской будетъ со временемъ главою обширнѣйшей Монархіи въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ знаемъ, что Москва существовала въ 1147 году, Марта 28, и можемъ вѣрить новѣйшимъ Лѣтописцамъ въ томъ, что Георгій былъ ея строителемъ[268]. Они разсказываютъ, что сей Князь, пріѣхавъ на берегъ Москвы-рѣки, въ села зажиточнаго Боярина *Кучка, Степана Ивановича,* велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, и плѣненный красотою мѣста, основалъ тамъ городъ; а сына своего, Андрея, княжившаго въ Суздальскомъ Владимірѣ, женилъ на прелестной дочери казненнаго Боярина. «Москва «есть *третій* Римъ» — говорятъ сіи повѣствователи — «и четвертаго не будетъ. «Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найде-«на окровавленная голова человѣческая: Мос-«ква также на крови основана, и къ изум-«ленію враговъ нашихъ сдѣлалась Царствомъ «знаменитымъ.» Она долгое время именовалась *Кучковымъ.*

Ободренный Святославъ возвратился къ берегамъ Оки. Тамъ соединились съ нимъ Ханы Половецкіе, его дяди, и такъ называемые *Бродники*, о коихъ здѣсь въ первый разъ упоминается. Сіи люди были Христіане, обитали въ степяхъ Донскихъ среди варваровъ, уподоблялись имъ дикою жизнію и, какъ вѣроятно, состояли большею частію изъ бѣглецовъ Русскихъ: они за день-

Бродники.

ги служили нашимъ Князьямъ въ ихъ междоусобіяхъ[269]. Разоривъ многія селенія въ верховьѣ Угры, въ Смоленской области, Святославъ завоевалъ всю страну Вятичей, отъ Мценска до Сѣверскаго Удѣла, и вмѣстѣ съ Глѣбомъ, сыномъ Георгія, шелъ далѣе, когда Послы Давидовичей встрѣтили его и сказали именемъ Князей: «Забудемъ «прошедшее. Дай намъ клятву союзника, и «возьми свою отчину. Не хотимъ твоего «имѣнія.» Успѣхи ли Ольговича склонили ихъ къ миру? или сынъ Всеволодовъ, Святославъ, который, въ замѣну Владиміра получивъ въ Удѣлъ отъ Великаго Князя Бужскъ, Меджибожъ, Котельницу и другіе города, держалъ его сторону, но жалѣлъ о дядѣ и тайно съ нимъ пересылался? Какъ бы то ни было, Черниговскіе Князья, Святославъ Ольговичь и сынъ Всеволодовъ, заключили союзъ, чтобы соединенными силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу[270].

Еще Великій Князь не зналъ сего вѣроломства Давидовичей и спокойно занимался въ Кіевѣ важнымъ дѣломъ церковнымъ. Слѣдуя примѣру Великаго Ярослава, онъ созвалъ шесть Россійскихъ Епископовъ и велѣлъ имъ, безъ всякаго сношенія съ Царемградомъ (гдѣ Духовенство не имѣло тогда главы) на мѣсто скончавшагося Митрополита, Грека Михаила, поставить Климента, Черноризца, Схимника, знаменитаго не только Ангель- Поставленіе

Россійск. Митрополита.

скимъ Образомъ, но и рѣдкою мудростію[271]. Нѣкоторые Епископы представляли, что благословеніе Патріарха для того необходимо; что нарушить сей древній обрядъ есть уклониться отъ православія Восточной Церкви, и что умершій Святитель Михаилъ обязалъ ихъ всѣхъ грамотою не служить безъ Митрополита въ Софійскомъ храмѣ. Другіе, не столь упорные, объявили себя готовыми исполнить волю Изяславову, согласную съ пользою и честію Государства. Епископъ Смоленскій, Онуфрій, выдумалъ посвятить Митрополита главою Св. Климента, привезенною Владиміромъ изъ Херсона (такъ же, какъ Греческіе Архіереи издревле ставили Патріарховъ рукою Іоанна Крестителя) и симъ торжественнымъ обрядомъ успокоилъ Духовенство. Одинъ Нифонтъ, Святитель Новогородскій, не признавалъ Климента Пастыремъ Церкви; осуждалъ Епископовъ какъ человѣкоугодниковъ, и заслужилъ благоволеніе Николая IV, который, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заступивъ мѣсто изгнаннаго Цареградскаго Патріарха, Козьмы II, написалъ къ Нифонту одобрительную грамоту и сравнивалъ его въ ней съ первыми Святыми Отцами.

Въ то время, какъ Изяславъ, распустивъ Соборъ и возобновивъ миръ съ Половцами, думалъ наслаждаться спокойствіемъ, коварные Давидовичи прислали объявить ему, что Святославъ завоевалъ ихъ область; что

они желаютъ выгнать его съ помощію Великаго Князя и смирить Георгія, ихъ врага общаго. Изяславъ отпустилъ къ нимъ племянника, Всеволодова сына, и скоро, убѣжденный вторичною прозьбою Князей Черниговскихъ, велѣлъ собираться войску, чтобы итти на Святослава и Георгія. «Пойдемъ съ радостію и съ дѣтьми на Ольговича,» говорили ему Кіевляне: «но Георгій «твой дядя. Государь! дерзнемъ ли поднять «руку на сына *Мономахова?*» Столь народъ любилъ память добродѣтельнаго Владиміра! Изяславъ не хотѣлъ слушать Бояръ, которые сомнѣвались въ вѣрности Князей Черниговскихъ. «Мы дали взаимную клятву «быть союзниками,» сказалъ онъ съ твердостію: «иду — и пусть малодушные остаются!» Уже Великій Князь стоялъ на рѣкѣ Супоѣ, поручивъ столицу брату своему, Владиміру. Къ счастію, Бояринъ Кіевскій, Улѣбъ, свѣдалъ въ Черниговѣ тайный заговоръ и спѣшилъ увѣдомить Изяслава, что Давидовичи мыслятъ злодѣйски умертвить его или выдать Святославу, находясь въ согласіи съ Георгіемъ. Великій Князь не вѣрилъ тому; но чрезъ Посла требовалъ отъ нихъ новой клятвы въ дружествѣ[272]. «Развѣ мы нарушили прежнюю?» говорили они: «Христіанинъ не долженъ призывать «всуе имени Божія.» Тогда Посолъ обличилъ ихъ въ гнусномъ злоумышленіи. Безмолвствуя, Давидовичи смотрѣли другъ на

Любовь къ Мономаху.

Измѣна Черниговскихъ Князей.

друга, выслали Боярина, совѣтовались, и наконецъ, призвавъ его, отвѣтствовали: «Не запираемся; но можемъ ли спокойно ви-«дѣть злосчастіе брата своего, Игоря? Онъ «Чернецъ, Схимникъ, и все еще въ неволѣ. «Изяславъ, самъ имѣя братьевъ, снесъ ли «бы ихъ заключеніе? Да возвратитъ свобо-«ду Игорю, и мы будемъ искренними дру-«зьями!» Бояринъ Кіевскій напомнилъ имъ безкорыстіе своего Князя, не хотѣвшаго удержать за собою ни Сѣверскаго Новагорода, ни Путивля, и сказавъ: «Богъ да су-«дитъ и сила животворящаго креста да на-«кажетъ клятвопреступниковъ!» бросилъ на столъ *крестныя* или союзныя *грамоты*. Война была объявлена, и гонцы Изяславовы въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Новѣгородѣ, обнародовали вѣроломство Князей Черниговскихъ, звали мстителей, воспаляли сердца праведнымъ гнѣвомъ.

Сія вѣсть имѣла въ Кіевѣ слѣдствіе ужасное. Владиміръ Мстиславичь собралъ гражданъ, на Вѣче къ Св. Софіи. Митрополитъ, Лазарь Тысячскій и всѣ Бояре тамъ присутствовали. Послы Изяславовы выступили и сказали громогласно: «Великій Князь «*цѣлуетъ* своего брата, Лазаря, и всѣхъ «гражданъ Кіевскихъ, а Митрополиту кла-«няется.» . . . Народъ съ нетерпѣніемъ хотѣлъ знать вину Посольства. Вѣстникъ говорилъ: «*Такъ вѣщаетъ Изяславъ:* Князья «Черниговскіе и сынъ Всеволодовъ, сынъ се-

«спры моей, облагошворенный мною, за-
«бывъ свяпость креспнаго цѣлованія, шай-
«но согласились съ Ольговичемъ и Георгі-
«емъ Суздальскимъ. Они думали лишипь ме-
«ня жизни или свободы; но Богъ сохранилъ
«вашего Князя. Теперь, брапья Кіевляне,
«исполнипе обѣпъ свой: идипе со мною на
«враговъ Мономахова роду. Вооружипесь опъ
«мала до велика. Конные на коняхъ, пѣшіе
«въ ладіяхъ да спѣшапъ къ Чернигову! Вѣ-
«роломные надѣялись, убивъ меня, испре-
«бипь и васъ.» Всѣ единогласно опвѣп-
спвовали: «идемъ за шебя, и съ дѣпьми!»
Но, къ несчаспію, сыскался одинъ человѣкъ,
копорый сіе прекрасное народное усердіе
омрачилъ мыслію злодѣйспва. «Мы рады
«иппи,» говорилъ онъ: «но вспомнипе, чпо
«было нѣкогда при Изяславѣ Ярославичѣ.
«Пользуясь народнымъ волненіемъ, злые лю-
«ди освободили Всеслава и возвели на пре-
«сполъ: дѣды наши за по поспрадали. Врагъ
«Князя и народа, Игорь, не въ шемницѣ си-
«дипъ, а живепъ спокойно въ монаспырѣ
«Св. Ѳеодора: умерпвимъ его, и погда пой-
«демъ наказапь Черниговскихъ!» Сія мысль
имѣла дѣйспвіе вдохновенія. Тысячи голо-
совъ повпорили: «да умрепъ Игорь!» На-
прасно Князь Владиміръ, успрашенный па-
кимъ намѣреніемъ, говорилъ народу: «Брапъ
«мой не хочепъ убійспва. Игорь оспанепся
«за спражею; а мы пойдемъ къ своему Го-
«сударю.» Кіевляне пвердили: «Знаемъ, чпо

«добромъ не возможно раздѣлаться съ племенемъ Олеговымъ.» Митрополитъ, Лазарь и Владиміровъ Тысячскій, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народъ не слушалъ, и толпами устремился къ монастырю. Владиміръ сѣлъ на коня, хотѣлъ предупредить неистовыхъ, но встрѣтилъ ихъ уже въ монастырскихъ вратахъ: схвативъ Игоря въ церкви, въ самый часъ Божественной Литургіи, они вели его съ шумомъ и свирѣпымъ воплемъ. «Братъ любезный! куда ведутъ меня?» спросилъ Игорь. Владиміръ старался освободить несчастнаго, закрылъ собственною одеждою, привелъ въ домъ къ своей матери, и заперъ ворота, презирая ярость мятежниковъ, которые толкали его, били, – сорвали съ Боярина Владимірова, Михаила, крестъ и златыя цѣпи. Но жертва была обречена: злодѣи вломились въ домъ, безжалостно убили Игоря, и влекли нагаго по улицамъ до самой торговой площади; стали вокругъ, и смотрѣли какъ невинные. Присланные отъ Владиміра Тысячскіе въ глубокой горести сказали гражданамъ: «Воля народная исполнилась: Игорь убитъ! Погребемъ же тѣло его.» Народъ отвѣтствовалъ: «Убійцы «не мы, а Давидовичи и сынъ Всеволодовъ. «Богъ и Святая Софія защитили нашего «Князя!» Трупъ Игоревъ отнесли въ церковь; на другой день облачили въ ризу Схимника и предали землѣ въ монастырѣ Св. Си-

Убіеніе Игоря.

меона. Игуменъ Θеодоровской Обители, Ананія, совершая печальный обрядъ, воскликнулъ къ зрителямъ: «Горе живущимъ ны-«нѣ! горѣ вѣку суетному и сердцамъ же-«стокимъ!» Въ то самое время загремѣлъ громъ: народъ изумился, и слезами раскаянія хотѣлъ обезоружить гнѣвное Небо[273]. — Великій Князь, свѣдавъ о семъ злодѣйствѣ, огорчился въ душѣ своей, и говорилъ Боярамъ, проливая слезы: «Теперь назовутъ ме-«ня убійцею Игоря! Богъ мнѣ свидѣтель, «что я не имѣлъ въ томъ ни малѣйшаго «участія, ни дѣломъ, ни словомъ: Онъ раз-«судитъ насъ въ другой жизни. Кіевляне «поступили неистово.» Но боясь строгостію утратить любовь народную, Изяславъ оставилъ виновныхъ безъ наказанія; возвратился въ столицу, и ждалъ рати Смоленской.

Война началася. Святославъ Ольговичь, увѣдомленный о жалостной кончинѣ брата, созвалъ дружину, и рыдая въ горести, заклиналъ всѣхъ быть усердными орудіями мести справедливой. Онъ пошелъ къ Курску, гдѣ находился сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, который, чтобы узнать вѣрность жителей, спрашивалъ, готовы ли они сразиться? «Готовы,» отвѣтствовали граждане: «но только не обнажимъ меча на «внука Мономахова:» ибо Глѣбъ, сынъ Георгія Владиміровича, былъ съ Святославомъ. Юный Мстиславъ уѣхалъ къ отцу, а Курскъ

Война междоусобная.

и города на берегахъ Сейма добровольно поддалися Глѣбу[274]; другіе оборонялись и не хотѣли измѣнить Государю Кіевскому: напрасно Святославъ и Глѣбъ грозили жителямъ вѣчною неволею и Половцами. Соединясь съ дружиною Черниговскою, сіи Князья взяли приступомъ только одинъ городъ; свѣдавъ же, что Изяславъ идетъ къ Сулѣ, и что рать Смоленская выжгла Любечь, ушли въ Черниговъ, оставленные своими друзьями, Половцами. Великій Князь завоевалъ крѣпкій городъ Всеволожь, обратилъ въ пепелъ Бѣлую Вежу и другія мѣста въ Черниговской области, но безъ успѣха приступалъ къ *Глѣблю* (ибо жители, въ надеждѣ на Святаго защитника своего, оборонялись мужественно) и возвратился въ Кіевъ торжествовать побѣду веселымъ пиромъ, отложивъ дальнѣйшія предпріятія до удобнаго времени. Онъ велѣлъ брату своему, Ростиславу, итти въ Смоленскъ и вмѣстѣ съ Новогородцами тревожить область Суздальскую.

Скоро непріятельскія дѣйствія возобновились. Глѣбъ занялъ Остеръ, и давъ слово Великому Князю ѣхать къ нему въ Кіевъ для свиданія, хотѣлъ нечаянно взять Переславль; но былъ отраженъ[275]. Въ то же время Черниговцы, дружина Святославова и Половцы, ихъ союзники, опустошили Брагинъ. Изяславъ, осадивъ Глѣба въ Городцѣ или Остерѣ, принудилъ его смириться, и

спалъ близъ Чернигова на *Олеговомъ полѣ*, предлагая врагамъ своимъ битву. Они не смѣли, ибо видѣли рать многочисленную. Великій Князь пошелъ къ Любечу, гдѣ находились ихъ запасы. Давидовичи, Святославъ и сынъ Всеволодовъ, соединясь съ Князьями Рязанскими, рѣшились наконецъ ему противоборствовать. Уже стрѣлки начали дѣло; но сильный, необыкновенный зимою дождь развелъ непріятелей. Рѣка, бывшая между ими, наполнилась водою, и самый Днѣпръ тронулся: Изяславъ едва успѣлъ перейти на другую сторону; а Венгры, служившіе ему какъ союзники, обломились на льду. Г. 1148.

Тогда Святославъ и Князья Черниговскіе отправили Посольство къ Георгію. «Мы «воюемъ» — говорили они — «а ты въ без«дѣйствіи. Непріятель обратилъ въ пепелъ «наши города за Десною и села въ окрестно«стяхъ Днѣпра, а помощи отъ тебя не ви«димъ. Исполни обѣтъ, утвержденный цѣ«лованіемъ креста: иди съ нами на Изясла«ва, или мы прибѣгнемъ къ великодушію «врага сильнаго.» Георгій все еще медлилъ[276]. Другое обстоятельство также способствовало миру. Ростиславъ, старшій сынъ Георгіевъ, посланный отцемъ дѣйствовать за-одно съ Князьями Черниговскими, гнушался ихъ вѣроломствомъ, и сказавъ дружинѣ: «пусть гнѣвается родитель, но зло«дѣи Мономаховой крови не будутъ мнѣ со- Медленность Георгія.

«юзниками,» пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ встрѣтилъ его дружелюбно, угостилъ, осыпалъ дарами. Сей юноша, не имѣя въ Суздальской землѣ никакого Удѣла, предложилъ свои ревностныя услуги Великому Князю, какъ старшему изъ внуковъ Мономаховыхъ. Изяславъ отвѣтствовалъ: «Всѣхъ насъ старѣе отецъ твой; но онъ не умѣетъ жить «съ нами въ дружбѣ, а я хочу быть для «всѣхъ моихъ братьевъ нѣжнымъ родственникомъ. Георгій не даетъ тебѣ городовъ: «возьми ихъ у меня.» Онъ далъ ему бывшій Удѣлъ своего неблагодарнаго племянника, Святослава Всеволодовича[277], вмѣстѣ съ Городцемъ Остерскимъ, выславъ оттуда коварнаго Глѣба. «Спѣши къ друзьямъ» — сказалъ ему Великій Князь — «и требуй отъ «нихъ Удѣла:» ибо Глѣбъ, смирясь невольно, оставался единомышленникомъ непріятелей Изяславовыхъ и вторично хотѣлъ-было завладѣть Переяславлемъ. Думая, что искренній, чувствительный Ростиславъ можетъ примирить отца съ Великимъ Княземъ, и страшася быть жертвою ихъ союза, Давидовичи изъявили ему желаніе прекратить войну, говоря благоразумно: «*Миръ «стоитъ до рати, а рать до мира:* такъ «слыхали мы отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ. «Не вини насъ, хотѣвшихъ войною освободить брата. Но Игорь уже въ могилѣ, «гдѣ и всѣ будемъ. Богъ да судитъ прочее; «а намъ не должно губить отечества.» Изя-

славъ хотѣлъ знать мысли брата. Смоленскій Князь отвѣтствовалъ: «Я Христіа-«нинъ и люблю Русскую землю: не хочу «кровопролитія; но если Давидовичи и Свя-«тославъ не престанутъ злобиться на те-«бя за Игоря, то лучше явно воевать — «и будетъ, что угодно Богу.» Тогда Великій Князь отправилъ Послами въ Черниговъ Бѣлогородскаго Епископа Ѳеодора, Печерскаго Игумена Ѳеодосія и Бояръ, которые заключили торжественный миръ. Давидовичи, Святославъ Ольговичь и племянникъ его, сынъ Всеволодовъ, въ Соборномъ храмѣ цѣловали крестъ, давъ клятву оставить злобу и «блюсти Русскую землю за-«одно съ Изяславомъ.» Скоро Великій Князь позвалъ ихъ на совѣтъ въ Городецъ: Святославъ и племянникъ его отказались отъ свиданія; но Давидовичи, отвѣтствуя за вѣрность того и другаго, условились тамъ съ Изяславомъ дѣйствовать противъ Георгія Суздальскаго, который отнималъ дани у Новогородцевъ и безпокоилъ ихъ границы. Союзники вмѣстѣ пировали и разъѣхались, отложивъ войну до зимы: ибо рѣки, топи, болота затрудняли путь лѣтомъ, и медленность страшила Полководцевъ болѣе, нежели морозы, снѣга и мятели. — Черниговцы долженствовали итти къ Ростову и встрѣтить Великаго Князя на берегахъ Волги.

Георгій, желая казаться великодушнымъ защитникомъ утѣсненныхъ Ольговичей, въ самомъ дѣлѣ мыслилъ только о себѣ, и ненавидѣлъ Изяслава единственно какъ похитителя достоинства Великокняжескаго; не могъ также простить и Новогородцамъ безчестное изгнаніе своего сына, Ростислава. Князь ихъ, Святополкъ, хотѣвъ въ 1147 году отмстить Суздальскому за взятіе Торжка, возвратился съ дороги отъ распутья, и жители сего опустошеннаго города еще томились въ неволѣ. Епископъ Нифонтъ, другъ народнаго благоденствія, ѣздилъ въ Суздаль; былъ принятъ съ отмѣннымъ уваженіемъ, святилъ тамъ храмы, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ, но не могъ склонить Георгія къ миру[278].

Оставивъ Владиміра въ столицѣ, сына своего въ Переяславлѣ, а Ростислава Георгіевича пославъ въ Бужскъ, чтобы охранять тамошнія границы и спокойно ждать конца войны, Великій Князь отправился въ Смоленскъ къ брату, веселился съ нимъ, праздновалъ, мѣнялся дарами и расположилъ военныя дѣйствія[279]. Онъ поручилъ всю рать Смоленскому Князю, велѣлъ ему итти къ берегамъ Волги, къ устью Медвѣдицы, и пріѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ начальствовалъ уже не братъ его, а сынъ, Ярославъ: ибо Святополкъ, утративъ любовь народную, былъ переведенъ Изяславомъ въ область Владимірскую. Граждане давно

не видали у себя Великихъ Князей, и встрѣтили внука Мономахова съ живѣйшею радостію. Многочисленныя толпы провождали его до городскихъ воротъ, гдѣ стояли всѣ Бояре съ юнымъ Княземъ. Отслушавъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ, Изяславъ далъ пиръ народу. Бирючи или Герольды ходили по улицамъ и звали гражданъ обѣдать съ Княземъ. Такъ называемое *Городище*, донынѣ извѣстное, было мѣстомъ сего истинно великолѣпнаго пиршества: Государь веселился съ народомъ, какъ добрый отецъ среди любезнаго ему семейства. На другой день ударили въ Вѣчевый колоколъ, и граждане спѣшили на Дворъ Ярославовъ: тамъ Великій Князь, въ собраніи Новогородцевъ и Псковитянъ, произнесъ краткую, но сильную рѣчь. «Братья!» сказалъ онъ: «Князь «Суздальскій оскорбляетъ Новгородъ. Оставивъ столицу Русскую, я прибылъ защитить васъ. Хотите ли войны? мечь въ «рукѣ моей. Хотите ли мира? вступимъ «въ переговоры.» *Войны! войны!* отвѣтствовалъ народъ: «ты нашъ Владиміръ, «ты Мстиславъ! пойдемъ съ тобою всѣ, «отъ стараго до младенца.» Ратники надѣли шлемы. Псковитяне, Корелы собрали также войско, и Великій Князь на устьѣ Медвѣдицы соединился съ братомъ своимъ, Ростиславомъ. Напрасно ждали они возвращенія Посла, отправленнаго ими къ дядѣ еще изъ Смоленска: Георгій задержалъ его

Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ.

Рѣчь Изяслава.

и не хотѣлъ отвѣтствовать на ихъ жалобы. Напрасно ждали и Князей Черниговскихъ, которые остановились въ землѣ Вятичей и хотѣли прежде видѣть, кому счастіе войны будетъ благопріятствовать. Мстиславичи вступили въ область Суздальскую: села и города запылали на берегахъ Волги до *Углича* и Мологи; жители спасались бѣгствомъ. Новогородцы разорили окрестности Ярославля, и война кончилась безъ сраженія: ибо весна уже наступала, рѣки покрывались водою и кони худо служили всадникамъ. Изяславъ, проводивъ Новогородцевъ, весновалъ въ Смоленскѣ и благополучно возвратился въ столицу, къ искренней радости народа. Семь тысячь плѣнниковъ свидѣтельствовали его побѣду.

Г. 1149. Опустошеніе земли Суздальской.

Скоро Великій Князь испыталъ превратность счастія, и могъ приписать оную собственной несправедливости. Ростиславъ Георгіевичь былъ ему истиннымъ другомъ; но клеветники говорили Изяславу, что сей Князь, въ его отсутствіе, старался обольстить Днѣпровскихъ Берендѣевъ и самыхъ Кіевлянъ, хотѣлъ завладѣть столицею и подобно отцу ненавидитъ родъ Мстислава[280]. Люди, склонные къ чистосердечной довѣренности, легко вѣрятъ и злословію: Великій Князь, упрекая Ростислава неблагодарностію, отнялъ у него все имѣніе, оружіе, коней; заключилъ въ цѣпи дружину, и самого отправилъ съ тремя человѣками

въ лодкѣ къ отцу, не давъ ему суда и не хотѣвъ слушать оправданій. Георгій оскорбился безчестіемъ сына гораздо болѣе, нежели опустошеніемъ Суздальской области. «Такъ платитъ неосторожному юношѣ за «безразсудную любовь и дружбу!» говорилъ онъ: «жестокій племянникъ совершенно от-«чуждаетъ меня и дѣтей моихъ отъ *земли Русской*» (симъ именемъ преимущественно означалась тогда *Россія южная*). Георгій наконецъ выступилъ, соединясь съ Половцами. Святославъ Ольговичь, видя безпрестанно въ мысляхъ своихъ окровавленную тѣнь брата и считая Великаго Князя убійцею, обрадовался случаю мести: миръ, клятвенно утвержденный въ Черниговскомъ храмѣ, и брачный союзъ юной его дочери съ сыномъ Князя Смоленскаго, не могли укротить сей злобы, ибо она казалась ему священнымъ долгомъ. Но Давидовичи рѣшительно отказались отъ дружбы Георгія, отвѣтствуя: «ты не спасъ городовъ на-«шихъ; нынѣ, заключивъ союзъ съ Изясла-«вомъ, не хотимъ нарушить онаго, и *не «можемъ играть душею*[231]. Усердно помогая «Великому Князю, они вмѣстѣ съ нимъ убѣ-«ждали Святослава быть его другомъ, со-«гласно съ данною ими клятвою. «Буду» (сказалъ Ольговичь) «когда Изяславъ возвра-«титъ мнѣ все имѣніе моего брата.» Увѣренный, что Георгій дѣйствительно намѣренъ итти къ Кіеву, Святославъ вы- Несправедливость Велик. Князя.

ѣхалъ къ нему на встрѣчу близъ Обояна; также и сынъ Всеволодовъ, единственно въ угодность дядѣ. Георгій долго стоялъ у Бѣлой Вежи, надѣясь однимъ страхомъ побѣдить Великаго Князя. Но Изяславъ, собравъ вѣрныхъ братьевъ, готовился къ битвѣ. «Я отдалъ бы ему (говорилъ онъ) «любимую область, если бы Георгій при-«шелъ одинъ съ дѣтьми своими; но съ нимъ «варвары Половцы и враги мои, Ольгови-«чи.» Кіевляне хотѣли мира: «заключимъ «его (сказалъ Изяславъ), но имѣя въ рукахъ «оружіе.» Георгій осадилъ Переяславль: тамъ находились Владиміръ и Святополкъ Мстиславичи. Великій Князь спѣшилъ защитить городъ и вошелъ въ него; а Георгій, желая оказать умѣренность, послалъ къ нему Боярина съ сими словами: «Чтобы отвра-«тить несчастное кровопролитіе, забываю «обиды, разореніе моихъ областей и ста-«рѣйшинство, коего ты лишилъ меня не-«справедливо. *Царствуй* въ Кіевѣ: отдай «мнѣ только Переяславль, да господствуетъ «въ немъ сынъ мой!» Гордый Изяславъ велѣлъ задержать Посла; отслушалъ Литургію у Св. Михаила, и готовясь обнажить мечь, требовалъ благословенія отъ Епископа Евфимія. Напрасно сей добрый Пастырь слезно умолялъ его примириться. «Нѣтъ!» сказалъ Князь: » *я добылъ Кіева и Переяславля* «*головою:* могу ли отдать ихъ?» Умные Бояре совѣтовали ему хотя помедлить, ду-

мая, что Георгій безъ сраженія удалится съ однимъ стыдомъ неудачи. Но Изяславъ, слѣдуя мнѣнію другихъ и порыву собственнаго, нетерпѣливаго мужества, расположилъ войско противъ непріятеля. Уже солнце спускалось къ Западу, и въ Переяславлѣ благовѣстили къ Вечернѣ: Полководцы еще не давали знака, и рать не двигалась: одни стрѣлки были въ дѣйствіи. Георгій началъ отступать: тогда Изяславъ, какъ бы пробужденный отъ глубокаго сна, быстро устремился впередъ, вообразивъ, что непріятель бѣжитъ. Затрубили въ воинскія трубы; солнце закатилось, и шумъ битвы раздался. Она была кровопролитна и несчастлива для Великаго Князя. Берендѣи обратили тылъ; за ними Изяславъ Давидовичь съ дружиною Черниговскою; за ними Кіевляне; а Переяславцы измѣнили, взявъ сторону Георгія. Изяславъ пробился сквозь полкъ Ольговича и Суздальскій, прискакавъ самъ-третей въ Кіевъ, и собравъ жителей, спрашивалъ, могутъ ли они выдержать осаду? Граждане въ уныніи отвѣтствовали ему и Ростиславу Смоленскому: «Отцы, «сыновья и братья наши лежатъ на полѣ «битвы; другіе въ плѣну или безъ оружія. «Государи добрые! не подвергайте столи-«цы расхищенію; удалитесь на время въ «свои частныя области. Вы знаете, что «мы не уживемся съ Георгіемъ: когда увидимъ ваши знамена, то всѣ единодушно

Августа 23. Битва у Переяславля.

«на него возстанемъ.» Великій Князь, взявъ
Бѣгство Изяслава. супругу, дѣтей, Митрополита Климента, поѣхалъ въ Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ[282]. Георгій вошелъ въ Переяславль, черезъ 3 дни въ Кіевъ, и дружелюбно пригласилъ туда Владиміра Черниговскаго, въ общемъ Княжескомъ совѣтѣ распорядилъ Удѣлы: отдалъ Святославу Ольговичу Курскъ, Посемье, Сновскую область, Слуцкъ и всю землю Дреговичей, бывшую въ зависимости отъ Великаго Княженія; сыновьямъ же: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышегородъ, Борису Бѣлгородъ, Глѣбу Каневъ, Васильку Суздаль. Знаменитый Епископъ Нифонтъ находился тогда въ Кіевѣ: призванный Изяславомъ, онъ все еще не хотѣлъ покориться Митрополиту Клименту; называлъ его не Пастыремъ Церкви, а *волкомъ*, и заключенный въ монастырѣ Печерскомъ, великодушно сносилъ гоненіе. Георгій возвратилъ ему свободу, и съ честію отпустивъ къ Новогородцамъ сего любезнаго имъ Епископа, надѣялся тѣмъ преклонить къ себѣ сердца ихъ, хотя въ то же самое время Воевода Іоаннъ Берладникъ, оставивъ Смоленскаго Князя и вступивъ въ Георгіеву службу, нападалъ на чиновниковъ Новогородскихъ, собиравшихъ дань въ уѣздахъ[283].

Изгнанный Великій Князь обратился къ старшему дядѣ, Вячеславу, имъ оскорбленному; льстилъ ему именемъ втораго отца, предлагалъ господствовать въ Кіевѣ. Но Вя-

чеславъ держалъ сторону Георгія, не вѣря ласкамъ, не боясь угрозъ племянника, который нашелъ союзниковъ въ Венгерскомъ Королѣ Гейзѣ, Владиславѣ Богемскомъ и въ Ляхахъ. Первый не задолго до того времени женился на его меньшей сестрѣ, Евфросиніи—такъ она называется въ Буллѣ Папы, Иннокентія IV — и далъ шурину 10,000 всадниковъ[284]. Лѣтописецъ сказываетъ, что Государи Богемскій и Польскій, *сваты* Изяславовы, сами привели къ нему войско, и что Болеславъ Кудрявый, вмѣстѣ съ братомъ Генрикомъ угощенный роскошнымъ обѣдомъ въ Владимірѣ, *опоясалъ мечемъ* многихъ Сыновей Боярскихъ. Но сіи иноземные союзники, узнавъ, что Георгій соединился съ Вячеславомъ въ Пересопницѣ, и что мужественный Владимірко Галицкій идетъ къ нему въ помощь, не захотѣли битвы, остановились у Чемерина и совѣтовали Изяславу примириться съ дядею. Они, какъ посредники между ими, вступили въ переговоры, увѣряя, что равно доброхотствуютъ той и другой сторонѣ. «Вѣрю и благода«рю васъ,» отвѣтствовалъ Георгій: »идите «же домой и не тяготите земли нашей; то«гда я готовъ удовлетворить требованіямъ «моего племянника.» Союзники вышли весьма охотно изъ Россіи, но хитрый Георгій, удаливъ ихъ, отвергнулъ мирныя предложенія, которыя состояли въ томъ, чтобы онъ, господствуя въ столицѣ Кіевской или

Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками.

уступивъ оную старшему брату, клятвенно утвердилъ за Изяславомъ область Владимірскую, Луцкую и Великій Новгородъ со всѣми данями. Князь Суздальскій надѣялся отнять у племянника всѣ владѣнія, а гордый Изяславъ предпочиталъ гибель миру постыдному.

Г. 1150. Мужество Андрея. Непріятельскія дѣйствія начались въ Волыніи осадою Луцка, славною для сына Георгіева, Андрея, ибо онъ имѣлъ случай оказать рѣдкое мужество. Въ одну ночь, оставленный союзными Половцами — которые съ Воеводою своимъ, Жирославомъ, бѣжали отъ пустой тревоги[288] — сей Князь презрѣлъ общій страхъ, устыдилъ дружину и хотѣлъ лучше умереть, нежели сойти съ мѣста. Видя же подъ стѣнами Луцка знамена отца

Февр. 8. своего (пришедшаго къ городу съ другой стороны) и сильную вылазку осажденныхъ, Андрей устремился въ битву, гналъ непріятелей, и былъ на мосту окруженъ ими. Его братья, Ростиславъ, Борисъ, остались далеко, ничего не зная: ибо пылкій Андрей не велѣлъ распустить своей хоругви, не вспомнилъ сего обряда воинскаго и не приготовилъ ихъ къ сраженію. Только два воина могли слѣдовать за Княземъ: одинъ пожертвовалъ ему жизнію. Камни сыпались съ городскихъ стѣнъ, уязвленный конь Андреевъ исходилъ кровію; острая рогатина прошла сквозь луку сѣдельную. Герой готовился умереть великодушно, подобно Изя-

славу I, его прадѣду; изломивъ копье, вынулъ мечь; призвалъ имя Св. Ѳеодора (ибо въ сей день торжествовали его память), сразилъ Нѣмца, готоваго пронзить ему грудь, и благополучно возвратился къ отцу. Георгій, дядя Вячеславъ, Бояре, витязи, съ радостными слезами славили храбрость юноши. Добрый конь его вынесъ господина изъ опасности и палъ мертвый: благодарный Андрей соорудилъ ему памятникъ надъ рѣкою Стыремъ. Памятникъ коню.

Братъ Изяславовъ, Владиміръ, начальствовалъ въ Луцкѣ. Три недѣли продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды въ Стырѣ, и Великій Князь хотѣлъ отважиться на битву для спасенія города. Тутъ Владимірко Галицкій оказалъ человѣколюбіе: сталъ между непріятелями, чтобы не допустить ихъ до кровопролитія, и взялъ на себя быть ходатаемъ мира. Юрій Ярославичь, внукъ бывшаго Великаго Князя, Святополка-Михаила[286], и Ростиславъ, сынъ Георгіевъ, мѣшали оному, но Владимірко, кроткій Вячеславъ и всѣхъ болѣе добродушный Андрей склонили Георгія прекратить несчастную вражду. Весною заключили миръ: Изяславъ призналъ себя *виновнымъ*, то есть, *слабѣйшимъ;* съѣхался съ дядями въ Пересопницѣ, и сидѣлъ съ ними на одномъ коврѣ. Согласились, чтобы племянникъ княжилъ спокойно въ области Владимірской и пользовался данями Новаго- Миръ.

родскими; обязались также возвратить другъ другу всякое движимое имѣніе, отнятое въ теченіе войны. Изяславъ сложилъ съ себя достоинство Великаго Князя; а Георгій, желая казаться справедливымъ, уступилъ Кіевъ брату, старшему Мономахову сыну. Свадьбы и пиры были слѣдствіемъ мира: одна дочь Георгіева, именемъ Ольга, вышла за Ярослава Владимірковича Галицкаго, а другая за Олега, сына Святославова[287].

Всѣ казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгія. Въ угодность ему, какъ вѣроятно, Бояре его представили, что тихій, слабый Вячеславъ не удержитъ за собою Россійской столицы: Георгій, согласный съ ними, послалъ брата княжить въ Вышегородъ, на мѣсто своего сына Андрея. Сверхъ того, будучи корыстолюбивъ, онъ не исполнилъ условій, и не возвратилъ Изяславу воинской добычи. Племянникъ жаловался: не получивъ удовлетворенія, занялъ Луцкъ, Пересопницу, гдѣ находился Глѣбъ Георгіевичь. Давъ ему свободу, Изяславъ сказалъ: «У меня нѣтъ вражды съ вами, братьями; но могу ли сносить обиды? Иду на вашего отца, который не любитъ ни правды, ни ближнихъ.» Увѣренный въ доброхотствѣ Кіевлянъ, онъ съ малочисленною дружиною пришелъ къ берегамъ Днѣпра и соединился съ Берендѣями; а Князь Суздальскій, изумленный нечаянною опасностію, бѣжалъ въ Городецъ[288].

Коварство Георгія.

Новая вражда.

Надѣясь воспользоваться симъ случаемъ, слабодушный Вячеславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и расположился во дворцѣ. Но граждане спремились толпами на встрѣчу къ Изяславу. «Ты нашъ Государь!» восклицали они: «не «желаемъ ни Георгія, ни брата его!» Великій Князь послалъ объявить дядѣ, чтобы онъ, не хотѣвъ добровольно принять отъ него чести старѣйшинства, немедленно удалился, ибо обстоятельства перемѣнились. «Убей меня здѣсь,» отвѣтствовалъ Вячеславъ: «а живаго не изгонишь!» Сія минутная твердость была безполезна. Провождаемый множествомъ народа изъ Софійской церкви, Изяславъ въѣхалъ на Дворъ Ярославовъ, гдѣ дядя его сидѣлъ въ сѣняхъ. Бояре совѣтовали Великому Князю употребить насиліе; нѣкоторые вызывались даже подрубить сѣни. «Нѣтъ!» сказалъ онъ: «я «не убійца моихъ ближнихъ; люблю дядю, «и пойду къ нему самъ.» Князья обнялися дружелюбно. «Видишь ли мятежъ народа?» говорилъ племянникъ: «дай миновать обще«му волненію, и для собственной безопа«сности иди въ Вышегородъ. Будь увѣренъ, «что я не забуду тебя.» Вячеславъ удалился.

Торжество Великаго Князя было недолговременно. Сынъ его, Мстиславъ, хотѣлъ взять Переяславль: тамъ княжилъ Ростиславъ Георгіевичъ, который вмѣстѣ съ Андреемъ рѣшился мужественною оборо-

ною загладить постыдное бѣгство отца, привелъ въ городъ Днѣпровскихъ кочующихъ Торковъ, готовыхъ соединиться съ Кіевлянами, и ждалъ врага неустрашимо. Великій Князь не имѣлъ времени заняться сею осадою: свѣдавъ о приближеніи Владимірка Галицкаго, друга Георгіева, также о соединеніи Давидовичей съ Княземъ Суздальскимъ, онъ поѣхалъ къ Вячеславу и вторично предложилъ ему сѣсть на тронъ Мономаховъ. «Для чего же ты выгналъ меня съ безчестіемъ изъ Кіева?» возразилъ дядя: «теперь отдаешь его мнѣ, когда сильные «враги готовы изгнать тебя самого.» Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный Князь обнялъ его съ нѣжностію, и заключивъ съ нимъ искренній союзъ надъ гробомъ Святыхъ Бориса и Глѣба, отдалъ ему всю дружину свою, знаменитую мужествомъ, чтобы отразить Владимірка. Изяславъ при звукѣ трубъ воинскихъ бодро выступилъ изъ столицы[289]; но счастіе опять измѣнило его храбрости. Еще дружина Вячеславова не успѣла къ нему присоединиться: Берендѣи же и Кіевляне, встрѣтивъ Галичанъ на берегахъ Стугны, ужаснулись ихъ силы, и пустивъ нѣсколько стрѣлъ, разсѣялись. Онъ удерживалъ бѣгущихъ; хотѣлъ умереть на мѣстѣ; молилъ, заклиналъ робкихъ; наконецъ, видя вокругъ себя малочисленныхъ Венгровъ и Поляковъ, сказалъ дружинѣ съ горестію:

Добродушіе Вячеслава.

Побѣда Владимірковa.

«одни ли чужеземцы будутъ моими защит«никами?» и самъ поворотилъ коня. Непріятель слѣдовалъ за нимъ осторожно, боясь хитрости. Великій Князь нашелъ въ Кіевѣ Вячеслава, и еще не успѣлъ отобѣдать съ нимъ во дворцѣ, когда имъ сказали, что Георгій на берегу Днѣпра, и что Кіевляне перевозятъ его войско въ своихъ лодкахъ. Исполняя совѣтъ племянника, Вячеславъ уѣхалъ въ Вышегородъ, а Великій Князь со всею дружиною въ область Владимірскую, занявъ крѣпости на берегахъ Горыни[290].

Георгій и Князь Галицкій сошлися подъ стѣнами Кіева: съ первымъ находились Святославъ, племянникъ его (сынъ Всеволодовъ) и Давидовичи. Напрасно хотѣвъ догнать Изяслава, они вступили въ городъ, коего жители не дерзнули противиться мужественному Владимірку. Сей Князь и Георгій торжествовали побѣду въ монастырѣ Печерскомъ: новые дружественные обѣты утвердили союзъ между ими. Владимірко выгналъ еще Изяславова сына изъ Дорогобужа, взялъ нѣсколько городовъ Волынскихъ, отдалъ ихъ Мстиславу Георгіевичу, съ нимъ бывшему, но не могъ взять Луцка, и возвратился въ землю Галицкую, довольный своимъ походомъ, который доставилъ ему случай видѣть славные храмы Кіевскіе и гробъ Святыхъ мучениковъ, Бориса и Глѣба[291].

Георгій, боясь новыхъ предпріятій Изяславовыхъ, поручилъ Волынскую область свою надежнѣйшему изъ сыновей, храброму Андрею. Сей Князь болѣе и болѣе заслуживалъ тогда общее уваженіе: онъ смирилъ Половцевъ, которые, называясь союзниками отца его, грабили въ окрестностяхъ Переяславля и не хотѣли слушать Пословъ Георгія; но удалились, какъ скоро Андрей велѣлъ имъ оставить Россіянъ въ покоѣ. Укрѣпивъ Пересопницу, онъ взялъ такія мѣры для безопасности всѣхъ городовъ, что Изяславъ раздумалъ воевать съ нимъ, и въ надеждѣ на его добродушіе, предложилъ ему миръ. «Отказываюсь отъ Кіева (говорилъ «Великій Князь) если отецъ твой уступитъ мнѣ всю Волынію. Венгры и Ляхи «не братья мои: земля ихъ мнѣ не отечество. Желаю остаться Русскимъ и владѣть достояніемъ нашихъ предковъ.» Андрей вторично старался обезоружить родителя; но Георгій отвергнулъ мирныя предложенія, и заставилъ Изяслава снова обратиться къ иноземнымъ союзникамъ.

Бодрость Андреева.

Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичь, поѣхалъ въ Венгрію, и склонилъ Короля объявить войну опаснѣйшему изъ непріятелей Изяславовыхъ, Владимірку Галицкому, представляя, что сей Князь отважный, честолюбивый, есть общій врагъ Державъ сосѣдственныхъ. Въ глубокую осень, чрезъ горы Карпатскія, Гейза вошелъ въ

Хитрост. Владимірка.

Галицію, завоевалъ Санокъ, думалъ осадить Перемышль. Желая безъ кровопролитія избавиться отъ врага сильнаго, хитрый Владимірко купилъ золотомъ дружбу Венгерскаго Архіепископа, именемъ Кукниша, и знатнѣйшихъ чиновниковъ Гейзиныхъ, которые убѣдили своего легковѣрнаго Монарха отложить войну до зимы. Но связь Гейзы съ Великимъ Княземъ еще болѣе утвердилась: Владиміръ Мстиславичь женился на дочери Бана, родственника Королевскаго, и вторично посланный братомъ въ Венгрію, привелъ къ нему 10,000 отборныхъ воиновъ[292]. Тогда Изяславъ, нетерпѣливо ожидаемый Кіевлянами, Берендѣями и преданною ему дружиною Вячеслава, смѣло выступилъ въ поле, миновалъ Пересопницу, и зная, что за нимъ идутъ полки Владимірковы, спѣшилъ къ столицѣ Великаго Княженія. Бояре говорили ему: «у насъ впереди непріятель, за нами другой.» Князь отвѣтствовалъ: «Не время страшиться. Вы оставили для меня домы и села Кіевскія; я лишенъ родительскаго престола: умру или возьму свое и ваше. Достигнетъ ли насъ Владимірко, сразимся; встрѣтимъ ли Георгія, также сразимся. Иду на судъ Божій.»

Г. 1151.

Твердость Изяслав.

Граждане Дорогобужа встрѣтили Изяслава со крестами, но боялись Венгровъ. «Будьте покойны,» сказалъ Великій Князь: «я предводительствую ими. Не вы, люди моего отца и дѣда, а только одни враги

«мои должны ихъ ужасаться.» Другіе города изъявляли ему такую же покорность. Онъ нигдѣ не медлилъ; но войско его едва оставило за собою рѣку Ушъ, когда легкій отрядъ Галицкаго показался на другой сторонѣ. Самъ Владимірко, вмѣстѣ съ Андреемъ Георгіевичемъ, стоялъ за лѣсомъ, въ ожиданіи своей главной рати. Началась перестрѣлка. Великій Князь хотѣлъ ударить на малочисленныхъ непріятелей: Бояре ему отсовѣтовали. «Рѣка и лѣсъ передъ нами,» говорили они: «пользуясь ими, Владимірко «можетъ долго сопротивляться; задніе пол-«ки его приспѣютъ къ битвѣ. Лучше не «тратить времени, итти впередъ и соеди-«ниться съ усердными Кіевлянами, ждущими «тебя на берегахъ Тетерева.» Изяславъ велѣлъ ночью разложить большіе огни, и тѣмъ обманувъ непріятеля, удалился; шелъ день и ночь, отрядилъ Владиміра Мстиславича къ Бѣлугороду, и надѣялся взять его незапно. Такъ и случилось. Борисъ Георгіевичь, пируя въ Бѣлогородскомъ дворцѣ своемъ съ дружиною и съ Попами, вдругъ услышалъ громкій кликъ и воинскія трубы: свѣдалъ, что полки Изяславовы уже входятъ въ городъ, и бѣжалъ къ отцу, не менѣе сына безпечному. Георгій жилъ спокойно въ Кіевѣ, ничего не зная: приведенный въ ужасъ столь нечаянною вѣстію, онъ бросился въ лодку и уѣхалъ въ Остеръ; а Великій Князь, оставивъ въ Бѣлѣгородѣ Владиміра Мстисла-

Воинская хитрость.

Безпечность Георгія и торжество Изяслава.

вича для удержанія Галичанъ, вошелъ въ столицу, славимый, ласкаемый народомъ, какъ отецъ дѣтьми. Многіе Бояре Суздальскіе были взяты въ плѣнъ. Великій Князь, изъявивъ въ Софійскомъ храмѣ благодарность Небу, угостилъ обѣдомъ усердныхъ Венгровъ и своихъ друзей Кіевскихъ: а друзьями его были всѣ добрые граждане. За роскошнымъ пиромъ слѣдовали игры: ликуя среди обширнаго двора Ярославова, народъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ристаніе искусныхъ Венгерскихъ всадниковъ[293]. Ристаніе въ Кіевѣ.

Еще Кіевляне опасались Владимірка; но изумленный бѣгствомъ Георгія, онъ сказалъ Андрею, который шелъ вмѣстѣ съ нимъ: «Сватъ мой есть примѣръ безпечности; «господствуетъ въ Россіи, и не знаетъ, «что въ ней дѣлается; одинъ сынъ въ Пе«ресопницѣ, другой въ Бѣлгородѣ, и не «даютъ отцу вѣсти о движеніяхъ врага! «Когда вы такъ правите землею, я вамъ «не товарищъ. Мнѣ ли одному ратоборство«вать съ Изяславомъ, теперь уже силь«нымъ? Иду въ область свою.» И немедленно возвратился, собирая на пути дань со всѣхъ городовъ Волынскихъ. Обитатели, угрожаемые плѣномъ, сносили ему серебро; жены, выкупая мужей, отдавали свои ожерелья и серьги. Андрей съ печальнымъ сердцемъ пріѣхалъ къ отцу въ Городецъ Остерскій.

Утвердясь въ столицѣ, Великій Князь призвалъ дядю своего, Вячеслава, изъ Вы-

Справедливость Великаго Князя

шегорода. «Богъ взялъ моего родителя,» говорилъ онъ: «будь мнѣ впорымъ опцемъ. «Два раза я могъ посадить тебя на пре-«столѣ, и не сдѣлалъ того, ослѣпленный вла-«столюбіемъ. Простпи вину мою, да буду спо-«коенъ въ совѣсти. Кіевъ твой: господ-«ствуй въ немъ подобно опцу и дѣду.» Добрый Вячеславъ, тронутый симъ великодушіемъ, съ чувствительностію отвѣтствовалъ: «Ты исполнилъ наконецъ долгъ «собственной чести своей. Не имѣя дѣтей, «признаю тебя сыномъ и братомъ. Я старъ; «не могу одинъ править землею: будь мо-«имъ товарищемъ въ дѣлахъ войны и мира; «соединимъ наши полки и дружину. Иди съ «ними на враговъ, когда не въ силахъ буду «дѣлить съ тобой опасностей!» Они цѣловали крестъ въ Софійскомъ храмѣ; клялися быть неразлучными во благоденствіи и злосчастіи. Старецъ, по древнему обыкновенію, далъ пиръ Кіевлянамъ и добрымъ союзникамъ, Венграмъ. Одаривъ послѣднихъ конями, сосудами драгоцѣнными, одеждами, тканями, Изяславъ отпустилъ ихъ въ отечество; а въ слѣдъ за ними отправилъ сына своего благодарить Короля Гейзу. Сей Посолъ именемъ отца долженъ былъ сказать ему слѣдующія выразительныя слова: «Да поможетъ тебѣ Богъ, какъ ты помогъ намъ! «Ни сынъ отцу, ни братъ единокровному «брату не оказывалъ услугъ важнѣйшихъ. «Будемъ всегда за одно. Твои враги суть

Признательность Вячеслава.

Благодарность къ Королю Венгерскому.

«наши; не злапюмъ, одною кровію своею мо-«жемъ заплапить тебѣ долгъ. Но соверши «доброе дѣло: еще имѣемъ врага сильнаго. «Ольговичи и Князь Черниговскій, Влади-«міръ, въ союзѣ съ Георгіемъ, копорый сы-«плетъ злато и манитъ къ себѣ дикихъ «Половцевъ. Не зовемъ тебя самого: ибо «Царь Греческій имѣетъ рать съ тобою. «Но когда наступитъ весна, мирная для «Венгріи, то пришли въ Россію новое вой-«ско. И мы въ спокойную чреду свою при-«демъ къ тебѣ съ дружиною вспомогатель-«ною. Богъ намъ поборникъ, народъ и Чер-«ные Клобуки друзья.» — Великій Князь звалъ также въ помощь къ себѣ брата, Ростислава Смоленскаго, который всегда думалъ, что старшій ихъ дядя имѣетъ законное право на область Кіевскую. Вячеславъ, увѣряя сего племянника въ дружбѣ, назвалъ его *вторымъ* сыномъ, и съ любовію принялъ Изяслава Черниговскаго, который, вопреки брату, Владиміру Давидовичу, отказался отъ союза съ Княземъ Суздальскимъ.

Георгій имѣлъ время собрать войско, и сталъ противъ Кіева, вмѣстѣ съ Ольговичами — то есть, двумя Святославами, дядею и племянникомъ — Владиміромъ Черниговскимъ и Половцами, разбивъ шатры свои на лугахъ восточнаго берега Днѣпровскаго. Рѣка покрылась военными ладіями; битвы начались. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о хитромъ вымыслѣ Изяслава: ладіи

Осада Кіева.

сего Князя, сдѣланныя о двухъ руляхъ, могли *не обращаясь* итти вверхъ и внизъ; одни весла были видимы: гребцы сидѣли подъ защитою высокой палубы, на которой стояли латники и стрѣлки. Отраженный Георгій вздумалъ переправиться ниже Кіева; ввелъ ладіи свои въ *Долобское* озеро[294], и велѣлъ ихъ тащить оттуда берегомъ до рѣки Золотчи, впадающей въ Днѣпръ. Изяславъ шелъ другою стороною, и суда его вступили въ бой съ непріятелемъ у *Витичевскаго брода*. Князь Суздальскій и тутъ не имѣлъ успѣха; но Половцы тайнымъ обходомъ разстроили Изяславовы мѣры: у городка Заруба, близъ Трубежскаго устья, они бросились въ Днѣпръ на коняхъ своихъ, вооруженные съ головы до ногъ, и закрываясь щитами. Святославъ Ольговичь и племянникъ его предводительствовали ими. Береговая стража Кіевская оробѣла. Напрасно Воевода Шварнъ хотѣлъ остановить бѣгущихъ: «съ ними не было Князя (говоритъ «Лѣтописецъ), а Боярина не всѣ слушаютъ.» Половцы достигли берега, и Георгій спѣшилъ въ томъ же мѣстѣ переправиться черезъ Днѣпръ.

Великій Князь отступилъ къ Кіеву и вмѣстѣ съ дядею сталъ у *Златыхъ* вратъ; Изяславъ Давидовичь между *Златыми* и *Жидовскими* вратами; подлѣ него Князь Смоленскій; Борисъ Всеволодовичь Городненскій, внукъ Мономаховъ, у вратъ *Лятскихъ* или

Польскихъ. Ряды Кіевлянъ окружили городъ. Черные Клобуки явились также подъ его стѣнами съ своими вежами и многочисленными стадами, которыя разсыпались въ окрестностяхъ Кіевскихъ. Дѣятельность, движеніе, необозримый строй людей вооруженныхъ и самый безпорядокъ представляли зрѣлище любопытное. Пользуясь общимъ смятеніемъ, хищные друзья, Берендѣи и Торки, обирали монастыри, жгли села, сады. Изяславъ, чтобы унять грабителей, велѣлъ брату своему, Владиміру, соединить ихъ и поставить у *Могилы Олеговой*, между оврагами. Воины, граждане, народъ, съ твердостію и мужествомъ ожидали непріятеля[298].

Но старецъ Вячеславъ еще надѣялся убѣдить брата словами мирными, и въ присутствіи своихъ племянниковъ далъ Послу наставленіе. «Иди къ Георгію,» сказалъ онъ: «цѣлуй его моимъ именемъ и говори такъ: «Сколько разъ молилъ я васъ, тебя и пле-«мянника, не проливать крови Христіанъ «и не губить земли Русской! Изяславъ, воз-«ставъ на Игоря, велѣлъ мнѣ объявить, «что ищетъ престола Кіевскаго единствен-«но для меня, втораго отца своего; а послѣ «завладѣлъ собственными моими городами, «Туровымъ и Пинскимъ! Равно обманутый «и тобою — лишенный Пересопницы, До-«рогобужа — не имѣя ничего, кромѣ Выше-«города, я молчалъ; имѣя Богомъ данную

Миролюбіе Вячеслава

«мнѣ силу, полки и дружину, терпѣливо сно-«силъ обиды, самое уничиженіе, и думая «только о пользѣ отечества, унималъ васъ. «Напрасно: вы не хотѣли внимать совѣ-«тамъ человѣколюбія; отвергая ихъ, нару-«шали уставъ Божій. Нынѣ Изяславъ загла-«дилъ вину свою: почтилъ дядю вмѣсто «отца; я назвалъ его сыномъ. Боишься ли «унизиться предо мною? Но кто изъ насъ «старшій? Я былъ уже брадатъ, когда ты «родился. Опомнись, или, поднявъ руку на «старшаго, бойся гнѣва Небеснаго!» — По-солъ Вячеслава нашелъ Георгія въ Василевѣ: Князь Суздальскій, выслушавъ его, отпра-вилъ собственнаго Боярина къ брату; при-знавалъ его своимъ отцемъ, обѣщалъ во всемъ удовлетворить ему, но требовалъ, чтобы Мстиславичи выѣхали изъ области Кіевской. Старецъ отвѣтствовалъ: «У тебя «*семь* сыновей: отгоняю ли ихъ отъ роди-«теля? У меня ихъ только два: не раз-«станусь съ ними. Иди въ Переяславль и «Курскъ; иди въ *Великій* Ростовъ, или въ «другіе города свои; удали Ольговичей, и «мы примиримся. Когда же хочешь крово-«пролитія, то Матерь Божія да судитъ «насъ въ семъ вѣкѣ и будущемъ!» Вяче-славъ, говоря сіи послѣднія слова, указалъ на Златыя врата и на образъ Маріи, тамъ изображенный.

Георгій ополчился и подступилъ къ Кіеву отъ Бѣлагорода. Стрѣлы летали чрезъ Лы-

бедь. Пылкій Андрей устремился на другую сторону рѣки, и гналъ стрѣлковъ непріятельскихъ къ городу; но былъ оставленъ своими: одинъ Половчинъ схватилъ коня его за узду и принудилъ Героя возвратиться. Юный Владиміръ Андреевичь, внукъ Мономаховъ, спѣшилъ раздѣлить съ братомъ опасность: пѣстунъ силою удержалъ сего отрока. Дружина ихъ шла на полкъ Вячеславовъ и Великаго Князя за Лыбедью; прочее войско Георгіево сразилось съ Борисомъ у вратъ Лятскихъ. Изяславъ наблюдалъ всѣ движенія битвы: онъ велѣлъ братьямъ, не разстроивая полковъ, съ избранными отрядами и Черными Клобуками ударить вдругъ на непріятеля. Смятые ими, Половцы, Суздальцы бѣжали, и трупы наполнили рѣку Лыбедь. Тутъ вмѣстѣ со многими палъ мужественный сынъ Хана славнаго, Боняка, именемъ Севенчь, который хвалился, подобно отцу своему, *зарубить* мечемъ врата Златыя[296]. Съ того времени Суздальцы не дерзали переходить чрезъ Лыбедь, и Георгій скоро отступилъ, чтобы соединиться съ Владимірком: ибо Галицкій Князь, забывъ прежнюю досаду, шелъ къ нему въ помощь.

Пылкость Андрея.

Отступленіе Георгія.

Храбрые Мстиславичи пылали нетерпѣніемъ гнаться за врагомъ. Согласно съ характеромъ своимъ, Вячеславъ говорилъ, что они могутъ не спѣшить, и что Всевышній даетъ побѣду не скорому, а справедливому; но убѣжденный ихъ представленіями, и самъ

немедленно сѣлъ на коня, вмѣстѣ съ племянниками совершивъ молитву въ храмѣ Богоматери. Никогда народъ Кіевскій не вооружался охотнѣе; никогда не изъявлялъ болѣе усердія къ своимъ Государямъ. «Всякой, кто можетъ «двигаться и владѣть рукою, да идетъ въ «поле!» сказали граждане: «или да лишится «жизни ослушникъ!» Борисъ Городненскій былъ отправленъ лѣсомъ въ слѣдъ за Георгіемъ, который думалъ взять Бѣлгородъ; но видя жителей готовыхъ обороняться, пошелъ на встрѣчу къ Галичанамъ. Изяславъ, стараясь предупредить сіе опасное соединеніе, настигъ его за Стугною. Сдѣлалась ужасная буря и тьма; дождь лился рѣкою, и ратники не могли видѣть другъ друга. Какъ бы устрашенныя несчастнымъ предзнаменованіемъ, оба войска желали мира: Послы ѣздили изъ стана въ станъ, и Князья могли бы согласиться, если бы мстительные Ольговичи и Половцы тому не воспротивились. Георгій, принявъ ихъ совѣтъ, рѣшился на кровопролитіе; однакожь убѣгалъ битвы, ожидая Владимірка, и ночью перешелъ за рѣку Рутъ (нынѣ Ротокъ). Изяславъ не далъ ему итти далѣе: надлежало сразиться. Андрей устроилъ Суздальцевъ[297]; объѣхалъ всѣ ряды; старался воспламенить мужество въ Половцахъ и въ своей дружинѣ. Съ другой стороны Великій Князь, Полководецъ искусный, также наилучшимъ образомъ распорядилъ войско, и

Усердіе Кіевлянъ.

Битва

требовалъ благословенія отъ Вячеслава. Сей старецъ, утомленный походомъ, долженъ былъ остаться за строемъ. «Неблагодар-«ный Георгій отвергнулъ миръ, столь лю-«безный душѣ твоей,» говорили ему племянники: «теперь мы готовы умереть за «честь нашего отца и дяди.» Вячеславъ отвѣтствовалъ: «Суди Богъ моего брата; «я отъ юности гнушался кровопролитіемъ.» – Битва началася. Изяславъ приказалъ всѣмъ полкамъ смотрѣть на его собственный, чтобы слѣдовать ему въ движеніяхъ. Андрей встрѣтилъ ихъ, и сильнымъ ударомъ изломилъ свое копіе. Уязвленный въ ноздри конь его ярился подъ всадникомъ; шлемъ слетѣлъ съ головы, щитъ Андреевъ упалъ на землю: но Богъ сохранилъ мужественнаго Князя. Изяславъ также былъ впереди; также изломилъ копіе: раненный въ бедру и руку, не могъ усидѣть на конѣ и плавалъ въ крови своей. Битва продолжалась. Дикіе варвары, союзники Георгіевы, рѣшили ея судьбу: пустивъ тучу стрѣлъ, обратились въ бѣгство, за Половцами Ольговичи, и наконецъ Князь Суздальскій. Многіе изъ его воиновъ утонули въ грязномъ Рутѣ; многіе легли на мѣстѣ или отдались въ плѣнъ. Георгій съ малымъ числомъ ушелъ за Днѣпръ въ Переяславль.

Изяславъ раненъ.

Бѣгство Георгія.

Между тѣмъ Великій Князь, нѣсколько времени лежавъ на землѣ, собралъ силы, всталъ, и едва не былъ изрубленъ соб-

ственными воинами, которые, въ жару битвы, не узнали его. «Я Князь,» говорилъ онъ. «Тѣмъ лучше, сказалъ одинъ воинъ, и мечемъ разсѣкъ ему шлемъ, на коемъ блистало златое изображеніе Святаго Пантелеймона[298]. Изяславъ, открывъ лице, увидѣлъ общую радость Кіевлянъ, считавшихъ его мертвымъ; исходилъ кровію, но слыша, что Владиміръ Черниговскій убитъ, велѣлъ посадить себя на коня и везти къ его трупу; искренно сожалѣлъ объ немъ, и съ чувствительностію утѣшалъ горестнаго Изяслава Давидовича, который, взявъ тѣло брата, союзника Георгіева, спѣшилъ защитить свою столицу: ибо Святославъ Ольговичь хотѣлъ незапно овладѣть ею; но тучный, дебелый и до крайности утомленный бѣгствомъ, сей Князь принужденъ былъ отдыхать въ Остерѣ, гдѣ свѣдавъ, что въ Черниговѣ уже много войска, онъ рѣшился ѣхать прямо въ Новгородъ-Сѣверскій; а послѣ дружелюбно раздѣлился съ Изяславомъ Давидовичемъ: каждый изъ нихъ взялъ часть отцевскую[299].

Чувствительность Изяслава.

Мстиславичи осадили Переяславль. Утративъ лучшую дружину въ битвѣ, и слыша, что Владимірко Галицкій, достигнувъ Бужска, возвратился, Георгій принялъ миръ отъ снисходительныхъ побѣдителей. «Отдаемъ Переяславль любому изъ сыновей «твоихъ,» говорили они: «но самъ иди въ «Суздаль. Не можемъ быть съ тобою въ

«сосѣдствѣ, ибо знаемъ тебя. Не хотимъ, «чтобы ты снова призвалъ друзей своихъ, «Половцевъ, грабить область Кіевскую.» Георгій далъ клятву выѣхать, и нарушилъ оную подъ видомъ отмѣннаго усердія къ Св. Борису: праздновалъ его память, жилъ на берегу Альты, молился въ храмѣ сего Мученика и не хотѣлъ удалиться отъ Переяславля[300]. Одинъ сынъ его, Андрей, гнушаясь вѣроломствомъ, отправился въ Суздаль. Узнавъ, что коварный дядя зоветъ къ себѣ Половцевъ и Галичанъ, Великій Князь грозно требовалъ исполненія условій: Георгій оставилъ сына въ Переяславлѣ, но выѣхалъ только въ Городецъ, и ждалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Вѣроломство Георгія.

Надеждою его былъ мужественный Владимірко. Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, велъ къ родителю многочисленное союзное войско Короля Гейзы, и своею неосторожностію лишился онаго. Вступивъ въ Волынію, онъ пировалъ съ Венграми, угощаемый дядею, Владиміромъ Мстиславичемъ; слышалъ о приближеніи Галицкаго Князя, но безпечно легъ спать, въ надеждѣ на стражу и самохвальство Венгровъ. «Мы всегда го«товы къ бою,» говорили они, и пили безъ всякой умѣренности. Въ полночь тревога разбудила Мстислава: дружина его сѣла на коней; но упоенные виномъ союзники лежали какъ мертвые. Владимірко ударилъ на нихъ предъ разсвѣтомъ: билъ, истреблялъ

— и Великій Князь получилъ извѣстіе, что сынъ его едва могъ спастися одинъ съ своими Боярами[301]. Тогда Изяславъ призвалъ союзниковъ: Князя Черниговскаго и сына Всеволодова, его племянника: даже и Святославъ Ольговичь, повинуясь необходимости, далъ ему вспомогательную дружину. Сіе войско осадило Городецъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, оставленный прежними друзьями и товарищами, Князь Суздальскій долженъ былъ чрезъ нѣсколько дней смириться: уступивъ Переяславль Мстиславу Изяславичу, возвратился въ наслѣдственный Удѣлъ свой и поручилъ Городецъ сыну Глѣбу[302]. Но скоро Изяславъ отнялъ у Георгія
г. 1152. и сіе прибѣжище въ южной Россіи: сжегъ тамъ всѣ деревянныя зданія, самыя церкви, и сравнялъ крѣпость съ землею.

Наказавъ главнаго непріятеля, Великій Князь желалъ отмстить хитрому, счастливому сподвижнику Георгіеву, Владимірку: Король Венгерскій хотѣлъ того же. Имъ
Помощь Венгровъ. надлежало соединиться у подошвы горъ Карпатскихъ[303]. Лѣтописцы славятъ взаимную искреннюю дружбу сихъ Государей: сановники Гейзы отъ его имени привѣтствовали Великаго Князя на дорогѣ; самъ Король, провождаемый братьями, Ладиславомъ и Стефаномъ, всѣмъ Дворомъ, всѣми Баронами, выѣхалъ встрѣтить Изяслава, который велъ за собою многочисленное стройное войско. Съ любовію обнявъ другъ друга,

они, въ шатрѣ Королевскомъ, условились не жалѣть крови для усмиренія врага — и на разсвѣтѣ, ударивъ въ бубны, семдесятъ полковъ Венгерскихъ двинулись впередъ; за ними шли Россіяне и конные Берендѣи; вступивъ въ землю Галицкую, расположились близъ рѣки Сана, ниже Перемышля. Владимірко стоялъ на другой сторонѣ, готовый къ бою, и схватилъ нѣсколько *зажитниковъ* Королевскихъ[304]. Тогда было Воскресенье: Гейза, обыкновенно празднуя сей день, отложилъ битву до слѣдующаго. По данному знаку союзное войско приступило къ рѣкѣ. Изяславъ находился въ срединѣ, и такъ говорилъ ратникамъ: «Братья и дружина! «доселѣ Богъ спасалъ отъ безчестія землю «Русскую и сыновъ ея: отцы наши всегда «славились мужествомъ. Нынѣ ли уронимъ «честь свою предъ глазами союзниковъ иноплеменныхъ? Нѣтъ, мы явимъ себя достойными ихъ уваженія.» Въ одно мгновеніе ока Россіяне бросились въ Санъ: Венгры также, и смяли Галичанъ, стоявшихъ за валомъ. Побѣжденный Владимірко, проскакавъ на борзомъ конѣ между толпами Венгровъ и Черныхъ Клобуковъ (одинъ съ какимъ-то Избыгнѣвомъ), заключился въ Перемышлѣ. Союзники могли бы тогда взять крѣпость; но воины ихъ, грабя Княжескій богатый дворецъ на берегу Сана, дали время многимъ разсѣяннымъ битвою Галичанамъ собраться въ городѣ. Владимірко хотѣлъ мира:

Рѣчь Изяслава и побѣда.

ночью отправилъ къ Архіепископу и Боярамъ Венгерскимъ множество серебра, золота, драгоцѣнныхъ одеждъ, и вторично склонилъ ихъ быть за него ходатаями. Они представили Гейзѣ, что Галицкій Князь, тяжело раненный, признается въ винѣ своей; что Небо милуетъ кающихся грѣшниковъ; что онъ служилъ копіемъ своимъ отцу Гейзину, Белѣ *Слѣпому*, противъ Ляховъ; что Владимірко, зная великодушіе Короля и готовясь скоро умереть, поручаетъ ему юнаго сына, и боится единственно злобы Изяславовой. Великій Князь не хотѣлъ слышать о мирѣ. «Если умретъ «Владимірко» — говорилъ онъ — «то безвременная кончина его будетъ справедливою «Небесною казнію. Сей вѣроломный, клятвенно обѣщавъ намъ пріязнь свою, разбилъ «твое и мое войско. Забудемъ ли безчестіе? «Нынѣ Богъ предаетъ Владимірка въ руки «наши: возмемъ его и землю Галицкую.» Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, еще ревностнѣе отца противился миру: напрасно Владимірко старался моленіемъ и ласками обезоружить ихъ. Но Гейза отвѣтствовалъ: «не могу убить того, кто винится,» и простилъ врага, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ чужіе, занятые имъ города Россійскіе (Бужскъ, Тихомль, Шумскъ, Выгошевъ, Гнойни) и навсегда остался другомъ Изяславу, или, по тогдашнему выраженію, *не разлучался съ нимъ ни въ добрѣ, ни въ*

Притворство Владимірка.

Простодушіе Гейзы.

*злъ*. Изъ шатра Королевскаго послали ко мнимо-больному Владимірку чудотворный крестъ Св. Стефана: сей Князь далъ присягу. «Если онъ измѣнникъ намъ (сказалъ «Гейза), то или мнѣ не царствовать или «ему не княжить.» Услуживъ шурину и смиривъ надменнаго Владимірка, бывшаго въ тѣсномъ союзѣ съ Греками, Король спѣшилъ къ берегамъ Сана, отразить Императора Мануила, хотѣвшаго отмстить ему за обиду своего Галицкаго друга[305]. Изяславъ, возвратяся въ Кіевъ съ торжествомъ, изъявилъ благодарность Всевышнему, праздновалъ съ дядею Вячеславомъ, увѣдомилъ брата своего, Князя Смоленскаго, о счастливомъ успѣхѣ похода, и совѣтовалъ ему остерегаться Георгія, слыша, что онъ вооружается въ Ростовѣ.

Любовь Георгія къ южной Россіи.

Князь Суздальскій еще болѣе возненавидѣлъ Мстиславичей за разрушеніе Городца, который былъ единственнымъ его достояніемъ въ полуденныхъ, любезныхъ ему странахъ Государства. Тамъ онъ жилъ духомъ и мыслями; тамъ лежалъ священный прахъ древнихъ Князей Россійскихъ, славились храмы чудесами и жители благочестіемъ. Георгій въ наслѣдственномъ восточномъ Удѣлѣ своемъ видѣлъ небо суровое, дикія степи, дремучіе лѣса, народъ грубый; считалъ себя какъ бы изгнанникомъ, и презирая святость клятвъ, думалъ только о способахъ удовлетворить своему властолюбію. Онъ

призвалъ Князей Рязанскихъ и Половцевъ, кочевавшихъ между Волгою и Домомъ[306]; занялъ область Вятичей и велѣлъ Князю Новагорода Сѣверскаго, Святославу Ольговичу, также быть къ нему въ станъ подъ Глуховъ. Владимірко, свѣдавъ о походѣ Георгія, думалъ вмѣстѣ съ нимъ начать военныя дѣйствія противъ Мстиславичей; но Изяславъ успѣлъ отразить его и заставилъ возвратиться. Князь Галицкій, мужествомъ достойный отца, не хотѣлъ уподобляться ему въ вѣрности слова: не боялся клятвопреступленія, и доказалъ ошибку снисходительнаго Гейзы, не исполнивъ обѣщанія, то есть, силою удержавъ за собою города Великокняжескіе, Шумскъ, Тихомль и другіе.

Вѣроломство Владимірка.

Видя, что Георгій намѣренъ осадить Черниговъ, Князь Смоленскій, по сдѣланному условію съ братомъ, вошелъ въ сей городъ защитить Изяслава Давидовича, ихъ союзника. Тутъ находился и Святославъ Всеволодовичь, который уже зналъ характеръ Георгіевъ, и не любилъ его. Съ душевнымъ прискорбіемъ они говорили другъ другу: «будетъ ли конецъ нашему междоусобію?» Набожный Князь Суздальскій, подступивъ къ Чернигову въ день Воскресный, не хотѣлъ обнажить меча для праздника[307]; но велѣлъ Половцамъ жечь и грабить въ окрестностяхъ! Двѣнадцать дней продолжались битвы, знаменитыя мужествомъ Андрея Георгіевича: онъ требовалъ, чтобы Князья,

союзники Георгіевы, сами по очереди ходили на приступъ, для ободренія войска; служилъ имъ образцемъ, и собственною храбростію воспламенялъ всѣхъ. Осажденные не могли защитить внѣшнихъ укрѣпленій, сожженныхъ Половцами, и городъ былъ въ опасности; но Великій Князь спасъ его. Услышавъ только, что Изяславъ перешелъ Днѣпръ, робкіе Половцы бѣжали: Георгій также отступилъ за Сновъ, и Князь Черниговскій встрѣтилъ своего избавителя на берегу рѣки Бѣлоуса. Подвиги Андрея.

Святославъ Ольговичь, удерживая Георгія, говорилъ: «Ты принудилъ меня воевать; «разорилъ мою область, вездѣ потравилъ «хлѣбъ, и теперь удаляешься! Половцы «также ушли въ степные города свои[308]. «Мнѣ ли одному бороться съ сильными?» Но Князь Суздальскій, оставивъ у Святослава только 50 человѣкъ дружины съ сыномъ Василькомъ, вышелъ изъ области Сѣверской, чтобы овладѣть всею страною Вятичей, гдѣ ему никто не противился.

Тогда была уже глубокая осень: Изяславъ дождался зимы, поручилъ Смоленскому Князю наблюдать за Георгіемъ, осадилъ Новгородъ Сѣверскій и далъ миръ Святославу Ольговичу; а сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, съ Кіевскою дружиною и съ Черными Клобуками воевалъ землю Половецкую: разбилъ варваровъ на берегахъ Орели и Самары, захватилъ ихъ вежи, освободилъ Г. 1153, въ Февралѣ.

множество Россійскихъ плѣнниковъ. Но сей успѣхъ не могъ утвердить безопасности восточныхъ предѣловъ Кіевскихъ: скоро Мстиславъ долженъ былъ вторично итти къ берегамъ Псла для отраженія Половцевъ.

Тогда желая покоя, Великій Князь отправилъ Боярина, Петра Бориславича, съ крестными грамотами къ Владимірку Галицкому. «Ты нарушилъ клятву» — говорилъ ему Посолъ — «данную тобою нашему «Государю и Королю Венгерскому въ моемъ «присутствіи[309]. Еще можешь загладить «преступленіе: возврати города Изяславовы «и будь его другомъ.» Владимірко отвѣтствовалъ: «Братъ мой Изяславъ нечаянно «подвелъ на меня Венгровъ: никогда не за«буду того; умру или отмщу.» Посолъ напоминалъ ему цѣлованіе креста. «Онъ былъ «не великъ!» сказалъ Владимірко въ насмѣшку. «Но сила онаго велика,» возразилъ Петръ: «Вельможа Королевскій объявлялъ «тебѣ, что если, цѣловавъ сей чудесный «крестъ Св. Стефана, преступишь клятву, «то живъ не будешь.» Владимірко не хотѣлъ слушать, и велѣлъ Послу удалиться. Изяславовъ Бояринъ положилъ на столъ грамоты клятвенныя, въ знакъ разрыва. Ему не дали даже и подводъ. Петръ отправился на собственныхъ коняхъ; а Владимірко, пошедши въ церковь къ Вечернѣ и видя его ѣдущаго изъ города, смѣялся надъ нимъ съ

Насмѣшка Владимірка.

своими Боярами. – Въ ту же ночь Отрокъ Княжескій, догнавъ сего Посла, велѣлъ ему остановиться. Петръ ожидалъ новой для себя непріятности, безпокоился, и на другой день, въ слѣдствіе вторичнаго повелѣнія, возвратился въ Галичь. Слуги Владимірковы встрѣтили его предъ дворцемъ въ *черныхъ* одеждахъ. Онъ вошелъ въ сѣни: тамъ юный Князь Ярославъ сидѣлъ на мѣстѣ отца, въ черной мантіи и въ клобукѣ, среди Вельможъ и Бояръ, также одѣтыхъ въ печальныя мантіи. Послу дали стулъ. Ярославъ заливался слезами; царствовало глубокое молчаніе. Изумленный Бояринъ Изяславовъ хотѣлъ знать причину сей общей горести, и свѣдалъ, что Владимірко, совершенно здоровый наканунѣ, отслушавъ Вечерню въ церкви, не могъ сойти съ мѣста, упалъ, и принесенный во дворецъ, скончался. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ Петръ: «всѣ люди смертны.» Ярославъ отеръ слезы. «Мы желали извѣстить тебя «о семъ несчастіи,» говорилъ онъ Послу: «скажи отъ меня Изяславу: *Богъ взялъ моего родителя, бывъ судіею между имъ и тобою. Могила прекратила вражду. Будь же мнѣ вмѣсто отца. Я наслѣдовалъ Княженіе; воины и дружина родительская со мною: одно его копіе поставлено у гроба: и то будетъ въ рукѣ моей. Люби меня какъ сына своего, Мстислава: пусть онъ ѣздитъ съ одной стороны подлѣ твоего стремени,*

Печальная одежда.

Смер. Владимірkова.

Рѣчь Ярослава.

*«а я съ другой, окруженный всѣми полками «Галицкими!»*

Великій Князь изъявилъ сожалѣніе о внезапной кончинѣ знаменитаго, умнаго Владимірка, основателя могущественной Галицкой области, но требовалъ доказательствъ искренняго дружелюбія отъ Ярослава — то есть, возвращенія городовъ Кіевскихъ, и видя, что ему хотятъ удовлетворить только ласковыми словами, а не дѣломъ, прибѣгнулъ къ оружію. Войско Галицкое стояло на берегахъ Серета: Изяславъ, пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ, перешелъ за сію рѣку. Мгла исчезла, и непріятели увидѣли другъ друга. Юный Князь Галицкій сѣлъ на коня. Усердные Вельможи сказали ему: «Ты у насъ одинъ: что будешь, если погибнешь? Заключись въ Теребовлѣ: мы сразимся; и кто останется «живъ, тотъ придетъ умереть съ тобою.» Въ сраженіи упорномъ и кровопролитномъ

Сомнительная побѣда.

побѣда казалась сомнительною. Сынъ и братья Изяславовы не могли устоять; но Великій Князь одолѣлъ на другомъ крылѣ. Съ обѣихъ сторонъ гнались и бѣжали; обѣ стороны взяли плѣнниковъ, но Изяславъ болѣе. Онъ поставилъ на мѣстѣ битвы знамена непріятельскія и схватилъ многихъ разсѣянныхъ Галичанъ, которые толпами къ нимъ собирались, обманутые сею хитростію. Видя малое число своей дружины, и боясь вылазки изъ Теребовля, Изяславъ ве-

лѣлъ ночью умертвить всѣхъ несчастныхъ плѣнниковъ, кромѣ Бояръ, и съ покойною совѣстію возвратился въ Кіевъ, торжествовать вторый бракъ свой. Невѣстою его была Княжна Абазинская, безъ сомнѣнія Христіанка: ибо въ отечествѣ ея и въ сосѣдственныхъ земляхъ Кавказскихъ находились издавна храмы истиннаго Бога, коихъ слѣды и развалины донынѣ тамъ видимы[310]. Мстиславъ, отправленный отцемъ, встрѣтилъ сію Княжну у пороговъ Днѣпровскихъ и съ великою честію привезъ въ Кіевъ. Бракъ Изяславовъ. Г. 1154.

Готовясь къ новому междоусобному кровопролитію (ибо непримиримый Князь Суздальскій стоялъ уже съ войскомъ въ землѣ Вятичей, близъ Козельска), Изяславъ съ прискорбіемъ видѣлъ безчестіе своего меньшаго сына, Ярослава, изгнаннаго Новогородцами, которые — въ 1149 году положивъ на мѣстѣ 1000 Финляндцевъ, хотѣвшихъ ограбить Водскую область[311] — въ теченіе пяти лѣтъ не имѣли иныхъ враговъ, кромѣ самихъ себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный симъ легкомысленнымъ народомъ, Ростиславъ Смоленскій, въ угодность ему, отправился княжить въ Новгородъ, а Ярославъ въ Владиміръ Волынскій, на мѣсто умершаго Святополка Мстиславича. Дѣла Новогородскія.

Малочисленность союзныхъ Половцевъ и конскій падежъ заставили Георгія отложить

Ноября 13. Кончина Изяслава. войну. Между тѣмъ Изяславъ, не доживъ еще до глубокой старости, скончался, къ неутѣшной горести Кіевлянъ, всѣхъ Россіянъ и самыхъ иноплеменниковъ, Берендѣевъ, Торковъ. Они единогласно называли его своимъ *Царемъ* славнымъ, *господиномъ* добрымъ, *отцемъ* подданныхъ. Старецъ Вячеславъ, проливая слезы, говорилъ: «сынъ любезный! «сему гробу надлежало быть моимъ; но «Богъ творитъ, что Ему угодно!» — Княженіе Изяслава описано въ лѣтописяхъ съ удивительною подробностію. Мужественный и дѣятельный, онъ всего болѣе искалъ любви народной, и для того часто пировалъ съ гражданами; говорилъ на Вѣчахъ, подобно Великому Ярославу; предлагалъ тамъ дѣла Государственныя, и хотѣлъ, чтобы народъ, исполняя волю Государя, служилъ ему охотно и враговъ его считалъ собственными. Раздѣливъ престолъ съ дядею, добродушнымъ и слабымъ, Изяславъ въ самомъ дѣлѣ не уменьшилъ власти своей, но заслужилъ похвалу современниковъ; обходился съ нимъ какъ нѣжный сынъ съ отцемъ; одинъ бралъ на себя труды, опасности, но приписывалъ ему честь побѣдъ своихъ, и жилъ самъ въ нижней части города, уступивъ Вячеславу дворецъ Княжескій[312].

Характеръ его.

Готовый умереть за Кіевъ, Изяславъ удалялся отъ иныхъ случаевъ проливать кровь Россіянъ: не вступился за сына, оскорблен-

наго Новогородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, которого Полочане въ 1151 году свергнули съ престола, избравъ на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, Князя Минскаго, и признавъ Святослава Ольговича покровителемъ ихъ области[313]. Такъ граждане своевольствовали въ нашемъ древнемъ отечествѣ, употребляя во зло правило, что *благо народное священнѣе всѣхъ иныхъ законовъ*. Своевольство Полочанъ.

Тѣло Изяслава было погребено въ монастырѣ Св. Өеодора, основанномъ Великимъ Мстиславомъ.

## ГЛАВА XIII.

### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава. Гордость Мстислава. Своевольство Новогородцевъ. Кіевляне поддаются Изяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ.

### Г. 1154 — 1155.

Узнавъ о кончинѣ Великаго Князя, Изяславъ Черниговскій приплылъ къ Кіеву, чтобы оросить слезами гробъ умершаго; но старецъ Вячеславъ и Бояре, справедливо Г. 1154.

опасаясь его коварныхъ намѣреній, не позволили ему въѣхать въ столицу. Они ждали Князя Новогородскаго и Смоленскаго. Граждане, Торки, Берендѣи, съ изъявленіемъ усердія встрѣтили Ростислава (который оставилъ въ Новѣгородѣ сына своего, Давида), и добродушный дядя сказалъ ему: «Я «стою у дверей гроба; суды, расправа и «безпокойства ратныя уже не мое дѣло. «Подобно Изяславу будь мнѣ сыномъ и Го«сударемъ Россіянъ. Отдаю тебѣ полкъ и «дружину свою.» Бояре, вмѣстѣ съ народомъ, требовали отъ новаго Князя, чтобы онъ, слѣдуя примѣру старшаго брата, всегда уважалъ дядю какъ отца, и въ такомъ случаѣ обѣщались служить ему вѣрно. — Въ Кіевѣ находился тогда Святославъ Всеволодовичь: призванный Вячеславомъ, онъ уѣхалъ тайно отъ своихъ дядей и взялъ сторону Великаго Князя, отдавшаго ему за то Пинскъ и Туровъ.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу.

Съ другой стороны Изяславъ Черниговскій и Святославъ Ольговичь заключили союзъ съ Георгіемъ, котораго сынъ Глѣбъ, нанявъ Половцевъ, осадилъ Переяславль: Мстиславъ Изяславичь отразилъ ихъ съ помощію Кіевской дружины. Великій Князь, чтобы предупредить Суздальскаго, хотѣлъ воспользоваться сею первою удачею и шелъ къ Чернигову; но печальная вѣсть настигла его въ Вышегородѣ. Добрый Вячеславъ скоропостижно умеръ: ввечеру пировалъ съ

Боярами и ночью заснулъ навѣки. Искренно сожалѣя о кончинѣ его, Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ предать землѣ тѣло старца въ Софійскомъ храмѣ и быть свидѣтелемъ общей горести: ибо народъ любилъ кроткія, Христіанскія добродѣтели сего Мономахова сына. Въ похвалу Великому Князю Лѣтописцы сказываютъ, что онъ, созвавъ во дворцѣ Вельможъ, Тіуновъ, Казначеевъ, Ключниковъ умершаго дяди, велѣлъ принести его имѣніе: одежды, золото, серебро; все роздалъ по монастырямъ, церквамъ, темницамъ, богадѣльнямъ, и поручивъ исполнить сіе распоряженіе вдовствующей супругѣ отца своего, взялъ себѣ на память одинъ крестъ.

г. 1155. Смерт. Вячеслава.

Сановники придворные.

Когда Ростиславъ возвратился къ войску, Бояре не совѣтовали ему итти далѣе. «Ты «еще слабъ на престолѣ,» говорили они: «утверди власть свою, заслужи любовь на«родную, и тогда не бойся Георгія.» Великій Князь отвергнулъ благоразумный совѣтъ; онъ приблизился къ Чернигову, требуя, чтобы Изяславъ далъ ему клятву вѣрнаго союзника. «Кто вступилъ въ мою об«ласть непріятелемъ, съ тѣмъ не хочу дру«житься,» отвѣтствовалъ Изяславъ, и соединясь съ Глѣбомъ Георгіевичемъ, расположился станомъ на берегахъ рѣки Бѣлоуса. Тутъ открылось малодушіе Ростислава, который, будучи устрашенъ множествомъ Половцевъ, въ самомъ началѣ перестрѣлки

Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава.

далъ знать Черниговскому Князю, что уступаетъ ему Кіевскую область съ Переяславлемъ, желая одного мира. Съ негодованіемъ видя малодушіе дяди, Мстиславъ Изяславичь поворотилъ коня, и сказавъ: «не будь же «ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева!» удалился съ своею дружиною. Войско разстроилось; свирѣпые Половцы гнали, рубили бѣгущихъ, и схватили, въ числѣ плѣнныхъ, Святослава Всеволодовича. Мстиславъ, взявъ въ Переяславлѣ жену, дѣтей, ушелъ въ Луцкъ, а бывшій Великій Князь въ Смоленскъ, лишась въ то же время и Новагорода: ибо тамошніе жители изгнали сына его, Давида, отправили Епископа Нифонта Посломъ въ Суздаль и призвали Мстислава Георгіевича княжить въ ихъ области[314].

Гордость Мстислава.

Своевольство Новогородцевъ.

Кіевляне, услышавъ съ горестію о несчастіи Ростислава, должны были обратиться къ побѣдителю. Епископъ Каневскій, Даміанъ, ихъ именемъ сказалъ Изяславу: «Государь! иди управлять нами, да не «будемъ жертвою варваровъ!» ибо въ сіе время Половцы свирѣпствовали въ окрестностяхъ Днѣпра, и долго не могли быть усмирены Глѣбомъ Георгіевичемъ, которому Изяславъ Давидовичь отдалъ Переяславль. Между тѣмъ Георгій уже шелъ съ войскомъ, и близъ Смоленска получилъ вѣсть о новой, благопріятной для него перемѣнѣ обстоятельствъ; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, прими-

Кіевляне поддаются Изяславу.

Георгій вступаетъ въ Кіевъ.

рился съ нимъ, и спѣшилъ къ Кіеву; просилъ и Святослава Всеволодовича, уваживъ ходатайство его дяди, Сѣверскаго Князя, и послалъ объявить Черниговскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ столицы Мономаховой[315]. Изяславъ колебался, медлилъ; говорилъ, что Кіевляне добровольно возвели его на престолъ; но убѣжденный Святославомъ Ольговичемъ, и не имѣя надежды отразить силу силою, отправился въ Черниговъ. Георгій, вступивъ въ Кіевъ, съ общаго согласія принялъ санъ Великаго Князя. Марта 20.

## ГЛАВА XIV.

### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ИЛИ ЮРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ДОЛГОРУКІЙ.

### Г. 1155 — 1157.

Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи бьютъ Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ Новѣгородѣ. Союзъ противъ Георгія. Смерть его и свойства. Ненависть къ нему. Дѣла церковныя.

Слѣдуя обыкновенію, онъ назначилъ сыновьямъ Удѣлы: Андрею Вышегородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, Васильку окрестности Роси, гдѣ жили Берендѣи и Торки[316]; а Святославъ Ольговичь помѣнял- Удѣлы.

ся городами съ своимъ племянникомъ, сыномъ Всеволода, взявъ у него Сновъ, Воротынскъ, Карачевъ, и давъ ему за нихъ другіе.

Опасаясь смѣлаго, пылкаго Мстислава, Великій Князь послалъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, съ Воеводами на Горынь[317]: они взяли Пересопницу. Въ то же время зять Георгіевъ, Князь Галицкій, и Владиміръ, братъ Смоленскаго, осадили Луцкъ. Мстиславъ отправился искать союзниковъ въ Польшѣ; но меньшій братъ его, Ярославъ, заставилъ непріятелей снять осаду.

Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу.

Достигнувъ главной цѣли своей, обремененный лѣтами и желая спокойствія, Георгій призвалъ Ростислава Смоленскаго, клялся забыть вражду Изяславичей, его племянниковъ, и хотѣлъ видѣть ихъ въ Кіевѣ. Ярославъ повиновался[318]; но Мстиславъ, боясь обмана, не ѣхалъ: Георгій послалъ къ нему *крестную грамоту*, въ доказательство искренней дружбы. Узнавъ о семъ союзѣ и прибытіи въ Кіевъ Галицкой вспомогательной дружины, Князь Черниговскій, недовольный Георгіемъ, также смирился и выдалъ дочь свою за его сына, Глѣба. Великій Князь уступилъ Изяславу Корческъ, а Святославу Ольговичу Мозырь. Князья же Рязанскіе новыми крестными обѣтами утвердили связь съ Ростиславомъ Смоленскимъ, коего они признавали ихъ отцемъ и покровителемъ[319].

Россія наслаждалась тишиною, говорятъ Лѣтописцы[320]: сія тишина была весьма непродолжительна. Мстиславъ принялъ *крестную грамоту* отъ дѣда, но не далъ ему собственной, и выгналъ Георгіева союзника, Владиміра, роднаго дядю своего, изъ Владимірской области; плѣнилъ его семейство, жену; ограбилъ Бояръ и мать, которая съ богатыми дарами возвратилась тогда отъ Королевы Венгерской, ея дочери[321]. Оскорбленный Георгій, въ надеждѣ смирить внука съ помощію одного Галицкаго Князя, не хотѣлъ взять съ собою ни Черниговской, ни Сѣверской дружины, и выступилъ съ Берендѣями. Напрасно искавъ защиты въ Венгріи, изгнанникъ Владиміръ Мстиславичь прибѣгнулъ къ Великому Князю; но Георгій въ самомъ дѣлѣ не думалъ объ немъ, а хотѣлъ, пользуясь случаемъ, завоевать область Волынскую для *другаго* племянника, Владиміра Андреевича, чтобы исполнить обѣщаніе, нѣкогда данное отцу его. Жестокое сопротивленіе Мстислава уничтожило сіе намѣреніе: десять дней кровь лилась подъ стѣнами Владимірскими, и Георгій, какъ бы подвигнутый человѣколюбіемъ, снялъ осаду. «Изяславичь веселится убійствами и враждою,» сказалъ онъ дѣтямъ и Боярамъ: «желаю не погибели его, а мира, и будучи «старшимъ, уступаю.» — Владиміръ Андреевичь ходилъ къ Червену съ мирными предложеніями: напоминалъ тамошнимъ гражда-

Тишина въ Россіи.

Г. 1156.

Новое кровопролитіе.

намъ о своемъ родителѣ, великодушномъ ихъ Князѣ Андреѣ[322]; обѣщалъ быть ему подобнымъ, справедливымъ, милостивымъ; но уязвленный въ горло стрѣлою, удалился, отмстивъ жителямъ опустошеніемъ земли Червенской. Георгій наградилъ его Пересопницею и Дорогобужемъ; а Мстиславъ, слѣдуя за дѣдомъ, жегъ селенія на берегахъ Горыни.

Берендѣи бьютъ Половцевъ.

Великій Князь щадилъ старинныхъ друзей своихъ, Половцевъ. Они тревожили окрестности Днѣпра, и были наказаны мужественными Берендѣями, которые многихъ хищниковъ умертвили, другихъ взяли въ плѣнъ, и въ противность Георгіеву желанію не хотѣли ихъ освободить, говоря: «мы умираемъ за Русскую землю, но плѣн«ники наша собственность.» Георгій, два раза ѣздивъ въ Каневъ для свиданія съ Ханами Половецкими, не могъ обезоружить ихъ ни ласкою, ни дарами; наконецъ заключилъ съ ними новый союзъ, чтобы въ нужномъ случаѣ воспользоваться помощію сихъ варваровъ: ибо онъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности.

Союзъ съ Половцами.

Ростиславъ Мстиславичь имѣлъ преданныхъ ему людей въ Новѣгородѣ, которые съ единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотятъ повиноваться Мстиславу Георгіевичу. Сдѣлалось смятеніе; граждане раздѣлились на двѣ стороны: *Торговая* вооружилась за Князя, *Софійская* про-

Смятеніе въ Новѣгородѣ.

тивъ него, и мостъ Волховскій, съ обѣихъ сторонъ оберегаемый воинскою стражею, былъ границею между несогласными. Но сынъ Георгіевъ бѣжалъ ночью, узнавъ о прибытіи дѣтей Смоленскаго Князя[323], и такимъ образомъ уступилъ Княженіе Ростиславу, который, чрезъ два дни въѣхавъ въ Новгородъ, возстановилъ совершенную тишину. Г. 1157.

Сіе происшествіе долженствовало оскорбить Георгія: у него были и другіе враги. Изяславъ Давидовичь съ завистію смотрѣлъ на престолъ Кіевскій; искалъ друзей; примирился съ Ростиславомъ, и для того оставилъ безъ мести невѣрность своего племянника, Святослава Владиміровича, который, вдругъ занявъ на Деснѣ города Черниговскіе, передался къ Смоленскому Князю[324]. Мстиславъ Изяславичь Волынскій также охотно вступилъ въ союзъ съ Давидовичемъ, чтобы дѣйствовать противъ Георгія, и сіи Князья, напрасно убѣждавъ Сѣверскаго взять ихъ сторону, готовились итти къ Кіеву, въ надеждѣ на свое мужество, неосторожность и слабость Георгіеву. Судьба отвратила кровопролитіе: Георгій, пировавъ у Боярина своего, Петрила, ночью занемогъ и чрезъ пять дней умеръ. Свѣдавъ о томъ, Изяславъ Давидовичь пролилъ слезы, и воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «благодарю Тебя, Господи, что Ты разсудилъ меня съ

Союзъ противъ Георгія.

Маія 15, Смер. Георгія.

«нимъ внезапною смертію, а не кровопро-«литіемъ!»

Свойства его.

Георгій властолюбивый, но безпечный, прозванный Долгорукимъ, знаменитъ въ нашей Исторіи гражданскимъ образованіемъ восточнаго края древней Россіи, въ коемъ онъ провелъ всѣ цвѣтущія лѣта своей жизни. Распространивъ тамъ Вѣру Христіанскую, сей Князь строилъ церкви въ Суздалѣ, Владимірѣ, на берегахъ Нерли; умножилъ число духовныхъ Пастырей, тогда единственныхъ наставниковъ во благонравіи, единственныхъ просвѣтителей разума; открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ; оживилъ дикія, мертвыя пустыни знаменіями человѣческой дѣятельности; основалъ новыя селенія и города: кромѣ Москвы, *Юрьевъ* Польскій, *Переяславль* Залѣсскій (въ 1152 году), украшая ихъ для своего воображенія сими, ему пріятными именами, и самымъ рѣкамъ давая названія южныхъ[328]. Дмитровъ, на берегу Яхромы, также имъ основанъ и названъ по имени его сына, Всеволода-Димитрія, который (въ 1154 году) родился на семъ мѣстѣ. — Но Георгій не имѣлъ добродѣтелей великаго отца; не прославилъ себя въ лѣтописяхъ ни однимъ подвигомъ великодушія, ни однимъ дѣйствіемъ добросердечія, свойственнаго Мономахову племени. Скромные Лѣтописцы наши рѣдко говорятъ о злыхъ качествахъ Государей, усердно хваля добрыя; но Георгій безъ сомнѣнія отли-

чался первыми, когда, будучи сыномъ Князя столь любимаго, не умѣлъ заслужить любви народной. Мы видѣли, что онъ игралъ святостію клятвъ и волновалъ изнуренную внутренними несогласіями Россію для выгодъ своего честолюбія: къ безславію его намъ извѣстно также слѣдующее происшествіе. Князь Іоаннъ Берладникъ, изгнанный Владиміркомъ изъ Галича, служилъ Георгію, и вдругъ, безъ всякой вины (въ 1156 году) былъ окованъ цѣпями и привезенъ изъ Суздаля въ Кіевъ: Георгій согласился выдать его, живаго или мертваго, зятю своему, Владиміркову сыну[326]. Заступленіе Духовенства спасло жертву: убѣжденный человѣколюбивыми представленіями Митрополита, Георгій отправилъ Берладника назадъ въ Суздаль; а люди Князя Черниговскаго, высланные на дорогу, силою освободили сего несчастнаго узника. — Однимъ словомъ, народъ Кіевскій столь ненавидѣлъ Долгорукаго, что узнавъ о кончинѣ его, разграбилъ дворецъ и сельскій домъ Княжескій за Днѣпромъ, называемый *Раемъ,* также имѣніе Суздальскихъ Бояръ, и многихъ изъ нихъ умертвилъ въ изступленіи злобы. Граждане, не хотѣвъ, кажется, чтобы и тѣло Георгіево лежало вмѣстѣ съ Мономаховымъ, погребли оное внѣ города, въ Берестовской Обители Спаса. Ненависть къ нему.

Церковныя дѣла сего времени достойны замѣчанія. Георгій не желалъ оставить Митрополитомъ Климента, избраннаго по волѣ Дѣла церковныя.

ненавистнаго ему племянника, и согласно съ мыслями Нифонта, Епископа Новогородскаго, имъ уважаемаго, требовалъ инаго Пастыря отъ Духовенства Цареградскаго. Святитель Полоцкій и Мануилъ Смоленскій, врагъ Климентовъ, (въ 1156 году) съ великою честію приняли въ Кіевѣ сего новаго Митрополита, именемъ Константина, родомъ Грека; вмѣстѣ съ нимъ *благословили* Великаго Князя, *кляли память* Изяслава Мстиславича, и въ первомъ совѣтѣ уничтожили всѣ церковныя дѣйствія бывшаго Митрополита[327]; наконецъ, разсудивъ основательнѣе, дозволили отправлять службу Іереямъ и Діаконамъ, коихъ посвятилъ Климентъ. Ревностный Нифонтъ не имѣлъ удовольствія видѣть свое полное торжество: онъ спѣшилъ встрѣтить Константина, но еще до его прибытія скончался въ Кіевѣ, названный славнымъ именемъ *поборника всей земли Русской*[328]. Сей знаменитый мужъ, другъ Святослава Ольговича, имѣлъ и непріятелей, которые говорили, что онъ похитилъ богатство Софійскаго храма и думалъ съ онымъ уѣхать въ Константинополь: современный Лѣтописецъ Новогородскій опровергаетъ такую нелѣпую клевету, и хваля Нифонтовы добродѣтели, говоритъ: «мы «только за грѣхи свои лишились сладостна-«го утѣшенія видѣть здѣсь гробъ его!» — Новогородцы, на мѣсто Нифонта, въ общемъ совѣтѣ избрали добродѣтельнаго Игу-

мена Аркадія и еще непоставленнаго ввели въ домъ Епископскій: ибо избраніе главнаго духовнаго сановника зависѣло тамъ единственно отъ народа[329].

## ГЛАВА XV.

### ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ ДАВИДОВИЧЬ КІЕВСКІЙ.

### КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКІЙ, ПРОЗВАННЫЙ БОГОЛЮБСКИМЪ.

### Г. 1157 – 1159.

Паденіе Великаго Княженія Кіевскаго. Новое сильное Княженіе Владимірское. Происшествія въ западной Россіи. Мятежный духъ Полочанъ. Раздоръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава. Неблагодарность Изяслава. Бѣгство Великаго Князя. Странное завѣщаніе Митрополита. Моръ въ Новѣгородѣ.

Кіевляне, изъявивъ ненависть къ умершему Великому Князю, послали объявить врагу Георгіеву, Изяславу Давидовичу, чтобы онъ шелъ мирно властвовать въ столицѣ Россійской. Изяславъ, при восклицаніяхъ довольнаго народа, въѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ въ Черниговѣ племянника своего, Святослава Владиміровича, съ дружиною воинскою: ибо Князь Сѣверскій, хотя и ми-

Г. 1057.

19 Мая.

ролюбивый, замышлялъ незапно овладѣть сею удѣльною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяславъ, желая имѣть въ немъ благодарнаго союзника, добровольно отдалъ ему Черниговъ; а племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичь, получилъ въ Удѣлъ Княженіе Сѣверское. Они заключили миръ на берегахъ Свини (гдѣ нынѣ Березна) въ присутствіи Мстислава, Владимірскаго Князя, который, одобривъ условія, спокойно возвратился въ Волынію[330].

Паденіе Великкняженія Кіевскаго. Такимъ образомъ Изяславъ Давидовичь остался повелителемъ одной Кіевской области и нѣкоторыхъ городовъ Черниговской. Переяславль, Новгородъ, Смоленскъ, Туровъ, область Горынская и вся западная Россія имѣли тогда Государей особенныхъ, независимыхъ, и достоинство Великаго Князя, прежде соединенное съ могуществомъ, сдѣлалось однимъ пустымъ наименованіемъ. Кіевъ еще сохранялъ знаменитость, обязанный ею, кромѣ своего счастливаго положенія, торговлѣ, множеству избыточныхъ обитателей, богатству храмовъ, монастырей: скоро утратитъ онъ и сію выгоду, лишенный сильныхъ защитниковъ. Но въ то время, какъ *древняя* столица наша клонится къ совершенному паденію, возникаетъ *новая* подъ сѣнію Властителя, давно извѣстнаго мужествомъ и великодушіемъ.

Новое, сильное Еще при жизни Георгія Долгорукаго сынъ его, Андрей, въ 1155 году уѣхалъ изъ Вы-

шегорода (не предувѣдомивъ отца о семъ намѣреніи). Театръ алчнаго властолюбія, злодѣйствъ, грабительствъ, междоусобнаго кровопролитія, Россія южная, въ теченіе двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечемъ, иноплеменниками и своими, казалась ему обителію скорби и предметомъ гнѣва Небеснаго. Недовольный, можетъ быть, правленіемъ Георгія, и съ горестію видя народную къ нему ненависть, Андрей, по совѣту шурьевъ своихъ, Кучковичей, удалился въ землю Суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ. Тамъ онъ родился и былъ воспитанъ; тамъ народъ еще не изъявлялъ мятежнаго духа, не судилъ и не мѣнялъ Государей, но повиновался имъ усердно и сражался за нихъ мужественно. Сей Князь набожный, вмѣсто иныхъ сокровищъ взялъ съ собою Греческій образъ Маріи, украшенный, какъ говорятъ Лѣтописцы, пятнадцатью фунтами золота, кромѣ серебра, жемчугу и камней драгоцѣнныхъ[331]; избралъ мѣсто на берегу Клязьмы, въ прежнемъ своемъ Удѣлѣ: заложилъ каменный городъ Боголюбовъ, распространилъ основанный Мономахомъ Владиміръ, украсилъ зданіями каменными, *Златыми* и *Серебряными вратами*. Какъ нѣжный сынъ оплакавъ кончину родителя, онъ воздалъ ему послѣдній долгъ торжественными молитвами, строеніемъ новыхъ церквей, Обителей въ честь умершему, или для спасенія его ду-

Княженіе Владимірское.

ши; и между тѣмъ, какъ народъ Кіевскій злословилъ память Георгія, священный Клиросъ благословлялъ оную въ Владимірѣ. Суздаль, Ростовъ, дотолѣ управляемые Намѣстниками Долгорукаго[332], единодушно признали Андрея Государемъ. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнѣйшій добродѣтелями, могъ бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотѣлъ единственно тишины долговременной, благоустройства въ своемъ наслѣдственномъ Удѣлѣ; основалъ новое *Великое Княженіе Суздальское* или *Владимірское*, и приготовилъ Россію сѣверо-восточную быть, такъ сказать, истиннымъ сердцемъ Государства нашего, оставивъ полуденную въ жертву бѣдствіямъ и раздорамъ кровопролитнымъ.

Происшествія въ западной Россіи.

Борисъ Георгіевичь, княживъ при отцѣ въ Туровѣ, или добровольно выѣхалъ оттуда въ Суздальскую область или былъ изгнанъ Юріемъ Ярославичемъ, Святополковымъ внукомъ, который, происходя отъ старшей вѣтви Княжескаго Дому, имѣлъ право на самую область Кіевскую. Изяславъ, желая доставить Удѣлъ Владиміру Мстиславичу, соединился съ Князьями Волынскими, Галицкимъ, Смоленскимъ, и приступилъ къ Турову. Юрій искалъ мира, но мужественно оборонялся, и чрезъ 10 недѣль многочисленное войско осаждающихъ удалилось, потерявъ большую часть коней своихъ отъ заразы[333].

Въ числѣ Изяславовыхъ союзниковъ находились и Полочане, которые едва ли уступали тогда Новогородцамъ въ своевольствѣ. Мы упоминали о несчастіи Князя Рогволода Борисовича, изгнаннаго ими безъ всякой основательной причины: Святославъ Черниговскій далъ ему вспомогательную дружину, и жители Друцка съ великою радостію приняли его, выславъ Глѣба Ростиславича, ограбивъ домъ, Бояръ, друзей сего послѣдняго[354]. Отецъ Глѣбовъ, видя опасное волненіе и въ самомъ Полоцкѣ, старался задобрить гражданъ ласками, дарами, и взявъ съ нихъ новую присягу, осадилъ Друцкъ. Сильный отпоръ жителей заставилъ сего Князя искать мира: Рогволодъ далъ клятву жить съ нимъ въ братствѣ, и нарушилъ оную вмѣстѣ съ вѣроломными Полочанами, которые, думая загладить измѣну измѣною, послали сказать ему: «Князь добрый! мы «виновны, свергнувъ тебя съ престола, и «разграбивъ твое имѣніе: не помни зла, и «возвратися къ намъ: выдадимъ тебѣ Ро«стислава Глѣбовича.» Онъ согласился съ ними; но Ростиславъ, увѣдомленный объ ихъ замыслѣ, ходилъ вооруженный, носилъ латы подъ одеждою, и смѣлостію вселялъ боязнь въ злодѣевъ. Наконецъ они устыдились своей робости и звали Князя, жившаго за городомъ, въ собраніе народное, будто бы для дѣлъ государственныхъ. «Вчера я былъ у васъ, «отвѣтство-

Мятежный духъ Полочанъ.

Г. 1158.

валъ Ростиславъ: «для чего же вы не гово-«рили о дѣлахъ?» однакожъ поѣхалъ въ городъ. Вѣрный отрокъ Княжескій остановилъ его: ибо народъ уже снялъ съ себя личину, грозно вопилъ на Вѣчѣ и лилъ кровь Бояръ, преданныхъ Глѣбовичамъ. Ростиславъ, соединивъ дружину, удалился въ Минскъ къ брату Володарю; а Рогволодъ, подкрѣпленный силою Князя Смоленскаго, отнялъ Изяславль у Всеволода Глѣбовича и предписалъ миръ его брату: остался Княземъ Полоцкимъ, далъ Всеволоду Стрѣжевъ, Изяславль Брячиславу Васильковичу, и возстановилъ тишину кратковременную. Володарь, третій сынъ Глѣбовъ, воевалъ тогда съ Литвою: братья присягнули за него въ вѣрномъ исполненіи мирныхъ условій.

Раздоръ за Берладника.

Изяславъ Давидовичь не долго жилъ въ союзѣ съ Галицкимъ и Волынскими Князьями. Поводомъ къ сему разрыву служилъ знаменитый Воевода перваго, Іоаннъ Берладникъ. Князь Галицкій, ненавидя и боясь сего брата двоюроднаго, изгнаннаго Владимірк омъ, умѣлъ склонить на свою сторону не только Венгерскаго Короля съ Поляками, но и многихъ Князей Россійскихъ, желая, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ убѣдили Изяслава выдать ему Іоанна. Гнушаясь дѣломъ столь жестокимъ, Великій Князь отвѣчалъ ихъ Посламъ въ Кіевѣ, что онъ никогда на то не согласится. Іоаннъ же, безчеловѣчно гонимый, хотѣлъ мстить Ярославу Влади-

мірковичу: ограбилъ нѣсколько богатыхъ судовъ на Дунаѣ, нанялъ 6000 Половцевъ и вступилъ въ Галицію; но скоро былъ оставленъ сими хищниками, ибо не дозволялъ имъ опустошать земли и щадилъ доброхотствующихъ ему жителей[335]. Свѣдавъ, что Ярославъ вооружается, Великій Князь предложилъ Святославу Ольговичу тѣсный союзъ и два города, Мозырь и Чечерскъ. Тутъ Святославъ оказалъ безкорыстіе великодушное. «Признаюсь» — говорилъ онъ — «что я досадовалъ, когда ты не отдалъ «мнѣ всей области Черниговской; но сердце «мое ненавидитъ злобу между родными. «Если враги несправедливые угрожаютъ «тебѣ войною, то они будутъ и моими «врагами. Сохрани меня Богъ отъ мздоим-«ства въ такомъ случаѣ: не хочу никакихъ «городовъ, и вооружаюсь.» Пировавъ три дни, они дали знакъ Князю Галицкому, что готовы соединенными силами отразить его нападеніе. Ярославъ успокоился; но Великій Князь вздумалъ самъ объявить ему войну за Іоанна Берладника: ибо многіе Галичане звали сего Воеводу въ землю свою, увѣряя, что народъ толпами устремится подъ его знамена, и что сынъ Владимірковъ нелюбимъ гражданами. Святославъ Ольговичь не хотѣлъ итти; удерживалъ Великаго Князя; представлялъ ему, что Іоаннъ не сынъ, не братъ ихъ; но пылкій Изяславъ съ угрозами отвѣтствовалъ въ Васильковѣ Послу

Безкорыстіе Святослава.

Черниговскому: «скажи брату, что онъ, по «возвращеніи моемъ изъ Галича, волею и «неволею можетъ отправиться назадъ въ «Новгородъ Сѣверскій!» Добродушный Святославъ съ горестію видѣлъ несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира Государству[336]. «Богу открыто смиреніе души моей,» сказалъ онъ Вельможамъ: «я не искалъ управы мечемъ, когда Изяславъ, вмѣсто цѣлой области Черниговской, далъ мнѣ только семь городовъ, «опустошенныхъ Половцами и населенныхъ «*псарями*. Онъ еще не доволенъ, и за миролюбивый, благоразумный совѣтъ грозится, вопреки святой клятвѣ, выгнать «меня изъ Чернигова! Но Провидѣніе караетъ вѣроломныхъ.» Оно въ самомъ дѣлѣ наказало брата его. Галицкій, соединясь съ Волынскими Князьями, Изяславичами и дядею ихъ, Владиміромъ Андреевичемъ, предупредилъ Великаго Князя и занялъ Бѣлгородъ. Изяславъ обступилъ ихъ съ войскомъ многочисленнымъ: однихъ Половцевъ было у него слишкомъ 20,000. Указывая на сильные полки свои, онъ съ гордостію требовалъ, чтобы союзники вышли изъ города. Но Берендѣи и Торки измѣнили ему; начальники ихъ тайно велѣли сказать Мстиславу: «Князь! отъ насъ все зависитъ. Если «будешь намъ другомъ, какъ отецъ твой, и «дашь каждому по доброму городу, мы оставимъ Изяслава.» Они сдержали слово: въ

Неблагодарность Изяслава.

глубокую полночь зажгли шатры свои, и съ грознымъ воплемъ ускакали въ городъ. Пробужденный ночною тревогою, Великій Князь сѣлъ на коня; увидѣлъ измѣну и бѣжалъ за Днѣпръ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ, его другомъ; Половцы также: многіе изъ нихъ утонули въ Роси; другихъ плѣнили Юрьевцы и Берендѣи. Бѣгство Велик. Князя.

Союзники вошли въ столицу, пославъ объявить Смоленскому Князю, Ростиславу, что они единственно для него завоевали престолъ Кіевскій, и будутъ ему послушны какъ старшему. Мстиславъ требовалъ только, чтобы низверженный Митрополитъ Климентъ снова управлялъ Церковію Россійскою: «ибо Константинъ (говорилъ «онъ) клялъ память отца моего.» Но Ростиславъ не хотѣлъ слышать о Климентѣ, избранномъ, по его мнѣнію, беззаконно. Наконецъ согласились, чтобы не быть Митрополитомъ ни тому, ни другому и призвать новаго изъ Царяграда. Изгнанный Мстиславомъ, Константинъ уѣхалъ въ Черниговъ и скоро преставился, удививъ современниковъ и потомство странностію своего завѣщанія. Онъ вручилъ запечатанную духовную Святителю Черниговскому, Антонію, и требовалъ, чтобы сей Епископъ клятвенно обязался исполнить его послѣднюю волю. Антоній въ присутствіи Князя Святослава срѣзалъ печать, и съ изумленіемъ читалъ слѣдующее: «Не погребайте Декаб. 22. Странное завѣщаніе Митрополита.

«моего тѣла: да будетъ оно извлечено изъ «града и повержено псамъ на снѣденіе!» Епископъ не дерзнулъ нарушить клятвы; но Князь, страшась гнѣва Небеснаго, велѣлъ на третій день привезти тѣло Митрополита въ Черниговъ и съ честію предать землѣ въ Соборной церкви, подлѣ гроба Игоря Ярославича. Лѣтописцы разсказываютъ, что въ сіи три дни, ясные для Чернигова, была ужасная буря и молнія въ Кіевѣ; что однимъ громовымъ ударомъ убило тамъ семь человѣкъ, и вѣтеръ сорвалъ шатеръ Ростислава, стоявшаго тогда въ полѣ близъ Вышегорода; что сей Князь старался молитвами въ церквахъ умилостивить Небо, и что вдругъ настала тишина, когда совершилось погребеніе Митрополитова тѣла.

Моръ въ Новѣгородѣ.

Въ княженіе Изяслава Новгородъ вторично испыталъ бѣдствіе мора: не успѣвали хоронить ни людей, ни скота; отъ смрада безчисленныхъ труповъ не льзя было ходить по городу, ни въ окрестностяхъ. Лѣтописцы не говорятъ о происхожденіи, свойствѣ и наружныхъ знакахъ сей язвы, которая свирѣпствовала единственно въ Новѣгородѣ[337].

# ГЛАВА XVI.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ — МИХАИЛЪ ВТОРИЧНО ВЪ КІЕВѢ.

## АНДРЕЙ ВЪ ВЛАДИМІРѢ СУЗДАЛЬСКОМЪ.

## Г. 1159 — 1167.

Злоба Изяславова. Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Городъ Берладъ. Впаденіе Половцевъ. Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изяслава. Берладникъ отравленъ ядомъ въ Греціи. Ссора и миръ Великаго Князя со Мстиславомъ. Удѣлы. Набѣгъ Ляховъ. Единовластіе Андрея. Изгнаніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Святослава: ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокойства въ землѣ Полоцкой. Война съ Болгарами. Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Половцевъ въ степяхъ. Кончина Великаго Князя. Его свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя.

Ростиславъ — оставивъ сыновей княжить, Г. 1159.
Святослава въ Новѣгородѣ, Давида въ Торжкѣ, Романа въ Смоленскѣ — былъ съ честію и радостію принятъ отъ всѣхъ жителей Кіевскихъ[338]. Апр. 12.
Племянникъ его, Мстиславъ, возвратился въ юго-западную Россію съ богатою добычею, взявъ имѣніе Изяславовыхъ Вельможъ, множество серебра, золота, рабовъ и всякаго скота.

Бывшій Великій Князь ушелъ въ Сожскую область, ему принадлежавшую, и съѣхался въ Гомьѣ, или нынѣшнемъ Гомелѣ, съ женою, которая въ слѣдъ за нимъ бѣжала изъ Кіева. Приписывая свое несчастіе брату

Злоба Изяслава. Ольговичу, не хотѣвшему дать ему помощи, Изяславъ завоевалъ его область, землю Вятичей, плѣнилъ жителей одного мѣстечка, бывшаго собственностію или вѣномъ Княгини Черниговской, и тревожилъ города Курскіе. Тогда Святославъ, захвативъ имѣніе и семейства многихъ Бояръ сего злобнаго родственника, вступилъ въ союзъ съ Государемъ Кіевскимъ. Они съѣхались въ

Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Моровскѣ, обѣдали другъ у друга и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростиславъ подарилъ Черниговскому Князю нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, волковъ бѣлыхъ и рыбьихъ зубовъ, а Святославъ Великому Князю парда и двухъ коней съ окованными сѣдлами.

Сіи два Князя, бывъ отъ юности непріятелями, искренно клялися умереть друзьями, и согласились общими силами дѣйствовать противъ Изяслава. Надлежало прежде защитить южные предѣлы Государства отъ внѣшнихъ хищниковъ. Въ Молдавіи, между рѣками Прутомъ и Серетомъ, находился тогда городъ многолюдный и крѣпкій, именемъ

Городъ Берладъ. Берладъ (нынѣ мѣстечко), основанный близъ развалинъ древней Дакійской Зузидавы[339]: онъ былъ гнѣздомъ своевольныхъ бродягъ, людей разнаго племени и Закона, коихъ главное ремесло состояло въ грабежѣ по Черному морю и Дунаю. Шайки ихъ взяли Олешье (знаменитое торговое мѣсто при

устьѣ Днѣпра, гдѣ складывались Греческіе товары, отправляемые въ Кіевъ). Воевода Великокняжескій, Георгій Несторовичь, настигъ сихъ разбойниковъ и выручилъ многихъ взятыхъ ими плѣнниковъ вмѣстѣ съ богатою добычею[340]. Надлежало еще отразить набѣгъ Половцевъ: сынъ Святославовъ въ Черниговской области, а дружина Галицкая, Князья Волынскіе и Берендѣи на западномъ берегу Днѣпра побили и гнали ихъ до границы.

Впаденіе Половцевъ.

Сіи хищники явились съ другой стороны, нанятые Изяславомъ Давидовичемъ, который, не теряя времени, осадилъ съ ними Черниговъ, гдѣ Святославъ и племянникъ его, Князь Сѣверскій, едва успѣли изготовиться къ оборонѣ, требуя войска отъ Ростислава. Но Кіевляне и Берендѣи, вѣря искреннему союзу дяди, не вѣрили племяннику, зная его коварство: чтобы успокоить ихъ, Святославъ Всеволодовичь прислалъ сына въ залогъ къ Ростиславу, и полки Великокняжескіе спасли Черниговъ. Изяславъ, устрашенный силою оныхъ, бѣжалъ въ степи. Тамъ услышалъ онъ, что неосторожный Святославъ отпустилъ союзниковъ и самъ боленъ: чѣмъ желая воспользоваться, Изяславъ снова перешелъ за Десну съ Половцами. Князь Черниговскій дѣйствительно былъ нездоровъ; однакожь съ супругою и съ дѣтьми стоялъ въ полѣ, успѣлъ возвратить Кіевлянъ и мужествен-

по отразилъ варваровъ. Союзники, гонясь за Изяславомъ, приступили къ Вырю, гдѣ оставалась его Княгиня съ казною. Тутъ Воевода Іоаннъ Берладникъ имѣлъ случай доказать ему свое усердіе: защитилъ городъ, и принудилъ осаждающихъ удалиться. Изяславъ отмстилъ имъ ужаснымъ разореніемъ Смоленской области: ибо наемники его, Половцы, плѣнили въ ней болѣе десяти тысячь людей безоружныхъ, кромѣ множества убитыхъ; но видя превосходство силъ на сторонѣ враговъ, онъ искалъ союзника въ могущественномъ Князѣ Суздальскомъ.

Андрей за Изяслава.

Андрей Георгіевичь, не заботясь о Россіи южной, желалъ господствовать въ сѣверной единовластно и присвоить себѣ древнюю столицу Рюрикову, то есть, выгнать оттуда сыновей Великаго Князя: Святослава Ростиславича изъ Новагорода, а Давида изъ Торжка. Недоброхотствуя отцу ихъ, Андрей вступился за Изяслава, и помолвилъ дочь свою за его племянника, Святослава Владиміровича, осаждаемаго тогда Княземъ Черниговскимъ въ городѣ Вщижѣ[341]. Романъ и Рюрикъ, сыновья Великаго Князя, Владѣтель Сѣверскій съ братомъ, Полочане и дружина Галицкая были съ Святославомъ Ольговичемъ; но слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идетъ отразить ихъ отъ Вщижа, союзники склонились къ миру, и Святославъ Черниговскій снялъ осаду, клятвенно обязавъ племянника чтить его какъ

старшаго въ родѣ. — Андрей съѣхался съ Изяславомъ въ Волокѣ Ламскомъ, праздновалъ тамъ свадьбу дочери и послалъ сказать Новогородцамъ, что онъ намѣренъ искать ихъ Княженія, не любитъ кровопролитія, но готовъ воевать въ случаѣ сопротивленія. Чиновники объявили о томъ народу. Слава Андреева давно гремѣла въ г. 1160. Россіи: Новогородцы плѣнились мыслію повиноваться столь знаменитому Князю; однакожь, не имѣя причинъ жаловаться на своего, не вдругъ прибѣгнули къ средствамъ насилія: сперва сказали, что область Новогородская никогда не имѣла двухъ Князей, и что Давидъ долженъ оставить Торжекъ; когда же Святославъ Ростиславичь, угождая имъ, велѣлъ брату выѣхать оттуда въ Смоленскъ, они рѣшились, безъ дальнѣйшихъ околичностей, взять его подъ стражу. Увѣдомленный о семъ намѣреніи, Святославъ не хотѣлъ вѣрить. «Вчера» (говорилъ онъ Боярамъ) «граждане любили меня: «вчера я слышалъ ихъ клятвы, видѣлъ об-«щее усердіе.» Въ самое то время народъ вломился во дворецъ, неволею послалъ Князя въ Ладогу, заперъ его жену въ монастырь, разграбилъ казну,614 оковалъ дружину. Андрей отправилъ племянника, Мстислава, Намѣстникомъ въ Новгородъ; а Святославъ Ростиславичь ушелъ изъ Ладоги къ отцу, который, въ первую минуту гнѣва, велѣлъ заключить въ душную темницу всѣхъ куп-

Андрей властвуетъ въ Новѣгородѣ.

цевъ Новогородскихъ, бывшихъ въ Кіевѣ; но выпустилъ и разослалъ ихъ по городамъ, свѣдавъ съ прискорбіемъ, что нѣкоторые изъ нихъ скоропостижно умерли въ оной. Хотя Великій Князь досадовалъ на Андрея Суздальскаго, однакожь не думалъ мстить ему кровопролитіемъ, и желалъ спокойствія.

Къ несчастію, онъ не могъ удовлетворить своему искреннему миролюбію. Видя, что Андрей, довольный пріобрѣтеніемъ Новагорода, не расположенъ воевать съ Великимъ Княземъ, безпокойный Изяславъ снова обратился къ Половцамъ, и нашелъ единомышленника въ непостоянномъ Святославѣ Всеволодовичѣ; ихъ сторону взяли также нѣкоторые Бояре Кіевскіе и Черниговскіе, хотѣвшіе неустройства: ибо зло общее бываетъ иногда частною выгодою. Святославъ Ольговичь послалъ сына своего, Олега, въ Кіевъ, гдѣ Великій Князь желалъ дружелюбно угостить его. Клеветники увѣрили сего юношу, что Ростиславъ тайно готовитъ ему темницу, и легкомысленный Олегъ, не сказавъ ни слова отцу, присталъ къ Изяславу Давидовичу и Князю Сѣверскому. Святославъ душевно оскорбился вѣроломствомъ сына и племянника въ разсужденіи Великаго Князя; но коварные его Вельможи старались очернить Ростислава. «Знай» (говорили они своему Князю) «что Духовникъ «Ростиславича ѣздилъ изъ Смоленска къ Изя-

Клевета Ростислава.

«славу и предлагалъ ему Черниговъ: Госу-«дарь Кіевскій притворяется другомъ тво-«имъ, но помогаетъ тебѣ *лѣниво*; и до «сего времени ты не видалъ никакой поль-«зы отъ его союза.» Обманутый клеветою, Черниговскій Князь взялъ сторону брата; однакожь самъ не хотѣлъ участвовать въ войнѣ. Изяславъ съ союзниками ополчился; стоялъ двѣ недѣли подъ стѣнами Переяславля, убѣждая зятя своего, Глѣба Георгіевича, вооружиться противъ Великаго Князя; не успѣлъ въ томъ, и видя Ростислава готоваго къ битвѣ, удалился. Но вторичное его предпріятіе было счастливѣе: въ теченіе зимы усиленный множествомъ Половцевъ, онъ переправился за Днѣпръ выше Кіева и приступилъ къ Подолу, огражденному высокимъ тыномъ. Тутъ началось сраженіе. Половцы во многихъ мѣстахъ разсѣкли ограду, ворвались въ улицы и зажгли домы. Окруженные пламенемъ, дымомъ и мечами варваровъ, Кіевляне съ Берендѣями въ ужасѣ бѣжали на гору къ Златымъ вратамъ каменной стѣны. Тогда Великій Князь, принявъ совѣтъ дружины, оставилъ Кіевъ, и заключился въ Бѣлгородѣ, ожидая скорой помощи.

г. 1161, Февр. 8.

Ростиславъ изгнанъ.

Изяславъ вступилъ въ Кіевъ, освободилъ тамъ многихъ друзей своихъ, бывшихъ подъ стражею, и спѣшилъ осадить Бѣлгородъ. Великій Князь сжегъ деревянныя укрѣпленія или *острогъ*, и четыре недѣли оборо-

нялся въ крѣпосши. Напрасно Свяшославъ Черниговскій склонялъ брата къ общему миру, совѣтуя ему сняшь осаду, возврашиться за Днѣпръ, и ждашь всего опъ справедливосши. Изяславъ опвѣпсшвовалъ его Посламъ: «Ежели уйду за Днѣпръ, по союз-«ники осшавяшъ меня. Чпожь будешъ со «мною? Въ сшепяхъ ли Половецкихъ найду «для себя обласшь? Лучше умру здѣсь опъ «меча, нежели опъ голода на берегахъ Сей-«ма.» Онъ говорилъ смѣло, но дѣйсшвовалъ малодушно: ибо услышавъ, чпо Торки, Берендѣи, Печенѣги Росьскіе, Мсшиславъ Волынскій и Галичане идушъ въ помощь къ Великому Князю, Изяславъ бѣжалъ, и погибъ безъ мужесшвенной обороны: непріяшельскій всадникъ, именемъ Выйборъ, разсѣкъ ему саблею голову. Великій Князь и Мсшиславъ нашли его плавающаго въ крови, и не могли удержашься опъ слезъ искренней гореспи. «Вошъ слѣдсшвіе швоей несправедливосши!» сказалъ первый: «недоволь-«ный обласшію Черниговскою, недовольный «самымъ Кіевомъ, шы хошѣлъ ошняшь у «меня и Бѣлгородъ!» Изяславъ не опвѣпсшвовалъ, но просилъ воды; ему дали вина — и сей несчасшный Князь, взглянувъ дружелюбно на враговъ сосшрадашельныхъ, скончался. Пишушъ, чпо онъ въ бишвахъ обыкновенно носилъ власяницу браша своего, Николая Свяшоши, а въ сей день почему-шо не хошѣлъ надѣшь ее. Разбивъ Полов-

Мартъ. 6.

Смерт. Изяслава.

цевъ, Олегову дружину, Черниговскую и Князя Сѣверскаго, взявъ ихъ обозы, побѣдители отослали въ Черниговъ тѣло Изяслава, искренно оплаканнаго братомъ Святославомъ и еще искреннѣе Іоанномъ Берладникомъ. Сей злополучный Галицкій Князь, утративъ въ Изяславѣ единственнаго своего покровителя, уѣхалъ въ Грецію и кончилъ горестную жизнь въ Ѳессалоникѣ, отравленный ядомъ, какъ думали современники. Великій Князь, не желая мстить ни Святославу Ольговичу, ни гораздо виновнѣйшему Сѣверскому Владѣтелю, нѣкогда имъ облагодѣтельствованному, удовольствовался ихъ новою присягою, и нашелъ способъ дружелюбно раздѣлаться съ Андреемъ, который добровольно уступилъ ему Новгородъ, извѣдавъ безпокойную строптивость его жителей. Обузданные согласіемъ двухъ сильныхъ Государей, они молчали, и Святославъ Ростиславичь возвратился управлять ими[342].

Берладникъ отравленъ въ Греціи.

Мирясь съ непріятелями, Ростиславъ оскорбилъ знаменитѣйшаго друга своего и племянника, Мстислава Волынскаго, который возвелъ его на престолъ и удержалъ на ономъ. Великій Князь отдалъ ему въ помѣстье Бѣлгородъ, Триполь, Торческъ, какъ будущему наслѣднику всей Кіевской области. Но пылкій Мстиславъ началъ, кажется, прежде времени господствовать въ оной самовластно, не хотѣлъ слушать выговоровъ дяди, и съ гнѣвомъ уѣхавъ въ Волынію[343],

Ссора и миръ Великаго Князя со Мстиславомъ.

старался угрозами преклонить къ себѣ Владиміра Андреевича, княжившаго въ Пересопницѣ. Сей послѣдній отвѣчалъ ему: «Ты «властенъ завоевать мою область, и я го-«товъ скитаться въ бѣдности съ дѣтьми «своими по землямъ чуждымъ; но буду все-«гда душею и сердцемъ за Ростислава.» Огорченный злобою племянника, Великій Князь отнялъ у него города Днѣпровскіе, но съ радостію возвратилъ ему оные, когда Мстиславъ одумался, и прибѣгнулъ къ дядѣ съ извиненіями. — Столь же великодушно поступалъ Великій Князь и съ другими, ближними и дальними родственниками. Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичь, упорный союзникъ Изяслава Давидовича, самовольно властвовалъ въ Слуцкѣ: Ростиславъ принудилъ Владиміра выѣхать оттуда, но далъ ему пять городовъ Кіевскихъ; а внуку Вячеславову, именемъ Роману, два города въ Смоленской области, Васильевъ и Красный. Мы говорили о Туровскомъ Владѣтелѣ, Юріи Ярославичѣ, внукѣ Святополка-Михаила: отверженный отъ союза двухъ тогда господствующихъ Домовъ Княжескихъ, Мономахова и Черниговскаго, онъ держался единственно своимъ мужествомъ, и счастливо отразилъ приступъ соединенныхъ Князей Волынскихъ, хотѣвшихъ, подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его изъ Турова. Великій Князь, любя справедливость, заключилъ съ нимъ миръ[344]. — Ти-

Вѣрность Княжеская.

Г. 1162 —63.

Удѣлы.

шина внутренняя была тѣмъ нужнѣе, что внѣшніе непріятели, Ляхи, въ сіе время безпокоили западную Россію и грабили въ окрестностяхъ Червена.

Набѣгъ Ляховъ.

Андрей Георгіевичь, ревностно занимаясь благомъ Суздальскаго Княженія, оставался спокойнымъ зрителемъ отдаленныхъ происшествій. Имѣя не только доброе сердце, но и разумъ превосходный, онъ видѣлъ ясно причину государственныхъ бѣдствій, и хотѣлъ спасти отъ нихъ по крайней мѣрѣ свою область: то есть, отмѣнилъ несчастную Систему Удѣловъ, княжилъ единовластно, и не давалъ городовъ ни братьямъ, ни сыновьямъ. Можетъ быть, Бояре первыхъ осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать въ правленіи Князей юныхъ, грабить землю и наживаться. Нѣкоторые думали также, что онъ незаконно властвуетъ въ Суздалѣ, ибо Георгій назначалъ сіе Княженіе для меньшихъ дѣтей; и что народъ, обязанный уважать волю покойнаго Государя, не могъ безъ вѣроломства избрать Андрея. Можетъ быть, и братья сего Князя, слѣдуя внушенію коварныхъ Бояръ, изъявляли негодованіе, и мыслили рано или поздно воспользоваться своимъ правомъ. Какъ бы то ни было, Андрей, дотолѣ кроткій во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ, рѣшился для государственнаго спокойствія на дѣло несправедливое по мнѣнію нашихъ предковъ: онъ выгналъ братьевъ: Мстислава, Василь-

Единовластіе Андрея.

Изгнаніе братьевъ его въ Грецію.

ка, Михаила; также двухъ племянниковъ (дѣтей умершаго Ростислава Георгіевича) и многихъ знатнѣйшихъ Вельможъ Долгорукаго, тайныхъ своихъ непріятелей. Мстиславъ и Василько Георгіевичи, вмѣстѣ съ ихъ вдовствующею родительницею, мачихою Андрея, удалились въ Константинополь, взявъ съ собою меньшаго брата, осьмилѣтняго Всеволода (столь знаменитаго въ послѣдствіи). Тамъ Императоръ Мануилъ принялъ изгнанниковъ съ честію и съ любовію; желалъ ихъ утѣшить благодѣяніями, и далъ Васильку, по извѣстію Россійскихъ и Греческихъ Лѣтописцевъ, область Дунайскую[318].

Г. 1164—66.

Кончина Святослава. Слѣдствія.

Въ Россіи южной кончина Святослава Черниговскаго произвела несогласіе между сыномъ его и племянникомъ. Святославъ, достопамятный своею привязанностію къ несчастному брату Игорю и миролюбіемъ, оставилъ наслѣдникамъ великое богатство. Старшій его сынъ, Олегъ, находился въ отсутствіи. Черниговскій Епископъ Антоній и Вельможи собралися къ горестной овдовѣвшей Княгинѣ, и боясь хищнаго Владѣтеля Сѣверскаго, рѣшились таить смерть Святослава до Олегова возвращенія. Всѣ дали въ томъ клятву, и во-первыхъ Епископъ,

Вѣроломство Епископа.

хотя Бояре говорили ему: «нужно ли цѣ«ловать крестъ Святителю? любовь твоя «къ Дому Княжескому извѣстна.» Но Святитель былъ Грекъ, по словамъ Лѣтописца: хитръ и коваренъ. Онъ въ тотъ же

часъ написалъ къ Святославу Всеволодовичу, что дядя его скончался; что Олега и воинской дружины нѣтъ въ городѣ; что Княгиня съ меньшими дѣтьми въ изумленіи отъ горести, и что Святославъ найдетъ у нее сокровища несмѣтныя. Сей Князь немедленно отправилъ сына занять Гомель, а Бояръ своихъ въ другія Черниговскія области, и самъ хотѣлъ въѣхать въ столицу. Олегъ предупредилъ его; однакожь добровольно уступилъ ему Черниговъ, взявъ Новгородъ Сѣверскій. Святославъ клялся наградить братьевъ Олеговыхъ иными Удѣлами, и забывъ обѣтъ, присвоилъ себѣ одному города умершаго внучатнаго брата, сына Владимірова, Князя Вщижскаго. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ. Святославъ уже звалъ Половцевъ; но Великій Князь, будучи тестемъ Олеговымъ, примирилъ ссору и заставилъ Святослава уступить Олегу четыре города[346].

Г. 1159—66. Безпокойства въ землѣ Полоцкой.

Ростиславъ не могъ успокоить однихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ. Глѣбовичи, нарушивъ миръ, нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошнихъ Князей, Брячислава и Володшу Васильковичей, въ оковы. Рогволодъ Полоцкій, требуя защиты Государя Кіевскаго, осадилъ Минскъ, и стоялъ тамъ шесть недѣль, освободилъ Васильковичей мирнымъ договоромъ; а послѣ, желая отнять Городокъ у Володаря Глѣбовича, самъ утратилъ Полоцкъ, гдѣ народъ

признал своимъ Владѣтелемъ его племянника двоюроднаго, Всеслава Васильковича. Сынъ Великаго Князя, Давидъ, господствуя въ Витебскѣ, долженъ былъ вступиться за Всеслава, изгнаннаго мятежнымъ Володаремъ, и снова ввелъ его въ Полоцкъ, къ удовольствію народа. Въ сихъ ничтожныхъ, однакожь кровопролитныхъ распряхъ Литовцы служили Кривскимъ Владѣтелямъ какъ ихъ подданные.

Война съ Болгарами.

Давно Россіяне, притупляя мечи въ гибельномъ междоусобіи, не имѣли никакой знаменитой рати внѣшней: Андрей, нѣсколько лѣтъ наслаждавшись мирнымъ спокойствіемъ, вспомнилъ наконецъ воинскую славу юныхъ лѣтъ своихъ, и выступилъ въ поле, соединясь съ дружиною Князя Муромскаго, Юрія Ярославича. Оскорбленный сосѣдственными Болгарами, онъ разбилъ ихъ войско многочисленное, взялъ знамена, и прогналъ Князя. Возвратясь съ конницею на мѣсто битвы, гдѣ пѣхота Владимірская стояла вокругъ Греческаго образа Богоматери, привезеннаго изъ Вышегорода, Андрей палъ предъ святою иконою, слезами изъявилъ благодарность Небу, и желая сохранить память сей важной побѣды, уставилъ особенный праздникъ, донынѣ торжествуемый нашею Церковію. Россіяне завладѣли на Камѣ *славнымъ* Болгарскимъ городомъ Бряхимовымъ, и нѣсколько другихъ городовъ обратили въ пепелъ[347].

Въ сіе же лѣто Новогородцы одержали побѣду надъ Шведами, которые, овладѣвъ тогда Финляндіею, хотѣли завоевать Ладогу и пришли на судахъ къ устью Волхова. Жители сами выжгли загородные домы свои, ждали Князя, и подъ начальствомъ храбраго Посадника, Нѣжаты, оборонялись мужественно, такъ, что непріятель отступилъ къ рѣкѣ Вороной или Салмѣ[348]. Въ пятый день приспѣлъ Святославъ съ Новогородскимъ Посадникомъ Захаріею, напалъ на Шведовъ и взялъ множество плѣнниковъ; изъ пятидесяти-пяти судовъ ихъ спаслись только двѣнадцать.

Побѣда надъ Шведами.

Въ окрестностяхъ Днѣпра Половцы не преставали злодѣйствовать и грабить: чтобы унять ихъ, Ростиславъ призвалъ многихъ Князей съ дружинами. Казалось, что онъ хотѣлъ, подобно дѣду Мономаху, прославить себя важнымъ предпріятіемъ и надолго смирить варваровъ; но войско союзное пеклося единственно о безопасности судоходства по Днѣпру, и нѣсколько времени стоявъ у Канева, разошлося, когда флотъ купеческій благополучно прибылъ изъ Греціи. — За то Сѣверскій Князь и братъ Черниговскаго, при наступленіи зимы, отмѣнно жестокой, съ малочисленною дружиною дерзнули углубиться въ степи Половецкія; взяли станы двухъ Хановъ и возвратились съ добычею, серебромъ и золотомъ[349].

Россіяне бьютъ Половцевъ въ степяхъ.

Ростиславъ, уже престарѣлый, всего болѣе заботился тогда о судьбѣ дѣтей своихъ: не смотря на слабое здоровье, онъ поѣхалъ въ область Новогородскую, чтобы утвердить Святослава на ея престолѣ. Угощенный зятемъ Олегомъ въ Чечерскѣ, Великій Князь имѣлъ удовольствіе видѣть искреннюю любовь Смолянъ, которыхъ Послы встрѣтили его верстъ за 300 отъ города. Сынъ Романъ, внуки, Епископъ Мануилъ, вмѣстѣ съ народомъ, привѣтствовали добраго старца: Вельможи, купцы, по древнему обыкновенію, сносили дары Государю. Утомленный путемъ, онъ не могъ ѣхать далѣе Великихъ Лукъ, и призвавъ туда знатнѣйшихъ Новогородцевъ, взялъ съ нихъ клятву забыть прежнія неудовольствія на сына его, никогда не искать инаго Князя, *разлучиться съ нимъ одною смертію*[380]. Щедро одаренный ими и Святославомъ, успокоенный ихъ согласіемъ, Великій Князь возвратился въ Смоленскъ, гдѣ Рогнѣда, дочь Мстислава Великаго, видя изнеможеніе брата, совѣтовала ему остаться, чтобъ быть погребеннымъ въ церкви, имъ сооруженной. «Нѣтъ,» сказалъ Ростиславъ: «я хочу лежать въ Кіевской Обители Св. Ѳеодора,

Г. 1167, Марта 14. Кончина

«вмѣстѣ съ нашимъ отцемъ; а ежели Богъ «исцѣлитъ меня, то постригуся въ монастырѣ Ѳеодосіевомъ.» Онъ скончался на пути, тихимъ голосомъ читая молитву,

смотря на икону Спасителя и проливая слезы Христіанскаго умиленія. Великаго Князя.

Сей внукъ Мономаховъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ Государей, которые въ своемъ блестящемъ верховномъ санѣ находятъ болѣе тягости, нежели удовольствія. Онъ не искалъ Великаго Княженія, и дважды возведенный на престолъ онаго, искренно желалъ отказаться отъ власти. Любя Печерскаго Игумена, Поликарпа, Ростиславъ имѣлъ обыкновеніе всякую Субботу и Воскресенье Великаго поста обѣдать во дворцѣ съ симъ благочестивымъ мужемъ и съ двѣнадцатью братьями Ѳеодосіевой Обители; бесѣдовалъ о добродѣтеляхъ Христіанскихъ, и часто говорилъ имъ о намѣреніи удалиться отъ суетнаго міра, чтобы краткую, *мимотекущую* жизнь посвятить Небу въ безмолвіи монастырскомъ, особенно послѣ кончины Святослава Ольговича; но разумный Игуменъ всегда ему отвѣтствовалъ: «Князь! Небо требуетъ отъ «тебя иныхъ подвиговъ; дѣлай правду и «блюди землю Русскую[381].» Нѣтъ сомнѣнія, что Государь истинно набожный скорѣе инаго можетъ быть отцемъ народа, если одаренъ свыше умомъ и твердостію. Ростиславъ не отличался великими свойствами отца и дѣда; но любилъ миръ, тишину отечества, справедливость, и боялся запятнать себя кровію Россіянъ. Его свойства.

Сей Великій Князь былъ другомъ Импе- Союзы и бракъ. ратора Мануила, и помогалъ ему, какъ Государю единовѣрному, противъ Короля Венгерскаго, Стефана III. Мануилъ тогда же заключилъ союзъ и съ Галицкимъ Княземъ, Ярославомъ. Узнавъ о намѣреніи послѣдняго выдать дочь свою за Стефана, Императоръ писалъ къ нему, что сей Король есть извергъ вѣроломства, и что супруга такого человѣка безъ сомнѣнія будетъ несчастлива. Письмо имѣло дѣйствіе, и хотя Ярославъ, уже отправивъ невѣсту въ Венгрію, не могъ отмѣнить брака, однакожь взялъ сторону Грековъ. Стефанъ — кажется, досадуя на тестя — развелся съ молодою супругою и женился на дочери Австрійскаго Герцога. — Не смотря на союзъ съ Императоромъ, Галицкій Князь дружески принялъ врага Мануилова, Андроника Комнина, сына Исаакіева, бѣжавшаго изъ темницы Кон- Андроникъ живетъ въ Россіи. стантинопольской, и далъ ему въ Удѣлъ нѣсколько городовъ[352]. Андроникъ, какъ пишутъ Византійскіе Историки, всегда ѣздилъ на охоту съ Ярославомъ, присутствовалъ въ его Совѣтѣ Государственномъ, жилъ во дворцѣ, обѣдалъ за столомъ Княжескимъ, и собиралъ для себя войско. Изъявивъ неудовольствіе Ярославу, Мануилъ прислалъ наконецъ въ Галичь двухъ Митрополитовъ, которые уговорили Андроника возвратиться въ Царьградъ: Епископъ Галицкій, Козьма, и Бояре Ярославовы съ честію прово-

дили его за границу. Сей изгнанникъ чрезъ нѣсколько лѣтъ достигъ сана Императорскаго: будучи признательнымъ другомъ Россіянъ, онъ подражалъ имъ во нравахъ: любилъ звѣриную ловлю, бѣганіе въ запуски, и низверженный съ престола, хотѣлъ вторично ѣхать въ наше отечество; но былъ пойманъ и замученъ въ Константинополѣ.

Ростиславъ въ 1160 году призвалъ изъ Греціи новаго Митрополита, Ѳеодора, умершаго чрезъ три года. Великій Князь, отдавая наконецъ справедливость достоинствамъ изгнаннаго Святителя, Климента, желалъ возвратить ему санъ Архипастыря нашей Церкви, и для того послалъ Вельможу, Юрія Тусемковича, въ Грецію; но сей Бояринъ встрѣтилъ въ Олешьѣ новаго Митрополита, Іоанна, поставленнаго въ Константинополѣ безъ согласія Великокняжескаго. Ростиславъ былъ весьма недоволенъ; однакожь, смягченный дружескимъ письмомъ Мануила и дарами, состоявшими въ бархатахъ и тканяхъ драгоцѣнныхъ, принялъ Греческаго Святителя, съ условіемъ, чтобы впредь Императоръ и Патріархъ не избирали Митрополитовъ Россіи безъ воли ея Государей. — Исполняя требованіе честолюбивыхъ Новогородцевъ, Іоаннъ позволилъ ихъ Епископу, именемъ также Іоанну, мужу добродѣтельному, называться *Архіепископомъ*[353]. Сей Митрополитъ, умершій не задолго до кончины Великаго Князя, сла- Дѣла Церковныя

вился ученостію, и слыша о желаніи Папы, Александра III, знать особенные Догматы нашей Церкви, писалъ къ нему ласково, оправдывая уставы Восточной. Письмо его, истинное или подложное, напечатано на языкѣ Латинскомъ и достойно Пастыря Христіанскаго. «Не знаю» (говоритъ сочинитель) «какимъ образомъ произошли ереси «въ Вѣрѣ Божественной; не понимаю, какъ «могутъ Римляне именовать насъ лже-Хри«стіанами. Мы не слѣдуемъ такому примѣ«ру, и считаемъ ихъ своими братьями, хо«тя и видимъ, что они во многомъ заблу«ждаются.» Предложивъ ученіе обѣихъ Церквей, и доказавъ согласіе нашего съ Апостольскимъ, добрый Митрополитъ убѣждаетъ Папу возстановить древнее единство Вѣры; кланяется ему отъ имени всего Духовенства, и желаетъ, чтобы любовь братская обитала въ сердцахъ Христіанъ[384].

# ГЛАВА XVII.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ ИЗЯСЛАВИЧЬ КІЕВСКІЙ.

## АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКІЙ ИЛИ ВЛАДИМІРСКІЙ. Г. 1167—1169.

Вѣроломство Владиміра Изгнаніе Святослава изъ Новагорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мстислава. Клевета Бояръ. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятіе и совершенное паденіе Кіева.

Сыновья Ростислава, братъ его Владиміръ, народъ Кіевскій и Черные Клобуки — исполняя извѣстную имъ послѣднюю волю Г. 1167. умершаго Великаго Князя — звали на престолъ Мстислава Волынскаго. Сей Князь, задержанный какими-то особенными распоряженіями въ своемъ частномъ Удѣлѣ, поручилъ Кіевъ племяннику, Васильку Ярополковичу, прислалъ новаго Тіуна въ Кіевъ, и скоро узналъ отъ нихъ, что дядя его, братъ Ярославъ, Ростиславичи и Князь Дорогобужскій Владиміръ Андреевичь, заключивъ тѣсный союзъ, думаютъ самовольно располагать областями: хотятъ присвоить себѣ Брестъ, Торческъ и другіе города. Мстиславъ оскорбился; призвалъ Галичанъ, Ляховъ, и выступилъ къ Днѣпру съ сильною ратію. Усердно любивъ отца,

Кіевляне любили и сына, знаменитаго дѣлами воинскими; народъ ожидалъ Мстислава съ нетерпѣніемъ, встрѣтилъ съ радостію, и Князья смирились. Только Владиміръ Мстиславичь, малодушный и вѣроломный, дерзнулъ обороняться въ Вышегородѣ[353]: Великій Князь могъ бы наказать мятежника; но, желая тишины, уступилъ ему Котельницу, и чрезъ нѣсколько дней свѣдалъ о новыхъ злыхъ умыслахъ сего дяди. Владиміръ хотѣлъ оправдаться. Свиданіе ихъ было въ Обители Печерской. «Еще «*не обсохли* уста твои, которыми ты «цѣловалъ крестъ въ знакъ искренняго дру«жества!» говорилъ Мстиславъ, и требовалъ вторичной присяги отъ Владиміра. Давъ оную, безсовѣстный дядя за тайну объявилъ Боярамъ своимъ, что Берендѣи готовы служить ему и свергнуть Мстислава съ престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. «И такъ Отроки будутъ моими Боярами!« сказалъ онъ и пріѣхалъ къ Берендѣямъ, подобно ему вѣроломнымъ: ибо сіи варвары, бывъ дѣйствительно съ нимъ въ согласіи, но видя его оставленнаго и Князьями и Боярами, пустили въ грудь ему двѣ стрѣлы. Владиміръ едва могъ спастися бѣгствомъ. Гнушаясь самъ собою, отверженный двоюроднымъ братомъ, Княземъ Дорогобужскимъ, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился къ Андрею Суздаль-

Вѣроломство Владиміра.

скому, который принялъ его, но не хотѣлъ видѣть: обѣщалъ ему Удѣлъ, и велѣлъ жить въ области Глѣба Рязанскаго. Мать Владимірова оставалась въ Кіевѣ: Мстиславъ сказалъ ей: «ты свободна: иди, ку-«да хочешь; но могу ли быть съ тобою «въ одномъ мѣстѣ, когда сынъ твой ищетъ «головы моей и смѣется надъ святостію «крестныхъ обѣтовъ?»

Андрей тогда же принялъ къ себѣ и другаго изгнанника, Святослава Ростиславича. Новогородцы — думая, что смерть отца Святославова разрѣшила ихъ клятву — въ тайныхъ ночныхъ собраніяхъ умыслили изгнать своего Князя. Свѣдавъ заговоръ, Святославъ уѣхалъ въ Великія Луки, и велѣлъ объявить Новогородцамъ, что не хочетъ княжить у нихъ. «А мы не хотимъ имѣть тебя Княземъ,» отвѣтствовали граждане, клялися въ томъ иконою Богоматери, и выгнали его изъ Лукъ. Святославъ бѣжалъ въ Суздальскую область, и съ помощію Андрея обративъ въ пепелъ Торжекъ, грабилъ окрестности. Съ другой стороны Князь Смоленскій, отмщая за брата, выжегъ Луки[386]. Бѣдные жители стремились толпами въ Новгородъ, требуя защиты. Могущественный Андрей, дѣйствуя согласно съ Романомъ Смоленскимъ и Всеславомъ Полоцкимъ, хотѣлъ, чтобы Новогородцы смирились предъ Святославомъ. «Вамъ не будетъ «инаго Князя,» говорилъ онъ съ угрозами.

Изгнані Святослава изъ Новагорода.

Но упрямый народъ презиралъ оныя; убилъ Посадника и двухъ иныхъ друзей Святославовыхъ; готовился къ оборонѣ, и просилъ сына у Великаго Князя Мстислава, обѣщаясь умереть за него и за вольность. Едва Послы Новогородскіе могли проѣхать въ Кіевъ: ибо на всѣхъ дорогахъ стерегли ихъ и ловили какъ злодѣевъ. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ начальствовалъ умный Посадникъ Якунъ и заставилъ Святослава удалиться отъ Русы: сей Князь, имѣвъ сильное войско союзное, не дерзнулъ вступить въ битву, довольный разореніемъ многихъ селеній, и чрезъ два года умеръ, хвалимый въ лѣтописяхъ за его добродѣтель, безкорыстіе и любовь къ дружинѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ Новгородъ сиротствовалъ безъ Князя, съ нетерпѣніемъ ожидая его изъ Кіева. Въ сіе время Мстиславъ былъ занятъ воинскимъ предпріятіемъ. Въ торжественномъ собраніи всѣхъ Князей союзныхъ онъ сказалъ имъ: «Земля Русская, «наше отечество, стенаетъ отъ Половцевъ, которые не премѣнили донынѣ ихъ «древняго обычая: всегда клянутся быть «намъ друзьями, берутъ дары, но плѣняютъ Христіанъ, и множество невольниковъ отводятъ въ свои вежи. Нѣтъ безопасности для купеческихъ судовъ нашихъ, «ходящихъ по Днѣпру съ богатымъ грузомъ. Варвары думаютъ совершенно овладѣть торговымъ *путемъ Греческимъ*[387].

Г. 1168. Война съ Половцами.

Рѣчь Мстислава.

«Время прибѣгнуть къ средствамъ дѣй-
«ствительнымъ и сильнымъ. Друзья и бра-
«тья! оставимъ междоусобіе; воззримъ на
«Небо, обнажимъ мечь, и призвавъ имя Бо-
«жіе, ударимъ на враговъ. Славно, братья,
«искать чести въ полѣ и слѣдовъ проло-
«женныхъ тамъ нашими отцами и дѣдами!»
Всѣ единодушно изъявили согласіе умереть
за Русскую землю, и каждый привелъ свою
дружину: Святославъ Черниговскій, Олегъ
Сѣверскій, Ростиславичи, Глѣбъ Переяслав-
скій, Михаилъ братъ его, Князья Туровскій
и Волынскіе. Бояре радовались согласію Го-
сударей, и народъ благословлялъ ихъ рев-
ность быть защитниками отечества. Де-
вять дней шло войско степями[358]: Половцы
услышали, и бѣжали отъ Днѣпра, бросая 2
женъ и дѣтей. Князья, оставивъ назади Мар-
обозъ, гнались за ними, разбили ихъ, взяли та.
многія вежи на берегахъ Орели, освободили
Россійскихъ невольниковъ и возвратились съ
добычею, съ табунами и плѣнниками, по-
терявъ не болѣе трехъ человѣкъ. Сію до-
бычу, слѣдуя древнему обыкновенію, раздѣ-
лили между собою Князья, Бояре и воины.
Народъ веселился и торжествовалъ побѣду
въ день Пасхи. Скоро, къ общему удоволь-
ствію, прибылъ благополучно и богатый
купеческій флотъ изъ Греціи: Князья ходи-
ли съ войскомъ на встрѣчу къ оному, что-
бы защитить купцевъ отъ нападенія По-
ловцевъ, еще не совсѣмъ усмиренныхъ.

Ни Мстиславъ, пируя тогда съ союзниками подъ Каневымъ[359], ни Кіевляне, радуясь побѣдѣ и товарамъ Греческимъ, не предвидѣли близкаго несчастія. Одна изъ причинъ онаго была весьма маловажна: Князья жаловались на Мстислава, что онъ, будучи съ ними на берегахъ Орели, тайно посылалъ ночью дружину свою въ слѣдъ за бѣгущими врагами, чтобы не дѣлиться ни съ кѣмъ добычею. Два Боярина, удаленные Великимъ Княземъ отъ Двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьевъ, увѣряя Давида и Рюрика, что Мстиславъ намѣренъ заключить ихъ въ темницу. Легковѣріе свойственно нравамъ грубымъ. Бояре Кіевскіе, знавшіе чистосердечіе Государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословія; но Ростиславичи остались въ подозрѣніи, и не согласились выдать клеветниковъ брату, говоря: «кто жь захочетъ впредь остерегать насъ?» Въ то же время дядя Мстислава, Владиміръ Андреевичь, несправедливо требуя отъ него новыхъ городовъ, сдѣлался ему врагомъ и съ негодованіемъ уѣхалъ въ Дорогобужъ. Такимъ образомъ Великій Князь лишился друзей и сподвижниковъ, столь нужныхъ въ опасности.

Клевета Бояръ.

Но главною виною паденія его было то, что онъ исполнилъ желаніе Новогородцевъ, и долго медливъ, послалъ наконецъ сына,

именемъ Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть ихъ мстителемъ; разорилъ часть Полоцкой области, сжегъ Смоленскій городокъ Торопецъ, плѣнилъ многихъ людей. Андрей Суздальскій вступился за союзниковъ, и не могъ простить Мстиславу, что онъ, какъ бы въ досаду ему, объявилъ себя покровителемъ Новогородцевъ. Можетъ быть, Андрей съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ случай уничтожить первенство Кіева и сдѣлаться Главою Князей Россійскихъ: по крайней мѣрѣ, оставивъ на время въ покоѣ Новгородъ, онъ думалъ только о средствахъ низвергнуть Мстислава, издавна имъ нелюбимаго: тайно согласился съ Ростиславичами, съ Владиміромъ Дорогобужскимъ, Олегомъ Сѣверскимъ, Глѣбомъ Переяславскимъ и съ Полоцкимъ Княземъ; взялъ дружину у Владѣтелей Рязанскаго и Муромскаго, ему покорныхъ; собралъ многочисленную рать; поручилъ ее сыну Мстиславу и Воеводѣ Борису Жидиславичу; велѣлъ имъ итти къ Вышегороду, гдѣ княжилъ тогда Давидъ Ростиславичь и гдѣ надлежало соединиться всѣмъ союзникамъ. Сіе грозное ополченіе *одиннадцати* Князей (въ числѣ коихъ былъ и юный Всеволодъ Георгіевичь, пріѣхавшій изъ Царяграда) шло съ разныхъ сторонъ къ Днѣпру[360]; а неосторожный Мстиславъ ничего не вѣдалъ, и въ то же время послалъ вѣрнаго ему Михаила Георгіевича, Андреева брата, съ отрядомъ

Ненависть Андрея ко Мстиславу.

Г. 1169.

Черныхъ Клобуковъ къ Новугороду: Ростиславичи схватили сего Князя на пути вмѣстѣ съ купцами Новогородскими. Мстиславъ едва успѣлъ призвать Берендѣевъ и Торковъ, когда непріятели стояли уже подъ стѣнами города; два дни оборонялся мужественно: въ третій союзники взяли Кіевъ *приступомъ:* чего не бывало дотолѣ. Сія, по слову древняго Олега, *мать* городовъ Россійскихъ, нѣсколько разъ осаждаемая и тѣснимая, отворяла иногда Златыя врата свои непріятелямъ; но никто не входилъ въ нихъ *силою.* Побѣдители, къ стыду своему, забыли, что они Россіяне: въ теченіе трехъ дней грабили, не только жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храмъ Софійскій и Десятинный; похитили иконы, драгоцѣнныя ризы, книги, самые колокола — и добродушный Лѣтописецъ, желая извинить грабителей, сказываетъ намъ, что Кіевляне были тѣмъ наказаны за грѣхи ихъ, и за нѣкоторыя ложныя церковныя ученія тогдашняго Митрополита Константина[361]! . . . Мстиславъ ушелъ съ братомъ Ярославомъ въ Волынію, оставивъ жену, сына, Бояръ плѣнниками въ рукахъ непріятельскихъ[362], и едва не былъ на пути застрѣленъ измѣнниками, Черными Клобуками.

Марта 8. Взятіе и совершенное паденіе Кіева.

Андрей отдалъ Кіевъ брату своему Глѣбу; но сей городъ навсегда утратилъ право называться столицею отечества. Глѣбъ

и преемники его уже зависѣли отъ Андрея, который съ того времени сдѣлался истиннымъ *Великимъ Княземъ Россіи*; и такимъ образомъ городъ Владиміръ, новый и еще бѣдный въ сравненіи съ древнею столицею, заступилъ ея мѣсто, обязанный своею знаменитостію нелюбви Андреевой къ южной Россіи.

КОНЕЦЪ II ТОМА.

# ПРИМѢЧАНІЯ

## КО II ТОМУ

# ИСТОРІИ

## ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Въ печатн. *Несторѣ* стр. 69.

(2) См. Дитм. Chron. кн. VII. Кадлубекъ пишетъ, что Болеславъ, взявъ Кіевъ (см. ниже), возвелъ на престолъ Россійскій своего родственника (*Hist. Polon.* кн. II, стр. 648).

(3) Рѣка Полтавской Губерніи, впадающая въ Трубежъ.

(4) См. *Пушкин.* Лѣтописца.

(5) См. Нестора.

(6) Кромѣ Моисея *Угрина*, Георгіева брата, ушедшаго въ Кіевъ къ Владиміровой дочери, Переяславѣ. Вмѣстѣ со многими Россіянами плѣненный Болеславомъ, онъ, какъ вторый Іосифъ, не хотѣлъ промѣнять своего цѣломудрія и рабства на любовь одной знатной красавицы (См. *Житіе Моисея* въ *Патерикѣ*). Ефремъ, Новогородскій Чудотворецъ, былъ также братъ Георгія Угрина (какъ написано въ *Прологѣ* Генв. 28), Конюшій Бориса и Глѣба. Онъ взялъ отрубленную голову брата и велѣлъ положить ее въ гробъ съ собою. Несторъ говоритъ, что добрые Россіяне *тайно* погребли тѣло Борисово въ Вышегородѣ, въ церкви Св. Василія, но не могли отыскать искаженнаго трупа Георгіева. Въ нѣкоторыхъ спискахъ именно означено, что Св. Борисъ убитъ Іюля въ 24 день.

(7) См. въ *Ипат.*, *Хлѣбн.*, *Воскрес.* (I, 166), и въ другихъ лѣтописяхъ.

(8) *Плачь* Глѣбовъ о Борисѣ достоинъ замѣчанія въ лѣтописи: онъ нѣженъ и краснорѣчивъ. На примѣръ: «Увы мнѣ, Господи! Луче бы ми умрети «съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семъ. Аще бо «быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое Ангельское, «умерлъ быхъ съ тобою. Нынѣ же что ради остахъ «азъ единъ? Гдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ «мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышю «тихаго твоего наказанья» — и проч.

Въ *Никон. Лѣт.*, въ *Новогород.* Попа Іоанна, въ *Степен. Книгѣ* и во многихъ другихъ сказано, что мѣсто, гдѣ лежало Глѣбово тѣло, ознаменовалось чудесами. — Глѣбъ умерщвленъ, по извѣстію многихъ лѣтописцевъ, 5 Сент. *въ Понедѣльникъ:* такъ и было въ 1015 году. Христіанскія имена Бориса и Глѣба были Давидъ и Романъ.

(9) *Троиц.* и *Пушкин.* — *Ракома* подлѣ Новагорода (нынѣ селеніе на берегу Ильменя) была тоже, что Берестовое подлѣ Кіева: сельскимъ жилищемъ Князей. Въ лѣтописи сказано, что Новогородцы побили Варяговъ на *дворѣ Парамоновомъ.* — Передслава была, вѣроятно, дочь Рогнѣды. — Въ *Новогород.* Попа Іоанна сказано, что Ярославъ собралъ 3000 Новогородцевъ, а Варяговъ 1000. Въ харатейныхъ: «собравъ Варяговъ 1000» (въ *Ипат.* и *Хлѣбн.* 6000) а прочихъ «40,000» (въ другихъ спискахъ 30,000), — т. е. не однихъ Новогородцевъ, но и другихъ Россіянъ, можетъ быть Чуди, Псковитянъ, Кривичей.

(10) Въ *Ипат.* и *Хлѣбн.* сказано, что Ярославъ стоялъ на *сей* сторонѣ Днѣпра, т. е. на правой. — Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна и въ *Никон.* ругатель, Воевода Святополковъ, названъ *Волчій Хвостъ* (см. сей Исторіи Т. I, г. 984). — Видно, что Новогородцы были тогда лучшими плотниками. — О награжденіи воиновъ говорится въ харат. *Новогород.* и Попа Іоанна лѣтописи. Если у Ярослава было, какъ пишетъ Несторъ, 40,000 воиновъ, и если гривна XI вѣка равнялась цѣною съ гривною Смоленскою 1228 года, то сей Князь роздалъ имъ 125 пудъ серебра (см. сей *Исторіи* Т. I, прим. 290 и 475): много по тогдашнему времени!

(11) Дитм. кн. VII и VIII. — Собственныя наши лѣтописи подтверждаютъ истину Дитмарова сказанія о нападеніи Великаго Князя на Польшу въ 1017 году.

(12) См. въ *Никонов.* и во многихъ другихъ спискахъ Нестора. — Не только въ *Никонов.*, но и въ древней *Новогород. Лѣт.* сказано, что въ 1017 году заложена церковь Св. Софіи въ Кіевѣ: она, по извѣ-

стію Дитмара (стр. 426), была разрушена пожаромъ сего году. Ярославъ въ 1037 году заложилъ новую (см. ниже), распространивъ Кіевъ и сдѣлавъ *Златыя врата.*

(13) См. Мартин. Галлуса стр. 62, Кадлубека кн. II, стр. 648, Длугоша кн. II, стр. 151—152, и Нестора. — Въ *Троицк.* и во многихъ: «кормилецъ Воевода, именемъ *Блудъ.* Въ древнѣйшемъ *Пушкин.*, также въ *Кенигсберг.* и другихъ: «именемъ *Буды.*» У Длугоша Budy. Сей Воевода, пѣстунъ Ярославовъ, могъ быть дѣйствительно самый предатель Ярополковъ, и въ 1018 году лѣтъ семидесяти. Владиміръ не имѣлъ правилъ Фридриха Великаго въ разсужденіи измѣнниковъ, когда Анастасъ пользовался его милостію и довѣренностію.

(14) Мартинъ Галлусъ и Кадлубекъ также описываютъ сію брань (Кадлуб. Hist. Polon. кн. II, стр. 649). Длугошъ говоритъ тоже, что Несторъ. Въ *Никон.* и другихъ лѣтописяхъ сказано: что Воевода Блудъ лишился жизни въ семъ несчастномъ сраженіи.

(15) См. Дитмара. Длугошъ замѣчаетъ, что тогдашніе города Россійскіе, построенные изъ одного дерева, безъ каменныхъ стѣнъ, не могли сопротивляться Болеславу (Hist. Polon. кн. II, стр. 151).

(16) Такъ пишетъ Дитмаръ, котораго знакомцы были тогда съ Королемъ Польскимъ и видѣли все собственными глазами. Нарушевичь именуетъ сего Архіепископа Анастасіемъ (Hist. Nar. Polsk., II, 191). — Дитмаръ говоритъ, что *девять* сестеръ Ярославовыхъ и жена его находилися тогда въ Кіевѣ: Несторъ упоминаетъ только о двухъ Владиміровыхъ дочеряхъ. Польскіе Историки называютъ Передславину сестру *Мечиславою* или *Мстиславою* (Длугош. Hist. Pol. кн. I, стр. 154). — Польскіе Историки разсказываютъ, что Болеславъ, въѣзжая въ Кіевъ, мечемъ своимъ, въ знакъ побѣды, разрубилъ тамошнія *Златыя врата* (Длугошъ); что сей удивительный мечь былъ данъ Болеславу Ангеломъ (Бо-

гуфал. стр. 25 и Кадлуб. Hist. Polon. кн. II, стр. 645), и названъ *щербцемъ* по *щербинѣ*, которая сдѣлалась на его лезвеѣ отъ разрубленія Кіевскихъ воротъ (Март. Галлусъ 62, Кадл. 645, Богуфал. 25); что онъ въ позднѣйшія времена хранился въ арсеналѣ Краковскомъ, и что Короли Польскіе всегда ходили съ нимъ на войну (Кадлуб. 645). Изрядныя басни: замѣтимъ ниже и другія. — Дитмаръ пишетъ, что жена Святополкова оставалась въ Россіи, когда сей Князь бѣжалъ въ Польшу.

(17) Въ *Троицк.* и въ иныхъ спискахъ названъ Посадникъ Новогородскій Константиномъ. — О *кунахъ* см. ниже. — По извѣстіямъ Скандинавскимъ, многіе Норвежцы пришли тогда на корабляхъ къ Ярославу (см. Торф. Hist Norv. III, 97) Въ *Архангельск.* означено ихъ число: 14,100.

(18) См. Дитм. Chron. кн. VIII (о сестрахъ Ярославовыхъ стр. 426) См. также Длугош. кн. II, стр. 168. Въ *Воскресенск.* спискѣ и во многихъ, кромѣ *Пушк.*, *Троицк.*, *Кенигсберг.*, сказано «и «тогда Болеславъ положи себѣ на ложе Передславу, «сестру Ярославлю.» Древнѣйшій Польскій Лѣтописецъ, Мартинъ Галлусъ, увѣряетъ, что она была главною причиною войны, и что Ярославъ, не хотѣвъ выдать сестры за Короля, сдѣлалъ его своимъ жестокимъ врагомъ. Ломоносовъ несправедливо называетъ сію Княжну *супругою* Болеслава (о женахъ его см. въ Нарушев. Hist. Narodu Polsk. II, 202). — Польскіе Историки (Длугошъ, Кромеръ, Сарницкій и другіе) говорятъ, что Болеславъ, предъ выступленіемъ изъ Кіева, въ знакъ владычества своего надъ Россіянами, и слѣдуя примѣру Геркулеса, поставилъ столпы желѣзные въ Днѣпрѣ, гдѣ впадаетъ въ него рѣка *Сула*. Но древнѣйшій ихъ писатель, Кадлубекъ, сказываетъ, что желѣзный столпъ поставленъ Болеславомъ не въ Россіи, а въ *Саксоніи*, въ рѣкѣ *Салѣ*, и что въ Кіевѣ онъ зарубилъ только *Златыя врата*, означивъ сими двумя памятниками границы своихъ владѣній на Западѣ и

Востокѣ (Hist. Polon. кн. II, стр. 648). Сарницкій пишетъ, что Король положилъ въ Днѣпрѣ мѣдныя трубы, которыя отъ теченія воды издаютъ звуки и произносятъ имя Болеслава. «Другіе же (говорить онъ) увѣряютъ, что сіи звуки раждаются «отъ пустоты, находящейся въ скалѣ надъ рѣкою» Sarnicii Annal. Polon. кн. VI, стр. 1048). Нарушевичь не осмѣлился повторить точныхъ словъ земляка своего (Hist. N. P. II, 194).

(19) Мартинъ Галлусъ (стр. 62, 63) и Кадлубекъ описываютъ дѣйствія въ такомъ порядкѣ:

Ярославъ, слыша о вступленіи Короля въ Россію, оставляетъ государство и бѣжитъ, не извѣстно куда. Болеславъ беретъ Кіевъ, возводитъ тамъ какого-то родственника на престолъ, идетъ назадъ и распускаетъ большую часть войска. Князь Россійскій гонится за нимъ, будучи во сто разъ сильнѣе его; сражается на Бугѣ, и побѣжденъ. Чрезъ нѣсколько времени Великій Князь опять тамъ же сходится съ Болеславомъ, насмѣхается надъ нимъ, разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ знаменитѣйшими вельможами. Ихъ ведутъ къ Болеславу *на смычкахъ* какъ гончихъ собакъ, и великодушный побѣдитель говоритъ: *низко ругаться надъ уничиженными судьбою; что случилось съ другими, можетъ случиться и съ нами.* — Длугошъ описываетъ даже четыре сраженія, и въ разныя времена (Hist. Polon. II, 151 — 168.) Кромеръ, Стриковскій и другіе повторили сказку Длугоша, смѣсь Несторовыхъ и древнихъ Польскихъ извѣстій, раскрашенную вымысломъ. Но сказаніе Дитмара, современнаго Историка, утверждаетъ истину Несторова повѣствованія и лѣтосчисленія. Впрочемъ и Мартинъ Галлусъ относитъ взятіе Кіева къ 1018 г.

Длугошъ и Кромеръ говорятъ, что Болеславъ принялъ тогда данное ему отъ *Россіянъ* имя *Храбраго*, и построивъ новый замокъ близъ Вислицы, на р. Нидѣ, назвалъ его *Храбрецомъ*. (Сіе мѣсто и нынѣ называется *Хроберэкъ*).

(20) Рѣка Судома означена на картѣ Рос. Государства, сочиненной при Импер. Депо. Тутъ селенія Дубровки, Порѣчье, Сорокино и проч.

(21) Торф. Hist. Norv. III, 97. Брячислава называютъ Норвежскіе Писатели *Вратиславомъ*, Ярослава *Ярислейфомъ*, а Святополка *Буриславомъ*.

(22) Mem. pop. T. II, 1010. Кедринъ пишетъ, что Андроникъ завладѣлъ Тавридою съ помощію *брата* Владимірова (вмѣсто сына), именемъ *Сфенга*. Тогдашній Великій Князь, Святополкъ, занятый войною съ Ярославомъ, не могъ помогать Грекамъ.

(23) См. сей *Ист.* Т. I, прим. 87 и Oriental Geography, въ предисл. стр. XXVIII. Левитъ Іегуда (Jehudah) назвалъ сію книгу *Сеферъ Козри*. Ученый Буксдорфъ напечаталъ ее въ Базелѣ, въ 1660 году, съ Латинскимъ переводомъ, и говоритъ объ ней: liber multiplicis doctrinae ac multae laudis. — Въ нашествіе Татаръ, въ XIII вѣкѣ, уже не видимъ никакихъ слѣдовъ Козарской Державы на берегахъ Каспійскаго моря. Ясы владѣли тогда городомъ при устьѣ Волги (сей Ист. Т. I, прим. 362).

(24) Святославъ побѣдилъ Косоговъ, однакожь не овладѣлъ, кажется, ихъ страною (сей *Ист.* Т. I, г. 966.) — Въ то время, какъ Мстиславъ имѣлъ войну съ Касогами, Ярославъ, по *Ипатьев.* и *Хлѣбников.* списку, ѣздилъ въ Брестъ.

(25) Козары должны были составлять знатнѣйшую часть жителей въ области Тмутороканской, гдѣ могли оставаться также потомки древняго Воспорскаго народа, смѣшаннаго съ Готѳами, Уграми и проч. См. сей *Ист.* Т. I, стр. 40, прим. 86. — Несторъ въ первый разъ упоминаетъ здѣсь о Суздальской области, населенной прежде Мерею, т. е. Чудскимъ народомъ (см. сей Ист. Т. I, стр. 36).

(26) Около сего времени былъ въ Скандинавіи знаменитый Ярль или Принцъ, Финъ *Слѣпый* (см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. II, 137 и Далин. G. des R. Schw. II, 9). Баеръ считалъ сего Якуна Іаковомъ, сыномъ Швед. Короля Олафа и шуриномъ Ярослава

(Коммент. Акад. IV, 291). — Лиственъ есть нынѣ мѣстечко близъ Городни. Тамъ видны остатки древнихъ укрѣпленій.

Черниговъ былъ въ землѣ Сѣверянъ. Далѣе см. *Воскр. Лѣт.* I, 182.

(27) Сей Городецъ былъ противъ Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра (см. ниже, прим. 165). Нынѣшній Остеръ назывался также *Городцемъ Стрецкимъ* и *Въстръскымъ*, т. е. Остерскимъ (*Воскр. Лѣт.* II, 8, и *Хлѣбников.* подъ годомъ 6649). Извѣстенъ еще и третій Городецъ, бывшій на Сеймѣ рѣкѣ (см. *Больш. Чертежъ*).

(28) Кельха Liefländ Historia, стр. 31. Ярославъ, названный въ крещеніи Георгіемъ или *Юріемъ*, далъ Ливонскому *Юрьеву* свое имя.

(29) Бельзъ и нынѣ существуетъ въ Галиціи. Лѣтописецъ сказываетъ, что Ярославъ въ 1022 году ходилъ къ Берестью, на границу Польскую — не знаемъ, за чѣмъ: можетъ быть, онъ снова хотѣлъ тогда воевать съ Болеславомъ или вступить съ нимъ въ мирные переговоры. — Въ 1030 году Болеслава уже не было на свѣтѣ: онъ умеръ въ 1025 (Наруш. Hist. Nar. Polsk. II, 202. Несторъ говоритъ о мятежѣ, безпорядкахъ, избіеніи Бояръ, Епископовъ и Священниковъ въ землѣ Ляховъ по кончинѣ Болеслава *Великаго* (такъ онъ называетъ его): но сіе возмущеніе случилось уже по смерти Мстислава (Наруш. Hist. N. P. II, 290, 291, въ Длугошѣ кн. II, стр. 193—194). — О войнѣ 1032 года упоминаетъ Длугошъ (а за нимъ и Кромеръ) единственно по извѣстію Нестора, прибавляя отъ себя, что Мечиславъ удержалъ въ подданствѣ Россійскіе города, завоеванные отцемъ его. Сей Историкъ говоритъ, что Ярославъ населилъ своими плѣнниками окрестности рѣки *Порси:* то есть, Длугошъ не разумѣлъ, что въ словахъ Несторовыхъ: «посади по Рси,» *по* есть союзъ. — Города, основанные на сей рѣкѣ Ярославомъ, могутъ быть Корсунь, Богуславъ, Юрьевъ.

(30) Мстиславова смерть въ *Пушкин. Кенигсберг.* и многихъ другихъ спискахъ, согласно съ Византійскою хронологіею, означена въ 1036 году. Мстиславъ названъ *Удалымъ* въ *Никон. Лѣт.* I, 131.

(31) Стурлезонъ разсказываетъ, что какой-то Висивальдъ, Князь Русской, сватался за прекрасную вдовствующую Королеву Шведскую, Сигриду Спораду, которая велѣла умертвить его вмѣстѣ съ другимъ женихомъ своимъ, Королемъ Вестфольдскимъ, за такую ихъ дерзость (Hist. Reg. Sept. I, 261). Далинъ (Gesch. des R. Schw. I, 451).

(32) См. сей *Исторіи* Т. I, пр. 434, и Стурлез. Hist. Reg. Sept. I, 517. «Ингигерда» (говоритъ сей Лѣтописецъ) «отдала Альдейгабургъ въ управленіе «родственнику своему, Ярлю (Принцу) Рагивалду. У «нее было *три* сына отъ Ярослава: Вальдимаръ (Владиміръ), Височолдъ (Всеволодъ) и *Гольти*, то есть, «*ловкій, быстрый.*» Мы не знаемъ, котораго изъ сыновей Ярославовыхъ Скандинавы означали симъ послѣднимъ именемъ: можетъ быть, Илію. Объ имени Анны см. ниже.

(33) «Тоняху въ *Сѣтомли*, инѣ же въ инѣхъ рѣ«кахъ.» Мы не знаемъ рѣки Сѣтомли. Сіе имя означало, можетъ быть, рукавъ Днѣпра. — Вѣроятно, что многіе изъ Печенѣговъ ушли къ Дунаю, гдѣ обитали ихъ товарищи; нѣкоторые остались еще между Волгою и Днѣпромъ, гдѣ начали господствовать Половцы. — См. описаніе *Златыхъ вратъ* Цареградскихъ въ Дюканж. Constant. Christ. 52—53. Ѳеодосій Великій соорудилъ ихъ, побѣдивъ тирана Максима. — Ярославъ надъ Златыми Кіевскими вратами сдѣлалъ церковь Благовѣщенія. (См. *Ипат.* и *Хлѣбн.*)— О Митрополіи см. сей *Ист.* Т. I, пр. 425. Въ лѣтописи: «при семъ (Ярославѣ) Черноризцы почаша «множитися и *монастыреве починаху быти.*»

Обстоятельство, что Ярославъ построилъ вмѣстѣ монастырь Св. Георгія, ему соименнаго, и Св. Ирины, заставило думать Татищева, что Великая Княгиня, Ингигерда, называлась Христіанскимъ име-

немъ Ирины: вѣроятно; однакожь на ея древнихъ иконахъ, которыя хранятся въ Новогородскомъ Архіерейскомъ домѣ, изображено имя *Анны*. Въ письменномъ *Софійскомъ Уставѣ* она также называется *Анною*, подъ 5 числомъ Сент. и 4 Окт. Согласимъ одно съ другимъ, положивъ, что Ярославова супруга именовалась въ свѣтѣ Ириною, а передъ кончиною постриглась и была названа въ монашествѣ Анною. Память ея празднуется въ Софійскомъ Новогор. Соборѣ Февр. 10 и еще Окт. 4., вмѣстѣ съ памятію сына Ярославова Владиміра. Неизвѣстно, кто уставилъ первое празднество; а второе Архіепископъ Евфимій въ 1439 г. какъ сказано въ Софійской лѣтописи подъ годомъ 6947. Гробъ ея стоитъ внутри Новогородской Софійской церкви на южной сторонѣ.

(34) Донынѣ Подлѣсье, или Полѣсье, гдѣ жили Ятвяги, богато рыбными ловлями и пчеловодствомъ. Польскіе Историки описываютъ характеръ сего народа дикимъ и неукротимымъ. Въ *Никон.* и *Воскр. Лѣт.* прибавлено, что Ярославъ *не могъ взять Ятвяговъ.* — Мазовшане отложились отъ Королевства Польскаго во время тамошняго междоцарствія. Здѣсь подъ именемъ Литвы должно разумѣть жителей сѣверовосточной Пруссіи и нынѣшней Литовской Губерніи, особенно ея сѣверной части: ибо южная принадлежала къ землѣ Ятвяжской. Древній народъ Литовскій жилъ въ густыхъ лѣсахъ. Стриковскій сочинилъ его Исторію, выбравъ оную изъ лѣтописей Польскихъ, отчасти изъ нашихъ, Ливонскихъ, Прусскихъ, изъ пѣсенъ и сказокъ. Мнимыя древнія извѣстія о происхожденіи Великаго Герцогства Литовскаго баснословны и явно основаны на догадкахъ. Говорятъ, что какой-то знаменитый Римлянинъ Палемонъ, во время *или* Августа Кесаря, *или* Нерона *или* Аттиллы, приплылъ въ Литву, образовалъ ея дикихъ жителей и началъ тамъ властвовать какъ Государь. Его сыновья: Боркъ Спера, Конъ, были основателями замковъ или го-

родовъ Юрборга, Ковна, Сперы. Двое умерли без дѣтными. Трепій оставилъ сыновей Керна и Гимбута, которые въ 1058 году воевали съ Россіянами (Стриковск. Хроника Литовск. гл. VII.) *Сколько же вѣковъ* жилъ Палемонъ съ *дѣтьми* своими, если Августъ, Неронъ или Аттила заставили его бѣжать изъ Италіи, и если *внуки* Палемоновы господствовали въ Литвѣ около половины XI столѣтія? Смѣтливый Кояловичь, сократитель Матвея Стриковскаго, видя такую хронологическую нелѣпость, прибавилъ отъ шести до десяти вѣковъ, и пишетъ (Hist. Litv. стр. 29), что Италіянскіе выходцы долженствовали поселиться въ Литвѣ около 900 года. Исторія Палемонова есть сказка, основанная единственно на сходствѣ нѣкоторыхъ словъ языка Литовскаго съ Латинскими. Слѣдственно и въ древней Россіи надобно искать Римскихъ поселенцевъ, ибо языкъ нашъ также сходствуетъ съ Латинскимъ! — Въ лѣтописи Кведлинбургской упоминается о Литвѣ подъ 1009 г. (въ Лейбниц. изданіи стр. 287). Изъ другихъ Лѣтописцевъ никто не говоритъ объ ней ранѣе Нестора.

Несторъ причисляетъ Ямь къ данникамъ Россіи (стр. 10): то есть, Новогородцы издревле ходили въ Финляндію собирать дань съ ея жителей или разорять сію землю.

(35) Memor. Popul. II, 1010 — 1016.

(36) Memor. pop. II, 1014. Фунтъ Византійскій состоялъ изъ 72 золотниковъ. Греческіе Историки справедливо называютъ сіе требованіе нелѣпымъ.

(37) Въ харатейныхъ и въ *Никон. Лѣт.*

Византійцы пишутъ о 24 галерахъ, Несторъ о 14 ладіяхъ, разбитыхъ Владиміромъ.

(38) См. въ Бандури (I, 18) безъименнаго описателя Константинопольскихъ древностей, жившаго около 1100 г. также Mem. pop. II, 1038, и Гиббона Hist. of the Decl. гл. LV, прим. 66. Сія мѣдная статуя, привезенная изъ Антіохіи, изображала Іисуса Навина или Беллерофона (an odd dilemma! гово-

ритъ Гиббонъ), побѣдителя баснословной Химеры. Французы, овладѣвъ Константинополемъ въ началѣ XIII вѣка, сплавили оную.

(39) Сіе извѣстіе находится въ Мартинѣ Галлусѣ, Богуфалѣ и новѣйшихъ Польскихъ Историкахъ: Нарушевичь сомнѣвается въ его истинѣ (Hist. Nar. Polsk. II, 264—288). Разсказываютъ, будто Папа выпустилъ Казимира изъ монастыря на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы Поляки ежегодно присылали въ Римъ нѣкоторую сумму денегъ на масло особенной лампады въ церкви Св. Петра; 2) чтобы они подбривали себѣ голову, какъ Монахи тогдашняго времени; и 3) чтобы Дворяне, въ большіе праздники, носили на шеѣ епитрахиль, какъ Священники и Діаконы (см. Длугош. Hist. Pol. I, 211, и Кром. стр. 50). — Несторъ говоритъ о супружествѣ Казимира въ описаніи 1043 года. Мартинъ Галлусъ, почти современникъ Несторовъ, называетъ жену Казимирову только *благородною* Россіянкою (nobilem de Russia), а Богуфалъ дочерью *Романа Одоновича*, *Князя Россійскаго*. Лѣтописецъ Саксонскій (Annalista Saxo) не именуетъ отца ея, говоря просто: duxitque (Казимиръ) uxorem Regis Russiae filiam.

О богатствѣ невѣсты пишетъ не только Длугошъ (Hist. Pol. I, 218), но и Мартинъ Галлусъ: cum magnis divitiis (стр. 70).

(40) О великанѣ Моиславѣ см. Длугош. Hist. Pol. I, 220, и нашего Лѣтописца.

(41) См. Исторію Гаральда въ Стурлез. Hist. Reg. Sept. II, 54. Греческая Императрица Зоя, воспламененная къ нему страстію, не хотѣла отпустить его; но онъ, съ помощію своей дружины Варяжской, тайно ушелъ къ Ярославу. — Будучи не только герой, но и стихотворецъ, Гаральдъ въ своихъ походахъ сочинилъ 16 пѣсенъ, изъ коихъ всякая заключалась воспоминаніемъ о любезной дочери Ярославовой; на примѣръ: »Мы видѣли берега Сициліи, и плавая на «быстрыхъ корабляхъ, искали славы, для того, что «смѣлые подвиги воинскіе лучше бездѣйствія, и что-

«бы заслужить любовь Русской красавицы.» Маллетъ перевелъ на Французской языкъ следующую Гаральдову песню:

«Легкія суда наши окружили Сицилію. О время «славы блестящей! Темный корабль мой, людьми «обремененный, быстро разсекалъ волны. Думая «только о войне и битвахъ, я не искалъ инаго сча-«стія; но Руская красавица меня презираетъ!

«Въ юности своей я сражался съ народами Дронт-«геймскими. Число непріятелей было велико: кровь «лилась рекою. Младый Царь ихъ палъ отъ руки «моей. Но Русская красавица меня презираетъ!

«Однажды было насъ шестнадцать товарищей въ «корабле: зашумела буря; взволновалось море, и груз-«ный корабль наполнился водою — мы вычерпали оную, «и спаслися. Я надеялся быть счастливымъ; но Рус-«ская красавица меня презираетъ!

«Въ чемъ я не искусенъ? сражаюсь храбро, сижу «на коне твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, «метко бросаю копье, умею владеть весломъ; но «Русская красавица меня презираетъ!

«Разве не слыхала она, какую храбрость оказалъ «я въ земле южной, въ какой жестокой битве одер-«жалъ победу, и какіе памятники славы моей тамъ «остались? Но красавица Русская меня презираетъ!

«Рожденный въ Верхней Норвегіи, где жители «столь искусно стреляютъ изъ луковъ, я захотелъ «лучше плавать на корабляхъ, страшныхъ для по-«селянъ, между скалами морскими, и былъ въ неиз-«меримости Океана, за пределами земель обитае-«мыхъ. Но Русская красавица меня презираетъ!»

Елисавета *не презирала его:* онъ следовалъ единственно обыкновенію тогдашнихъ нежныхъ Рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своихъ любовницъ. — По летосчисленію Далина, Гаральдъ женился на Елисавете въ 1045 г. (G. des. R. S. II, 7). Она скоро умерла, оставивъ двухъ дочерей, Ингигерду и Марію (Стурлез. Hist. Reg. Sept. II, 94)): первая вышла за Филиппа, Короля Шведскаго,

Мужественный зять Ярославовъ положилъ свою голову въ Англіи, сражаясь съ Королемъ Гаральдомъ Годвинсономъ въ 1066 году.

(42) Г. Левекъ въ своемъ Mémoire sur les anciennes relations de la France avec la Russie. (*Mémoires de l'Institut National*, T. II.)

*Acta Sanctorum*, (въ житіи Констант. Философа, или Кирилла въ Шлецер. Нест. III, 232): «въ 1048 «г. Р. Х., когда Генрикъ послалъ въ Россію Шалон«скаго Епископа Рогера за невѣстою своею Анною, «дочерью тамошняго *Короля*, Одальрикъ, Настоя«тель Реймской церкви Св. Маріи, просилъ сего «Епископа развѣдать, въ тѣхъ ли странахъ нахо«дится Херсонъ, гдѣ, по сказанію, лежатъ мощи «С. Климента? Что Рогеръ и сдѣлалъ, свѣдавъ отъ «Короля оной земли, Ярослава», и проч.

См. также Rerum Gallicarum et Francicarum Scriptores, T. XI, стр. 157, 161, 197, 219, 247, 319, 355, 409, 411, 443, 499, 563, 564, 565, 653. Французскіе Лѣтописцы несогласны въ означеніи года свадьбы Генриковой: нѣкоторые полагаютъ ее въ 1044 г., иные въ 1051, и сказываютъ, что за невѣстою ѣздилъ Вильтерій или Готье (Gautier), Епископъ Москій, съ другими сановниками. Выписываемъ здѣсь любопытнѣйшее: Misit Rex Walterium, Episcopum Meldensem, et Wascelinum de Ghalinaco cum aliis ad quemdam Regem in finibus Greciae, qui vocabatur Gerisclo, de terra Rusciae, ut filiam ejus sibi nuptum daret; quod ille gratanter accepit, eamque cum multis donis in Franciam misit, ut ex Clario Monacho discimus. .... Rex duxit uxorem Scythicam et Russam .... Bertradam (вмѣсто Анны), Julii Glaudii Regis Russiae filiam .... A. 1052 Philippus natus est, Regis filius ex Anna, filia Georgii, Regis Slavorum .... Li Roi Henriz prist à ſame Annte, la fille au Roi Ruffin. cele dame pensoit plus aux choses à venir que aux choses presentes, ce est à dire, qu'elle pensoit plus à Dieu qu'aux choses du siecle; dont il avint qu' ele fist estorer à Senlix une yglise en l'enor S. Vincent .... Гер-

вазій, Архіепископъ Реймскій, въ 1062 году писалъ къ Папѣ Александру: Regnum nostrum non mediocriter conturbatum est: Regina enim nostra Comiti Radulpho (де-Крепи) nupsit, quod factum Rex noster quam maxime dolet. Для сего брака Рудольфъ де-Крепи оставилъ первую жену свою. Гервазій говоритъ о томъ: de uxore vero Comitis Radulphi, quae vestrae conquesta est paternitati, se a viro injuriâ esse dimissam, id vobis notum esse volumus, и проч. — Папа Николай II (въ 1059 г.) въ ласковомъ письмѣ къ Аннѣ, gloriosae Reginae, хвалитъ ея набожность и благодѣтельность: совѣтуетъ ей питать въ Королѣ усердіе ко благу Государства и Церкви, воспитывать сыновей въ чистыхъ правилахъ, и проч.

(43) См. Mémoire Левек. и Recueil des Historiens de France, T. XI, 433 и 564.

(44) Туроц. Chron. Hung. гл. XLII, стр. 108, и Праев. Annal. Reg. Hungariae, кн. I, стр. 54.

Россіяне, живущіе въ разныхъ округахъ или Графствахъ Венгріи, на лѣвой сторонѣ Дуная, поселились тамъ безъ сомнѣнія въ древнія времена, но только уже Христіанами (не ранѣе XI или XII вѣка): ибо они всѣ были Греческаго Исповѣданія, слѣдственно не въ Католической Венгріи приняли Христіанскую Вѣру. Хотя Византійскіе Лѣтописцы, Іоаннъ Скилицисъ, Кедринъ, Зонара, говорятъ о двухъ Венгерскихъ Князьяхъ, Булосудѣ (Бульцѣ) и Гилѣ, которые въ X вѣкѣ крестились въ Царѣградѣ и взяли съ собою монаха Іероѳея, названнаго первымъ Епископомъ народа ихъ (Memor. popul. T. III, стр. 620); но сей случай не имѣлъ важныхъ слѣдствій, и Христіанство утверждено въ Венгріи только при Гейзѣ, Римскими, а не Греческими Миссіонаріями (Гебгарди Gesch. des Reichs Hungarn, T. I, стр. 361). — Жестокія утѣсненія заставили наконецъ бѣдныхъ Венгерскихъ Россіянъ пристать къ Уніи. Одинъ изъ нихъ, г. Орлай, Штабъ-Лекарь Двора нашего, говоритъ въ сочиненіи своемъ о *Карпато-Россахъ:* «мы лишились отечества, Закона прародительскаго и

свободы.» Число ихъ, по извѣстію Г. Орлая, простирается до 800,000. Они говорятъ и пишутъ совершенно Русскимъ нарѣчіемъ.

Въ грамотѣ Гейзы II, писанной въ 1058 году, упоминается о Герцогѣ Дамаславѣ, жившемъ при Андреѣ I: Прай считаетъ сего Дамаслава Россіяниномъ, пріѣхавшимъ въ Венгрію съ Агмундою или Анастасіею (Dissert. VII in annal. vet. 130).

(45) Саксон. Грам. *Hist. Dan.* кн. XI, стр. 207. Въ Торфеев. Hist. Norv. ч. III, стр. 377.

Увидимъ ниже, что супругъ Гидинъ былъ дѣйствительно Владиміръ и Великій Князь (Rex) Россійскій, но только не *сынъ*, а *внукъ* Ярославовъ. — Несторъ пишетъ, что Владиміръ въ 1045 г. заложилъ Св. Софію въ Новѣгородѣ, а въ 1052 умеръ и погребенъ въ сей церкви, имъ созданной.

Владиміръ Ярославичь родился въ 1020 г.: слѣдственно жилъ только 32 года. Онъ умеръ Окт. 4, по сказанію древней Новогор. лѣтописи, и рака его стоитъ въ храмѣ Софійскомъ близъ олтаря. Въ эпитафіи, на стѣнѣ, означены лѣта жизни и дѣла сего Князя: походъ на Ямь и на Грековъ. Архіепископъ Евфимій въ 1439 г. уставилъ праздновать его память въ Новогор. Соборѣ (выше, прим. 33). Нынѣшніе гробы Владиміра и супруги Ярославовой деревянные и не старинной работы: древніе, можетъ быть обложенные серебромъ, похищены, какъ вѣроятно, въ началѣ XVII вѣка Шведскимъ Генераломъ Яковомъ дела-Гарди, который бралъ изъ церквей Новогородскихъ все драгоцѣнное.

(46) Въ *Воскр. Лѣт.* (I,187) и мног. другихъ.

Изяславъ родился въ 1025 г., Святославъ въ 1027, Всеволодъ въ 1030, Вячеславъ по *Троицк.* и *Никонов.* списку въ 1033, а по *Кенигсберг.*, *Пушкин.* и другимъ въ 1036, т. е. въ годъ Мстиславовой смерти.

(47) См. Дюкан. Famil. August. Byzant. стр. 144, 145, и Русск. переводъ Кедрина, л. 172 и слѣд.

(48) *Historia Archiepiscoporum Bremensium*, въ Лин-

денбр. изданіи стр. 89: «Ида, племянница Императора Генрика III и Папы Леона, вышла за Леопольда, Графа Штадскаго, и родила Оду, которая, живъ нѣсколько времени Монахинею въ обители Ринтельнской, возвратилась въ свѣтъ, сочеталась бракомъ съ Россійскимъ Княземъ и родила ему сына *Вартеслава*; а по смерти мужа, зарывъ великія сокровища въ нѣкоторомъ удобномъ мѣстѣ, выѣхала съ сыномъ и съ деньгами въ Саксонію (гдѣ вышла за втораго мужа). Вартеславъ чрезъ нѣсколько времени былъ призванъ въ Россію, княжилъ на престолѣ отца, и воспользовался сокровищами, оставленными тамъ его матерію.» То же разсказываетъ и Альбертъ Штадскій въ своей хроникѣ, и также не именуетъ супруга Одина. По собственнымъ нашимъ лѣтописямъ не знаемъ никакого Князя *Вартеслава*. Г. Траеръ въ своемъ разсужденіи · Abstammung Russ. Kays. Hauses und Braunschweig-Lüneburg. Herzoge von einer Deutsch. Stamm-Mutter, доказывалъ, что Ода была за Всеволодомъ, и что Вартеславъ есть Владиміръ Мономахъ; но мать Владимірова — Гречанка, по извѣстію Нестора — умерла прежде супруга. Гораздо вѣроятнѣе, что Нѣмецкіе Лѣтописцы обратили *Вячеславича* (Бориса) въ Вартеслава. — О Кунигундѣ говоритъ такъ называемый Саксонскій Лѣтописецъ (Annalista Saxo, въ Эккард. Corp. hist. med. aevi, l. 493): «Кунигунда, дочь Оттона, Графа Орламиндскаго (и Маркграфа Мейссенскаго) вышла за Князя Россійскаго и прижила съ нимъ дочь, на которой женился послѣ Гинтеръ (Графъ Шварцбургскій); отъ сего брака родился Графъ (Шварцбургскій) Сицо. По смерти Князя Россійскаго Кунигунда возвратилась въ отечество и сочеталась вторымъ бракомъ съ Кунономъ (Графомъ Бейхлингенскимъ).» Г. Реникъ полагаетъ Кунигундинымъ супругомъ Святослава (см. Versuch einer zuverlässigen Nachricht von dem ersten Gemahle der Gr. Kunigunde); но Святославъ умеръ пятидесяти лѣтъ: супруга его не могла быть молодою вдовою; или надобно пред-

положить, что она была втораго брака. Вячеславъ умеръ двадцати-четырехъ лѣтъ (выше, прим. 46), Игорь также въ юношествѣ; первый оставилъ только *одного* сына, а второй *двухъ* (см. ниже).

(49) Въ годъ Мстиславовой смерти Несторъ говоритъ только: «Епископа поставили Жидяту.» Въ *Новогор. Лѣт.* Попа Іоанна и въ другихъ онъ названъ Лукою. — Вѣроятно, что Митрополитъ Θеопемптъ скончался прежде Иларіонова избранія. Въ нашихъ рукописныхъ *Каталогахъ* означены всѣ Митрополиты и Епископы Россійскіе, время ихъ жизни и паствы; но сіи Каталоги сочинены въ новѣйшія времена, обезображены грубыми историческими ошибками и не согласны одинъ съ другимъ. Они выбраны изъ лѣтописей, и безъ всякаго разсмотрѣнія.

(50) Ни въ *Пушк.*, ни въ *Кенигсберг.* спискѣ не упоминается здѣсь объ *Игорѣ*, пятомъ сынѣ Ярослава; въ *Троицк.* уже *другою рукою* написано внизу: «а Игорю Володимерь.» — Въ одной лѣтописи XV вѣка (Синодал. Библіот. No 349, *л.* 227) и въ *Новогород.* Попа Іоаннъ (стр. 311) сказано, что Изяславъ взялъ себѣ Новгородъ и Кіевъ съ городами его; Святославъ Черниговъ и *всю сторону восточную* до Мурома; а Всеволодъ Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволожье (то есть, мѣста по Волгѣ). Такъ въ самомъ дѣлѣ были раздѣлены между ими области. — Въ лѣтописи означено, что Ярославъ умеръ *семидесяти-шести лѣтъ* въ 6562 г., въ первую *Субботу* поста Св. Θеодора: то есть, въ Θеодорову Субботу (такъ въ харат. *Пушкинск.* спискѣ): слѣдственно 19 Февраля (а не 20, какъ прибавлено въ другихъ спискахъ; ибо Пасха была тогда 5 Апрѣля), и въ 1054 году по нынѣшнему счисленію съ Генваря, а по древнему въ 6561: ибо Несторъ *начинаетъ годъ съ Марта, а не съ Сентября.* — Лѣтописецъ говоритъ, что во время кончины отца Изяславъ былъ въ Новѣгородѣ, а Святославъ въ Владимірѣ.

(51) Сей памятникъ, вышиною 2 аршина, длиною 3½, шириною 19 вершковъ, сдѣланъ изъ мрамора бѣло-синеватаго, и находится въ придѣлѣ съ лѣвой стороны большаго олтаря. Половина монумента скрыта въ стѣнѣ. На камнѣ вырѣзаны кресты, съ буквами *IC. XC*, также буквы NIKA (Греч. слово, означающее *побѣду*), птичьи головы, деревья, цвѣты и проч.

(52) См. харат. ***Новог. Лѣт.*** стр. 112, также сей ***Исторіи*** Т. III, прим. 4.

(53) См. харат. ***Новогород. Лѣт.*** стр. 80. Сей Дворъ былъ на *Торговой Сторонѣ* въ Новѣгородѣ, за мостомъ отъ Софійскаго Собора. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: «близъ рѣки Волхова, идѣ-«же нынѣ Николая Чудотворца церковь; и донынѣ «зовется *Ярославле дворище.*»

(54) Въ ***Никон. Лѣт.*** и въ рукописныхъ Новогородскихъ.

(55) Кромеръ, стр. 45.

(56) Св. Георгій представленъ съ вѣнцемъ на главѣ; на плечахъ хламида, изъ-подъ коей видна часть брони; на лѣвой рукѣ щитъ, въ правой копье. Надпись: ὁ Γεοργιος и буквы точно имѣютъ образъ Греческихъ первагонадесять вѣка. На другой сторонѣ, вокругъ: × *Ярославле сребро*. Въ срединѣ надписи знакъ подобный трезубцу; на бокахъ стоятъ 3 буквы: М. А. И. Думаю, что сіи буквы Греческія, а не Русскія; что третья есть N, и что онѣ знаменуютъ *Μεγαλȣ Αρχωντος νόμισμα*, то есть: *Великаго Князя монета*. Византійцы дѣйствительно именовали нашихъ Князей *Архонтами* (Мет. рор. II, 976). Можетъ быть, Ярославъ первый хотѣлъ имѣть собственныя серебряныя деньги въ Россіи, и велѣлъ художнику Византійскому сдѣлать въ Кіевѣ нѣсколько монетъ для опыта. Сія драгоцѣнность находится въ Кабинетѣ Гр. А. И. Мусина-Пушкина.

(57) *Ник Лѣт.* I, 142, и *Степ. Кн.* I, 224. Названіе *демественное* есть *Греческое* испорченное и происходитъ отъ слова *Δομέςικος*, *уставщикъ* (Дюканжъ).

(58) Стурлез. Hist. Reg. Sept. T. I, стр. 745 и слѣд. Сей Лѣтописецъ разсказываетъ, что Ярославъ хотѣлъ отдать Олофу землю *Вулгарію*, гдѣ жили язычники (можетъ быть, область сосѣдственную съ Казанскою Болгаріею: ибо народъ Болгарскій не зависѣлъ отъ Россіи). Занимаясь единственно святостію, Олофъ думалъ только о спасеніи души своей, лечилъ больныхъ и дѣлалъ чудеса (стр. 748 и 749); но увидѣвъ, къ несчастію, во снѣ тѣнь Олофа Тригвасона, которая подала ему надежду быть снова Королемъ Норвежскимъ, рѣшился, въ противность совѣту Ярославову и жены его Ингигерды, возвратиться въ отечество, гдѣ онъ положилъ свою голову на мѣстѣ сраженія въ 1030 году. Сынъ его Магнусъ жилъ въ Россіи до 1033 году.

(59) Адамъ Бременскій, почти современный Историкъ, именно такъ пишетъ: filii ejus (Эдмундовы) in *Ruzziam* exilio sunt damnati (въ Линденброг. изданіи стр. 26). Быть можетъ, что Англійскіе Принцы выѣхали послѣ изъ Россіи въ Венгрію (см. Праев. Annal. Reg. Hung. кн. I, стр. 28).

Венгерскіе Принцы, Андрей и Левента, дѣти Ладислава *Плѣшиваго* и какой-то безъименной Россіянки (Туроц. Chron. Hung, стр. 108 въ Швандтнер. изданіи) долгое время жили въ нашемъ отечествѣ: тамъ Андрей узналъ, что Венгерцы избираютъ его въ Короли (см. Праев. Annal. Reg. Hung. кн. I, стр. 50).

(60) См. въ Кіевск. Патерикѣ *сказаніе о церкви Печерской.*

(61) См. о Пермякахъ и Самоѣдахъ въ печат. *Нест.* стр. 10, 145, 146. Слѣдственно Шлецеръ (Nord. Gesch. 292) и другіе несправедливо говорятъ, что Русскіе узнали Самоѣдовъ только въ XV вѣкѣ. Имя сего народа производятъ отъ *Самеядна:* такъ Лапландцы называютъ свою землю; а Русскіе, говоритъ Фишеръ (въ *Сибирск. Исторіи,* стр. 72, 75) считали нѣкогда Лапландцевъ (Лопарей) и Самоѣдовъ за одинъ народъ. Иные толкуютъ, что Самоядь есть

Финское слово Suomihätti, то есть *Финнами оставленные* жители: сіе изъясненіе предполагаетъ, что тѣ и другіе обитали вмѣстѣ, и что Финны оставили наконецъ Самоѣдовъ (см. Прая Dissert. in ann. vet. Hung. стр. 40.) Языкъ послѣднихъ отличенъ отъ Финскаго и сходствуетъ съ языкомъ Остяковъ Томскихъ, Нарымскихъ, Енисейскихъ, Каймашей, Карагасовъ и проч. (см. Фиш. *Сибирск. Исторію*): думаютъ, что Самоѣды были изгнаны изъ Сибири Татарами. — Часть Лапландіи принадлежала Новугороду еще прежде Ярослава, если Руническая харатейная грамота, въ 1677 году напечатанная въ Норвежскомъ городкѣ Шеенѣ, не есть изобрѣтеніе какого нибудь любителя древностей. Ученый Спарфенфельдъ получилъ оную отъ Пастора Николая Голфварда. Она содержитъ въ себѣ распредѣленіе границъ между Россіею и Норвегіею во время Свенона I, Датскаго Короля, жившаго въ концѣ X вѣка. Въ ней сказано, что Государь Россійскій можетъ брать дань съ жителей приморскихъ, горныхъ и лѣсныхъ до самыхъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ Норвегіи. Я нашелъ сіе извѣстіе въ рукописномъ извлеченіи, сдѣланномъ въ Стокгольмѣ изъ Лѣтописцевъ Скандинавскихъ для Екатерины Великой.

(62) Главные изъ нихъ были Тореръ и Карлъ, отправленные для торговли въ Біармію самимъ Королемъ Олофомъ. Приплывъ туда во время *славной* ярмонки и накупивъ *мѣховъ*, они вздумали еще ограбить кладбище: ибо жители имѣли обыкновеніе зарывать въ могилу часть богатства, оставляемаго умершими. Сіе мѣсто было окружено лѣсомъ и заборомъ; въ срединѣ, на площади, стоялъ истуканъ бога Іомалы, съ драгоцѣннымъ ожерельемъ на шеѣ; а передъ нимъ, въ серебряной чашѣ, лежали деньги. Норвежцы зашли туда въ глубокую ночь, и похитили все, что могли; но желая еще снять ожерелье съ идола, крѣпко привязанное, отсѣкли ему голову.... Вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ. Стражи кладбища пробудились и начали трубить

въ рога. Воры спасались бѣгствомъ. Жители съ крикомъ и воплемъ гнались за ними, и со всѣхъ сторонъ окружили ихъ; но будучи неискусны въ дѣлѣ воинскомъ, не могли ничего сдѣлать отважнымъ грабителямъ, которые благополучно дошли до кораблей своихъ (см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. T. I. гл. CXLII, de itinere in Biarmiam, стр. 618 и слѣд.).

Стурлезонъ не именуетъ города Біармскаго. Въ Dissertation sur les anciens Russes стр. 36, приведено одно мѣсто изъ Торфеевой Норвежской Исторіи, гдѣ столица Біарміи названа Гольмгардомъ: я не умѣлъ найти сего мѣста въ Торфеѣ. Онъ пишетъ (Hist. Norv. T. I, стр. 165), что Гольмгардъ былъ древнею столицею и Княжествомъ Россіи, которое досталось на часть Ярославу, сыну Владиміра Великаго. Мы знаемъ, что Ярославъ княжилъ въ Новѣгородѣ: слѣдственно имя Гольмгардъ, по Торфееву сказанію, означало сію первобытную столицу Россіи, а не Біарміи. Струбе, Авторъ Диссертаціи, и Миллеръ непремѣнно хотѣли доказать, что наши Колмогоры и древній Гольмгардъ есть одно мѣсто. Имя сходно; но Колмогоры по нашимъ историческимъ памятникамъ извѣстны только съ XIV вѣка: въ первый разъ упоминается объ нихъ въ грамотѣ Вел. Кн. Іоанна Іоанновича, сына Калитина (см. Пушкинск. собраніе грамотъ Двинскихъ.); тамъ жили Новогородскіе Двинскіе Посадники. Г. Крестининъ, Архангельскій уроженецъ, пишетъ, что Колмогоры составились изъ трехъ деревень: Курцева, Качкова, Падрокурья (см. его *Начертаніе исторіи* сего города). Имя ихъ есть, кажется, вмѣстѣ и Финское и Русское: *колмъ* на Финскомъ языкѣ значитъ *три*. И въ Большомъ Чертежѣ и Двинской лѣтописи сей городъ всегда называется Колмогорами, а не Холмогорами.—Мнимый Іоакимъ, Татищевъ и Елагинъ искали Гольмгарда въ окрестностяхъ Новагорода, не знавъ, что Скандинавскіе писатели называли такъ иногда самый Новгородъ, иногда всю Россію сѣверную.

Вотъ баснословное описаніе Йомалина храма: «По-

«строенный весьма искусно изъ самаго лучшаго де-«рева, онъ былъ украшенъ золотомъ и камнями дра-«гоцѣнными, ярко озарявшими всѣ окружныя мѣста «(Sturlaugs Saga, стр. 47, 49). На головѣ Йомалы бли-«стала золотая корона съ двѣнадцатью рѣдкими «камнями; ожерелье его цѣнилось въ 300 марокъ «(150 фунтовъ) золота; на колѣняхъ сего идола сто-«яла золотая чаша, наполненная золотыми монета-«ми, и такой величины, что четыре человѣка мо-«гли напиться изъ нее досыта. Его одежда цѣною «своею превосходила грузъ трехъ самыхъ богатѣй-«шихъ кораблей.» См. Herrauds и Bosa Saga, стр. 33, въ Шлецер. Nord. Gesch. стр. 439.

Норвежцы до самаго XIII вѣка ходили на кораблях въ Біармію (см. Далин. Gesch. des R. Schw. II, 144, въ примѣч.). Бѣлое море и часть Ледовитаго къ берегамъ Архангельской Губерніи долго назывались въ Россіи *Мурманскимъ*, то есть Норманскимъ или Норвежскимъ моремъ (Двинск. лѣтоп. въ *Труд. Вольн. Рос. Соб.* I, 126). Но Болтинъ говоритъ, что Мурманское значитъ *поморское* (Примѣч. на Леклерка I, 45): ибо Татищевъ увѣрялъ, что *Маурена* значитъ на *Сарматскомъ* языкѣ *поморье*.

(63) См. Отерово путешествіе въ Форстер. Gesch. der. Entdeckungen im Norden.

(64) Двинской Лѣтописецъ (*Труд. В. Рос. Собр.* I, 114, 115) говоритъ, что они зависѣли отъ Новагорода еще при Владимірѣ, который просвѣтилъ ихъ крещеніемъ вмѣстѣ съ Россіянами. Первое вѣроятно, ибо народъ въ Архангельской Губерніи донынѣ сохранилъ (*Записки Лепех.* Т. IV) нѣкоторые обычаи *языческихъ Славянъ*: изъ чего можно заключить, что Россіяне еще въ идолопоклонствѣ овладѣли Двинскою областію; но второе сомнительно: ибо Норвежцы, посланные Королемъ Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, въ Біармію, нашли ея жителей идолопоклонниками.

Объ имени Заволочья см. Двин. Лѣт. 113. *Волокъ* означаетъ 1) пространство между рѣками судоход-

ными, чрезъ кое перевозили или перетаскивали суда; 2) также мѣсто лѣсное, закрытое, *заволоченное* (*Слов. Геогр. Рос. Гос.* I, 977 и 1021). Если Двинская земля названа *Заволочьемъ* въ первомъ смыслѣ, то подъ *волокомъ* разумѣлось пространство между Онегою и Двиною.

Несторъ пишетъ (въ печатн. стр. 145, 146): «се «же хочю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, «яже сказа ми Юря Тагоровичь Новъгородецъ, гла-«голя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру — «людіи, яже суть дань дающе Новугороду — и при-«шедшю отроку моему къ нимъ, и оттуда иде въ «Югру: Югра же языкъ есть *нъмъ*» (т. е. иноплеменный) «и съсѣдятся съ Самоѣды на полунощныхъ «странахъ. Югра же рекоша отроку моему: давно «находимъ мы чюдо, его же нѣсьмы слышали преже «сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти. Суть «горы заидуче лукоморя» (т. е. за лукоморьемъ или морскою лукою), «имъ же высота до небеси, и въ «горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть го-«ру, хотяче высѣчися, и въ горѣ той просѣчено «оконце мало, и ту де молвять, и есть не разумѣ-«ти языку ихъ, да кажуть на желѣзо, и помоваютъ «рукою, просяче желѣза. Кто дасть имъ ножъ, ли «сѣкиру, дають скорою (шкурами) противу. Есть «же путь до горъ тѣхъ, и непроходимо пропасть-«ми, снѣгомъ и лѣсомъ: тѣмъ же не доходимъ ихъ «всегда; есть же и подаль на полунощьи. — Мнѣ же «рекшю къ Юряшѣ: *си суть люди заклепени Олександромъ Макидоньскимъ Царемъ*, яко же сказаетъ «Меѳодій Патарійскій»: или Патарскій Епископъ, славный врагъ Оригеновой ереси (см. его житіе въ Минеяхъ и въ Прологѣ Іюня 20). Я нашелъ въ Синодальной библіотекѣ и сочиненіе Меѳодіево, о коемъ здѣсь говоритъ Несторъ, подъ заглавіемъ: *Меѳодіа, Епископа Патарскаго, слово о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ* (см. книгу въ листъ подъ No. 20). Оставимъ повѣсть Византійскаго Меѳодія и догадку Несторову; но сказаніе Юрья Тароговича

весьма любопытно и важно для нашей Исторіи, свидѣтельствуя, что *Россіяне въ XI вѣкѣ уже бывали за хребтомъ горъ Уральскихъ*, и что Сибирскіе народы вымѣнивали въ Югрѣ желѣзныя орудія на шкуры.

(65) Въ лѣтописи, напечатанной въ *Продолж. Древ. Рос. Вивліоѳики*, сей уставъ весьма не полонъ, и вторая часть его несправедливо названа *Правдою дѣтей Ярославовыхъ*, которыя не сочиняли *новыхъ* законовъ, но только отмѣнили одинъ (см. ниже), утвердивъ всѣ другіе: «а ина все яко же «Ярославъ судилъ, тако же и сынове его уставиша» (см. новое изд. *Русск. Правды*, стр. 10). — Новые Издатели *Русской Правды* сдѣлали другую ошибку, не менѣе важную, назвавъ первую часть Ярославовымъ уставомъ, а вторую *Мономаховымъ*. — Самый древнѣйшій списокъ *Правды* нашелъ я въ библіотекѣ Синодальной, въ харатейной Кормчей Книгѣ (No 82). Въ началѣ стоитъ слѣдующая надпись: «Въ лѣто *шесть тысячь, семь сотъ.*» — (третья числительная буква изгладилась) — «написаны быша книгы «сія повелѣніемъ благовѣрнаго Князя Новогородьского «Дмитрія» (сына Александра Невскаго) «а стяжаніемъ «боголюбиваго Архіепископа Новогородьского Кли«мента» (слѣдственно около 1280 году) «и положе«ны быша въ церкви Св. Софія, на почитаніе (чте«ніе) Священникомъ и на послушаніе Крестьяномъ «(Христіанамъ), а собѣ на спасеніе души.» Сія книга, любопытная и по другимъ, внесеннымъ въ нее сочиненіямъ, въ началѣ XVI вѣка была уже въ Москвѣ, и Великій Князь Василій Іоанновичь (что написано на ея переплетѣ), отпуская въ Новгородъ Архіепископа Макарія въ 1524 году, далъ ему оную какъ драгоцѣнность и велѣлъ снова положить въ Софійскую церковь. — Въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина есть другой, также харатейный, но, думаю, новѣйшій списокъ *Правды*, которымъ я также пользовался. Въ печатномъ же находятся неисправности,

большею частію умышленныя, то есть, мнимыя поправки.

(66) На примѣръ, въ нихъ говорится объ *Изгояхъ* (см. ниже), жителяхъ Новогородскихъ, и проч. Но Ярославъ, будучи Великимъ Княземъ, безъ сомнѣнія далъ сей уставъ цѣлому государству. Дѣти Ярославовы и Мономахъ съ *Боярами Кіевскими*, *Переяславскими*, *Черниговскими* (см. ниже) отмѣнили и прибавили нѣкоторыя статьи: ясно, что въ Кіевѣ и другихъ южныхъ городахъ дѣла судились также по законамъ Ярославовымъ, весьма сходнымъ съ гражданскимъ уставомъ Децемвировъ (см. Commentaire sur la loi des douze tables par Bouchaud).

(67) Имя Огнищанъ, которое встрѣчается только въ лѣтописяхъ Новогородскихъ, произошло въ глубокой древности отъ слова *огнище* или *очагъ*, знаменовало гражданъ домовитыхъ, и наконецъ обратилось въ названіе *Житыхъ* людей (см. сей *Исторіи* Т. IV и V.) — *Людинъ* есть число единственное *людей:* такъ назывались, кромѣ Бояръ, собственно всѣ граждане вольные. Народы Германскіе то же разумѣли подъ именемъ Leute (Leudes) въ законахъ Визиготескихъ, Лонгобардскихъ и проч. См. Дюканж. или Дюфрен. Glossarium ad Script. mediae et infimae Latinitatis.) — Здѣсь мы соединили главу I, III, VII, VIII и IX по раздѣленію новыхъ Издателей Правды. Писцы безъ сомнѣнія перемѣшали статьи. — Въ подлинникѣ (статья 1): «*Изгой* любо Словенинъ.» *Изгоями* назывались жители области пограничной съ Ливоніею (нов. изд. Правды, 8) и населявшіе особенную улицу въ Новѣгородѣ: объ нихъ упоминается въ древнемъ Новогородскомъ *Уставѣ о мостовыхъ* (см. ниже) и въ лѣтописи Псковской; вѣроятно, что они были Латышскаго или Чудскаго племени. — Въ *Правдѣ* лѣтописи Новогор. (стр. 338) названъ сельскій Тіунъ *Старостою*. — Тіуномъ сельскимъ и ремесленникомъ могъ быть конечно и свободный человѣкъ; но здѣсь говорится о людяхъ рабскаго состоянія: иначе за ихъ убіеніе надлежало бы взыски-

вать виру или 40 грив., а не 12. — Имя *смердъ* означало обыкновенно крестьянина и чернь, то есть, простыхъ людей, не военныхъ, не чиновныхъ, не купцевъ. — Вѣроятно, что имя *смердъ* произошло отъ глагола *смердѣть*. Американцы, жители береговъ Миссиссипи, также называютъ чернь людьми *смрадными* (см. Робертс. *Исторію Америки*, Т. II, въ статьѣ *о правленіи*). — Издатели Правды вмѣсто: «а за смердій холопъ,» напечатали: «а смерди и хо«лопъ 5 гривенъ.» Ошибка грубая: ибо смерды были свободные люди, и ни въ какомъ случаѣ не могли равняться съ холопями; здѣсь говорится не о смердахъ, но объ ихъ рабахъ. Смерды платили Князю *продажу*, дань или пени; а съ холопа не было никакого денежнаго взысканія, ибо онъ не имѣлъ собственности. — За рабу, какъ видимъ, платили болѣе, нежели за раба: по тому ли, что убіеніе слабой жены считалось важнѣйшимъ преступленіемъ? Но выше сказано, что убійца свободной жены вносилъ въ казну только полвиры. Не уже ли раба, какъ вещь или товаръ, стоила въ то время дороже холопа?

(68) См. законы Саксонцевъ, Франковъ и проч., изданные Голдастомъ, Линденброкомъ, Георгитемъ. (Стирнгок. de Iure Sueonum ac Gothorum antiquo. кн. II, гл. IV, стр. 349; см. также *Рѣчь* Струбе о *началѣ Рос. Законовъ*, стр. 10). — Не одни народы Нѣмецкіе, но и Греки во время Троянской войны брали деньги съ убійцъ, и сіи пени назывались *αποιναι* (смотр. въ IX книгѣ Иліады рѣчь Нестора къ Ахиллесу.) Древніе Ирландцы имѣли такое же обыкновеніе: см. Юмову *Англ. Исторію* Т. II, *о законахъ Англо-Саксонскихъ*.

(69) См. Ире Glossarium и Юмову *Англ. Исторію*, Т. II, *о правленіи и нравахъ Англо-Саксонцевъ*. — Издатели Русской Правды и Татищевъ думали, что Тіунами назывались судьи *уѣздные*; но сіе имя вообще знаменовало Вельможу или Намѣстника Государева, имѣвшаго судебную власть. Такъ въ древней лѣтописи Новогородской, напечатанной

въ Синод. типографіи, сказано (стр. 110), что Ярославъ оставилъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей съ *Тіуномъ* Якимомъ; такъ въ Новогородскихъ грамотахъ XIV вѣка предлагается условіе Князю, чтобы онъ не держалъ въ Вологдѣ своего Тіуна или Намѣстника. Судебникъ Царя Іоанна Василіевича представитъ намъ должность Тіуновъ въ XVI вѣкѣ.

(70) То есть, конюшіе, повара, хотя можетъ быть, и холопи. Увидимъ ниже, что Тіунъ или чиновный слуга Боярскій, поставленный здѣсь наровнѣ съ людьми свободными, былъ рабскаго состоянія.

(71) См. въ печатн. *Правдѣ* стр. 58, 61, 95, 97.

(72) См. тамъ же стр. 11, 16, 26. — Кажется, что слово *вервь*, употребленное въ смыслѣ округи, есть Норманское или Шведское Hwarf. — По Шведскимъ законамъ округа или волость также платила 40 марокъ пени, въ случаѣ, если убійца скрывался (*Рѣчь Струбе* стр. 12). — Издатели *Правды Руской* думали, что *потокъ* есть заточеніе. — Далѣе въ подлинникѣ: «на разграбленіе» — то есть, преступникъ лишался не только свободы, но и собственности. Не думаю, чтобы народъ могъ дѣйствительно разграбить его имѣніе: гораздо вѣроятнѣе, что оно также шло въ казну.

(73) Въ подлинникѣ: «рогомъ.» Въ лѣтописи Псковской сказано (год. 6981), что Посадники, наливъ кубки и *роги злащенны* медомъ и виномъ, били челомъ Софіи, невѣстѣ Вел. Князя Іоанна. Въ старину пивали изъ роговъ или сосудовъ, на подобіе рога сдѣланныхъ. — См. въ *Рус. Правдѣ* стр. 31 и 34.

(74) Нѣмецкіе законы опредѣляли цѣну особенную всякому поврежденному члену: головѣ, глазу, носу, ушамъ, зубамъ, бородѣ, усамъ, рукѣ, ногѣ; даже всякому пальцу и составу его: см. *Рѣчь* Академика Струбе стр. 12; далѣе см. въ *Рус. Правдѣ* стр. 69, 76, 77.

(75) У Шведовъ былъ такой же законъ: см. *Рѣчь* Струбе, стр. 12 и 13, въ *Рус. Правдѣ* стр. 67, и Юмов. *Англ. Исторію* Т. II, о законахъ Англо-Сакс. 70, 71.

(76) См. *Рѣчь* Академика Струбе стр. 10.

(77) См. статью XII, въ печатн. стр. 38, также стат. XXIII, стр. 46. Клѣтью называлась прежде всякая горница, а не одна кладовая. — Воръ по Русскимъ законамъ платилъ *три гривны*, а по Датскимъ *три марки*. Обыкновенная *вира* или пеня за убіеніе людина состояла у насъ, какъ выше показано, въ 40 *гривнахъ*, а въ *Швеціи* въ 40 *маркахъ* (см. Рѣчь Струбе, стр. 10). — Славяне Дунайскіе держали хлѣбъ въ *ямахъ:* и Россійскіе также. Сіи цѣны (въ печ. стр. 47) уставлены для виновныхъ смердовъ: т. е. свободныхъ простыхъ людей, съ *которыхъ* обыкновенно взыскивается и въ казну пеня; но если воры будутъ холопи, съ коихъ (ибо они не суть вольные люди) Государь не беретъ пени, то хозяинъ взыскиваетъ съ нихъ (съ господина) за вещь двойную цѣну. Пеня казенная за воровство означена выше: см. въ печатн. *Правдѣ* стр. 45 и 46. — Прежде сказано, что коневый тать лишается достоянія и вольности. Можно согласить то и другое: имуществомъ вора удовлетворяли хозяину коня; прочее отдавали на разграбленіе, а вора Князю.

(78) Въ одномъ спискѣ *Правды*, полученномъ мною отъ Г. Горюшкина, и въ лѣтописи *Засѣцкаго*, писанной въ XV вѣкѣ и хранящейся въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, No 602, находится подъ статьею о *рѣзоимствѣ* вычисленіе, сколько прибыли въ извѣстное число лѣтъ можно имѣть отъ всякаго скота; и сей расчетъ несомнительно опредѣляетъ цѣну *ногатъ* и *рѣзаней*, то есть, отношеніе ихъ къ *гривнѣ*. На примѣръ: «отъ 22 козъ «приплода на 12 лѣтъ 90,112 козъ, а то кунами «27,033 *гривны* и 30 *рѣзанъ*; а коза метана по 6 «*ногатъ*.» Слѣдственно въ *гривнѣ* 20 *ногатъ*, а въ *ногатѣ* $2\frac{1}{2}$ *рѣзани*. Второй примѣръ: «а на тѣхъ «овчахъ и на баранѣхъ рунъ 360,446, а на тѣхъ ру«нѣхъ кунами 7,208 *гривенъ* и 46 *рѣзанъ*; а руно «чтено по *рѣзани:*» слѣдственно въ *гривнѣ* 50 *рѣзаней*.

Въ харатейной Кормчей Книгѣ (Синодальн. библ. No 82), гдѣ вписаны Ярославовы законы, находятся также отвѣты Новогородскаго Епископа Нифонта (жившаго около половины XII вѣка), на вопросы какого-то Кирика: въ нихъ сказано, что за *гривну* служатъ въ церквахъ *пять* сорокоустій, а за *шесть* кунъ одно. Мѣста, выше приведенныя нами изъ устава Ярославова, свидѣтельствуютъ, что въ гривнѣ не могло быть *тридцати* кунъ; но въ заказанныхъ вдругъ пяти сорокоустьяхъ Священники могли уступать на каждое по кунѣ. — Въ прибавленіи Горюшкинскаго списка и лѣтописи Засѣцкаго нѣкоторый скотъ оцѣненъ дороже, нежели въ *Правдѣ*: кобыла въ 3 гривны, корова въ 2 гривны, овца въ 6 ногатъ, баранъ въ 10 рѣзаней, свинья въ 10 ногатъ или $^1/_2$ гривны. Тутъ же показано, *рой пчелъ* стоитъ 10 ногатъ. Ежели въ XI вѣкѣ гривна Новогородская въ отношеніи къ серебру равнялась цѣною съ гривною Смоленскою 1228 году (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 290 и 475), то, полагая гривну или полфунта серебра въ 10 рублей серебряныхъ, можемъ опредѣлить цѣну сихъ вещей въ отношеніи къ нынѣшней монетѣ такимъ образомъ:

| | *По законамъ Ярославовымъ:* Руб. | коп. | *По упомянутому прибавленію Горюшк. списка:* Руб. | коп. |
|---|---|---|---|---|
| Конь Княжеск. | 7 | 50 | | |
| Простой | 5 | | | |
| Кобыла | 6 | | 7 | 50 |
| Жеребецъ неѣзжалый | 2 | 50 | | |
| Жеребенокъ | - | 75 | | |
| Волъ | 2 | 50 | | |
| Корова | 4 | | 5 | |
| Трехлѣтній быкъ | 3 | | | |
| Годовикъ | 1 | 25 | | |
| Теленокъ | | 50 | | |
| Свинья | | 50 | 1 | 25 |
| Поросенокъ | | $12^1/_2$ | | |

| | Руб. | Коп. | | Руб. | Коп. |
|---|---|---|---|---|---|
| Овца. . . . . . . . | | 50 | . . . . . . . . | - | 75 |
| Баранъ . . . . . . . | | 50½ | . . . . . . . . | - | 50 |
| Рой пчелъ. . . . . . . . | | | . . . . . . . . | 1 | 25 |

Сія оцѣнка покажется чрезмѣрно высокою, особенно тѣмъ, которые, судя о достоинствѣ старинныхъ монетъ — на примѣръ, рублей XV и XVI вѣка — по ихъ нынѣшнимъ названіямъ, привыкли удивляться тогдашней дешевизнѣ вещей и не знаютъ, что рубль Великаго Князя Василія Іоанновича содержалъ въ себѣ около пяти нынѣшнихъ серебряныхъ: о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь представимъ только слѣдующія нужныя замѣчанія: 1) въ половинѣ X вѣка молодая лошадь стоила въ Константинополѣ 12 червонцевъ, а мулъ пятнадцать (Constant. Porph. de Cerim. стр. 265, въ соч. Г. Круга Münzkunde Russlands, стр. 102); въ древнихъ Саксонскихъ законахъ оцѣненъ конь и быкъ въ два червонца (см. *Рѣчь Струбе* стр. 13). 2) Нѣтъ сомнѣнія, что Россійскій законодатель цѣнилъ самыхъ *лучшихъ* коней, лучшихъ быковъ, и проч.: пять дурныхъ лошадей не стоятъ двухъ хорошихъ.

(79) Такъ въ Пушкин. спискѣ и во всѣхъ другихъ (см. въ печатн. стр. 71).

(80) Въ печатн. стр. 80.

(81) Въ печатн. стр. 77. Донынѣ говорятъ: «лодки съ *набоями.*» Г. Кругъ (въ сочин. Münzkunde Russlands, стр. 82) думалъ, что здѣсь говорится о лодкахъ *обитыхъ* кожею.

(82) Въ печатн. стр. 47, 68 и 101. Въ подлинникѣ: «оже будутъ холопи татье, любо Княжи, или «Боярстіи или *черньчи.*» Мы видѣли выше (см. примѣч. 67, и въ печат. *Правдѣ* стр. 23, 24), что холопи были обыкновенно или Княжескіе, или Боярскіе, или *смерды*, то есть, простыхъ людей; ихъ же безъ сомнѣнія называли и *черньчими*, или холопями *черни.*

(83) Въ печатн. стр. 36, 38, 40, 41.

(84) Тамъ же стр. 41.

(85) Тамъ же стр. 35, 97, 98, 99.

(86) Тамъ же стр. 100.

(87) См. *Рѣчь* Струбе, стр. 16.

(88) Въ печатн. стр. 64, 65.

(89) Тамъ же стр. 48, 52.

(90) Тамъ же стр. 57, 58, 59, 60 и 100.

(91) Въ печатн. *Правдѣ*, стр. 50, сказано: «занеже ему было годѣ, ялъ и хранилъ.» Здѣсь слова раздѣлены не такъ, и не имѣютъ смысла. Въ харатейныхъ: «занеже ему бологодѣялъ (благодѣялъ) и хоронилъ товаръ его.«

(92) Въ печатн. стр. 50, 51.

(93) Тамъ же стр. 26, 34. Въ подлинникѣ: «оже ли будеть Варягъ и *Колбягъ.*» Татищевъ думалъ, что Колбягами назывались жители Колберга, пріѣзжавшіе торговать къ Новогородцамъ.

(94) Въ печатн. стр. 70, 81, 82. Выше сказано, что присяга достаточна и въ *трехъ* гривнахъ (въ печатн. стр. 52).

(95) Сіе обыкновеніе перешло къ намъ изъ Скандинавіи (Стирнг. de jure Sueonum). Въ Софокловой Антигонѣ вѣстникъ говоритъ Царю Клеону, что стража его, въ *доказательство своей невинности*, *готова вынуть руками изъ огня желѣзо раскаленное.* Извѣстно, что Кафры Мозембикскаго берега, Гвинейскіе Негры, жители Сіама и даже Калмыки прибѣгаютъ къ огню въ недоказанныхъ обвиненіяхъ (см. Petersburg. Journal, г. 1778, стр. 270).

(96) См. Origine des Lois, par Goguet, T. I.

(97) Въ печатн. стр. 84 — 95.

(98) Надобно думать, что въ городахъ или мѣстечкахъ, гдѣ не было собственныхъ Княжескихъ домовъ, судъ производился у Тіуновъ.

(99) См. въ *Русск. Правдѣ* стр. 17, 18, 22, 26, 73, 74, 81, 93, 94. *Дѣтскій* тоже, что *Отрокъ.* — Издатели *Правды* толкуютъ, что въ старину, когда еще не было письма въ обыкновеніи, помощникъ судейскій *мѣтилъ* на биркахъ, сколько взято денегъ съ виновныхъ, и для того названъ *мѣтель-*

*никомъ:* можетъ быть и для того, что онъ *мѣтилъ на хартіи*, или записывалъ доносы, свидѣтельства, взысканія. Впрочемъ Отрокъ и писецъ, или Мѣтельникъ, не одинъ человѣкъ: первому давали въ нѣкоторыхъ случаяхъ 2 гривны и 20 кунъ; а второму 10 кунъ (см. въ печатн. стр. 73). И въ другомъ мѣстѣ говорится о каждомъ особенно (стр. 18). Вирнику съ Отрокомъ шло на недѣлю 7 ведеръ солоду, пшена 7 *уборковъ* (бураковъ, небольшихъ мѣръ), гороху тоже, хлѣбовъ 7, соли 7 *голважень* или струпокъ, баранъ или полоть ветчины, или деньгами двѣ ногаты, въ скоромный день 2 курицы, а въ постный деньгами куна. Онъ имѣлъ четырехъ лошадей и бралъ на нихъ овса, сколько онѣ могли съѣсть *(а конемъ на ротъ всути овесъ)*. Изъ двойной *виры,* то есть осьмидесяти гривенъ, давали ему 16 гривенъ, 10 кунъ и 12 *векшей*, также гривну *ссадную* — или *прикладную*, *перекладную* — да за *голову* 3 гривны. «*Перекладною*» — такъ говорятъ Издатели — называлась гривна, которую получалъ Вирникъ за то, что, объѣзжая волость, онъ *перекладывался* съ воза на возъ.» — Въ статьѣ о *накладахъ* или прибавкахъ къ 12 гривнамъ *продажи*, взыскиваемымъ въ казну за срубленіе межеваго столба и за другія вины, сказано въ печатн. стр. 73: «Отроку «судьѣ 2 гривны и 20 кунъ, а самому ѣхати съ Отрокомъ» (т. е. съ помощникомъ или писаремъ: см. въ печатн. стр. 88, гдѣ товарищъ *мостника* также названъ Отрокомъ) «на дву коню, сути же «на ротъ овьсъ (овесъ), а мясо дати овьнъ (барана) «или полть, а инѣмь кормомь, что има чрево възметь» (сколько они двое съѣдятъ). Писчю (писцу) 10 кунъ, *перекладнаго* пять кунъ, а за мѣхъ (въ которомъ, думаю, писецъ возилъ свои хартіи) «двѣ «ногатѣ.» Судья, въ случаѣ неосновательнаго уголовнаго доноса, взыскивалъ съ доносителя гривну, съ отвѣтчика, освобожденнаго отъ виры, гривну и еще 9 кунъ такъ называемаго *помощнаго* (а Мѣтельникъ 9 *векшей*). — Издатели говорятъ: «отъ верви;» но

въ харатейныхъ спискахъ поставлено: «отъ виры.» Отъ спорной бортной земли давали Отроку 30 кунъ, и наконецъ отъ всякаго дѣла *(инѣхъ всѣхъ тяжь, кому помогутъ)* 4 куны, а Мѣтельнику 6 *векшей:* что называлось *судебными уроками.* Другая судейская пошлина называлась *ротною* или присяжною: Отрокъ получалъ за *голову* или убійство 30 кунъ, и 27 кунъ за тяжбу о землѣ пашенной и бортной (вѣроятно, съ виновнаго), и отъ *свободы* 9 кунъ (Издатели по новѣйшимъ спискамъ напечатали: *свободивше челядинъ.*)

Здѣсь въ первой разъ мы упоминаемъ о *векшахъ* или мелкихъ кожаныхъ монетахъ: сколько ихъ было въ кунѣ, не знаю, но не болѣе *десяти*, какъ думаю. Издатели *Правды Русской* полагаютъ въ гривнѣ 400 векшей, а Татищевъ 380, увѣряя, что онъ видѣлъ сіи древніе лоскутки въ Новѣгородѣ.

(100) См. Новогород. Лѣт. Попа Іоанна стр. 337, и *рѣчь* Струбе стр. 17.

(101) Чему доказательствомъ служитъ законъ, по которому за убійство въ ссорѣ виновный лишался жизни (если родственники убитаго хотѣли того); а смертоубійца разбойникъ лишался единственно свободы (см. выше). — Въ Уставѣ Ярослава опредѣлено и жалованье, которое давалось *городнику* и *мостнику*, или строителямъ городскихъ стѣнъ и мостовъ; первый бралъ куну за начало работы, ногату при совершеніи дѣла, и на всякую недѣлю 7 хлѣбовъ, 7 *уборковъ* пшена, 7 *луконъ* овса на 4 лошади (вѣроятно, около двухъ четвертей), солоду 10 луконъ на все время, а деньгами (на мясо, рыбу и *вологу* или питье) 7 кунъ еженедѣльно. *Мостнику* давали ногату за 10 локтей, а въ починкѣ стараго моста куну за всякую *городню* (такъ назывались рѣжи или срубы мостовые въ водѣ), сверхъ нужной пищи и овса на двухъ лошадей, ибо онъ ѣздилъ обыкновенно самдругъ, съ Отрокомъ или помощникомъ (въ печ. стр. 87, 88).

(102) См. Esprit des Lois, кн. XXVIII, гл. III.

(103) Ярославовъ Уставъ о мостовыхъ выписываю изъ Пушкинской харатейной *Правды*.

«А се уставъ Ярославль о мостѣхъ: Осмениномъ «поплата въ Людинъ Конецъ чрезъ греблю (ровъ) до «Добрыни улици, въ городняя ворота до Пискупли «улици, — съ *Прусы*» — жителями Прусской улицы — «до Бориса и Глѣба; а Тигожанамъ до Коломлянъ, «а Нередицинамъ до Бережанъ, а Бережанамъ до Пидь-«блянъ; а Пидьблянамъ до Чюдинцевѣ улицѣ, съ За-«городци до городнихъ воротъ; а Владыцѣ (Еписко-«пу) сквозѣ городняя ворота съ Изгои, и съ другимъ «(другими?) Изгои до Острой городни.» Здѣсь описываются Сотни, на которыя были раздѣлены граждане: «1) Давыжа ста, 2) Слѣпчева ста, 3) Бобы-«кова ста, 4) Олексина ста, 5) Ратиборова ста, 6) «Кондратова ста, 7) Романова ста, 8) Сидорова «ста, 9) Гаврилова ста, 10) Княжа ста, 11) Княжа «ста.» — За симъ именуются области Новогородскія (коихъ именами также назывались, можетъ быть, Сотни или части города): 12) «Ржевская, 13) Бѣ-«жичкая, 14) Вочкая» (отъ имени народа Водь) «15) «Обониская» (или Обонежская, т. е. за Онегою) «16) «Луская» (отъ рѣки Луги) «17) Лопьская» (одинъ изъ уѣздовъ Новогородскихъ назывался *Лопцею:* см. въ Т. VI сей *Исторіи* договоръ Новогородцевъ съ Королемъ Польскимъ въ 1471 году) «18) Волоховская, 19) «Яжелбичкая.» Слѣдуетъ продолженіе городскаго устава о мостовыхъ: «до торгу» (мостить) «Софь-«яномъ» (жителямъ Софійской части) «до Тысячко-«го, Тысячкому до Вощникъ» (гдѣ, можетъ быть, продавался воскъ) «отъ Вощникъ Посаднику до «Великаго ряда, Князю до Нѣмецкого *вымола*» (не мельницы ли?) «Нѣмчемь до Еваня вымола, отъ «Еваня вымола Гтомъ (Готамъ) до Геральда вымо-«ла до задьнего, отъ Геральдова вымола до Бутяти-«на вымола» — въ другихъ спискахъ прибавлено: *Огнищанамъ* — «Ильинцамъ до Матвѣева вымола, Михай-«ловѣ улицѣ» (или *Михайловцамъ*, какъ въ другихъ

спискахъ) «до Бардовѣ улици, а Витковлянамъ до «до клемяныхъ (клейменыхъ?) сѣней.»

Ярославъ, какъ вѣроятно, только учредилъ обязанности городскихъ жителей, а Посадники записали и всегда наблюдали сіе учрежденіе. Онъ не могъ написать: «до Бориса и Глѣба,» ибо сей церкви Новогородской тогда еще не было: чтобы яснѣе означить мѣсто, въ новѣйшія времена назвали оную въ Уставѣ; или сей Уставъ принадлежитъ не Ярославу *Великому*, а другому: можетъ быть, отцу Александра Невскаго. — Имя Конца Неревскаго или Неровскаго происходитъ отъ рѣки Наровы, Горничьскаго отъ гончаровъ, а Плотинскаго отъ плотины или плотниковъ. Сверхъ пяти Концевъ тамъ были еще три: *Загородской*, *Неровской за городомъ* и *Петровской;* но объ нихъ не упоминается въ лѣтописяхъ до XV вѣка.

Въ *Указателѣ Россійскихъ законовъ* напечатанъ — и весьма неисправно — мнимый Ярославовъ *Уставъ* о *церковныхъ судахъ:* «Се язъ Князь Великій Ярославъ, сынъ Володимерь, по данью отца своего «сгадалъ есми съ Митрополитомъ съ Ларіономъ, «сложилъ есми со Греческимъ Номоканономъ, аже «не подобаетъ сихъ тяжь судити Князю и Бояромъ. «Далъ есмь Митрополитомъ и Епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣ, по «всѣмъ городамъ и по всей области, гдѣ Крестьянство есть,» и проч. — Въ *Указателѣ* напечатаны тутъ же сельскіе законы Греческіе (см. *Судебн.*, изд. при Акад., стр. 217), которыхъ нѣтъ въ спискахъ Ярославова Церковнаго Устава, и которые не имѣютъ съ нимъ ни малѣйшей связи. Сей подложный Уставъ не былъ еще извѣстенъ у насъ въ XIII вѣкѣ, ибо не вписанъ въ Софійскую Новогородскую книгу законовъ (см. выше, примѣч. 65) или Кормчую.

(104) См. выше, стран. 35. Берега Угры и Протвы составляли часть Смоленскаго Удѣла (*Воскр. Лѣт.* I, 289, 291); также и городъ Ѳоропецъ.

(105) Имя Прусской *Галиндіи* есть весьма древнее

(см. Гарткноха Alt und Neues Preussen); и въ Птолемеевой Географіи, между Европейскими Сарматами, находимъ Galindae. Уже Ярославъ Великій воевалъ въ Мазовіи, которая граничитъ съ Галиндіею. —

(106) Несторъ говоритъ по харатейнымъ спискамъ (*Никон.* II, 14); «Кумани, рекше Половцы.» Половцы есть Русское имя: нѣкоторые производятъ его отъ *поля*, другіе отъ *лова*; второе справедливѣе. Польское слово polow значитъ добычу. Половцы сами себя называли Capchat, какъ говоритъ путешественникъ XIII вѣка, Рубруквисъ (см. его Voyages въ Бержер. изд. стр. 26). Абульгази даетъ общее имя *Кипчакъ* всѣмъ народамъ, обитавшимъ между рѣками Дономъ, Волгою и Яикомъ или Ураломъ, и причисляетъ ихъ къ Татарамъ (см. его Hist. des. Tat. 45, 47). — О сродствѣ Печенѣговъ съ Половцами см. печ. Несш. или *Рос. Библіот.* стр. 145. Анна Комнина пишетъ, что Печенѣги и Команы говорили однимъ языкомъ (Mem. pop. III, 908). — Объ Узахъ-Торкахъ см. сей *Ист.* Т. I, пр. 87. Узы около 1050 г. имѣли войну съ Печенѣгами, а въ 1065 перешли за Дунай, опустошили землю Болгарскую, Македонію и часть Ѳракіи. Константинъ Дука хотѣлъ отразить ихъ; но свѣдалъ, что они, истребленные отчасти *голодомъ*, язвою, Печенѣгами и Болгарами, отступили за Дунай. Наконецъ Узы добровольно поддалися Императору и въ царствованіе Романа Діогена и Алексѣя Комнина воевали подъ знаменами Греческими (Mem. pop. III, 938 — 947). — Обитая между Волгою и Дономъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Печенѣгами, Узы въ нашествіи своемъ на Дунайскую Болгарію долженствовали захватить часть Россіи; а Несторъ около сего времени говоритъ о Торкахъ, сказывая, что они въ 1060 г. ушли изъ Россіи и *погибли отъ голода:* то же говорятъ Византійскіе Лѣтописцы объ Узахъ. — Думаю, что восточные Печенѣги изгнаны Половцами въ 1036 г.: тогда они ворвались въ южную Россію, и будучи побѣждены Ярославомъ (см. выше), ушли въ Молдавію. Нѣко-

торые изъ нихъ оставались еще между Половцами (см. ниже, стр. 149). — Въ печ. *Несторѣ* стр. 14. См. также Шлецер. Gesch. der Deutsch. in Siebenbürg. 225. Въ Chron. Zwetl. сказано: Chomani (Половцы), gens immundissima, quae carnibus utebatur fere crudis pro cibo, et lacte equorum et sanguine pro potu.

(107) Онъ умеръ въ 1063 г. — Здѣсь замѣтимъ хронологическое несогласіе въ харатейныхъ спискахъ. По *Суздальскому* или *Пушкинскому*, Вячеславъ умеръ въ 1058 г.; Ярославичи освободили Судислава въ 1059; Игорь скончался и Торки погибли въ 1060; Половцы разбили Всеволода въ 1061. По *Троицкому* все годомъ ранѣе; но далѣе лѣтосчисленіе согласно: ибо въ *Пушкин.* означенъ мирнымъ только одинъ 1062 годъ, а въ *Троиц.* два: 1061 и 1062. — Замѣтимъ также разныя прибавки Никоновской и другихъ новѣйшихъ лѣтописей: «Изяславъ оставилъ въ Новѣгородѣ Посадникомъ Остромира — Татищевъ назвалъ его Стромиломъ — который въ 1054 г. ходилъ на Чудь и былъ въ сраженіи убитъ непріятелями.» Остромиръ тогда дѣйствительно управлялъ Новымгородомъ. Лѣтопись Попа Іоанна упоминаетъ объ немъ и — что всего достовѣрнѣе — писецъ древняго Софійскаго Евангелія заключаетъ трудъ свой словами: «Почахъ ѐ» (т. е. Евангеліе «писати въ лѣто 6564 (1056), а оконьчахъ ѐ въ лѣ«то 6565. Написахъ же Евангеліе се рабу Божію на«речену сущу въ крещеніи *Іосифъ*, а мірьскы *Остро«миръ*, близоку» (ближнему, свойственнику) «сущу «Изяславову Князю. Изяславу же Князю тогда предръ«жящу обѣ власти, и отца своего Ярослава, и бра«та своего Володиміра. Самъ же Изяславъ Князь «правляаше столъ отца своего Ярослава Кыевѣ, а «брата своего столъ оручи правити близоку своему «Остромиру Новѣгородѣ.» Сей писецъ, Діаконъ Григорій, желаетъ въ концѣ здравія Остромиру и подружію (т. е. супругѣ) его, Ѳеофанѣ, и чадамъ ея, подружіямъ чадъ ея, и проч. Вотъ явное доказательство, что Остромиръ былъ живъ въ 1057 г. и что

*Никон. Лѣт.* несправедливо говоритъ о его смерти въ 1054. Далѣе: 2) «Изяславъ въ томъ же году самъ (по *Воскресен. Лѣт.* Остромиръ) пошелъ на Чудь и взялъ *Осекъ Кединивъ*» — въ другихъ спискахъ: *Кепедивъ*, *Декипивъ* — «или *Солнечную руку.*»

(108) См. Дю-Канжа Glos. ad Script. med. Graec. и med. Latin. подъ словомъ *Κατεπάνω* и Catapanus. — Когда злодѣй, будучи уже въ Херсонѣ, объявилъ день Ростиславовой смерти, то ясно, что сей городъ находился не далеко отъ Княженія Тмутороканскаго; въ пять или шесть дней онъ не могъ бы доѣхать до Севастополя изъ Рязани, ни съ береговъ Ворсклы, гдѣ Татищевъ и Болтинъ искали Тмутороканя. — Былъ еще городокъ сего имени въ области Кіевской (*Воскрес. Лѣт.* I, 20).

(109) Несторъ говоритъ въ 1064 году: Въ Псков. Синодал. лѣтописи (No 349, л. 166.) сказано, что Всеславъ въ 1065 г. осаждалъ Псковъ. — О ненависти Полоцкихъ Князей къ роду Ярославичей см. въ печ. *Нест.* стр. 186. — Всеславъ взялъ Новгородъ, по харатейнымъ спискамъ Нестора, въ 1067 г., а по древней Новогородской лѣтописи въ 1066. Кажется, что въ Новѣгородѣ начальствовалъ тогда сынъ Великаго Князя Мстиславъ, который, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Кіевъ. (Синод. библ. No 349, и лѣт. Попа Іоанна, стр. 312). — Лѣтописецъ называетъ рѣку Нѣменъ Немизою.

(110) Несторъ говоритъ здѣсь, что Богъ наводитъ *иноплеменниковъ* на землю грѣшныхъ, а войны *междоусобныя* бываютъ отъ Діавола: нельзя сильнѣе и короче выразить ужаса послѣднихъ. — Здѣсь въ *Кенигсберг.* годы означены несправедливо; слѣдую харатейнымъ.

(111) См. въ печатн. Кіевск. Патерикѣ житіе Св. Никона, сотрудника Антоніева. Въ царствованіе Екатерины Великой найденъ между развалинами древняго Тмутороканя, или Фанагоріи, мраморный камень съ надписью: «въ лѣто 6576 (1068), Индикта 6, Глѣбъ «Князь мѣрилъ море по леду отъ Тмутороканя до

«Кърчева (Керчи) 10.000 и 4000 (то есть, 14.000) *са-«жень*» (см. *Изслѣдованіе* о *Тмуторокань* стр. 58 и *Письмо* о *Тмутороканскомъ камнѣ* А. Н. Оленина). Сей камень хранится тамъ и нынѣ.

(112) Длугошъ называетъ ее Вышеславою, Губнеръ дочерью *Выслава*. Кромеръ (стр. 56) говоритъ, что имя родителя ея неизвѣстно. Ломоносовъ написалъ имя *Вячеслава* вмѣсто *Выслава*.

(113) Длугошъ, Hist. Pol. кн. III, стр. 265, Кромер. стр. 57, Наруш. II, 401. Они несправедливо говорятъ, что Болеславъ *взялъ* Перемышль: ибо въ семъ городѣ и послѣ того, какъ увидимъ, властвовали Князья Россійскіе.

(114) Въ харат. *Новгород.*: «И пособи Богъ Глѣбу «Князю съ Новгородци. О! велика бяше сѣця (сѣча) «Вожаномъ! и паде ихъ безчисльное число; а самого «Князя отпустиша Бога дѣля.» Въ 1068 г. Глѣбъ княжилъ еще въ Тмуторокань (см. выше, стр. 72). Вѣроятно, что Святославъ (*Новог. Лѣт.* Попа Іоанна стр. 312) по изгнаніи Великаго Князя отправилъ Глѣба въ Новгородъ, чтобы не дать сей области хищнику Всеславу. — *Вожанами* или *Водью* назывались Чудскіе жители нынѣшней Ораніенбаумской Округи, принадлежавшей Новугороду: они, какъ видно, потеряли много людей въ сраженіи. — Въ 1069 г. заложена была церковь Св. *Михаила* въ Кіевскомъ Выдубецкомъ монастырѣ (см. сей *Исторіи* Т. I. пр. 414) названномъ послѣ *Всеволодовымъ*.

(115) Несторъ пишетъ, что «Митрополитъ Георгій худо вѣрилъ святости новыхъ Мучениковъ; но когда открыли Борисову деревянную раку, вся церковь исполнилась благоуханія, и Георгій, объятый *ужасомъ*, палъ ницъ, моля Святыхъ Угодниковъ простить ему невѣріе. Ярославичи цѣловали Борисовы мощи и переложили въ каменый гробъ. Глѣбова каменная рака остановилась въ дверяхъ; народъ воскликнулъ: *Господи помилуй!* и въ ту минуту она прошла свободно.» — Житіе Бориса и Глѣба описано, вмѣстѣ съ житіемъ Владиміра и Ѳеодосія Печер-

скаго, въ самыхъ древнихъ харатейныхъ Прологахъ, гдѣ нѣтъ ни слова даже о Св. Ольгѣ, ни слова о Св. Антоніи Печерскомъ. Бандури пишетъ, что самые Уніаты чтутъ сихъ братьевъ-мучениковъ Святыми (см. его Animadvers. in lib. Constant. Porph. de Adm. стр. 116) — «вмѣстѣ съ Ольгою и Владиміромъ,» прибавляетъ Ассемани (Kalend. E. U. IV, 52). Въ обыкновенныхъ Уніатскихъ мѣсяцесловахъ я не нашелъ Россійскихъ Святыхъ; къ Греческимъ прибавленъ тамъ одинъ Іоасафатъ, Архіепископъ Полоцкій, *убіенный*, какъ сказано, *отъ распролюбныхъ враговъ:* симъ именемъ они величаютъ насъ Православныхъ. Но въ концѣ Требника ихъ, въ *Соборникѣ дванадесяти мѣсяцей*, дѣйствительно поставлены Св. Борисъ, Глѣбъ, Владиміръ, Антоній и Ѳеодосій (Ольги нѣтъ).

(116) Ламбертъ Ашаффенбургскій говоритъ о томъ въ описаніи 1075 г., а Зигбертъ Гемблурскій (Gemblacensis) въ 1073. По извѣстію перваго, Изяславъ (Ruzenorum Rex, Demetrius nomine) видѣлся съ Генрикомъ въ исходѣ Декабря или въ Генварѣ, и былъ порученъ отъ Императора Саксонскому Маркграфу Деди. — Зигбертъ именно говоритъ, что Великій Князь обѣщалъ Генрику признать себя его данникомъ, ежели онъ возвратитъ ему престолъ. — Мы признаемъ супругомъ Одинымъ Вячеслава (см. выше, прим. 48).

(117) См. Ламберта.

(118) Quorum unus vester notus est et fidus amicus: вѣроятно, знаменитый духовный чиновникъ, коего Изяславъ могъ узнать въ Польшѣ. Сіе письмо напечатано въ Барон. Annal. Eccl. T. XI, стр. 472. — Григоріево къ Болеславу письмо, отъ 12 Маія, есть 73 въ Epist. Greg. VII, кн. 2. Папа именно говоритъ о деньгахъ или сокровищахъ: pecunia quam Regi Russorum abstulistis. Нѣтъ ни слова о земляхъ и городахъ, какъ нѣкоторые пишутъ. — Владиміръ Мономахъ въ *Духовной* своей, стр. 32: «Та посла мя Святославъ въ Ляхы; ходивъ *за Глоговы*» (Глогау въ

Силезіи) «до Чешскаго лѣса; ходивъ въ земли ихъ 4 «мѣсяца; и въ то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее, Новогородское» — т. е. сынъ Мстиславъ, Князь Новогородскій. Мстиславъ и по *Кіевск. Лѣт.* родился въ 1076 г.

(119) Въ библіотекѣ Воскресенскаго, Новоіерусалимскаго монастыря нашелся *Сборникъ*, писанный въ 1073 году повелѣніемъ сего Князя въ листъ на пергаминѣ, въ два столбца. На оборотѣ перваго листа изображено красками и золотомъ семейство Святослава: сыновья, супруга его и самъ онъ: надъ ними имена: *Глѣбъ*, *Ольгъ*, *Давыдъ*, *Романъ*, *Ярославъ*, *Княгыни*, *Святославъ*. Меньшій сынъ (Ярославъ) представленъ младенцемъ: другіе взрослыми; отецъ съ усами. На всѣхъ длинные кафтаны съ поясомъ; на головахъ высокія синія шапки; на Княгинѣ покрывало; на Святославѣ шапка отличная, не столь высокая, Княжеская мантія сверхъ кафтана и сапоги зеленые. Вверху надпись золотомъ: «желанія сердца «моего, Господи, не прѣзьри, нъ пріими ны вся и «помилуй ны;» а на оборотѣ втораго листа, въ фигурномъ четвероугольникѣ: «Великый въ Князихъ «Князь Святославъ въжделаніемъ зѣло въжделавъ дьр«жаливый Владыка бавити покрьвеныя разумы въ «глубинѣ многострьпьтьныхъ (многотрудныхъ?) «сихъ книгъ прѣмудраго Василіа въ разумѣхъ, пове«лѣ мнѣ немудрувѣдію премѣну сътворити рѣчи ина«ко, набьдяща» (набдяще, наблюдая) «тожьство раз«умъ его, яже акы бъчела» (пчела) «любодѣльна съ «всякого цвѣта псанію» (писанія) «събравъ акы въ «единъ сътъ» (сотъ) «въ вельмысльное сердце свое, «проливаетъ акы сътъ сладъкъ изъ устъ своихъ «предъ Боляры на вьразумѣніе тѣхъ мысльмъ, явля«яся имъ новый Птоломей, не вѣрою, нъ желаніемь «паче, и събора дѣля многочьстьныихъ божествь«ныхъ кънигъ всѣхъ, ими же и своя клѣти испълнь, «вѣчьную си память сътвори, еже памяти вину въ«сприяти.» На 4 листѣ съ конца такое послѣсловіе: «А коньць въсѣмъ книгамъ. Оже ти собѣ не любо,

«то того и другу не твори. Въ лѣто 6581 (1073) «написа Іоаннъ Диакъ изборникъ сь великууму Кня«зю Святославу.» Въ сей рукописи вмѣсто Щ употребляются Ш и Т; на примѣръ: *аште избавляюште, хотяште*. Листовъ въ книгѣ 264, а статей во второй половинѣ 189; послѣдняя есть: *лѣтописьць въкратьць отъ Августа даже и до Константина и Зоя, Царь Грьчьскыихъ*. Любопытна только древность слога. — Здѣсь Длугошъ обрадовался случаю выдумать цѣлую исторію къ мнимой чести Короля своего, и разсказываетъ, какъ Болеславъ завоевалъ всю Волынію, и взялъ аманатовъ отъ *Владимірскаго Князя Игоря* (умершаго за 17 лѣтъ передъ тѣмъ); какъ, собравъ *Префектовъ, Трибуновъ, Центуріоновъ* и рядовыхъ своихъ воиновъ, сильною рѣчью оживилъ ихъ мужество, разбилъ Всеволода, осадилъ Кіевъ; какъ въ столицѣ нашей сдѣлался моръ; какъ послы Русскіе низко кланялись Болеславу; какъ онъ въ *другой разъ* завладѣлъ Кіевомъ, и впалъ тамъ въ гнусный порокъ самаго неумѣреннаго сластолюбія, in spurcissimum Sodomiae scelus, Ruthenorum detestabiles mores imitatus, и проч. и проч. Кромеръ и Нарушевичь повторяютъ Длугошеву басню. Не имѣю нужды говорить здѣсь о другой, весьма старой, взятой изъ Геродота, Трога Помпея или Юстина, о рабахъ Польскихъ (вмѣсто Скиѳскихъ), которые въ отсутствіе господъ своихъ женились на ихъ супругахъ и дочеряхъ: то же самое разсказывали у насъ о холопяхъ Новогородскихъ (см. Т. I, пр. 413). Добродушному читателю остается жалѣть о бѣдныхъ Историкахъ, которые съ важностію и велерѣчіемъ описываютъ такія происшествія.

(120) Въ *Духовной Мономаха*, стр. 33.

(121) Тамъ же, стр. 34. — Въ лѣтописи о мѣстѣ сраженія: «у села, на *Нежатинѣ нивѣ*» — Изяславъ убитъ 3 Октября 1078. Супруга его вдовствовала 30 лѣтъ и скончалась въ 1107 г.

(122) См. выше, стр. 72.

(123) Лѣтописецъ сказываетъ, что пещеры нахо-

дились подъ *ветхимъ монастыремъ:* ибо въ его время былъ уже новый монастырь, на другомъ мѣстѣ. — Антоній скончался не въ 1073 г., какъ означено въ *Патерикѣ* и *Ник. Лѣт.*, а гораздо послѣ. Странно, что издатель *Патерика* худо зналъ Нестора. — Несторъ: «Изяславъ же постави монастырь Св. Ди«митрія, и выведе Варлаама на Игуменство къ Св. «Дмитрію, хотя створити выше сего монастыря, «надѣяся богатьство. Мнози бо монастыри отъ «Царь и отъ Бояръ и отъ богатьства поставлени, «но не суть таци (такіе), каци суть поставлени сле«зами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ. Антоній бо «не имѣ злата ни серебра, но стяжа слезами,» и проч. Несторъ былъ краснорѣчивый Писатель своего времени. — Въ Кіев. Патерикѣ Синод. Библіотеки, писанномъ, думаю, въ XV вѣкѣ, въ посланіи Симона Епископа (жившаго въ XII вѣкѣ) къ блаженному Поликарпу, находится слѣдующее: «Отъ того, «брате, Печерскаго монастыря мнози Епископы по«ставлени быша во всю Руськую землю, яко отъ «самого Христа, Бога нашего, Апостоли во всю «вселенную послани быша. Первый *Ростовскій Леон«тій Священномученикъ*, его же Богъ прослави не«тлѣніемъ, и се бысть первопрестольникъ, его же «невѣрніи, много мучивше, *убиша;* и се третій гра«жданинъ небесный бысть *Руськаго* міра съ онѣма «Варягома» — убитыми въ Кіевѣ при Владимірѣ — «вѣнчався отъ Христа.» Для чего въ печатномъ (л. 193) выпущено сіе любопытное мѣсто, которое свидѣтельствуетъ, что Леонтій Ростовскій былъ не Грекъ, присланный отъ Патріарха Фотія, тогда уже давно истлѣвшаго, къ Владиміру Святому (какъ пишутъ въ *Прологѣ*), а Россіянинъ и Монахъ Печерскій, Изяславовъ современникъ (см. *Патерикъ* л. 103)? И такъ добродѣтельный Леонтій былъ дѣйствительно жертвою своей ревности къ успѣхамъ Христіанства въ Ростовѣ? чего мы также не знали. — О Кукшѣ говоритъ Симонъ: «Вятичи крести «и много чудеси створи. По многимъ мукамъ усѣченъ

«бысть съ своимъ ученикомъ·» Слѣдственно Вятичи приняли Вѣру Христіанскую или въ исходѣ XI или уже во XII вѣкѣ. Они жили въ Курской, Орловской и въ Калужской Губерніи: Брянскъ, Козельскъ, Мценскъ, называются *ихъ* городами въ лѣтописяхъ.

(124) Memor. popul. II, 975.

(125) См. *Нест*, 123, и Mem. p. II, 1036, 1037.

(126) См. *Ростов. Лѣт.*

(127) См. Т. Ливія, кн. I. отдѣл. 56.

(128) Епископомъ Новогородскимъ, по новѣйшимъ лѣтописямъ и Каталогу, былъ тогда Θеодоръ. Мѣсто Θеодора заступилъ въ Новѣгородѣ Епископъ Германъ въ 1078 г., по сказанію *Никон. Лѣт.*

(129) Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ, что древній Россійскій городъ *Владиміръ* былъ не на Клязмѣ, а въ Волыніи близъ Турова.

(130) См. Игумена Даніила, современника Нестерова, въ его *Хожденіи* или путешествіи ко Святымъ Мѣстамъ. По сказанію Нестора, сей Князь, сосланный въ 1079 г., возвратился уже въ 1083. Команы или Половцы, заключивъ миръ съ Императоромъ Никифоромъ въ 1078 г., были тогда союзниками и друзьями Грековъ (М. р. III, 960).

(131) Романа умертвили 2 Августа.

Читателямъ извѣстно, кто былъ Ростиславъ: внукъ Ярославовъ, отравленный ядомъ въ Тмутороканѣ. Давидъ и Володарь бѣжали туда 18 Маія.

(132) См. *Духовн. Мономаха*, стр. 34, 35, 36.

(133) Объ Олешьѣ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ 1224 г., когда Россіяне шли противъ Татаръ; оно названо во многихъ спискахъ Отшельемъ, въ другихъ именно Олешьемъ, (*Новог. Лѣт.* стр. 101), и есть нынѣшнее селеніе Алешки, противъ Херсона. Генуэзцы называли его Elice. — Древній городъ Дорогобужъ есть нынѣ мѣстечко того же имени на берегу Горыни, близъ Ровна.

(134) Звенигородъ существуетъ и нынѣ въ Галиціи подъ именемъ *Дзвиногрода* между Станиславо-

вымъ и Каменцемъ-Подольскимъ; онъ принадлежалъ тогда къ Владимірской области. — Другой Звенигородъ находится въ Кіевской Губерніи, недалеко отъ Богуславля.

(135) Несторъ, описывая собраніе Князей въ 1097 г., сказываетъ, что Давидъ Игоревичь и Ростиславичи взяли себѣ въ удѣлъ города *отданные* имъ *Всеволодомъ:* первый Владимірскую область, а послѣдніе Перемышль и Теребовль.

(136) Скоро увидимъ, что Посадники Черниговскаго Князя правили Муромомъ. — Въ семъ году умеръ Никонъ, знаменитый Игуменъ Печерскій (см. его житіе въ *Патерикѣ*), а въ 1089, по лѣтописи Священника Іоанна, дочь Всеволодова (чего нѣтъ въ другихъ). — Въ 1091 г. Игуменъ и Монахи Печерскіе отрыли мощи Св. Ѳеодосія и перенесли ихъ въ церковь. Самъ Несторъ выкопалъ ихъ. Любопытные могутъ читать о томъ въ *Патерикѣ*; а мы замѣтимъ здѣсь одно обстоятельство: Епископъ Стефанъ, желая видѣть мощи, пріѣхалъ въ Лавру *на конѣ.*

(137) Затмѣніе солнца было, по сказанію Нестора, въ 1091 г., Маія 21 во второмъ часу дня: точно такъ показано и въ астрономическихъ таблицахъ, напечатанныхъ въ l'Art de vérifier les dates, I, 72.

(138) Въ *Большомъ Чертежѣ* Песоченъ названъ городомъ *Песчаною*: нынѣ село въ Полтавской Губерніи.

(139) См. Нестора.

(140) Евпраксія постриглась въ 1106 г. а, скончалась въ 1109, Іюля 10, Екатерина (по *Кіевск. Лѣт.* Ирина) въ 1108, Янка въ 1113 г. Евпраксія положена въ монастырѣ Печерскомъ у южныхъ дверей. О Янкѣ сказано въ *Рост. Лѣт.* (л. 74), въ печ. *Воскрес.* (I, 217), и въ *Степен.* (стр. 228). — Вторая супруга Всеволодова, мать Ростислава (см. въ печ. *Несторѣ* стр. 137 и 157) наименована Анною во многихъ спискахъ Нестора: кто она была, неизвѣстно. Миллеръ и другіе называютъ ее Княжною По-

ловецкою: съ чего же? Сія Княгиня скончалась въ 1111 г. Окт. 7, и положена въ монастырѣ Св. Андрея (*Кіевск. Лѣт*).

(141) Въ Chronic. Th. Engelhusen, въ Лейбниц. Script. Brunsv. II, 1090: Anno 1089 Imperator duxit filiam Regis Russorum (женился на дочери *Короля* Россійскаго). Тутъ Лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: »Желая испытать цѣломудріе Агнесы, Ген«рикъ велѣлъ одному Барону искать ея любви. Она «не хотѣла слушать прелестника: наконецъ докука«ми его выведенная изъ терпѣнія, назначила ему мѣ«сто и время для тайнаго свиданія. Вмѣсто Баро«на явился самъ Императоръ, ночью, въ потемкахъ, «и вмѣсто любовницы встрѣтилъ дюжихъ слугъ, «одѣтыхъ въ женское платье, которые, исполняя «приказъ Императрицы, высѣкли его безъ милосер«дія, какъ оскорбителя ея чести. Въ мнимомъ Ба«ронѣ узнавъ своего мужа, Агнеса сказала: для чего «шелъ ты къ законной супругѣ въ видѣ прелюбо«дѣя? Раздраженный Генрикъ, считая себя обману«тымъ, казнилъ Барона, а цѣломудренную Агнесу «обругалъ съ гнусною жестокостію: нагую показалъ «молодымъ людямъ, велѣвъ имъ также раздѣться.» См. еще Гебгарди Erläuterung der Europ. Kayser-und Königl. Häuser, табл. 9, гдѣ приведены свидѣтельства разныхъ Нѣмецкихъ Лѣтописцевъ. Агнеса или Адельгейда чрезъ 3 года развелась съ Генрикомъ. — Древнѣйшій Польскій Лѣтописецъ, Мартинъ Галлусъ, называетъ Евпраксію только *Русскою дѣвою* (Ruthena puella), а Длугошъ (Hist. Pol. кн. IV, 312) именно родною сестрою Святополка, Изяславова сына (см. также Нарушев. H. Nar. Pol. III, 22).

(142) Сей достопамятный остатокъ древности находится въ харатейной Кормчей Книгѣ или въ *Старыхъ Софійскихъ правилахъ* (Син. библ. No 82) подъ такимъ оглавленіемъ: »Іоанна Митрополита «Рускаго, нареченнаго *Пророкомъ Христа*, написав«шаго *Правило церковное* отъ Святыхъ книгъ вкрат«цѣ Іякову Черноризьцю.» — О чудесахъ, бывшихъ

при строеніи Лавры Кіевской, см. въ *Патерикѣ л.* 74 и слѣд. Повѣствуютъ, что огнь и роса чудесно ознаменовали мѣсто, гдѣ надлежало строить церковь Печерскую; что сама Богородица выслала изъ Царяграда зодчихъ въ Кіевъ, давъ имъ намѣстную икону свою, мощи Святыхъ Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Арефы, Іакова, Өеодора, и что на сихъ мощахъ основаны церковныя стѣны, размѣренныя златымъ поясомъ Варяга Симона (см. выше): въ широту на 20 поясовъ, въ длину на 30, въ высоту на 50; что купцы Византійскіе, удивленные разными, бывшими тогда чудесами, подарили на украшеніе олтаря мусію, привезенную ими въ Кіевъ для продажи; что лице Богоматери само собою изобразилось въ олтарѣ, гдѣ работали Греческіе художники вмѣстѣ съ Св. Алимпіемъ, Монахомъ Печерскимъ, который учился у нихъ составлять мусію; что каменная доска и столпцы для престола были невидимою рукою внесены въ запертую церковь; что Ангелы призвали Епископовъ на освященіе храма, Іоанна Черниговскаго, Исаія Ростовскаго, Антонія Юрьевскаго, Луку Бѣлогородскаго, и пѣли: *кто есть сей Царь славы*, и проч. Все сказанное описано блаженнымъ Епископомъ Симономъ, который жилъ въ XII и въ началѣ XIII вѣка. — Несторъ называетъ здѣсь Кіевскую Лавру *Монастыремъ Өеодосіевымъ*. — При Всеволодѣ освятили еще церковь Св. Михаила Выдубецкаго или (какъ тогда именовали) *Всеволожа* монастыря, въ 1088 году.

(143) См. Нестора.

(144) Строеніе *банное*. — Такія зданія, до того времени неизвѣстныя въ Россіи, дѣйствительно бывали при древнихъ церквахъ Христіанскихъ (на примѣръ, въ Софійской Цареградской) и назывались *Баптистиріонъ* (aedes juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles, говоритъ Дюканжъ, стр. 174), Слово *баня* и въ нашемъ Новомъ Завѣтѣ употребляется въ смыслѣ крещенія. См. *Никоновск.* II, 8. Невѣжды думали, что Митрополитъ строилъ народныя или тор-

говыя бани. Не говорю о новомъ толкованіи сего мѣста, предложенномъ въ особенной книжкѣ; неизвѣстный ея сочинитель ѣздилъ въ Кіевъ; узналъ, что въ Малороссіи называется *банею глава церковная*, и смѣло утверждаетъ, что Митрополитъ Ефремъ началъ первый строить у насъ церкви съ главами! Два Собора Софійскіе, въ Кіевѣ и Новѣгородѣ, построенные еще до временъ Ефремовыхъ и донынѣ цѣлые, свидѣтедьствуютъ противное.

(145) Катал. Епископовъ, *л.* 7, (Син. Библ. No. 67).

(146) *Ник. Лѣт.* I. 192. — Хр. Готл. Фризій въ сочиненіи: de Episcopatu Kioviensi Commentatio, пишетъ, что будто бы еще Ярославъ Великій просилъ Епископа у Папы Венедикта VIII, и что Венедиктъ въ 1021 г. прислалъ въ Кіевъ Святителя Алексія, Болгарскаго уроженца, искуснаго въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ; что сей Алексій основалъ новую Кіевскую Епископію, и первый служилъ въ Софійской церкви, но долго терпѣвъ отъ зависти Греческаго Духовенства, наконецъ выѣхалъ изъ Россіи и скончался въ Болгаріи. Фризій ссылается на Орловія, также Никанора и Кассіана, писавшихъ de initiis Religionis Christianae in Russia.

(147) Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, стр. 312, 313. Въ печатн. *Нест.* 167.

(148) Несогласіе было между Святополкомъ и Владиміромъ: ибо Ростиславъ во всемъ слушался брата. Соединенное войско стояло у Св. Михаила Выдубецкаго.

(149) Торческъ есть нынѣ селеніе Торчица, на берегу Торчи, въ Пятигорскомъ Уѣздѣ. Несторъ называетъ жителей сего города Торками (въ печ. стр. 137). Триполь или Треполь, на Днѣпрѣ, ниже Кіева. О Янѣ, Воеводѣ Кіевскомъ, см. въ печ. *Нест.* стр. 129.

(150) Ростиславу было тогда 23 года: онъ родился въ 1070 г. (въ печ. *Нест.* стр. 121), и погребенъ въ Софійской церкви близъ Всеволодова гроба. —

Въ *Патерикѣ* (*л.* 132) написано, что Григорій, Чудотворецъ Печерскій, предсказалъ Ростиславу кончину его; что сей юный Князь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему, и велѣлъ утопить святаго мужа.

(151) Сказаніе о женитьбѣ Святополка во многихъ спискахъ пропущено, но есть въ *Кенигсберг.*, *Ростов.* и проч. — Святополкъ, по харат. *Новогород. Лѣт.* (стр. 3), родился въ 1050 году. На комъ онъ былъ женатъ прежде, неизвѣстно, но тогда имѣлъ уже взрослаго сына Ярослава (или *Ярославца*), и двухъ дочерей (см. ниже).

(152) Издатель печатнаго Нестора безъ всякаго смысла поставилъ здѣсь *Бога*, вмѣсто *Олега*, который дѣйствительно въ третій разъ привелъ тогда варваровъ съ собою: 1) вмѣстѣ съ Борисомъ, 2) съ Романомъ (см. выше, стр. 82, 92).

(153) Мономахъ въ своей *Духовной* (стр. 38).

(154) Сіе прекрасное мѣсто лѣтописи Несторовой выпущено Издателемъ (см. оное въ *Никон. Лѣт.* II, 7 и 8). — Въ семъ же 1094 г. скончался Владимірскій Епископъ, Св. Стефанъ, Апрѣля 27. Онъ былъ Печерскимъ Игуменомъ послѣ Ѳеодосія. Изгнанный (неизвѣстно, за что) иноками Печерскими, Стефанъ основалъ другой монастырь, близъ Лавры, на Кловѣ, во имя Богоматери Влахернской, и въ память ея чудеснаго явленія художникамъ Греческимъ, посланнымъ ею въ Кіевъ для украшенія Лавры (выше, прим. 142). Наконецъ онъ былъ Владимірскимъ Епископомъ (Кіев. *Патер. л.* 89 и 90).

(155) Татищевъ искалъ Юрьева при устьѣ Остера; но сей городъ стоялъ на берегу Роси (Несторъ). Въ Кодиновой росписи Епархій, подчиненныхъ Кіевской Митрополіи, также сказано, S. Georgius ad Russum fluvium (Mem. pop. II. 1037). — Лѣтописецъ говоритъ, что Половцы сожгли *оставленный* жителями Юрьевъ, и что Великій Князь, построивъ Святополчь на *Вытечевѣ холмѣ*, населилъ сей городъ Юрьевцами, также *Засаковцами*, и проч. Городъ *Витичевъ* былъ на Днѣпрѣ, ниже Кіева (см.

*Больш. Чертежъ*): тамъ, вѣроятно, находился и Святополчь, о коемъ еще упоминается въ лѣтописяхъ при нашествіи Татаръ въ 1224 г. Юрьевцы скоро возвратились на прежнее свое мѣсто (см. ниже). Саковъ былъ гораздо ниже Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра.

(156) Въ харат. *Новогород.* стр. 8. Въ *Новогород.* Попа Іоанна, стр. 313.

(157) Князья звали Олега на съѣздъ въ Кіевъ уже въ 1096 г.: онъ ушелъ Маія 3 изъ Чернигова въ Стародубъ, который былъ въ осадѣ 33 дни.

(158) Вѣроятно, что Бонякъ спѣшилъ удалиться, свѣдавъ о несчастіи Тугоркана. — Сей Ханъ взялъ тогда въ плѣнъ двухъ святыхъ Печерскихъ иноковъ, Евстратія Постника и Никона Сухаго (см. *Патер. л.* 172 на об.).

(159) Въ харатейной *Пушк.* и въ другихъ.

(160) Сіе письмо взято изъ древнѣйшаго харатейнаго списка Несторова, т. е. Пушкинскаго, и напечатано вмѣстѣ съ *Духовною* Мономаха, стр. 48 и слѣд. Оно было послано или съ Вячеславомъ или въ то же время, ибо Владиміръ говоритъ въ своей грамотѣ, что сей меньшій сынъ его находится съ братомъ Мстиславомъ въ дѣдовской области (стр. 57), но писано еще прежде Олегова изгнанія изъ Мурома. Въ харатейной лѣтописи за Мономаховою грамотою слѣдуетъ молитва къ Богоматери, выписанная также (какъ вѣроятно) изъ бумагъ Владиміровыхъ.

(161) О семъ древнемъ обыкновеніи см. въ печатн. *Нест.* стр. 165. — Въ раздѣлѣ городовъ не упоминается о Смоленскѣ; но обстоятельства доказываютъ, что сей городъ остался за Владиміромъ. Въ лѣтописяхъ сказано, что Мономахъ въ 1100 или 1101 г. (*Никонов.* II, 33) основалъ въ *Смоленскѣ* каменную церковь Богородицы. Къ тому же Владиміръ въ своей *Духовной* (стр. 40 и 42) пишетъ, что онъ, заключивъ миръ съ Давидомъ Святославичемъ, и женивъ сына на Аэпиной дочери (см.

ниже), часто ѣздилъ въ Смоленскъ и Ростовъ. — Вообще сіе извѣстіе о тогдашнемъ раздѣлѣ государства искажено отчасти писцами, отчасти нашими Историками. — Въ Новѣгородѣ княжилъ Владиміровъ сынъ Мстиславъ до 1102 году (см ниже). — Теребовль есть нынѣ мѣстечко въ Галиціи на рѣкѣ Серетѣ и называется Трембовла.

(162) См. выше, стр. 95.

(163) И такъ сіи города принадлежали къ области Кіевской.

(164) Городъ Здвиженскъ (а не Воздвиженскъ) былъ на р. Здвижѣ. Въ лѣтописи: «сволокоша съ него сорочку кроваву сущю и вдаша *попадьи* прати.» Домы Священниковъ, какъ лучшіе, въ селахъ и древнихъ городахъ служили пристанищемъ для путешественниковъ.

(165) Они стояли противъ Кіева *за Днѣпромъ въ бору*, сказываетъ Лѣтописецъ; а ниже, говоря о томъ же (Несторъ или другой) пишетъ: »сташа у «*Городца*:» слѣдственно Городецъ былъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра (см. выше, прим. 27). Въ *Пушк.*, въ *Ростов.*, *Кенигсберг.* и другихъ лучшихъ спискахъ Нестора названъ здѣсь Митрополитъ Николаемъ, а въ *Никонов.* ошибкою Никифоромъ, котораго тогда еще не было въ Россіи.

(166) См. *Пушкин.*, *Хлѣбн.*, *Ипат.* и другихъ. Въ такія посольства обыкновенно употреблялись Священники или Монахи. Сей Василій — будучи жителемъ Червенской или Волынской области, какъ вѣроятно — дополнилъ Нестора, знавъ лучше происшествія страны своей, но оставилъ и краткія хронологическія его извѣстія: отъ чего вышли повторенія. Одинъ человѣкъ не могъ писать сперва подробно, а тамъ коротко о томъ же случаѣ.

Города именую здѣсь такъ, какъ они въ *Пушкин.*, въ *Хлѣбн.* и въ *Ипатьев.* спискѣ именованы. Перемиль и Шеполь были Галицкими городами; они, какъ видно, принадлежали къ области Теребовля.

(167) Вопреки Болтину, который говоритъ, что Василько не имѣлъ причины воевать съ Поляками. — О Берендичахъ или Берендѣяхъ см. ниже, примѣч. 192. — Печенѣги жили тогда въ окрестностяхъ Дуная и вели кровопролитныя войны съ Императоромъ Алексіемъ (см. Memor. Popul.). Нѣкоторые оставались еще и на Донскихъ степяхъ. Сей разговоръ Василька, описанный нами отъ слова до слова, безъ малѣйшаго прибавленія (какъ и все другое), есть безъ сомнѣнія зерцало великой души.

(168) Что Владиміръ могъ тогда воевать съ Половцами, заключаю изъ слѣдующаго мѣста его *Духовной* (стр. 41): «Идохомъ противу имъ (Половцамъ) на Сулу:» чему, кажется, надлежало быть около сего времени. Городъ Бужскъ называется нынѣ Вускъ, между Бродами и Лембергомъ.

(169) Въ *Никонов.* и *Ростов.* Давидъ названъ здѣсь *Ростиславичемъ;* но Володарь и Василько не имѣли третьяго брата, кромѣ умершаго Рюрика. Потому вездѣ упоминается о Ростиславичахъ въ двойственномъ числѣ, какъ въ мѣстоименіяхъ, такъ и въ глаголахъ. Мартинъ Галлусъ пишетъ (стр. 80), что одна изъ дочерей Польскаго Герцога Владислава была тогда за Княземъ Россійскимъ: не за Давидомъ ли, который два раза искалъ Владиславовой помощи?

(170) См. Прая Annales Regum Hungariae, кн. II, стр. 99 — 100. Годъ показанъ тотъ же самый, т. е. 1099; но Венгерскіе Лѣтописцы не знали причины войны. — Кто была сія Ланка (можетъ быть Янка) quae a defuncto marito rerum isthic potiebatur? Не вдовствующая ли супруга Володарева брата, Рюрика, который прежде господствовалъ въ Перемышлѣ?

(171) Въ *Патерикѣ* (л. 153), въ житіи Ѳеодора и Василія, повѣствуется (другими словами) слѣдующее о Мстиславѣ: Инокъ Ѳеодоръ нашелъ въ пещерѣ своей множество серебра и сосудовъ драгоцѣнныхъ; хотѣлъ сперва уйти съ ними, но раскаялся, и зарылъ ихъ. Мстиславъ, сынъ Святополковъ, свѣдалъ о томъ и требовалъ сокровища отъ Ѳеодора, ко-

торый ему отвѣтствовалъ: «еще при жизни Св. «Антонія слышалъ я, что въ сей пещерѣ было древ«нее Варяжское хранилище, и что она по тому са«мому названа *Варяжскою*. Правда, что я видѣлъ «тамъ много золота и сосудовъ *Латинскихъ;* но «Богъ отнялъ у меня память, и теперь не знаю, «гдѣ они скрыты мною.» Жестокій Мстиславъ велѣлъ мучить Святаго, и будучи *шуменъ отъ вина*, пустилъ стрѣлу въ друга Θеодорова, блаженнаго Василія, который, вынувъ оную изъ себя и бросивъ къ ногамъ юнаго Князя, сказалъ, что скоро Мстиславъ будетъ самъ уязвленъ ею. Пророчество исполнилось. Мстиславъ, раненный въ Владимірѣ на стѣнѣ, узналъ стрѣлу свою и сказалъ: »умираю за Θеодора и Василія.»

(172) Именемъ Василя. — Съ Давидомъ Игоревичемъ былъ тогда сыновецъ, или братнинъ сынъ, Мстиславъ: слѣдственно Игорь имѣлъ двухъ сыновей.

(173) См. выше, стр. 103.

(174) См. печат. *Нест.* 218. — Съѣздъ Князей Россійскихъ былъ *на Долобскѣ.* Озеро выше Кіева, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, называлось *Долобское.*

(175) Всеславъ, княживъ 57 лѣтъ, скончался въ 1101 г. Апрѣля 14, *въ 1 часу дня.* Мы сказали выше, что Олегъ Святославичь былъ женатъ на Княжнѣ Половецкой.

(176) Вѣроятно, что сей Князь, подобно Норманскимъ, выѣзжалъ на море (думаю, Черное) собирать дань съ купеческихъ судовъ. — Вячеславъ Ярополковичь, о коемъ здѣсь упоминается, умеръ въ 1104 г. Дек. 13. Имена убитыхъ Хановъ: Урусоба, Кчій, Арсланапа, Китанопа, Куманъ, *Асупъ*, Куртокъ, Ченегрепа, Сурьбарь. Нѣкоторые думали, что *Азовъ*, который назывался въ древности Танаисомъ, получилъ имя свое отъ имени *Асупа*, Князя Половецкаго (см. Alte Azowische Begebenh. въ Sammlun. Russ. Gesch. II, 78). — Лѣтописецъ именно говоритъ, что Россіяне взяли тогда Печенѣговъ и Торковъ съ вежами. Остатки сихъ народовъ еще кочевали на степяхъ Екатеринославской Губерніи.

(177) Сей *Исторіи* Т. I, стр. 37 и 38. Несторъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ Зимеголы.—Мы не упоминаемъ въ Исторіи о слѣдующихъ происшествіяхъ сего времени: Въ 1101 г. (по *Рост. Лѣт.* въ 1102) родился у Владиміра сынъ Андрей, а въ 1104 у Святополка Брячиславъ. — Въ 1107 г. Маія 7, скончалась вторая супруга Мономахова; онъ называетъ ее въ своей *Духовной* (стр. 41) *матерію Георгія.* — Въ 1108 г. Генв. 30, преставился Новогородскій Епископъ Никита (см. харат. *Новог. Лѣт.* стр. 9). Мощи Св. Никиты, обрѣтенныя уже въ XVI вѣкѣ, хранятся въ Новогородскомъ Соборѣ, и гробница, сооруженная Царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ, окована серебромъ.

(178) Одинъ изъ сихъ Хановъ назывался Аэпа, Осеневъ сынъ, а другой Аэпа же, сынъ Гиргеневъ. На Осеневой внукѣ женился Георгій или Юрій Владиміровичь, а на Гиргеневой сынъ Олеговъ.

(179) Въ походѣ 1111 года были, кромѣ Великаго Князя и Мономаха, Давидъ Святославичь и сынъ его Ростиславъ, Давидъ Игоревичь, Всеволодъ и Святославъ Ольговичи, Ярославъ Святополковичь, Мстиславъ и Ярополкъ Владиміровичи. Когда Святополкъ, въ 1107 г. побѣдивъ варваровъ, пришелъ въ Лавру 15 Авг. въ самую заутреню, тогда всѣ монахи съ радостію цѣловали или поздравляли его (*братья цѣловаша съ радостью великою, яко врази наши побѣждены быша*).

(180) Надобно различать Исторію Татищева и лѣтописи, въ которыхъ не упоминается о Воспорской области послѣ 1094 году, когда Олегъ пришелъ изъ Тмутороканя съ Половцами къ Чернигову.

(181) То есть, Князь Владимірскій. У него были еще два брата, Изяславъ и Брячиславъ, которые не имѣли, кажется, удѣловъ и скончались оба въ одномъ году: первый Дек. 13, 1127 г., а второй Марта 28. Брячиславъ, меньшій сынъ, родился въ 1104 г. Давидъ Игоревичь преставился Маія 25. — Въ 1111 г. скончался Епископъ Черниговъ. Іоаннъ Марта

23, достойный примѣчанія тѣмъ, что онъ 25 лѣтъ за болѣзнію не могъ отправлять службы, къ огорченію народа и Князя. На его мѣсто былъ поставленъ Игуменъ Печерскій Ѳеоктистъ въ 1112 г. Ген. 11 (а по нѣкоторымъ спискамъ уже въ 1113).

(182) Святополкъ умеръ въ годъ солнечнаго затмѣнія, слѣдственно въ 1113, а не въ 1114 г. (какъ означено въ нѣкоторыхъ спискахъ, гдѣ годы перемѣшены). — Святополкъ былъ *неблагодаренъ* и *подозрителенъ:* ибо, всѣмъ обязанный Владиміру, не усомнился признать его врагомъ своимъ — *робокъ въ несчастіи:* ибо смиренно извинялся предъ Боярами младшихъ Князей, и думалъ бѣжать отъ Мономаха и Святославичей — *высокомѣренъ въ счастіи:* ибо, побѣдивъ Давида Игоревича, хотѣлъ выгнать и Ростиславичей изъ ихъ Удѣла. — Кіевская церковь Св. Михаила заложена въ 1108 г., Іюля 11. — О Жидахъ Кіевскихъ см. ниже. Въ *Патерикѣ*, въ житіи Св. Прохора, л. 145, сказано: »тогда совѣща (Святополкъ) съ совѣтники своими, да цѣна соли будетъ «многа, и да отъемъ у Прохора, самъ продаетъ «оную чрезъ своихъ.» Онъ сослалъ въ Туровъ Іоанна, Игумена Печерскаго, обличавшаго корыстолюбіе и грабительство его; но боясь Мономаха, дозволилъ сему благочестивому Игумену возвратиться въ свою обитель (см. *Патер.* л. 146).

(183) Въ лѣтописи подъ 6610 годомъ сказано, что сдѣлалось въ Октябрѣ, Декабрѣ, Генварѣ и Февралѣ, и потомъ: »на *придущее* лѣто Русскые Князи умыслиша дерзнути на Половци; въ *се же* лѣто« — и такъ въ слѣдующее — «преставися Ярославъ Ярополковичь мѣсяца *Августа* въ 11 день. Въ *се же* «лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава мѣсяца *Ноября* въ 16 день.» Ярославъ былъ поиманъ въ исходѣ Окт. 1102 г. (см. выше), и скончался въ Августѣ: слѣдственно уже въ 1103. Въ томъ же году вышла и Сбыслава замужъ: что согласно и съ Польскими лѣтописями (см. Наруш. H. Nar. Polsk. II, 92 и слѣд., гдѣ описаны всѣ обстоятельства). —

Дочь Болеслава Храбраго была за Святополкомъ, усыновленнымъ племянникомъ Св. Владиміра; дочь Владимірова за Казимиромъ; Владиславова за Россійскимъ Княземъ (можетъ быть, Давидомъ Игоревичемъ); Болеславъ Смѣлый женился на Княжнѣ Россійской; сынъ его Мечиславъ, также. — Въ *Пушкин.:* »въ «то же лѣто (6614) прибѣже Избыгнѣвъ къ Святополку» (см. также Длугоша Hist. Pol. IV, 360).

Далѣе: »въ томъ же лѣтѣ (1104) ведена бысть «Предслава, дщи Святополча, въ Угры за *Королевича*, «мѣс. Авг. въ 21.» Коломанъ Венгерскій имѣлъ трехъ сыновей: Ладислава, Стефана и Николая, умершаго въ 1112 г. Супруги перваго и третьяго неизвѣстны; а за Стефаномъ была дочь Апулійскаго Герцога. — Далѣе въ лѣтописи: «въ лѣто 6612 ведена дщи *Во-«лодарева* за Царевичь Олексиничь (сына Алексіева) «Царюгороду Іюля въ 20 день.» Татищевъ назвалъ Володаря Владиміромъ. — Алексій Комнинъ имѣлъ трехъ сыновей: 1) Іоанна или Калоіоанна, женатаго на Иринѣ, дочери Венгерскаго Короля, 2) Андроника, 3) Исаакія. Супруги двухъ послѣднихъ неизвѣстны (см. Дю-Канжа Hist. Byz. стр. 176 и 179). — Въ *Кіевск. Лѣт.* г. 6620 (1112): «ведоша Евфимью Во-«лодимерну въ Угры за Короля.» См. Туроц. Chron. Hung. гл. LXI, стр. 69. Лѣтосчисленіе согласно. — Прай (Annal. Hung. кн. II) говоритъ о Борисѣ: Borichium sive ex Colomano, sive ex alio, nam id incertum est, sublatum peperisse; а Туроцъ прямо: quae (Евфимія) ex adulterio peperit filium, nomine Borich. Миллеръ думалъ, что супругомъ Евфиміи былъ Король Бела, женатый на дочери Графа Сербскаго (см. Туроц. Chron. гл. 63). Сія дочь Мономахова жила до 1138 года.

(184) О Митрополитѣ Никифорѣ сказано въ лѣтописи: «въ томъ же лѣтѣ (1104) приде Митрополитъ «Никифоръ въ Русь, мѣсяца Декабря въ 6 день; то-«гожь мѣсяца въ 18 на столѣ посаженъ.« Въ 1105 г. онъ поставилъ трехъ Епископовъ: Амфилохія Владимірскаго Авг. 27, Лазаря Переяславскаго Ноября

22, Мину Полоцкаго Дек. 13, а въ 1112 Θеоктиста Черниговскаго. *Новог. Лѣт.* (стр. 9) называетъ Никифора Сурскимъ, т. е. уроженцемъ города Суры (въ Ликіи). — Святоша или *Святославъ* (такъ именно въ *Пушк.*) постригся въ 1106 г., Февр. 17 (*Патер.* л. 177). Въ день его кончины народъ стекался къ нему толпами, требуя благословенія.

См. *Прологъ*, Августа 3. Тамъ сказано, что Антоній, находясь еще въ Италіи, положилъ въ делву церковные сосуды и разныя драгоцѣнныя вещи, и бросилъ ее въ море, а самъ чудеснымъ образомъ приплылъ на камнѣ въ Новгородъ; что рыбаки, имъ нанятые, закинувъ сѣти, вытащили оную изъ рѣки Волхова, близъ того мѣста, гдѣ существуетъ его обитель (въ двухъ верстахъ отъ Новагорода) и проч. Въ запискахъ Антоніева монастыря прибавлено, что сіи церковные сосуды были сердоликовые, яшмовые и хрустальные, украшенные золотомъ, алмазами и яхонтами, и что Царь Іоаннъ Васильевичь взялъ ихъ въ Москву; что пять образовъ мусійныхъ и каменный крестъ остались въ монастырѣ, гдѣ показываютъ и зеленую трость Антоніеву; что камень, на коемъ онъ приплылъ, находится въ паперти съ изображеніемъ Св. Угодника; что на золото и серебро, бывшее въ делвѣ, Антоній *купилъ* у Посадниковъ землю для обители, совершилъ каменную церковь въ 1122 г. (ниже, прим. 200), а трапезу теплую въ 1130, также и колокольню съ теплыми погребами; что сіи зданія цѣлы донынѣ; что Антоній скончался въ 1147 г., имѣя 79 лѣтъ отъ рожденія; что мощи его обрѣтены и положены въ окованную серебромъ раку въ 1597 г., Іюля 1, а съ 1731 года лежатъ въ новой кипарисной, также серебромъ окованной, и проч. Въ семъ монастырѣ хранятся также списки двухъ грамотъ Антоніевыхъ.

(185) Сіе путешествіе или *Хожденіе Данила Русьскыя земли Игумена* сохранилось въ монастырскихъ библіотекахъ и находится, только не полное, при Кенигсбергскомъ спискѣ Нестора. Печать древно-

сти еще видна въ слогѣ, отчасти поновленномъ неблагоразумными писцами. — Вѣроятно, что Игуменъ Даніилъ родился или жилъ въ Черниговской области: ибо онъ рѣки Обѣтованной земли обыкновенно примѣняетъ къ *Снову*: Сей путешественникъ могъ быть Юрьевскимъ Епископомъ Даніиломъ, поставленнымъ въ 1113. г. — Даніилъ говоритъ о Балдвинѣ: «Язъ худый и недостойный въ ту Пятницу въ 7 часъ дни «ходихомъ къ Князю тому Балдвину и поклонихся «ему до земли. Онъ же видѣвъ мя худаго, и призва «мя къ собѣ съ любовію и рече ми: что хощеши, «Игумене Русьскы? Позналъ мя бяше добрѣ и любя «мя вельми, яко же есть мужъ благодѣленъ и смиренъ вельми, и не *гордитъ*. Язъ рекохъ ему: Княже «мой Господине! молю ти ся Бога дѣля и Князей «дѣля Русьскыхъ, повели ми, да быхъ и язъ поставилъ свое кандило на гробѣ святомъ отъ всея Русьскыя земли. Онъ же съ тщаньемъ и съ любовью «новелѣ ми поставити кандило; посла съ мною мужа своего, слугу лучшаго» и проч.

(186) См. въ харат. *Кормч. Книгѣ* Синодал. библіотеки No 82, въ LXII отдѣленіи: *Въпроси Кюрьяка, еже въпроси Епископа Новогородьского Нифонта* (умершаго около половины XII вѣка).

(187) Сей Воевода Кіевскій, Янь Вышатичь (*Патерикъ* л. 64 на обор.), погребенный вмѣстѣ съ супругою Маріею, семидесяти семи лѣтъ, т. е. въ 1093 г., еще сражался съ Половцами на берегахъ Спугны. — Татищевъ думалъ, что Несторъ писалъ только до 1094 г., или до мѣста, гдѣ поставленъ Аминь; но сего Аминя нѣтъ въ древнихъ спискахъ. Гдѣ же точно онъ заключилъ свой трудъ, опредѣлить не можемъ: вѣроятно, что около 1110 г., подъ коимъ во многихъ древнихъ спискахъ находятся слѣдующія строки: «Игуменъ Сильвестръ Св. Михаила *написахъ* «книгы си *лѣтописецъ*, надѣяся отъ Бога милость «пріяти, при Князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у Св. Михаила «въ 6624, Индикта 9 лѣта; а иже чтетъ книгы

«сія, то буди ми въ молитвахъ.« И такъ здѣсь былъ перерывъ. Многіе изъ слова: *написахъ*, заключали, что Сильвестръ продолжалъ Нестора, и считали сего Игумена вторымъ нашимъ древнимъ Лѣтописцемъ; но тутъ *написахъ* значитъ *списалъ:* въ концѣ многихъ рукописныхъ Евангелій, Псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такія подписи. Если бы Сильвестръ (Несторовъ современникъ и послѣ Епископъ Переяславскій), былъ сочинитель, то онъ въ 6624 г. не оставилъ бы *шести* лѣтъ (отъ 6618) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія есть трудъ инаго, для насъ безъименнаго человѣка. Судя по краткости слѣдующихъ извѣстій, думаю, что сей безъименный началъ писать не прежде 1125 или 1127 года: ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе.

(188) *Ростов.* и *Воскресен. Лѣт.* — Въ годъ Мономахова восшествія на престолъ, въ 1113, Вячеславъ Владиміровичь отправился княжить въ Смоленскъ, Романъ Владиміровичь женился на дочери Володаря, горѣлъ Новгородъ и поставленъ Даніилъ Епископомъ Юрьеву, а Никита Бѣлугороду. — Въ семъ же году Мстиславъ основалъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Николая близъ торговой площади на Княжескомъ Дворѣ. — Въ 1114 г., Марта 6, поставленъ Епископъ Кириллъ (но куда, неизвѣстно); умеръ Святославъ, Мономаховъ сынъ, въ Переяславлѣ, куда перевелъ его отецъ изъ Смоленска; также Романъ Всеславичь Полоцкій и Мстиславъ, внукъ Игоревъ.

(189) Украшеніе раки Св. Бориса и Глѣба описано въ *Степен. Книгѣ* I, 211, 212. Освященіе церкви было 1 Маія, а перенесеніе мощей 2; поставили же ихъ на своемъ мѣстѣ въ четвертый день. — Въ харат. спискахъ Нестора включено весьма подробное изображеніе всѣхъ Небесныхъ благодѣяній, коими Россія обязана предстательству Бориса и Глѣба. (*Никонов.* I, 121).

(190) См. о ростахъ выше, и *Русск. Правду*, 55.

(191) См. Грубер. Liefländ. Chronik, I, 69. Оденпе не далеко отъ Дерпта.

(192) Гдѣ въ однѣхъ лѣтописяхъ говорится о Торкахъ, Берендѣяхъ и Печенѣгахъ, тамъ въ другихъ названы только Черные Клобуки (см. *Рос. Биб.* 225 и *Воскр. Лѣт.* II, 28). Сіе имя было для нихъ общимъ и дано имъ, безъ сомнѣнія, отъ черныхъ шапокъ. Тоже значитъ имя нынѣшнихъ Каракалпаковъ, нѣкогда обитавшихъ, по собственному ихъ преданію, въ Россіи Восточной (Рычкова *Оренб. Топограф.*, I, 173 — 174). Сихъ же Черныхъ Клобуковъ называли Черкасами (*Воскр. Лѣт.* II, 21). — Годы всѣхъ описанныхъ происшествій: Мстиславъ, побѣдивъ Чудь въ 1113 г., взялъ *Медвѣжью Голову* 1116 на память Сорока Мучениковъ; въ томъ же году Ярополкъ воевалъ Половецкую землю; въ 1117 Мстиславъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ и Бѣловежцы пришли въ Россію (*Кіев. Лѣт.*); въ 1120 Ярополкъ ходилъ за Донецъ и Донъ (нигдѣ не встрѣтилъ Половцевъ), а Георгій на Болгаровъ; въ томъ же или въ 1121 г. Берендѣи, Печенѣги и Торки ушли изъ Россіи; походъ Всеволода Мстиславича на Ямь былъ въ 1123 г.

(193) Развалины Малороссійской Бѣлой Вежи находятся отъ вершины Остера въ 10 верстахъ, отъ Борзны въ 30, отъ мѣстечка Батурина въ 40, на открытой и ровной степи. Тамъ видны еще три вала и ровъ, который простирается въ длину на четыре версты; также нѣсколько кургановъ или высокихъ могилъ. Въ окрестности сего мѣста съ 1767 г. живутъ иностранцы. Они поселены въ шести деревняхъ: главная именуется Екатеринополь, и выстроена на самыхъ развалинахъ древней крѣпости. Д. Ст. Сов. Шафонскій, описывая *Бѣловежскую Колонію* въ 1786 г., упоминаетъ еще о нѣкоторыхъ каменныхъ остаткахъ городской стѣны, воротъ, башенъ и погребовъ; но онъ несправедливо считалъ сію Бѣлую Вежу древнею Козарскою, взятою Святославомъ въ 965 г. (см. нашей *Исторіи* Т. I, прим. 87 и 361, и Т. V, гл. 1, Путеш. Пимена). Россіяне еще при Олегѣ

завоевали нынѣшнюю Черниговскую Губернію, гдѣ жили Сѣверяне.

(194) Въ *Степен. Книгѣ* (I, 247) сказано только, что Владиміръ, за свое мужество, принялъ діадиму Константина Мономаха и другую Царскую утварь; что Неофитъ, вмѣстѣ съ Епископомъ *Митулинскимъ* (*Митилинскимъ*) и Милитинскимъ (Мелитинскимъ) вѣнчалъ сего Великаго Князя въ Соборной церкви, какъ перваго Царя Россійскаго. Авторъ *Синопсиса*, несправедливо ссылаясь на древнія лѣтописи, сказываетъ, что Алексій написалъ тогда ко Владиміру письмо. — Въ повѣстяхъ рукописныхъ (изъ коихъ самая древнѣйшая, мнѣ извѣстная, писана въ началѣ XVI вѣка: см. Синод. библ. No 365) находится весьма обстоятельная о томъ сказка (сокращенная въ печати. *Воскр. Лѣт*, стр. 257 и въ *Царственномъ*): вотъ ея *содержаніе:* »Великій Князь Владиміръ при«зываетъ другихъ Князей Русскихъ, сродниковъ, Бо«яръ, Синклитъ, Митрополита, Епископовъ, и го«воритъ имъ: *Олегъ*, *Игорь*, *Святославъ*, *Влади«міръ*, *Всеволодъ брали дань съ Константинополя; но «Греки не хотятъ нынѣ давать ее: что дѣлать?* «Принудить ихъ, Государь! отвѣствовалъ Совѣтъ «единодушно — и Владиміръ отправилъ пословъ къ «Императору Константину Мономаху» (умершему лѣтъ за пятьдесятъ до того времени). «Сей Им«ператоръ съ гордостію отвергнулъ требованіе Рос«сіянъ, и Великій Князь велѣлъ Мстиславу наказать «Грековъ. Мужественный сынъ его завоевалъ Ѳра«кію и другія Греческія области. Тогда Императоръ, «видя бѣду, совѣтовался съ Патріархомъ Ларіемъ» (котораго не бывало) «и вздумалъ послать въ Кіевъ «Ефесскаго Митрополита, Неофита, съ другими «Святителями и чиновниками: снялъ съ шеи своей «животворящій крестъ, а съ головы вѣнецъ, и по«ложилъ на золотое блюдо; спросилъ также *крабій«цу* сердоликовую (изъ коей пивалъ Августъ Кесарь), «цѣпь золотую и многія иныя драгоцѣнности; вру«чилъ оныя посламъ и велѣлъ сказать Владиміру:

*«оставь въ покоѣ Христіанъ единовѣрныхъ; возьми укра-«шенія древнихъ Царей Греческихъ; будь также Ца-«ремъ и моимъ братомъ!* Владиміръ согласился, и «Неофитъ въ Соборной церкви возложилъ на него «вѣнецъ, крестъ животворящій, порфиру, виссонъ и «гривну златую, назвавъ Великаго Князя Монома-«хомъ, подобно Императору Константину. Нако-«нецъ умирая, сей Государь Россійскій собралъ зна-«менитое Духовенство, Бояръ, купцевъ, и сказалъ «имъ: *да не вѣнчаютъ никого на Царство по моей «смерти! Отечество наше раздѣлено на многія обла-«сти: если будетъ Царь, то удѣльные Князья отъ «зависти начнутъ воевать съ нимъ, и государство по-«гибнетъ.* Онъ вручилъ Царскую утварь шестому «сыну своему, Георгію; велѣлъ хранить оную какъ «душу или зѣницу ока и передавать изъ рода въ родъ, «пока Богъ воздвигнетъ Царя, истиннаго Самодерж-«ца, въ государствѣ Велико-Россійскомъ.« — Въ Ус-пенскомъ Московскомъ Соборѣ, надъ Императорскимъ мѣстомъ, есть надпись такого же содержанія, какъ и сія повѣсть, съ прибавленіемъ, что Константинъ Мономахъ воевалъ тогда *съ Латиною* (развѣ Алексій Комнинъ?), и что послѣ Олега ходилъ къ Царюграду *Всеславъ* (Святославъ) *Игоревичъ.* Poëticis decora fabulis! — По крайней мѣрѣ Константинопольскій Патріархъ Іоасафъ въ 1561 г. письменно утвердилъ истину Владимірова Царскаго вѣнчанія въ грамотѣ своей къ Царю Іоанну Василіевичу (см. въ Арх. Иностр. Дѣлъ Греческія дѣла No I, л. 175, и сей *Исторіи* Т. VIII, гл. 3, г. 1547).

(195) См. Конст. Багрян. въ Бандури, I, 63; также духовныя грамоты Вел. Князей Іоанна Іоанновича, Донскаго и наслѣдниковъ его, хранимыя въ Арх. Иностр. Кол., или *Древн. Рос. Вивл.* I, 67, 107, 151. Каждый изъ нихъ отказывалъ большому сыну *цѣпь золотую съ крестомъ, шапку золотую, бармы и коробку сердоликовую.* — Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ при отцѣ Царя Іоанна Василіевича, сказываетъ R. M. Com. стр. 5), что Россійскіе Государи

въ день коронованія употребляютъ Мономахову утварь. Стриковскій (который жилъ въ XVI вѣкѣ) пишетъ, что Владиміръ отнялъ у Генуэзцевъ городъ Кафу, въ единоборствѣ побѣдилъ Воеводу ихъ, и снялъ съ него золотую цѣпь, хранимую въ сокровищѣ Московскихъ Князей, носимую ими въ часъ торжественнаго помазанія, и называемую *Барма!* Шведъ Петрей (издавшій свою Москов. Хронику въ 1620 г.) слышалъ отъ Русскихъ, какъ онъ говоритъ (стр. 533), что Царская одежда Мономахова привезена симъ Великимъ Княземъ также изъ Кафы, гдѣ онъ воевалъ съ *Татарами.* Испанскій Историкъ, Антоній Герера, современникъ Филиппа II, увѣряетъ, что *митра*, ожерелье (monile) и скипетръ Мономаховы суть трофеи побѣды, одержанной Владиміромъ надъ Кафимскимъ *Консуломъ:* чему радовался Генуэзскій Патрицій, Іеронимъ де Маринисъ, восклицая: «такъ «уважаютъ Россіяне нашу знаменитую Республику!» См. Samml. Russ. Gesch. II, 80. Стриковскій, Петрей и Герера не справились съ хронологіею: въ княженіе Мономаха не было еще въ Кафѣ ни Татаръ, ни Генуэзцевъ, которые завладѣли ею въ XIII вѣкѣ.

(196) См. *Пушк., Троицк., Кіев.* и друг.

(197) См. *Жизнь Алексія Комнина,* описанную его дочерью Анною, кн. IX, гл. 5, и кн. X, гл. 2 и 3; также Русск. переводъ Кедрина, Ч. III, л. 11. — Сынъ Маріи Владиміровны, убитый въ 1136 г., названъ въ *Кіев. Лѣт.* «Царевичемъ Василькомъ *Леоновичемъ*,» а въ другихъ только внукомъ Мономаховымъ и *Маріичемъ* или сыномъ Маріи, умершей въ 1147 г., Генв. 20.

(198) Вмѣстѣ съ Ярополкомъ ходилъ къ Друцку Давидъ Черниговскій. — «Ярополкъ сруби городъ «*Желній*, и дасть его Другчаномъ» (жителямъ Друцка) «ихъ же полони.» Въ Курск. Губерніи есть или была рѣчка *Желень* (*Больш. Черт.* 142): не тамъ ли находился и городъ *Желній?* Курскъ принадлежалъ Мономаху. — О сей войнѣ съ Глѣбомъ сказано и въ Духовной Владиміра (стр. 42, 43). — Владиміръ спер-

ва *только* осаждалъ Минскъ, а взялъ его уже черезъ три года. Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ въ 1119 г., Сент. 13. Онъ былъ женатъ на дочери Ярополка Изяславича, убіеннаго Нерядцемъ въ 1086 г. Супруга его вдовствовала 40 лѣтъ, а жила 84 года. Объ ней *Воскр.* II. 44.

(199) См. печатн. *Новогород. Лѣт.* стр. 11.

(200) Въ лѣтописяхъ сказано, что Ярославъ бѣжалъ сначала въ Венгрію; но онъ, кажется, ушелъ туда уже въ то время, когда отчаялся въ храбрости и силѣ Поляковъ. — Романъ, сынъ Мономаховъ, умеръ въ 1119 г., Генв. 6. Андрей женился на Тугоркановой внукѣ въ 1117 г. Болеславъ Кривоустый былъ женатъ на родной сестрѣ Ярослава (выше, прим. 183). — Годы описанныхъ происшествій: Ярополкъ Владиміровичь взялъ Друцкъ въ 1115 г. и построилъ Желній въ 1116; Мономахъ осадилъ Минскъ въ 1115, Генв. 28, а завладѣлъ имъ въ 1119; призывалъ Бояръ изъ Новагорода въ 1112, и послалъ туда Намѣстника Бориса въ 1120; ходилъ на Ярослава въ 1117; сей послѣдній, удаливъ отъ себя жену и свѣдавъ о вторичномъ походѣ Мономаха ко Владиміру, бѣжалъ въ 1118 году, приступалъ къ Червену въ 1121, а ко Владиміру въ 1123.

Замѣтимъ также происшествія сего времени, о коихъ не упоминаемъ въ Исторіи. Въ 1116, Іюн. 20, умеръ Мина, Епископъ Полоцкій. Въ 1117, Мономахъ заложилъ каменную церковь Бориса и Глѣба на Альтѣ, а Игуменъ Антоній (Римлянинъ: выше, прим. 184) каменный храмъ Богоматери и монастырь въ Новѣгородѣ. Болгары отравили ядомъ Хана Аэпу и многихъ Половцевъ. Умеръ Лазарь, Епископъ Переясл. Сент. 16, а мѣсто его, Генв. 1, заступилъ Сильвестръ, который списывалъ Несторову Лѣтопись. Въ 1119 Новогор. Игуменъ Киріакъ и К. Всеволодъ Мстиславичь основали каменную церковь и монастырь Св. Георгія. — Въ 1120 умеръ сынъ Давида Черниговскаго, Ростиславъ (*Кіев. Лѣт.*). Въ 1122 умеръ, Сент. 9, Даніилъ, Епископъ Юрьевскій, и Амфило-

хій Владимірскій, а въ 1123 Епископъ Сильвестръ въ Великій Четвертокъ, Апр. 12, и Ѳеоктистъ Черниговскій Авг. 6; Симеонъ поставленъ въ Епископы Владиміру. Въ 1124 скончалась вдовствующая Вел. Княгиня, жена Святополкова, Февр. 28; а Всеволодъ, сынъ умершаго Давида, К. Черниговскаго, женился въ Муромѣ на какой-то Ляховкѣ (Полькѣ).

(201) Туроц. Chron. гл. LXIII, Прая Reg. Hung. 120. Туроцъ называетъ Ярослава *Безеномъ*.

(202) Такъ пишутъ древній безъименный Сочинитель *Жизни Оттоновой*, Богуфалъ и Кадлубекъ (Наруш. H. Nar. Pol. III, 232 — 236).

(203) Олегъ, женатый на Княжнѣ Половецкой, умеръ въ 1115 г., Авг. 1, а погребенъ 2, въ Черниг. церкви Св. Спаса, у гроба отца своего (*Кіев. Лѣт.*); а Давидъ скончался въ 1123. Читателю извѣстенъ характеръ перваго. Авторъ *Степ. Книги* (I, 234), славя Давидову святость, съ жаромъ говоритъ о заблужденіи тѣхъ людей, которые думаютъ, что спастися могутъ одни безбрачные, пустынники и Монахи: ибо Давидъ жилъ въ мірѣ, правилъ Княжествомъ, уступавшимъ въ силѣ одному Кіевскому, имѣлъ жену, дѣтей, и былъ святъ. — Въ *Кіев. Лѣт.*, г. 1116, сказано: «Предслава Черница Святославна «преставися:» сестра Олега и Давида. — Володарь умеръ 19 Марта (1124) и погребенъ въ церкви Св. Іоанна, имъ созданной въ Перемышлѣ. (Длугоша Hist. Pol. кн. IV. 423 — 425). — О сыновьяхъ Володаревыхъ и Васильковыхъ см. ниже.

(204) См. лѣтописи. О другихъ его добродѣтеляхъ см. въ *Никонов.* II, 24, 57, 58.

(205) Сія Духовная или *Поученіе* Владимірово находится въ Пушкин. харат. спискѣ Нестора и напечатано особенно въ 1793 г. Оно писано Мономахомъ не ранѣе 1117 г.: слѣдственно ему было тогда не менѣе 65 лѣтъ отъ рожденія. — Стр. 1: «Азъ «худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ благовольнымъ слав«нымъ нареченемъ« (должно читать: *нареченный*) »въ «крещеніи *Василій*, Русьскымъ именемъ Володимеръ,

«отцемъ взлюбленнымъ и матерью своею Мономахы.» Имя Василія ясно написано въ подлинникѣ. Такъ называетъ Мономаха современный Игуменъ Даніилъ (выше, примѣч. 185). — Далѣе, стр. 2, 12, 13: «Велій еси, Господи, и чудна дѣла Твоя! Никакъ же «разумъ человѣческъ не можетъ исповѣдати чудесъ «Твоихъ .... Како небо устроено, како ли солнце, «луна, и тма и свѣтъ? И земля на водахъ положе-«на, Господи, Твоимъ промысломъ. Звѣрье разполич-«піи, и птицы, и рыбы украшены Твоимъ промы-«сломъ, Господи! И сему чуду дивуемся, какъ отъ «персти создавъ человѣка, како образи разноличніи «въ человѣческихъ лицахъ: аще и весь міръ совоку-«питъ, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ «лицъ образомъ по Божіи мудрости. И сему ся по-«дивуемъ, како птицы небесныя изъ *Ирья* идутъ» — (*Ирь* и въ нашемъ древнемъ языкѣ могъ значить тоже, что Греческое *Иръ*, то есть *весну, утро*) — «и первѣе въ наши руцѣ, и не ставятъ ся (не ос-«таются) на одной земли, но и сильныя и худыя «идутъ по всѣмъ землямъ, да наполнятся лѣси и по-«ля. Все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на «снѣдь, на веселье» — Владиміръ напоминаетъ также дѣтямъ многія прекрасныя мѣста изъ Василія Великаго (стр. 7). «При старыхъ молчати, прему-«дрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точ-«ными (равными) и меньшими любовь имѣти, безъ «луки (кривизны) бесѣдующе, не обильно смѣятися, «срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпымъ (без-«студнымъ) не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу «горѣ.»

(206) Вѣроятно Греческимъ, Скандинавскимъ, Половецкимъ и Венгерскимъ, кромѣ Русскаго.

(207) Non vitia hominis, sed vitia saeculi: пороки не человѣка, а вѣка. — См. выше стр. 108.

(208) См. древн. Новогор. печ. лѣтопись, стр. 11, 6. Въ Синод. лѣтописи временъ Василія Темнаго (въ Библ. No 349, л. 224) и во многихъ другихъ новѣйшихъ сказано: «Мономахъ, правнукъ Великаго Кня-

«зя Володиміра, поставилъ градъ Володимерь За-«лѣшьскый въ Суждальской земли, и осыпа его спомъ» (окружилъ валомъ) «и създа первую церковь Св. Спаса, «за 50 лѣтъ до Богородичина ставленія.» Ниже означено, что славная Владимірская, *Златоверхая* церковь Богоматери совершена въ 1166 г.: слѣдственно Мономахъ основалъ городъ Владиміръ въ 1116. Но въ харат. и другихъ лѣтописяхъ относится построеніе сей церкви къ 1160 г.; въ 1161 она расписана, а въ 1164 Андрей Боголюбскій внесъ въ нее чудотворную икону Богоматери. — Старый городъ Владиміръ былъ въ длину 620 саженъ (лѣтоп. Синод. библ. No 111, л. 58 на обор.).

(209) *Рост. Лѣт.* л. 97 на об., печ. *Воскр.* I, 263 и *Новог. Лѣт.* 13.

(210) См. выше, стр. 32, и примѣч. 45. Гида сочеталась бракомъ послѣ Гастингскаго сраженія, бывшаго въ 1066 г.; а какъ первый сынъ Владиміровъ, Мстиславъ, родился въ 1075 или 1076 г. (выше, пр. 119), то вѣроятно, что Мономахъ и женился около сего времени. — О кончинѣ второй Владиміровой жены выше, прим. 177. Третія умерла въ 1126 г., Іюня 11.

(211) Торф. Hist. Norv. III, 377, и харат. *Новог. Лѣт.* стр. 12: «преставися Мстиславля (жена) «Хрьстина» (г. 1122).

(212) Въ лѣтописяхъ: «въ лѣто 6630 дщи Мсти-«славля ведена въ Греки за Царевича.» См. Дю-Канжа Hist. Byzant. стр. 179. Алексій родился въ 1106 г., и могъ быть обрученъ шестнадцати лѣтъ. Ѳеодоръ Бальзамонъ, Патріархъ Антіохійскій, говоритъ, что супруга Алексіева употребляла какое-то волшебство въ леченіи болѣзней, и сама наконецъ въ страшныхъ мукахъ умерла отъ того. Бальзамонъ писалъ въ концѣ XII вѣка.

(213) Сіи два посланія нашелъ я въ Синод. библ., въ книгѣ Меѳодія Патарійскаго, No 375, съ заглавіемъ: *Посланіе отъ Никифора Митрополита Кыевского къ Володимеру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына*

*Ярославля.* Первое начинается словами: «Въпра-«шалъ еси былъ, благородный Княже, како отъвръже-«ни быша Латина отъ Св. правовѣрныя церкве, и «се якожь отвѣщався благородству твоему, повѣ-«даю ти вины ихъ.» Слѣдуетъ описаніе, въ чемъ Паписты уклонились отъ древняго ученія Церкви. Въ концѣ: «прочитай же, Княже мой, не единою, «ни дважды, по множицею, и ты, Княже, и сынове «твои.» — Во второмъ посланіи Никифоръ доказываетъ, что виною поста есть грѣхъ Адамовъ; что *житіе* человѣка есть двоякое, словесное и безсловесное, безплотное и тѣлесное; что самая душа имѣетъ три части, силы или свойства: *словесное, яростное и желанное;* что постъ *кротитъ* страсти, и проч. Далѣе: «*Та убо душа сѣдитъ въ главѣ, умъ имущи «якожь свѣтлое око въ себѣ*, и исполняющи все тѣло си-«лою своею. Яко же бо ты, Княже, сѣдя здѣ, въ «сей своей земли, Воеводами, слугами своими, дѣй-«ствуеши по всей земли, и самъ ты еси Господинъ «и Князь: такъ и душа по всему тѣлу дѣйствуетъ «пятью слугъ своихъ, рекше пятью чювствій: очи-«ма, слухомъ, обоняніемъ, еже еста ноздрима, вку-«шеніемъ и осязаніемъ, еже еста руцѣ.... Многа «ина имѣлъ быхъ изрещи на похваленіе поста, аще «къ иному бы было писаніе се; а понеже къ тобѣ, «добляя глава наша, его же Богъ издалече проразу-«мѣ, его же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ «Царьское и Княжьское крови смѣсивъ.... Умъ твой «быстро летаетъ и не убѣжитъ ему пишемое.... «Что подобаетъ глаголати къ такому Князю, иже «болѣ на землѣ спитъ и дому бѣгаетъ, и свѣтлое «ношеніе портъ отгонитъ, и по лѣсомъ ходя сиро-«тину носитъ одежду, и по нужи въ градъ входя, «власти дѣля въ Властительскую ризу облачитъ съ? «И о вкушеніи такожь, иже въ брашнѣ и питіи бы-«ваетъ, и вѣмы, яко же инѣмъ и на обѣдѣ свѣтлѣ го-«товиши... и самъ убо служиши и стражеши рукама «своима (твориши же то Княженіа ради и власти), «и объядающимся инѣмъ и упивающимся, самъ пре-

«бывасши сѣдя и позоруя... Рука твоя къ всѣмъ «простираються и николижь ти съкровище положе-«но бысть, ли злато, ли сребро ищьтено бысть, но «вся раздавая обѣма рукама; но скотница (казна) «твоя по Божьей благодати нескудна есть и неи-«стощима....» — Списокъ сихъ посланій не старѣе четвертагонадесять вѣка. Самый переводъ Меѳодія достоинъ вниманія, будучи весьма древенъ.

(214) Въ харат. и *Кенигсберг.:* «Ярополчи бо бя-«хуть Посадници по всей Семи, и Мстиславича Изя-«слава посадилъ (Ярополкъ) въ Курскѣ, и измаша по-«слы ихъ на Локнѣ:» думаю одной изъ рѣкъ, впадающихъ въ Семь или Сеймъ. Обстоятельство, что Ярополкъ сдѣлалъ Изяслава начальникомъ въ Курскѣ, доказываетъ, что сей городъ принадлежалъ тогда къ области Переяславской.

(215) 1126 года, Марта 9.

(216) Ярославъ умеръ въ 1129 году.

(217) *Воскр. Лѣт.* I, 269.

(218) *Кіев. Лѣт.* г. 6635, Длугош. Hist. Polon. кн. IV, 425 и 427. Сей Историкъ говоритъ, что дружина Владиміркова и Ростиславова въ 1126 г. воевала Польшу. Татищевъ называетъ Короля Венгерскаго тестемъ Владимірка.

(219) Изяславъ, Всеволодъ. — См. харат. и *Кенигсберг.* — Мѣстечко Городно существуетъ и нынѣ въ Минской Губерніи, между рѣками Стыремъ и Горынью, а Клечьскъ или Клецкъ близъ Несвижа. Вячеславъ долженъ быть сыномъ Ярослава Святополковича, убитаго въ 1123 г., и племянникомъ Мстислава по матери. Всеволодко *Давидовичь* (*Росс. Библ.* стр. 195 и Татищ. подъ годомъ 1141), сынъ Давида Игоревича, столь извѣстнаго ослѣпленіемъ Василька Теребовльскаго, былъ супругомъ Агаѳіи, дочери Мономаховой. (*Кіевск. Лѣт.* г. 6624. Въ сей же лѣтописи, г. 6652, названы дочери Всеволодковы внуками Мономаха). — Далѣе въ лѣтописи: «а Всеволо-«ду Ольговичу повелѣ ити съ своею братьею на

«Стрѣжевъ къ Борисову.» Стрѣжеву надлежало быть въ нынѣшней Минской Губерніи. . .

(220) См. харат. и *Кенигсберг.* — Татищевъ справедливо замѣтилъ, что генеалогія Князей Полоцкихъ не ясна: ибо нѣкоторые изъ нихъ назывались однимъ именемъ, и древній Лѣтописецъ не сказываетъ намъ ихъ отечества. Въ *Родослов. Книгѣ* показаны у Всеслава только два сына, Борисъ и Ростиславъ; у Бориса сынъ Рогволодъ, который женился въ 1144 г.; а Рогволода дѣти Василій, Иванъ, Ростиславъ. Но Давидъ, Глѣбъ, Романъ, (о коихъ мы упоминали) были также Всеславичи, и Рогволодъ, который сдѣлался Княземъ Полоцкимъ въ 1127 г., и коего дѣти въ 1129 сосланы въ Царьградъ (см. ниже), долженъ быть не сынъ Борисовъ, а братъ. Авторъ *Степен. Книги* (I, 270) пишетъ, что Всеславъ имѣлъ *многихъ* сыновей, и что меньшій, отецъ Св. Евфросиніи или Передславы, назывался Георгіемъ. О сей Полоцкой Княжнѣ разсказываютъ, что она, будучи прелестна и благонравна, отказала всѣмъ женихамъ и постриглась въ монастырѣ, гдѣ находилась тетка ея, супруга Романова, также Черница. Евфросинія жила нѣсколько времени при Софійской церкви въ голубцѣ, списывая книги священныя; завела Спасскій и Маріинъ монастырь въ Сельцѣ, гдѣ хоронили Епископовъ; постригла тамъ родную сестру, Гориславу, и двоюродную, Звениславу, дочь Борисову, также двухъ племянницъ, дочерей ея брата, *Вячеслава;* выпросила у Греческаго Императора Мануила и Патріарха Луки Ефесскую икону Св. Богоматери, написанную Евангелистомъ Лукою; отправилась съ братомъ *Давидомъ* въ Палестину; встрѣтилась на пути съ Мануиломъ, который шелъ противъ Венгровъ; была имъ обласкана, равно какъ и Патріархомъ Цареградскимъ; наконецъ скончалась въ Іерусалимскомъ *Русскомъ* монастырѣ Св. Богоматери и погребена въ Θеодосіевой обители, гдѣ лежатъ матери Святыхъ Саввы, Θеодосія, Козмы и Даміана. Сему надлежало быть за половину XII вѣка: ибо Лука

Хрисовергій правилъ Константинопольскою Церковію отъ 1156 до 1169 году.

(221) *Воскр. Лѣт.* I, 269, и *Кіев.* г. 1140. Въ Визант. лѣтописяхъ не упоминается о сихъ изгнанникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ по кончинѣ Великаго Князя возвратились въ Россію. (*Кіев. Лѣт.* г. 1140).

(222) См. *Новогород. Лѣт.* (стр. 14).

(223) Мстиславъ родился въ годъ Мономахова похода въ Богемію (см. его *Духовн.* 32) въ 1076 г., а скончался Апр. 15, въ 1132 (не 14 Апр. и не въ 1133 г.), въ Пятницу на Св. недѣлѣ, и погребенъ въ церкви Св. Өеодора. Сей Князь названъ *Великимъ* въ древней *Новогород. Лѣт.* стр. 46. — Тамъ же, стр. 12: «оженися Мстиславъ Кыевѣ» (1120 г.) «поя Ди-«тровьну Новѣгородѣ Завидица.» Татищевъ называетъ ее Любавою. Она жила еще въ въ 1167 г. Неизвѣстно, когда дочь Мстислава вышла за Всеволода Ольговича. Въ 1140 г. меньшій сынъ перваго названъ въ лѣтописяхъ шуриномъ Всеволода Черниговскаго.

(224) Сей голодъ подробно описанъ только въ *Новог. Лѣт.*; но онъ безъ сомнѣнія былъ общій въ сѣверной Россіи: цѣна хлѣба не могла бы такъ возвыситься въ Новѣгородѣ, если бы онъ въ то же самое время продавался дешево во Псковѣ, области Полоцкой, Суздальской, Смоленской. — Мы оцѣнили здѣсь осмину хлѣба не по догадкѣ: семь Новогородскихъ гривенъ въ 1230 г. составляли гривну или полфунта серебра (сей *Ист.* Т. I, прим. 290 и 474), а фунтъ сего металла стоитъ нынѣ около двадцати серебряныхъ рублей; но вѣроятно, что въ 1128 г. гривна кожаной монеты была еще дороже въ отношеніи къ серебру.

(225) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 15.

Случаи Мстиславова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе:

Въ 1125 г. Всеволодъ утвержденъ на престолѣ Новогор., и Митроп. Никита, исполняя волю К. Ярополка, Окт. 4, поставилъ Епископомъ Переяславля

славскимъ Марка, (или Іоанна). Въ 1126 скончались Митроп. Никита, Марта 9, и вдовствующая супруга Мономахова, 11 Іюня. — Въ 1128 г. скончались К. Полоцкій Борисъ Всеславичь, Іоаннъ сынъ Всеволода Мстиславича, 16 Апрѣля. Въ 1129 году преставился Михалко Вячеславичь, внукъ Мономаховъ (въ Туровѣ, а не въ Рязани). Въ 1130 Іоаннъ добровольно оставилъ Новогор. Епископію, бывъ 20 лѣтъ Епископомъ, а на мѣсто его посвятили Нифонта, мужа добродѣтельнаго, прибывшаго туда Генв. 1. — Въ 1131 Мстиславъ заложилъ Кіевскую церковь Богоматери *Пирогощую* (или, по другимъ спискамъ, въ *Пирогощитѣ*). Въ 1132 г. родился у Мстислава сынъ Владиміръ.

Харатейная грамота Мстислава находится въ монастырѣ Юрьевскомъ, и писана въ то время, когда Мстиславъ былъ уже Вел. Княземъ.

(226) Мономахъ, будучи наслѣдникомъ, княжилъ въ Переяславлѣ, и за нѣсколько времени до кончины своей отдалъ его Мстиславу и Ярополку вмѣстѣ (*Росс. Библ.* 187). Георгій княжилъ въ Переяславлѣ только 8 дней. — См. *Новогород. Лѣт.*, стр. 75.

(227) *Новогород. Лѣт.* стр. 15, 16. Мы видѣли, что Мономахъ и Мстиславъ отправляли туда Посадниковъ изъ Кіева; но въ 1132 г. самъ народъ избралъ Посадника Новогор. и Псковскаго: *Мирославу даша посадницати* въ *Плъсковѣ*, а *Рагуйлови* (Рагуйлу) *въ городѣ* (Новѣгородѣ).

(228) Въ *Ростов.*, *Воскр.* и *Никон. Лѣт.* названъ Василько, Полоцкій Князь, сыномъ умершаго Святослава Владиміровича: слѣдственно внукомъ Мономаха; но сей Князь былъ сынъ *Рогволода Всеславича.*

(229) Изяславъ, бывъ Княземъ Полоцкимъ, владѣлъ и городомъ Минскимъ. Въ лѣтописи: »и даша *дани* « Печерскые и отъ Смолинска *даръ*, и тако *хрестъ* « *цѣловаша.*» Слова о *цѣлованіи креста* свидѣтельствуютъ, кажется, что Изяславъ заставилъ тогда Кня-

зей, Всеволода Новогородскаго и Ростислава Смоленскаго, присягнуть дядѣ въ вѣрности.

Въ 1133 г. Вячеславъ оставилъ Переяславль, но изъ Городца возвратился; а въ 1134, зимою, въ противность волѣ Ярополковой, уѣхалъ въ Туровъ. Георгій выпросилъ у брата Переяславль въ 1135: тогда огорченный Изяславъ отправился въ Минскъ и Новгородъ, гдѣ Мстиславичи вошли въ союзъ съ Ольговичами (см. ниже).

(230) Юрьевъ былъ взятъ Всеволодомъ въ 1133 г. Февр. 9. — См. *Новгород. Лѣт.* стр. 16. — Митроп. Михаилъ былъ преемникомъ Никиты, и названъ въ Каталогахъ Грекомъ. Онъ прибылъ въ Россію по *Кіев. Лѣт.* въ 1130 или 1131 г. — Война Суздальская, по *Новог. Лѣт.*, была въ 6642, а по другимъ въ 6643.

(231) См. *Пушкин. Лѣт.* — Изяславъ участвовалъ въ первомъ походѣ Всеволодовомъ на Суздаль; когда жь Новогородцы съ Дубны или Волги (какъ въ другихъ лѣтописяхъ сказано) возвратились, сей Князь остался *на Волокѣ* (въ Волоколамскѣ) и свѣдавъ, что сыновья Мономаховы идутъ къ Чернигову, пошелъ туда же, съ намѣреніемъ, какъ думаю, пристать къ Ольговичамъ. — Въ послѣдствіи увидимъ, что нынѣшній Остеръ или древній Городецъ остался за Георгіемъ ниже, стр. 224). — О Нифонтѣ см. *Новог. Лѣт.* 17 и 18.

(232) См. *Пушкин.* и *Кіев.* — О Василькѣ см. выше, стр. 152. — Халепъ есть нынѣ село ниже Триполья.— Увидимъ ниже, что Курскъ отошелъ къ Черниг. Князьямъ.

(233) *Новог. Лѣт.* 18, 19, и *Степ. Кн.* I, 258.

(234) *Новог. Лѣт.* 19. — О великодушіи Князя Полоцкаго см. въ житіи Всеволода, *Степ. Кн.* I, 259; также въ рукоп. Псков. лѣтописи, Архивской и Синодальной.

(235) *Новог. Лѣт.* 20. — Курскъ зависѣлъ прежде отъ Князя Переяславскаго.— Дубровна есть село за три почты отъ города Пскова. — См. Ильинскаго *Описаніе Пскова*, стр. 8.

(236) Мы означили цѣну хлѣба въ Новѣгородѣ по харат. списку лѣтописи: въ новѣйшихъ стоитъ 7 гривенъ. Въ 1128 г. осмина стоила тамъ гривну: слѣдственно въ семь разъ дороже (ибо въ гривнѣ было 50 рѣзаней). — *Новог. Лѣт.* 19 и 21. — Уставъ Святославовъ нашелъ я въ харат. Кормч. Книгѣ или въ *Древн. Софійск. правилахъ* (Син. Библіот. No 82). Новогор. Епископъ имѣлъ ежегодно доходу 250 гривенъ: слѣдственно Князю надлежало имѣть 2500 гривенъ, или 6250 нынѣшнихъ серебр. рублей, если гривна кунъ была и тогда четвертою частію гривны серебра, подобно какъ въ началѣ XIII вѣка (сей *Ист.* Т. I, пр. 475).

(237) См. *Пушкин.* — Городъ Прилукъ есть нынѣ Прилуки въ Полтав. Губерніи.— Берендѣи или Берендичи одинъ народъ съ Торками, или нѣкоторое особенное племя его (выше, прим. 192).

(238) Онъ былъ схороненъ въ голубцѣ у церкви Св. Андрея; но вдовствующая супруга его, именемъ Елена, въ 1145 г. перенесла Ярополково тѣло въ самую церковь и положила рядомъ съ тѣломъ Янки, сестры Мономаховой.

Замѣтимъ случаи Ярополкова времени, о коихъ мы не упоминали. Въ 1134 преставился Изяславъ Глѣбовичь, внукъ Олеговъ. Въ 1135 г. Генв. 6, скончался Переясл. Епископъ Маркеллъ (или Маркъ). Въ 1136 преставился Симеонъ, Епископъ Владимірскій. Въ 1137 посвящены два Епископа, Смоленскій Мануилъ скопецъ и Ѳеодоръ Владимірскій, также скопецъ; дочь Всеволода Мстиславича, Верхуслава, выдана за Польск. Князя. – Въ 1138 (по *Кенигсб.*) умеръ Глѣбъ Ольговичь.

(239) Кадлуб. H. Pol. кн. III, 724 – 730. Объ имени *Галича* см. сей *Ист.* III, стран. 127.

(240) См. выше, стр. 142, и Прая Annales Reg. Hung. кн. II, стр. 125. Сія война была въ первый годъ Ярополкова княженія, т. е. въ 1132. Владимірко, оставивъ Бориса, скоро объявилъ себя союзникомъ Белы и ходилъ разорять Польшу съ Герцогомъ

Богемскимъ (см. Прая Ann. кн. II, стр. 127: Sobjeslaus cum Russis, и проч.)

(241) См. Прая Ann. R. Hung. кн. II, стр. 135, 136, 142; Туроц. Chron. гл. 64 и 66, и Memor. popul. III, 645 и 659.

(242) См. *Ростов.* и другія лѣтописи.

(243) См. харатейныя и *Кіев.* – Объ Андреѣ см. выше, стр. 154. Святославъ княжилъ въ Курскѣ. Малотинъ въ Пирятинскомъ Повѣтѣ на Оржицѣ.

(244) См. *Новогород.* и *Кіев. Лѣт.*

(245) *Кіев. Лѣт.* – Новогородцы заключили Ростислава въ Епископскомъ домѣ такъ же, какъ Св. Всеволода въ 1136 г.

(246) Андрей родился въ 1102 г., а скончался въ 1141, Генв. 22. – Въ харатейныхъ говорится ниже только объ Игорѣ, а въ *Кіев.* объ Игорѣ и Святославѣ; въ первыхъ сказано, что Игорь въ 1141 г. занялъ города Суздальскіе, а въ *Кіев.* приписано сіе дѣйствіе Вел. Князю (что, кажется, несправедливо). Станъ Игоревъ находился близъ Переяславля на рѣкѣ *Стреквѣ*: имя теперь неизвѣстное.

(247) См. *Кіев. Лѣт.*

(248) См. *Кіев. Лѣт.*

(249) См. ниже, прим. 284. По смерти Моравскаго Герцога Оттона, въ 1126 г., сынъ его, именемъ также Оттонъ, ушелъ въ Россію, и жилъ тамъ до 1141 г. (Гебг. Gesch. des St. Mähren, кн. VII, 54, 55) – Невѣста Святополка Мстиславича (а не Всеволодовича, какъ сказано въ Софійск. лѣтописи) пріѣхала въ 6657 между Рождествомъ и Крещеніемъ: слѣдственно онъ женился въ началѣ 1144 г. – *Новогород. Лѣт.*, стр. 24: «приходи Свейскій Князь съ «Епископомъ.» – Здѣсь въ первый разъ упоминается о *Свеяхъ*. Прежде называли ихъ у насъ общимъ именемъ Варяговъ.

(250) Святославъ женился на дочери Василька еще въ 1143 г., а Рогволодъ въ 1144. Свадьба была въ Переяславлѣ. – Когда умерли Ростиславъ Володаревичь и Григорій Васильковичь, не знаемъ; а Иванъ

Василькович въ 1141 г. по *Кіев. Лѣт.* — Всеволодко Городненскій умеръ въ 1142 г., Февр. 1. Въ *Кіев. Лѣт.*, кромѣ другихъ Князей и Владислава Польскаго, зятя Всеволодова, которые ополчились на Владимірка, именованы еще сынъ Великаго Князя Святославъ и Ростиславъ Глѣбовичь, внукъ Олеговъ (выше, прим. 238).

(251) Банъ тоже, что Панъ: тогда знаменитое достоинство. Сей Банъ названъ *уемъ* Короля, т. е. дядею по матери; слѣдственно онъ былъ роднымъ братомъ Елены, дочери Сербскаго Графа. — О Теребовлѣ см. выше, прим. 161. — Ушица въ Подольской Губерніи. — Изяславъ Давидовичь былъ отправленъ за Половцами еще изъ Переяславля. — Въ *Воскр.* и въ *Рост. Лѣт.* описаны здѣсь кровопролитныя битвы подъ стѣнами Звенигорода; но сіе было уже во время другаго Всеволодова похода въ Галицію (см. ниже). Ниже въ *первый разъ* говорится въ лѣтописяхъ о *гривнахъ серебра*.

(252) Отъ Берлада, нынѣ Бырлата или Барлада, между Прутомъ и Серетомъ. Сей нѣкогда многолюдный и крѣпкій городъ (см. Кантемирово *Описаніе Молдавіи*) основанный близъ развалинъ древней Дакійской Зузидавы (см. Бишинг. Erdbeschr. II, 789) былъ населенъ бродягами, которые славились разбоями на морѣ и сухомъ пути (о чемъ скажемъ нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣроятно, что Іоанна Галицкаго назвали *Берладникомъ* въ смыслѣ *бродяги* по его образу жизни.

(253) О собраніи Князей въ Кіевѣ см. *Кіев. Лѣт.*

(254) См. тамъ же.

(255) Тамъ же. — Въ лѣтописи названъ Всеволодъ *смысленымъ*.

Вотъ маловажные случаи его княженія: Въ 1140 г. родился у В. Князя сынъ Ярославъ. Въ 1141 поставленъ Епископъ Переяславскій Евфимій. Въ 1142 преставился Черниговъ. Епископъ Пантелеймонъ. Въ 1144 зимою Всеволодъ на одной недѣлѣ выдалъ двухъ дочерей Всеволодковыхъ, внукъ Мономаховыхъ,

одну за Владиміра Давидовича Черниговскаго, а другую за Юрія Ярославича, внука Святополкова (*Кіев. Лѣт.*). «Поставиша Епископа къ Турову, именемъ Якымъ.» — Въ 1145, въ Муромѣ скончался Святославъ Ярославичь, оставивъ престолъ брату Ростиславу; а въ Рязань поѣхалъ княжить меньшій сынъ Ростиславовъ, Глѣбъ.

(256) *Дворъ Ярославовъ* находился въ Кіевѣ на горѣ (*Кіев. Лѣт.*). — См. *Ростовск.*, *Кіев.* и *Воскр. Лѣт.* I, 282.

(257) См. *Кіев. Лѣт.*

(258) Въ 1116 году.

(259) См. *Кіев. Лѣт.*

(260) Именемъ Владиміру. — Рѣчь Вячеславова (*Воскрес. Лѣт.* II, 13) свидѣтельствуетъ, что племянникъ обѣщалъ прежде завоевать для него Кіевскую область. Съ Ростиславомъ ходилъ въ Волынію и сынъ Всеволодовъ. — Пересопница, нынѣ селеніе того же имени, находится между Луцка и Дорогобужа, Ровна и Клевани на рѣкѣ Стублѣ или Струбелкѣ, впадающей въ Горынь.

(261) См. *Кіев. Лѣт.*

(262) См. тамъ же. Олегъ былъ женатъ на Княжнѣ Половецкой. — Князь Рязанскій названъ *Святославичемъ* (ниже, прим. 266). — О *Берладникѣ* см. выше, прим. 252.

(263) См. *Кіев. Лѣт.*

(264) См. *Никонов. Лѣт.*

(265) См. харатейныя. — Далѣе см. *Кіев.* и *Воскр. Лѣт.* I, 287.

(266) Городъ Дѣдославль назывался послѣ Дѣдиловымъ (нынѣ село верстахъ въ 30 отъ Тулы): см. *Больш. Чертежъ* стр. 10. — Брянскъ назывался *Дебрянскимъ.* — Владиміръ Рязанскій былъ сынъ Святослава Ярославича. См. *Воскр. Лѣт.* I, 24, 25, и выше, прим. 255, г. 1145.

(267) См. *Кіев. Лѣт.*

(268) См. *Лѣтопись о началѣ царствующаго Великаго Града Москвы*, въ Синод. Библ. No 92. Сія

повѣсть сочинена въ новѣйшія времена и содержитъ въ себѣ явныя ошибки. Тамъ сказано: — »Въ лѣто 6633 (1125), по преставленіи благовѣрнаго Царя и «В. Кн. Владиміра Всеволодича Мономаха, сѣде на «Великомъ Княженіи въ Кіевѣ сынъ его, Кн. Юрій; «а сынове его, Кн. Всеволодъ съ братіею, съ нимъ «быша; а старѣйшаго сына, Кн. Андрея, посади въ «Суждалѣ. Въ лѣто 6666 (1158) сему Вел. Князю «Юрью грядущу изъ Кіева во Владиміръ къ сыну «своему Андрею, пріиде на мѣсто, идѣ же нынѣ «царствующій градъ Москва, обополы *Москвы рѣки*. «Сими же селы владающу тогда Болярину нѣкоему, «богату сущу, именемъ Кучку Иванову; той Кучко «возгордѣвся зѣло и не почте Вел. Князя, и поносивъ «ему. Князь же Великій, не стерпя хулы, повелѣ «Болярина того смерти предати; сыны же его ви-«дѣвъ млады сущи и лѣпы зѣло (именемъ Петръ и «Іоакимъ) и дщерь едину благообразну (именемъ Ули-«ту), отсла во Владиміръ къ Андрею. Самъ же взы-«де на гору и обозрѣ очима своима сѣмо и овамо «по обѣ страны Москвы рѣки и за Неглинною, воз-«люби села оныя, и повелѣваетъ вскорѣ содѣлати «малъ древянъ градъ и прозва его Москва градъ» — (то есть, именемъ рѣки) — «и потомъ Князь Ве-«ликій отходитъ къ сыну Андрею во Владиміръ и «сочетоваетъ его бракомъ со дщерію Кучковою. И «бывъ у него Вел. Князь Юрій довольно, заповѣда «ему градъ Москву людьми населити и распростра-«нити; и паки возвращается въ Кіевъ.» — Сочинитель не зналъ, что въ 1125 г. Мстиславъ наслѣдовалъ престолъ Кіевскій; что Всеволодъ еще тогда не родился, и что въ 1158 г. Юрія уже не было на свѣтѣ. Но вѣроятно, что сія сказка основана на древнемъ, истинномъ преданіи, по которому Юрій или Георгій застроилъ Москву, умертвивъ господина тамошнихъ селъ, Стефана Кучка. — У насъ есть другая, гораздо обстоятельнѣйшая повѣсть о началѣ Москвы, изобрѣтенная совершеннымъ невѣждою. См. *Книгу о древностяхъ Рос. Государства*, Ч. I,

Т. II, л. 141 и слѣд., въ Синод. Библ. подъ № 529. — Вотъ еще сказка, найденная мною въ одной рукописи XVII вѣка: «Въ лѣто 6714 (1206) Князь «Вел. Данило *Ивановичь* (?) послѣ Рюрика, Короля «Римскаго, въ 14 лѣто пришедъ изъ Вел. Новаграда «въ Суздаль, и въ Суздалѣ родися ему сынъ Геор-«гій, и созда во имя его градъ Юрьевъ Польской, и «въ немъ церковь во имя Св. Георгія каменную на «рѣзи отъ подошвы и до верху; и поѣха К. В. «Данило изыскивати мѣста, гдѣ ему создати градъ «престольный къ Вел. Княженью своему, и взя съ «собою нѣкоего Гречина, именемъ Василія, мудра «зѣло, и вѣдающа, чему и впредь быти; и въѣхавъ «съ нимъ во островъ теменъ, непроходимъ зѣло, «въ немъ же бѣ болото велико и топко и посредѣ «того острова и болота узрѣ К. В. Данило звѣ-«ря превелика троеглава и красна зѣло . . . и сказа «ему Василій Гречинъ: *Вел. Княже! на семъ мпстп «созиждется градъ великъ, и распространится Цар-«ствіе треугольное, и въ немъ умножатся различ-«ныхъ Ордъ люди...* Князь же Данило въ томъ «острову наѣхалъ посредѣ болота островецъ малъ, «а на немъ хижина, а въ ней живетъ пустынникъ, «а имя ему Букалъ, и хижина по тому называется «Букалова: и нынѣ на томъ мѣстѣ Царской Дворъ. «И послѣ того К. В. Данило Ив. съ тѣмъ же Гре-«чиномъ, спустя 4 дни, наѣхалъ горы, а въ горахъ «хижину, и въ той хижинѣ человѣкъ Римлянинъ, «имя ему Подонъ, исполненъ Св. Духа, и рече: «*возлюби, Князь Великій, мпсто сіе;* и на томъ «мѣстѣ восхотѣ К. Данило домъ себѣ устроити. «Той же Подонъ рече: *Княже! здп созиждутъ «храмъ Божій и пребудутъ Архіереи.* Князь же «Данило въ шестое лѣто на хижинѣ Букаловѣ зало-«жи градъ, и нарекоша имя ему Москва, а въ седь-«мое лѣто на горахъ Подонскихъ, на хижинѣ Подо-«новѣ, заложи церковь Спаса. И въ девятое лѣто «родися у него два сына, К. Алексѣй и К. Петръ. «К. же Данило любяше вельми К. Алексѣя, и во

«имя его созда градъ Алексинъ, къ Сѣверу, и тамо «обрѣте во островѣ мужа, именемъ Сара, земли «Иверскія, и на его хижинѣ заложи градъ Але«ксинъ. И по девятомъ лѣтѣ приде изъ Грекъ Епи«скопъ Варламъ къ К. Данилу, и многія мощи съ «собою принесе; и К. Данило повелѣ ему освятити «храмъ на горахъ Подонскихъ, и да ему областъ «Крутицкую, и нарекоша его Владыкою Сарскимъ и «Подонскимъ: тако нарекоша Крутицы.»

Ссылаясь на изустныя преданія, новѣйшіе Историки Москвы разсказываютъ (см. *Истор. и топогр. описаніе Москвы*), что на ея мѣстѣ села Кучковы назывались 1) Воробьево (гдѣ нынѣ горы сего имени), 2) Симоново (гдѣ Симоновъ монастырь), 3) Высоцкое (гдѣ Петров. монастырь), 4) Кудрино, 5) Кулишки, 6) Сухощаво (Сущево), и 7) Кузнецкая слобода (гдѣ мостъ Кузнецкій); что сверхъ упомянутыхъ деревень были еще иныя на Вшивой Горкѣ близъ Андроніева монастыря, на Красныхъ и Чистыхъ прудахъ, гдѣ находился домъ самого Кучка; что церковь *Спасъ на бору* стоитъ тамъ, гдѣ была хижина Букалова; что рѣка Москва именовалась прежде *Смородиною*, названа же Москвою *отъ мостковъ*; что Георгій велѣлъ построить на ея берегу деревянный городъ, назвавъ его по новому имени рѣки Москвою, а другому городу, основанному тамъ, гдѣ нынѣ монастырь Знаменскій, далъ имя *Китая*, ибо такъ прозывался сынъ его Андрей, и проч. и проч. Какія же историческія свидѣтельства подтверждаютъ истину сихъ извѣстій?

Каменевичь-Рвовскій разсказываетъ съ важностію (см. *Книгу о Древностяхъ Рос. Государства*, въ Син. библ. No 529, Ч. I, Т. 2. л. 499 и 500), что сынъ Іафетовъ, Мосохъ, первый обитая съ родомъ своимъ въ Московской Губерніи, имѣлъ прекрасную жену, именемъ *Кву*, сына *Я*, дочь *Взу*; что ихъ четырмя именами названы рѣки *Москва* и *Яуза*; что Мосохъ, первый Князь и Патріархъ Россіи, основалъ *городъ Московскій* на устьѣ Яузы (гдѣ въ исходѣ

XVII вѣка была церковь Никиты Мученика). Впрочемъ мысль производить имя Москвы отъ Мосоха гораздо старѣе временъ забавнаго Каменевича, писавшаго въ 1699 году. Татищевъ изъяснялъ сіе имя языкомъ *Сарматскимъ*, на которомъ оно, по его словамъ, знаменуетъ *искривленное*, *излучистое;* а славный Баеръ, худо зная по-Русски, думалъ, что городъ Москва такъ названъ отъ *мужескаго* монастыря (см. его Origin. Russ. въ Коммент. Академіи, Т. VIII, стр. 400): Moscua non a fluvio (fuit enim fluvio vetus nomen Smorodina), sed a veteri monasterio Moskoi nomen habuit. Moskoi a Mus et Music, viro, quasi virorum sedem dicas!! — Въ *Кіевск. Лѣт.* сказано: «идоша до *Кучкова*, рекше до *Москвы.*»

(269) Путешественникъ XIII вѣка, Рубруквисъ, сказываетъ, что между Волгою и Дономъ жили многіе Русскіе, Аланскіе и Венгерскіе или Башкирскіе разбойники, составляя какъ бы народъ особенный (см. его Voyage въ Бержерон. собраніи стр. 20 и 38): вѣроятно, что они именуются въ нашихъ лѣтописяхъ *Бродниками*, то есть, *бродягами*, сволочью.

(270) См. *Воскресенск.* I, 291.

(271) Въ харатейныхъ: «Въ лѣто 6653 (1145) «*ходи* Митрополитъ Михаилъ Царьгороду.» Слово *ходи*, употребленное Лѣтописцемъ древнимъ, заставляетъ думать, что Митрополитъ *возвратился* изъ Греціи. — О грамотѣ Патріарха къ Нифонту см. *Степен. Книгу* (I, 250, 251), въ *Патерикѣ* житіе Нифонта и Каталоги Епископовъ. Въ лѣтописяхъ: «Изяславъ постави Митрополита Клима Смолянича (въ *Никон. Смолнянина*) *Калугера* (Каллогера «или *добраго старца*) особь съ шестью Епископы.» Въ *Степен. Кн.* наименованы Онуфрій Черниговъ., Ѳеодоръ Бѣлогородскій, Даміанъ Юрьевскій, Ѳеодоръ Владимірскій, Нифонтъ и Мануилъ Смоленскій; а въ *Патерикѣ* еще прибавлены Евфимій Переяславскій, Іоакимъ Туровскій, Козма Полоцкій, которые вмѣстѣ съ Мануиломъ и Ѳеодоромъ Бѣлогородскимъ держали Нифонтову сторону.

(272) *Кіев. Лѣт.* Изяславъ сталъ на Альтѣ, послѣ у *Нежатина*, а послѣ у *Росотины*, откуда послалъ Улѣба: тому и другому мѣсту надлежало быть между Альтою и Супоемъ. Татищевъ и Болтинъ думали, что Нежатинъ есть Нѣжинъ; но послѣдній называется въ лѣтописяхъ Унѣжемъ.

(273) Сей Игорь причтенъ ко Святымъ. Онъ убитъ не 9 *Сент.* въ *Субботу*, какъ сказано въ *Степ. Кн.*, а 19 *Сент.* въ *Пятницу* (*Кіев. Лѣт.*).

(274) См. *Кіев. Лѣт.* Глѣбль называется нынѣ Старымъ Глѣбовымъ, ниже Чернигова, между Десною и Днѣпромъ.

(275) Сынъ Вел. Князя, Мстиславъ, начальствовалъ въ семъ городѣ. Татищевъ пишетъ, что Брягинъ есть Городецъ и Юрьевъ! Сіе мѣстечко Брагинъ донынѣ существуетъ близъ Любеча на правомъ берегу Днѣпра.

(276) См. *Кіев. Лѣт.*

(277) То есть, Бужскъ, Межибожье, Котельницу и еще два.

(278) См. харат. *Новогород. Лѣт.* стр. 26 и 27.

(279) См. *Кіев. Лѣт.* и *Новог. Лѣт.* 27.

(280) См. *Кіев. Лѣт.*

(281) См. тамъ же.

(282) См. тамъ же.

(283) *Нов. Лѣт.* 27 и 28, *Патерикъ* (*л.* 190).

(284) См. Прая Ann. Regum Hung. Кн. III, 136. Лѣтописцы Венгерскіе сказываютъ, что Король ихъ въ 1148 г. помогалъ Русскому Князю *Мониславу* и женился на *его* дочери. Отецъ Евфросиніи былъ дѣйствительно *Мстиславъ*; но Гейза помогалъ въ семъ году не *тестю*, давно умершему, а *шурину* Изяславу. — Въ *Кіев. Лѣт.* говорится о сватовствѣ Изяслава съ Польскимъ и Богемскимъ Государями: дочь Всеволода Мстиславича была за братомъ Государя Польскаго, Болеслава, а родственница Владислава Богемскаго, какъ вѣроятно, за Святополкомъ, меньшимъ братомъ Изяслава Мстиславича (см. выше, примѣч. 249). Сверхъ того наши и Польскіе Лѣто-

писцы называютъ внука Изяславова, Романа Мстиславича, племянникомъ Казимира, брата Болеславова, сыномъ дочери Болеслава Кривоустаго. — Чеменинъ, нынѣ Чемерники, не далеко отъ Люблина.

(285) *Никон. Лѣт.*, не разумѣя, какимъ образомъ Воевода Половецкій могъ называться Жирославомъ, вставилъ имя Темиръ-Хозя! Сіи варвары, чувствуя тогда превосходство Россіянъ въ гражданскомъ образованіи, заимствовали отъ нихъ и самыя имена.

(286) То есть (*Никон. Лѣт.* II, 114) сынъ убитаго подъ Владиміромъ Ярослава Святополковича (выше, стр. 155), а не Ярослава Ярополковича, умершаго въ заключеніи (см. выше, стр. 131).

(287) См. *Кіев. Лѣт.*

(288) О вѣроломствѣ Георгія по заключеніи мира сказано въ *Кіев. Лѣт.*

(289) См. тамъ же. Изяславъ шелъ отъ Кіева къ Звенигороду, оттуда же къ рѣкѣ Стугнѣ и Ольшаницѣ, и сразился съ Кн. Галицкимъ у *Тумаща* (нынѣшней Томашовки въ Васильк. Уѣздѣ). Съ первымъ были братъ Владиміръ и сынъ Мстиславъ. Жены и дѣти Берендѣевъ оставались въ городѣ Пороскомъ, т. е. на берегу Роси.

(290) См. *Кіев. Лѣт.*

(291) Въ Луцкѣ начальствовали братъ Изяславовъ, Святополкъ, и сынъ Мстиславъ. Владимірко оставилъ Георгіева сына въ Пересопницѣ.

(292) См. *Кіев. Лѣт.*

(293) См. тамъ же.

(294) Такъ въ *Пушкин.* называется сіе озеро. — На рѣкѣ Золотчѣ находится мѣстечко Вишенки. — Витичевъ былъ ниже Триполя (*Больш. Чертежъ*, стр. 145). — Гдѣ былъ городокъ Зарубъ (см. *Больш. Чертежъ*), тамъ нынѣ селеніе Зарубанцы. — Половцы бросились въ Днѣпръ на коняхъ, а Россіяне ѣхали за ними въ лодкахъ (см. *Кіев. Лѣт.*).

(295) См. *Кіев. Лѣт.*

(296) См. выше, стр. 111.

(297) См. *Кіев. Лѣт.* По харатейнымъ лѣтописямъ,

Изяславъ догналъ Георгія у Перепѣтовыхъ за Стугною; тутъ сильный дождь съ вѣтромъ помѣшалъ битвѣ; начались переговоры, и Георгій ввечеру зашелъ за Рутъ; а въ *Пятницу* было сраженіе (17 Іюля, какъ сказано въ *Новогород. Лѣт.*; но сіе число приходилось тогда во *Вторникъ*). — Георгій, оставивъ мѣсто битвы, въ полдень того же дня переправился за Днѣпръ въ Витичевѣ.

(298) См. *Кіев.* и *Воскресен. Лѣт.* Вѣроятно, что Христіанское имя Изяслава было Пантелеймонъ, когда онъ носилъ на шлемѣ образъ сего Святаго. Обрадованные воины, поднявъ Изяслава, восклицали: *Киріелейсонъ!*

(299) См. *Кіев. Лѣт.* — Жена Владимірова по кончинѣ его *бѣжала* къ Половцамъ и вышла за ихъ Хана Башкорда (*Воскр. Лѣт.* II, 48).

(300) О возвращеніи Князя Галицкаго отъ Бужска см. въ *Кіев. Лѣт.* — Георгій оставилъ сына своего, Глѣба, въ Переяславлѣ: ибо Ростиславъ Георгіевичъ, бывшій Княземъ Переяславскимъ, умеръ въ томъ году на Страстной недѣлѣ, рано въ Великую Пятницу, и погребенъ братьями, Андреемъ, Глѣбомъ и Мстиславомъ, въ церкви Св. Михаила, близъ дядей, Андрея и Святослава Владиміровичей.

(301) Разбитый Мстиславъ ушелъ въ Луцкъ. Венгерскіе Лѣтописцы упоминаютъ, хотя и слегка, о семъ пораженіи ихъ войска (см. Туроц. Chron. гл. LXVI). См. *Кіев. Лѣт.* Въ разсужденіи *порядка* описанныхъ здѣсь происшествій слѣдую харатейнымъ, также *Воскресен.* и *Ростов.* лѣтописямъ.

(302) См. *Кіев. Лѣт.*

(303) Изяславъ еще въ 1141 г., зимою, выступилъ было противъ Владимірка, но возвратился отъ Корчева, или Корочева, бывшаго городка, нынѣ мѣстечка въ Губерніи Волынской, на рѣкѣ Курчикѣ. — Съ Королемъ были и братья его: см. Прая Ann. Reg. Hung. кн. III, стр. 138. Венгерскіе лѣтописцы называютъ Владимірка (Lodomerius) *мятежникомъ*, котораго Изяславъ смирилъ съ помощію своего зятя.

(304) Думаю, что и нынѣ можемъ употреблять сіе древнее названіе людей, посылаемыхъ впередъ для заготовленія съѣстныхъ припасовъ. — Слѣдую подробнымъ лѣтописямъ, какова есть *Кіев.*, *Рост.* и *Воскр.* Въ харатейныхъ сказано, что Владимірко, разбитый Королемъ еще до прибытія Изяславова, желалъ скорѣе заключить міръ; что Изяславъ оставилъ войско назади и спѣшилъ къ зятю съ одними Берендѣями; что Кн. Галицкій былъ вторично разбитъ и примирился. — Избыгнѣвъ *Ивачичь*, здѣсь упоминаемый, есть, думаю, сынъ отважнаго Воеводы Галицкаго, который спасъ Перемышль въ 1144 г. (см. выше).

(305) См. Memor. Popul. II, 1018.

(306) Князья Рязанскіе были Ростиславъ Ярославичь и братья его.

(307) См. *Никон. Лѣт.* II, 132. См. также *Кіев.*, *Ростов.* и *Воскресен.*

(308) Съ Изяславомъ находились братъ Святополкъ и сынъ Мстиславъ. Скоро также пришли къ нему племянникъ Романъ Ростиславичь и Святославъ Всеволодичь. — Идучи отъ рѣки Альты къ Новугороду Сѣверскому, Вел. Князь стоялъ у *Всеволожа*. Далѣе въ харатейныхъ сказано, что Мстиславъ ходилъ въ землю Половецкую съ Торками, Берендѣями и Печенѣгами; а въ *Ростов.*, *Воскресен.* и другихъ именованы только Черные Клобуки: ибо (какъ мы уже замѣтили) симъ именемъ означались тѣ же народы.

(309) Всѣ описанныя подробности взяты изъ *Кіев. Лѣт.*

(310) Въ 550 г. въ Абазѣ уже были Христіанскія церкви: см. Mem. Pop. IV, 181. *Абазинская* Епархія зависѣла отъ Патріарха Антіохійскаго (Кодина Notit. Graec. Episcop. 364). — Мстиславъ въ 1153 г. ѣздилъ на встрѣчу къ невѣстѣ отца своего.

(311) *Новог. Лѣт.* 28. — Ярославъ, по мнѣнію Кн. Щербатова, могъ быть изгнанъ за то, что около сего времени Новогородскіе корабли были остановлены Государемъ Датскимъ, Свенономъ III, въ Шлезвигѣ, какъ разсказываетъ ла-Рошъ въ своей Исторіи!

Въ нашихъ лѣтописяхъ причина объяснена: Ростислава призывали для возстановленія внутренняго порядка; слѣдственно сего порядка не было при Ярославѣ: за то и выгнали его. — Упомянувъ о Свенонѣ Датскомъ, скажемъ, что врагъ его, Канутъ V, имъ побѣжденный, искалъ убѣжища въ Россіи — вѣроятно, въ Новѣгородѣ — но скоро уѣхалъ оттуда въ Саксонію (Маллет. Hist. de Dan. III, 259). — Шведскіе Историки пишутъ, что Король ихъ Эрикъ около сего времени женился на Христинѣ, Датской Принцессѣ, вдовѣ Князя Россійскаго, внука Мономахова и сына Гаральдова или Мстиславова (см. выше, прим. 211): не Святополкъ ли Мстиславичь, умершій въ 1154 г., былъ первымъ супругомъ ея? Можетъ быть, первая супруга его, Богемская Княжна, скончалась, и Святополкъ женился на Христинѣ. Далинъ называетъ ея мужа Ярославомъ (G. des R. Schw. II, 82). Святополкъ преставился у Корецка на пути къ брату Изяславу.

(312) См. *Воскресен.* II, 20.

(313) См. *Кіев. Лѣт.* Рогволодъ сдѣлался Полоцкимъ Княземъ по смерти Василька.

Маловажныя происшествія Изяславова княженія суть слѣдующія: Въ 1148 умеръ (*Никонов.*) въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ Кн. Иванъ Ольговичь (?). — Въ 1151 скончалась супруга Вел. Кн. Изяслава. — Въ 1153 (*Никон.*) Кн. Рязанскій, Ростиславъ Ярославичь, основалъ на Окѣ городъ Ростиславль. — Въ 1154 умерла въ Суздалѣ супруга Кн. Глѣба Георгіевича.

(314) Новогородцы выгнали Давида прежде кончины Вячеслава и похода Ростиславова къ Чернигову (*Новог. Лѣт.* 29, 30). Мстиславъ Георгіевичь, по волѣ отца, женился тогда въ Новѣгородѣ на дочери Петра Михалковича (см. *Кіевск. Лѣт.*)

(315) См. *Кіев. Лѣт.*

(316) Сіи мѣста назывались вообще *Поросьемъ*. — О раздѣлѣ между Святославами, Ольговичемъ и Всеволодовичемъ, говоритъ *Кіев. Лѣт.*

(317) «Съ Жирославомъ» (Воеводою) «и съ *Вячесла-*

«*вли* внуки,» сыновьями Михалка Вячеславича или неизвѣстной намъ сестры его; послѣднее вѣроятнѣе. Князь Владимiръ названъ ниже *Мачещичь* — т. е. сыномъ мачихи отца Мстиславова.

(318) «*Володимеръ* и Ярославъ придоста.» Сей Владимiръ былъ *Мстиславичь* (а не *Изяславичь*) и союзникъ Георгiевъ: ибо онъ вмѣстѣ съ Галицкимъ, какъ мы выше сказали, осаждалъ племянника въ Луцкѣ.

(319) Городъ Корческъ находился въ землѣ Дреговичей, въ окрестностяхъ Припети. Георгiй съѣзжался съ Давидовичемъ и съ Святославомъ въ Лутавѣ. — О союзѣ Рязанскихъ Князей съ Смоленскимъ говоритъ *Кiев. Лѣт.*

(320) См. *Новогород.* 30.

(321) Мать Владимiрова ѣздила въ Венгрiю въ 1155 г. (см. *Кiев. Лѣт.*).

(322) Андрей, сынъ Мономаховъ, управлялъ Владимiромъ (выше, стр. 154). Червенъ принадлежалъ тогда къ области Владимiрской.

(323) Святослава и Давида. — Новогородцы выгнали Георгiева сына еще прежде кончины его отца (*Новог. Лѣт.* 31).

(324) Въ 1156 году.

(325) Онъ назвалъ рѣку въ Переславлѣ Трубежемъ, въ Владимiрѣ Лыбедью. Говорятъ, что супруга Георгiева обступилась на берегу рѣки близъ Дмитрова, сказала: *я хрома*, и сими словами дала ей имя Яхромы.

(326) См. *Кiев. Лѣт.*

(327) О проклятiи см. *Воскр. Лѣт.* II, 50.

(328) См. тамъ же, II, 38. — Нифонтъ скончался въ 1156 г., Апрѣля 21 (такъ въ *Новог.*, а въ другихъ 15 и 18), и погребенъ въ пещерѣ Ѳеодосiевой. О дружбѣ его съ Святославомъ см. *Кiев. Лѣт.* — Въ харатейной Кормчей Книгѣ или *Древнихъ Софiйскихъ правилахъ* (Син. библ. No 82) нашелъ я сочиненiе подъ именемъ: *Впрашанiе Кириково, еже впраша Епископа Ноугородьского Нифонта и инѣхъ.* Слѣ-

дуютъ отвѣты на вопросы о грѣхахъ важныхъ и маловажныхъ. Вотъ мѣста любопытнѣйшія: — «А «еже се, рѣхъ, идуть въ сторону» (въ чужую землю) «въ Іерусалимъ къ Святымъ, а другымъ азъ бо«роню (возбраняю), не велю ити: сдѣ велю доброму «ему быти.» Нифонтъ похвалилъ за то Кирика, осуждая жизнь бродягъ. — «Зашедшю солнцю, не до«стоить мертвеца хоронити. Не рци тако: *борзо* «*дѣлаемъ, нѣли како успѣемъ до захода*» (спѣшимъ похоронить до заката солнечнаго); «но тако по«грести, яко и еще высоко» (чтобы солнце было «еще высоко) «како и вѣнець еще не сыметься съ «него» (чтобъ было еще лучезарно). «То бо послѣд«нее видить солнце до общаго Воскресенія.» Какъ прекрасно сказано! — «Оже кости мертвы валяються «гдѣ, то велика человѣку тому мьзда, оже погре«буть ихъ.» — А еже человѣкъ будеть въ опитемьи, «а пойдеть на великый путь, молитва раздрѣшьная «(молитву разрѣшительную) дати ему, по ать држить «заповѣдь. *Аще ли на рать пойдеть*, или разболить«ся, то дати причащеніе.»

(329) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 31.

Маловажные случаи Георгіева княженія суть слѣдующіе: въ 1156 поставленъ Епископъ Переяславскій Василецъ (Василій) и Галицкій Козма. Суздал. Епископъ Несторъ пріѣхалъ въ Кіевъ и лишенъ Епископіи, будто бы оклеветанный домашними, какъ сказываетъ *Ник. Лѣт.*

(330) См. *Воскр. Лѣт.* II, 26.

(331) См. Синод. библ. № 349, л. 224. — Сія чудотворная икона находится нынѣ въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ, и называется Владимірскою. Объ ней сказано въ харатейныхъ лѣтописяхъ: «юже «принесоша въ *единомъ корабли съ Пирогощею* изъ «Царяграда.» *Пирогощею* назывался образъ Богоматери, привезенный въ Россію вмѣстѣ съ иконою Владимірскою. Еще Мстиславъ, въ 1131 г., заложилъ въ Кіевѣ церковь Св. Богородицы *Пирогощую*, какъ сказано въ лѣтописяхъ (выше, пр. 225).

(332) Сынъ Варяж. Князя, Симона, именемъ Георгій, былъ тамъ Посадникомъ (*Патерикъ*).

(333) Борисъ Георгіевичь умеръ въ 1159 г., Маія 12. — Предѣдъ Юрія Ярославича, В. Кн. Изяславъ, былъ старшій сынъ Ярослава Владиміровича.

(334) См. *Кіев. Лѣт.* — Глѣбъ Ростиславичь былъ внукъ Глѣбовъ и правнукъ Всеславовъ. — Не давно (см. *Сѣвер. Почту* г. 1818, No 89), въ 19 верстахъ отъ Орши, нашли большой камень съ изображеніемъ креста и съ надписью: *Въ лѣто* 6679 (1171) *Маія въ 7 день доспѣнъ* (сдѣланъ, совершенъ, въ старинномъ смыслѣ глагола *доспѣть*) *крестъ сій: Господи! помози рабу своему Василію въ крещеніи, именемъ Рогволоду, сыну Борисову*. Вѣроятно, что говорится о *Князѣ Полоцкомъ* Рогволодѣ, который могъ имѣть Христіанское имя Василія. 7 Мая празднуется *Знаменіе Креста*.

(335) *Кіев. Лѣт.* — Города Мозырь и Чечерскъ были въ землѣ Дреговичей (нынѣ въ Губерн. Могилевской и Минской).

(336) См. *Кіев. Лѣт.* — Имя *псарей* употреблено здѣсь въ смыслѣ черни, или сволочи. Святославъ въ числѣ семи бѣдныхъ городовъ своихъ именуетъ Моравійскъ (Моровскъ), Любечь, *Оргище*, Всеволожь.

(337) Въ 1158 скончалась Софія Ярославовна, супруга Ростислава Глѣбовича (Полоцкаго или Кривскаго). Епископъ Аркадій ходилъ ставиться въ Кіевъ и возвратился въ Новгородъ Сент. 13. Поставленъ Леонъ (у Татищ. *Игуменъ Владычня монастыря*) Епископомъ въ Ростовъ.

(338) Ростиславъ еще въ 1158 г., возвратясь съ Княгинею своею изъ Новагорода въ Смоленскъ, оставилъ дѣтей въ означенныхъ городахъ (*Нов. Лѣт.* 32).

(339) См. выше, примѣч. 252. Вѣроятно, что въ Бѣлградѣ жили тогда Печенѣги и Волохи (о коихъ Византійскіе Лѣтописцы упоминаютъ въ 1160 г.: Мет. Рор. II, 901; см. также нашей *Ист.* Т. 1, пр. 64) вмѣстѣ съ Россійскими выходцами.

(340) См. выше, прим. 135. Половцы злодѣйствовали въ окрестностяхъ Носова и рѣки Альты, плѣнили 23 Іюля болѣе 800 человѣкъ, грабили близъ Копыльницы (въ Кіевск. Губ. западнѣе Василькова) и взяли Шеломницу, село Княгини, супруги Мстислава Великаго. Владиміръ Андреевичь (внукъ Мономаховъ, а не Георгіевъ), Ярославъ Изяславичь, братъ Мстислава Волынскаго, и Галичане разбили ихъ между Ярополчемъ и Мунаревымъ (на западной сторонѣ Днѣпра), а Берендѣи въ *Облазнѣ* (мѣстѣ неизвѣстномъ).

(341) Сей древній городъ есть нынѣ село *Вщижъ*, въ Орлов. Губ., на берегу Десны, въ 40 верст. отъ Брянска, въ 90 верст. отъ Стародуба и принадлежитъ Мих. Никол. Зиновьеву, который по своей благосклонности писалъ ко мнѣ слѣдующее: «Въ «здѣшней сторонѣ есть преданіе, что село Вщижъ, «пожалованное Государями Іоанномъ и Петромъ «Алексѣевичами и Царевною Софіею моему предку, «было городомъ особеннаго Удѣльнаго Княженія. «Еще донынѣ въ окрестности видны слѣды земляс«ныхъ укрѣпленій и находятся большіе гранитные «кресты, весьма не худо выдѣланные. Никто не «знаетъ, когда и кѣмъ сіи кресты поставлены. «Должно замѣтить, что въ нашихъ мѣстахъ со«всѣмъ нѣтъ гранита. На поляхъ много кургановъ; «одинъ изъ нихъ въ самомъ селѣ, и наполненъ ста«ринными кирпичами: сказываютъ, что тутъ «была церковь. Выкапываютъ также не мало мѣд«ныхъ крестовъ, иконъ, желѣзной конской збруи,» и проч.

(342) См. *Лѣт. Новогород.*

(343) См. *Кіев. Лѣт.* – Вел. Князь поссорился съ Мстиславомъ въ 1161 г., а примирился въ 1163, и вмѣсто Триполя (см. ниже) отдалъ ему Каневъ.

(344) Въ *Кіев. Лѣт.* – Ростиславъ заключилъ миръ съ Юріемъ въ 1162 году. – Вел. Князь отдалъ Роману Васильевъ и Красный въ 1165 г. Сей Романъ,

правнукъ Мономаховъ, былъ, какъ вѣроятно, сынъ Вячеславовой дочери (выше, пр. 311).

(345) *Библіот. Рос.* 255. — Андрей выгналъ братьевъ въ 1162 г.

Вѣроятно, что вторая Георгіева супруга была *Гречанка*, ибо она уѣхала въ Царьградъ; но Историки наши безъ всякаго основанія именуютъ ее Греческою *Царевною Еленою*. Родословная Византійскаго Императ. Дому не представляетъ намъ ни одной Царевны Елены, на которой могъ бы жениться Георгій (Дю-Канжа Famil. August. Byzant.). Княгиня же Елена, умершая въ Владимірѣ въ 1183 г., была не супруга, а дочь Георгія Долгорукаго, сестра Андреева, вопреки *Никон. Лѣтописцу*.

Въ лѣтописи: «дасть Царь Василькови Дунайскіе «4 города, а Мстиславу дасть волость отъ Аскалана.» Въ Визант. лѣтописяхъ названъ первый *Василикою*, *Георгіевымъ сыномъ* (М. рор. II, 1021, гдѣ упомянутъ еще другой Князь Россійскій Bladisthlabos, имѣвшій въ Греціи послѣ Василька тотъ же Удѣлъ). Мстиславъ, по харатейнымъ лѣтописямъ, въ 1166 г. удалился въ Заволочье. Императоръ Греческій не могъ сему Князю дать Аскалонской области, ибо она принадлежала тогда Королямъ Іерусалимскимъ.

(346) *Кіев. Лѣт.* сказываетъ, что Святославъ преставился въ 6672 г. *Февр.* 15 въ Понедѣльникъ (т. е. уже въ 1165 г.), а погребенъ 17. — Первая супруга Олегова, дочь Георгія Долгорукаго, умерла въ 1165 г. Олегъ въ томъ же году, Іюня 29, женился на дочери Ростислава, Агаѳіи.

(347) Съ Андреемъ былъ его братъ Ярославъ и сынъ Изяславъ. — Въ *Прологѣ* и въ *Степ. Кн.* сказано, что праздникъ Спаса, Авг. 1, уставленъ Патріархомъ Лукою, Росс. Митрополитомъ Константиномъ и Ростов. Епископомъ Несторомъ, по случаю одержанныхъ побѣдъ въ одинъ день Императоромъ Мануиломъ надъ Сарацынами, а нашимъ Княземъ Андреемъ надъ Болгарами. Андрей разбилъ Болга-

ровъ въ 1164 г., а Митроп. Константинъ скончался въ 1159.

(348) См. *Больш. Черт.* стр. 273. *Вороная*, какъ тамъ означено, впадаетъ въ Ладожское озеро между рѣками Пашею и Сасемъ: нынѣ Сальма. — Новогородцы разбили Шведовъ въ 1164 г., Маія 28. — Шведскій Король Эрикъ завоевалъ Финляндію въ 1157 г. и старался неволею обратить жителей въ Христіанскую Вѣру (Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 84).

(349) Къ Каневу приходили тогда Мстиславъ изъ Владиміра, братъ его Ярославъ изъ Луцка, а другой братъ Ярополкъ изъ Бужска; также Владиміръ Мстиславичь, Владиміръ Андреевичь (тотъ и другой внукъ Мономаховъ), Ярославъ Всеволодовичь (братъ Черниговскаго Князя), Глѣбъ Юрьевичь (Переяславскій, сынъ Долгорукаго), Глѣбъ Городненскій (Всеволодковичь, внукъ Мономаховъ) и Иванъ Юрьевичь (сынъ Юрія Туровскаго, внука Святополкова), Рюрикъ, сынъ Вел. Князя, съ братомъ Давидомъ и Галичане. — Сіе собраніе Князей было по *Воскр. Лѣт.* въ 1167 г., а по *Кіев.* даже въ 1168; но Ростиславъ, по харатейнымъ и *Новог. Лѣт.*, умеръ въ началѣ 1167 года.

(350) *Новогор. Лѣт.* — Ростиславъ скончался въ Зарубинѣ, селѣ Рогнѣдиномъ. Тѣло Ростислава *Михаила* погребено въ Кіев. монастырѣ Св. Ѳеодора, Марта 21.

(351) См. *Кіев.* и *Воскр. Лѣт.* II, 70, 71.

(352) Mem. pop. II, 1019 — 1023. Прай сомнѣвается, чтобы Стефанъ былъ женатъ на дочери Галицкаго Князя (Annal. Reg. Hung. кн. III, 157); но Греческій Лѣтописецъ называетъ Стефана Ярославовымъ зятемъ. Андроникъ, по нашимъ лѣтописямъ, пріѣхалъ къ Ярославу Галицкому въ 1165 г., и въ томъ же году возвратился въ Царьградъ: см. *Воскр.* II, 67. Греческій Историкъ пишетъ, что Андроникъ билъ *зумпровъ*, звѣрей, которыхъ много въ Россіи, и которые величиною болѣе медвѣдя и леопарда. *Зубремъ* назывался у Славянъ дикій быкъ,

буйволъ: см. *Второзакон.* 14, 5. — Андроникъ замученъ въ 1182 г. Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что онъ надѣялся на Россіянъ болѣе, нежели на Грековъ, и думая на Царской галерѣ уѣхать въ Россію, надѣлъ *варварскую* шапку съ острымъ верхомъ.

(353) См. *Кіев. Лѣт.* и рукоп. *Каталогъ Епископовъ.* Епископъ Илія, или Іоаннъ, былъ поставленъ Марта 28, 1165 г., въ Вербное Воскресенье. — Іоаннъ, такимъ образомъ первый Архіепископъ Новогородскій, включенъ нашею Церковію въ ликъ Святыхъ. Онъ былъ прежде Священникомъ въ Новѣгородѣ у Св. Власія, на Волосовой или Велесовой улицѣ, и назывался до монашества Иліею. Чудеса его описаны въ Прологѣ, Сент. 7. Тамъ сказано, что Новогородцы, повѣривъ клеветѣ на цѣломудріе Іоанна, вывели сего мужа добродѣтельнаго изъ дому Архіерейскаго и пустили на плоту внизъ по Волхову; но что плотъ, къ изумленію гражданъ, уже исполненныхъ раскаянія, пошелъ вверхъ, и Святитель возвратился съ честію въ Новгородъ, приставъ къ берегу у монастыря Юрьевскаго. — Сей Новогородскій Святитель, вмѣстѣ съ Бѣлогородскимъ, написалъ уставъ о причащеніи: любопытные могутъ найти его въ рукописныхъ Кормчихъ книгахъ; онъ состоитъ въ двадцати или тридцати строкахъ.

(354) См. *Каталогъ Епископовъ.* Сіе посланіе Іоанново напечатано въ Герберштт. Rerum. Mosc. Com. стр. 22. Имѣемъ его также рукописное на Греческомъ и Славянскомъ языкѣ, въ Синод. библіотекѣ между Греческими манускриптами по Маттееву раздѣленію No CCCLIII, а Славянское или Русское No 164, въ книгѣ названной *Посланіемъ Россійскихъ Митрополитовъ.* Обѣ рукописи XV вѣка: въ заглавіи той и другой названъ Папа *Климентомъ*; но онъ былъ Папою уже гораздо послѣ Іоанна Митрополита, который преставился въ 1166 году. — Авторъ книги *Пращицы* увѣряетъ насъ, что въ княженіе Ростислава, въ 1157 г., былъ въ Кіевѣ церковный Соборъ, осудившій Еретика Мартина Армянина, ко-

торый называлъ себя сродникомъ Царегр. Патріарха Луки, училъ поститься въ каждую Субботу (кромѣ Великой), изображать крестъ двумя перстами, служить на семи просфорахъ и на одномъ винѣ, говорить дважды *Аллилуіа*, въ церкви обращаться лицемъ на Западъ, креститься съ лѣваго плеча, и проч.

Маловажныя происшествія княженія Ростиславова, о коихъ не упоминаемъ въ Исторіи, суть слѣдующія: Въ 1161 скончался Рязан. Кн. Владиміръ Святославичь, внукъ Ярославовъ. — Въ 1163 Вел. Князь женилъ сына своего, Рюрика, на дочери Хана Половецкаго, Белгука. Скончался Епископъ Новогородскій Аркадій Сент. 19, и погребенъ въ притворѣ Св. Софіи. — Въ 1165 скончался Кн. Изяславъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, и погребенъ у церкви Св. Богородицы въ Владимірѣ на Клязмѣ Окт. 28. — Въ 1166 Ярополкъ Изяславичь женился на дочери Святослава Ольговича; преставилась супруга сего Святослава, именемъ Марія, и братъ Андрея Боголюбскаго, Ярославъ Юрьевичь. Родился Олегу Святославичу сынъ Борисъ или Святославъ. Сынъ Галицкаго Князя, Владиміръ, женился на дочери Святослава Всеволодовича, Болеславѣ, а Всеволодъ, сынъ Ярослава Изяславича, на Малфридѣ, дочери Юрья Ярославича Туровскаго, внука Святополкова (*Кіев. Лѣт.*). — Умерла дочь Андреева, бывшая за Олегомъ, сыномъ Святослава Всеволодовича (*Кіев. Лѣт.*). — Татищевъ прибавляетъ, что Андрей Боголюбскій въ 1159 г. построилъ Волокъ Ламскій; но сей городъ существовалъ уже въ 1135 г. (*Воскр. Лѣт.* I, 271).

(555) Мстиславъ взялъ у Ярослава 5 Галицкихъ полковъ. Съ нимъ находился также Кн. Мстиславъ Всеволодковичь (о Всеволодкѣ см. выше, примѣч. 219.) «Посла ко Всеволодковичема:» то есть ко двумъ, Мстиславу и Глѣбу; брата ихъ, Бориса, уже не было въ живыхъ. — Союзники встрѣтили Мстислава близъ *Микульска* (въ Галиціи). Тутъ же пришли къ

Вел. Князю и Черные Клобуки, дать ему клятву вѣрности.

(356) Романъ и братъ его Мстиславъ Ростиславичь. — Новогородцы «налѣзоша собѣ путь на Вяцька «и на Володаря:» то есть, проѣхали чрезъ область сихъ двухъ Князей Кривскихъ. Вячко есть сокращенное имя. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Русѣ, отъ коего отступилъ Святославъ. О смерти сего Князя въ 1169 или 1170 г. сказано въ *Кіев. Лѣт.*

(357) Съ Черниговскимъ и Сѣверскимъ были въ Кіевѣ и братья ихъ: съ первымъ Ярославъ Всеволодовичь, а со вторымъ Всеволодъ Святославичь. Давидъ за болѣзнію не могъ итти, но отправилъ свой полкъ съ братомъ Рюрикомъ. — Мстиславъ Всеволодковичь (выше, примѣч. 355) пришелъ изъ Городна, Ярославъ Изяславичь изъ Луцка, Святополкъ Юрьевичь, правнукъ Михаила-Святополка, изъ Турова.

(358) Братъ Вел. Князя, Ярополкъ, во время сего похода умеръ, и схороненъ въ Кіевской церкви Св. Ѳеодора.

(359) Глѣбъ Переяславскій угостилъ Мстислава обѣдомъ и дарами.

(360) Имена Князей: Глѣбъ Переяславскій, Романъ Смоленскій, Давидъ Вышегородскій, Рюрикъ Овручскій, Мстиславъ (четвертый сынъ умершаго В. Кн Ростислава Мстиславича), Владиміръ Андреевичь Дорогобужскій, Дмитрій или Всеволодъ Юрьевичь (братъ Андреевъ), Мстиславъ (его племянникъ), Олегъ Святославичь Сѣверскій и братъ его Игорь.

(361) Въ *Воскресен.* и *Кіев.* сказано, что Кіевъ взятъ Марта 8, 1170 г. *въ Среду второй недѣли поста;* но въ семъ году 8 Марта приходилось въ Воскресенье, а Мясопустъ начался Февраля 8. Въ харатейныхъ и древней Новогор. лѣтописи означенъ, по нынѣшнему лѣтосчисленію съ Генваря, 1169 г., въ которомъ Середа второй недѣли Вел. поста была 12 Марта. — Никто дотолѣ не бралъ Кіева приступомъ: Изяславъ Давидовичь взялъ одинъ Подолъ. —

Берендѣи и Торки зажгли тогда Печерскій монастырь.

(362) Такъ въ харатейныхъ, *Кіев.*, *Воскр.* и другихъ. — Послѣдствіе ясно доказываетъ, что Кіевъ съ того времени зависѣлъ отъ Андрея. Въ краткой лѣтописи XIII вѣка, внесенной въ харатейную Кормч. Книгу (Синод. библ. No 82) сказано: «нача быти «Кіевское Княженіе въ воли его» (Андреевой).

*Конецъ Примѣчаній II Тома.*

# ОГЛАВЛЕНІЕ

## II ТОМА.

### *ГЛАВА I.*

### В. К. СВЯТОПОЛКЪ.

Стран.

Святополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Жестокость Ярославова. Великодушіе Новогородцевъ. Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Война съ Болеславомъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева. Вторичное великодушіе Новогородцевъ. Избіеніе Поляковъ. Болеславъ оставляетъ Россію. Черная рѣка. Битва на Альтѣ. Бѣгство и смерть Святополка . . . . . . . . . . . . . . . . 1.

Г. 1015 – 1019.

### *ГЛАВА II.*

### В. К. ЯРОСЛАВЪ.

Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козарской Державы. Голодъ въ Суздалѣ. Битва у Листвена. Миръ. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Печенѣгами. Каменныя стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строеніе монасты-

Стран.

рей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямью. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачные союзы. Митрополитъ Россіянинъ. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Князя. Крещеніе костей. Первое народное училище. Кіевъ вторый Царьградъ. Монета Ярославова. Демественное пѣніе. Россія убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы . . . . . . . . . . 15.

Г. 1019 — 1054

---

*ГЛАВА III.*

ПРАВДА РУССКАЯ.

Законы уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира. Гражданскія степени. Дикая Вира. Потокъ. Пеня за удары. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе собственности. Воровство. Оцѣнка вещей. Бортные знаки и межевые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Сводъ. Кража людей. Бѣглые. Кабала. Долги. Торговля рабовъ. Сохраненіе пожитковъ. Росты. Улики, оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право наслѣдственное. Судіи. Присяжные. Общій характеръ законовъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ церковный . 92.

---

*ГЛАВА IV.*

В. К. ИЗЯСЛАВЪ.

Удѣлы. Побѣда надъ Голядами и Торками. Половцы. Ужасныя чудеса. Освобожденіе

Стран.

Судислава. Междоусобія. Пораженіе Россіянъ на берегахъ Альты. Мятежъ въ Кіевѣ. Бѣгство В. К. Разбитіе Половцевъ. Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію. Изяславъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новая Капуя. Война съ Полоцкимъ Княземъ. Пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Новое бѣгство В. К. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора. Посольство Генрика IV въ Кіевъ. Письмо Папы къ Изяславу. Россіяне въ Силезіи. Возвращеніе Изяслава. Междоусобія. Смерть В. К. Свойства его. Уничтоженіе смертной казни. Монастырь Кіевопечерскій. Россіяне служатъ въ Греціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. Переписка съ Патріархомъ. Пророки и волшебники. 64.
Г. 1054 — 1077.

---

## ГЛАВА V.

## В. К. ВСЕВОЛОДЪ.

Междоусобія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономаха. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засухи и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость В. К. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннъ. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ. 92.
Г. 1078 — 1093.

---

Стран:

## ГЛАВА VI.

## В. К. СВЯТОПОЛКЪ-МИХАИЛЪ.

Великодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіянъ. Междоусобія. Гордость Олегова. Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Краснорѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Олегово. Великодушіе Мстислава. Съѣздъ Князей. Вѣроломство Давида и Святополка. Ослѣпленіе Василька. Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Месть Ростиславичей. Корыстолюбіе Поляковъ. Новое вѣроломство Святополка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе Венгровъ. Междоусобія. Новый съѣздъ Князей. Усмиреніе Давида. Строптивость Новогородцевъ. Совѣтъ Князей. Счастливая война съ Половцами. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими. Бѣдствіе Россіянъ въ Семигаліи. Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитый. Имя Тмуторокани исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кончина Святополкова. Евреи въ Кіевѣ. Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ. Путешествіе Даніила. Россіяне въ Іерусалимѣ. Конецъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Янь . . . . 102.

Г. 1093 – 1112.

Стран.

## ГЛАВА VII.

### В. К. ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ усмиряетъ мятежъ. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Законъ о ростахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, па Дону. Черные Клобуки. Бѣловежцы. Дѣла съ Греками. Мономахова шапка. Царевичь Леонъ. Усмиреніе Минскаго Князя и Новогородцевъ. Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. Плѣнъ Володаря. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кончина Мономахова. Свойства его. Поученіе. Основаніе Владиміра Залѣсскаго. Гида, супруга Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митрополита Никифора. 145.

Г. 1113 — 1125.

---

## ГЛАВА VIII.

### В. К. МСТИСЛАВЪ.

Набѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за Волгу. Междоусобіе въ югозападной Россіи. Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война съ Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голодъ. Древнѣйшая грамота . . . . . . . . . . 168.

Г. 1125 — 1132.

---

Стран.

## ГЛАВА IX.

### В. К. ЯРОПОЛКЪ.

Неустройства. Дань Печорская. Завоеваніе Дерпта. Битва на Ждановой горѣ. Кровопролитіе въ южной Россіи. Изгнаніе Князя изъ Новагорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Псковъ отдѣлился отъ Новагорода. Уставъ о церковной дани. Новогородцы опять изгоняютъ Князя. Междоусобіе въ южной Россіи. Миръ и кончина В. К. Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борисъ воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станѣ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ . . . . . . . . . . . . . 176.

Г. 1132 — 1139.

---

## ГЛАВА X.

### В. К. ВСЕВОЛОДЪ ОЛЬГОВИЧЬ.

Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава. Междоусобія. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразуміе. Равнодушіе Новогородцевъ къ Княжеской чести. Безпокойства въ Новѣгородѣ. Смерть Андрея Добраго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россіяне въ Польшѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новогородцевъ. Браки. Походъ на Галичь. Іоаннъ Берладникъ. Всеволодъ избираетъ наслѣдника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Воеводы Звенигородскаго. Кончина Всеволода . . 189.

Г. 1139 — 1146.

---

Стран.

*Г Л А В А XI.*

В. К. ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЪ.

Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. Предательство. Игорь взятъ въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ . . . . . . . . . 203.

*Г Л А В А XII.*

В. К. ИЗЯСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ.

Строгость В. К. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгій возстаетъ на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схимникъ. Чувствительность Святослава. Начало Москвы. Бродники. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междоусобная. Рѣчь Изяслава. Опустошеніе земли Суздальской. Несправедливость В. К. Битва у Переяславля. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятникъ коню. Миръ. Коварство Георгія. Новая вражда, Добродушіе Изяслава и Вячеслава. Побѣда Владиміркова. Бодрость и добросердечіе Андрея. Хитрость Владимірка. Твердость Изяслава. Воинская хитрость. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Ристаніе въ Кіевѣ. Справедливость В. К. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Кіева. Миролюбіе Вяче-

Стран.

слава. Пылкость Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Кіевлянъ. Битва. Изяславъ раненъ. Бѣгство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Изяслава и побѣда. Притворство Владимірка. Простодушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Россіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Андрея. Насмѣшка Владиміркова. Печальная одежда. Смерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительная побѣда. Бракъ Изяславовъ. Дѣла Новогородскія. Кончина Изяслава. Характеръ его. Своевольство Полочанъ. 208.

Г. 1146 — 1154.

*ГЛАВА XIII.*

В. К. РОСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЬ.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство Новогородцевъ. Кіевляне поддаются Изяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ . . . . . . . . . 267.

Г. 1154 — 1155.

*ГЛАВА XIV.*

В. К. ГЕОРГІЙ или ЮРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи бьютъ Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ Новѣгородѣ. Со-

Стран.

юзъ противъ Георгія. Смерть его и свойства. Ненависть къ нему. Дѣла церковныя . . . . . . . . . . . . . . . . 271.

Г. 1155 — 1157

---

## ГЛАВА XV.

## ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ. КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКІЙ.

Паденіе Великаго Княженія Кіевскаго. Новое сильное Княженіе Владимірское. Происшествія въ западной Россіи. Мятежный духъ Полочанъ. Раздоръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава. Неблагодарность Изяславова. Бѣгство Великаго Князя. Странное завѣщаніе Митрополита. Моръ въ Новѣгородѣ . . . . . . . . . . 279.

Г. 1157 — 1159.

---

## ГЛАВА XVI.

## В. К. РОСТИСЛАВЪ ВЪ КІЕВѢ. АНДРЕЙ ВЪ ВЛАДИМІРѢ.

Злоба Изяславова. Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Берладъ. Впаденіе Половцевъ. Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изяслава. Берладникъ отравленъ ядомъ. Ссора и миръ В. К. со Мстиславомъ. Удѣлы. Набѣгъ Ляховъ. Единовластіе Андрея. Изгнаніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Свя-

Стран.

тослава: ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокойства въ землѣ Полоцкой. Война съ Болгарами. Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Половцевъ. Кончина В. К. Его свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя . . . . . . . . . 289.

Г. 1159 — 1167.

---

## ГЛАВА XVII.

## В. К. МСТИСЛАВЪ ВЪ КІЕВѢ. АНДРЕЙ ВЪ ВЛАДИМІРѢ.

Вѣроломство Владиміра. Изгнаніе Святослава изъ Новагорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мстислава. Клевета Бояръ. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятіе и паденіе Кіева . . . . . . . . . . 309.

Г. 1167 — 1169.

H. HUTMACHER
PAPIERHANDLUNG
BUCHBINDEREI
MÜNCHEN

H. HUTMACHER
PAPIERHANDLUN
BUCHBINDEREI
MÜNCHEN

H. HUTMACHER
PAPIERHANDLUNG
BUCHBINDEREI
MÜNCHEN

Schürzen!
Façon mit geradem Gurt Stück 50 Pf. Wirt.

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Istorija gosudarstva rossijskago

Bd.: 2

Sanktpeterburg' (1833)

Russ. 75 i-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10782847-1